ВЛАДИМИР САЛАМАХА

Чти веру свою...[1]

Повесть

10

В ту тревожную ночь, когда исчез Иосиф, никто из гуднянцев не заснул. И утро тоже особого облегчения людям не принесло. Вроде все хорошо, Катерина родила мальчика, выбилась из сил, тихо лежит на чердаке, а ребеночек, говорила Надежда, пососав грудь, посапывает возле матери.

Тревога охватила всех, когда у Катерины начались схватки. А потом ужас, когда неожиданный паводок затопил все окрест, исчезли под водой землянки.

Еще хуже стало после того, как Иосиф, приплыв сюда, оставив им лодку с провиантом, с зерном да иконой, завернутой в ручник, исчез... А когда хату его охватило пламя, люди ничего не предприняли, чтобы погасить его.

Конечно, можно упрекнуть себя: почему даже не пытались поплыть туда?

Ну, поплыли бы на Иосифовой лодке, и что, потушили бы?.. Пламя занялось изнутри. Это они видели. Оно быстро разметалось по всей хате, через минуту вспыхнуло так, будто внутри дома что-то взорвалось: гонтовую крышу вмиг снесло. На воду долго сыпались искры. Попробуй подплыви...

Сначала думали, что Иосиф сам сгоряча поджег ее. Облил стены бензином или керосином, зажег где в уголке огонек, чтобы, пока разгорится, отплыть подальше: иначе почему все так быстро произошло? Кто-то даже произнес это вслух, то ли Михей, то ли Николай, как догадку. Но Ефим сразу же прикрикнул на него, дескать, такого не может быть! Он же еще не сошел с ума.

— Ты это брось! — говорил Ефим. — Какой ни есть, но не фашист, чтобы дом поджечь! Я с молодости его знаю! Мы с ним столько изб поставили!.. Да, судьбой обделен был, но никогда не вредничал. А что в войну произошло, так это...

Не договорил, будто обмяк, застонал от бессилия что-то изменить и вдруг подхватился, заметался по островку, как загнанный в клетку, простонал: «Иосиф...»

Михей с Николаем, словно опомнившись, начали звать: «Иосиф! Иосиф!» Ни звука в ответ, поздно спохватились, час прошел, а то и больше. Может, его уже и в живых нет?..

— Что же я сделал! — стонал Ефим.

— Может быть, сошел куда? — предположил Николай. — Может, смотрит сейчас издали, как догорает его дом, да волосы на себе рвет.

— Да куда ты отсюда уйдешь? Вода везде — дна не достанешь. Затянуло под какой куст и — нет человека.

— А мы что? — встрял в разговор Михей. — Наша в чем вина? Своего горя невпроворот, так здесь еще он. Кто его звал?

---

[1] Окончание. Начало в № 2 за 2015 г.

— Звал не звал, но человек к нам приплыл, а мы его...

— Ну, тогда не только ты, дядь Ефим, виноват, — сказал Михей, — и мы с Николаем — не в стороне. Крикнули, чтобы дверь затворял, выходит, тебя подталкивали, чтобы гнал его прочь. А прочь-то — куда?..

— А вы здесь при чем?! — возмутился Ефим. — Молоды еще на себя ответ за меня брать! Видишь, попросили дверь затворить! В чем крамола? Вы же боялись, что ребятишки простудятся, и роженицу не хотели тревожить. Откуда вам в сарае было знать, что по эту сторону двери делается?.. Если и есть грех, так мой!

С Ефимом не спорили. Не потому, что соглашались с ним, не хотели, чтобы и без того непростая ситуация, в которой он чувствует себя виноватым, еще более усложнялась: виновны все! Сразу и не понимали, почему он берет на себя их общий грех. Думали, может, зря он так убивается, может, Кучинский жив-здоров, сидит сейчас под каким кустом, слышит, как его зовут, да потешается: «Зовите, кричите, а я помолчу...»

— Дядь Иосиф! — вновь закричал Николай, сложив руки рупором. — Дядь Иосиф! Отзовись!..

Покричал, покричал и смолк, ответа нет. Вздрогнул — глухое эхо словно плетью хлестнуло по лицу... Вздрогнули и Ефим с Михеем.

Тем временем из сарая вышла Надя, спросила:

— А где это дядь Иосиф? Шел бы погреться, ночь холодная. Орете-то чего?

— Нет его здесь, поэтому и орем, — ответил Ефим. — Может быть... — он еще что-то хотел сказать, но смолк, так и не договорив.

Надя покачала головой, вернулась в сарай, где спали ее дети.

— Дядь Ефим, — сказал Михей, — ты огонь разожги, а мы с Николаем кусты осмотрим.

Ефим молча пошел к печи, положил дрова, начал разжигать, не подумав, что огонь, чтобы его со всех сторон было видно, лучше разложить на земле, на самом верху. Видно, все еще надеялся, что Иосиф где-то поблизости, на взгорке прячется.

Николай с Михеем двинулись вдоль гряды кустов, тянувшейся по всей вершине островка, спускающейся с одной и с другой стороны к самой воде, уходя в нее и исчезая где-то вдали.

Ефим разжег печь, подкладывал дрова и все ждал, что вот-вот услышит голоса Николая, Михея и Иосифа. И когда подойдут сюда, набросится на Иосифа: дескать, у тебя есть умишко или совсем выветрился? Пришел, ушел, всех напугал: а вдруг замерз бы?.. Ну и шутки у тебя, Иосиф.

А вместе с тем боялся, что все будет иначе. Боялся, что найдут Иосифа окоченевшим...

Через полчаса Николай и Михей вернулись озадаченные. На вопрос «Что там?» Николай ответил:

— Следы от сапог ведут прямо к воде. У воды он потоптался на месте, потом снял сапоги и, наверное, в воду вошел. Больше на песке ничего — ни сапог, ни одежды.

— Что же делать? — спросил Ефим скорее сам у себя, чем у Николая и Михея.

Те неопределенно пожали плечами.

Через неделю, когда вода постепенно начала отступать и уже примерно на полметра отошла от взгорка, сюда прибыл участковый Савелий Косманович.

Савелий был родом из Забродья. Почти ровесник Петра, Ефимовых сыновей и Стаса, с которыми уходил на войну, вернулся он домой вскоре после того, как освободили район.

Демобилизованный по ранению, которым перед сельчанами не козырял, Савелий стал участковым.

Прежде в Гуду он не наведывался, что делается здесь, знал от Николая, который время от времени ходил в Забродье в сельсовет на совещания по колхозным делам, — где сельсовет, там и власть, а при власти — милиция.

Приплыл Савелий на лодке, привязал ее к торчащему из воды у самой суши пню, тяжело ступая хромовыми сапогами по вязкой земле, подошел к сараю.

Ефим стоял возле лодки, оставленной Иосифом. Ее вытащили сюда, перевернули вверх дном — хотя и новая, а протекает, надо бы просмолить...

Был Савелий в милицейской форме. Значит, прибыл неспроста, подумал Ефим, выпрямляясь и настораживаясь.

Участковый, подойдя к старику, молча посмотрел на лодку, покачал головой, затем резко козырнул, обнял Ефима за плечи, молвил:

— Крепись, дядь Ефим, твоих сыновей ищут.

То, что его сыновей ищут, Ефим и без Савелия знал. Конечно, старик прежде всего хотел услышать от участкового что-то конкретное о них, а тот ничего нового не сообщил: «...ищут...»

Ефим после того, как освободили район, подождав с месяц, но так и не получив никаких вестей ни от сыновей, ни от командования части (где-то же они служили, коль в военкомат в начале войны пришли), подался в город, чтобы узнать, что с ними.

В военкомате сказали, что сделают запрос куда следует, а потом обязательно сообщат. Но до сих пор не сообщили Ефиму, живы ли они, погибли или пропали без вести.

— Одно могу сказать, отец: до фронта они не доехали. Их поезд разбомбили, и с того времени следы твоих сыновей теряются.

— Как так? — растерялся старик. — Михей сказывал, что их еще в военкомате в танкисты определили. Если, как ты говоришь, поезд разбомбили и их следы теряются, так должна быть бумага, что пропали без вести.

— На войне всякое случается. Например, плен. В общем, если будет засвидетельствовано, что твои сыновья пропали бесследно, тогда и пришлют официальное уведомление. А пока надо надеяться и ждать.

Ефим молча посмотрел на Савелия. Лицо у него было какое-то отрешенное, ни один мускул на нем не дрогнет, слова произносит, как давно заученные, не свои, не из души идущие — никаких чувств, переживаний. А слова-то жестокие, нутро леденящие, и впечатление такое, что говорит не человеку, которого они касаются, а неизвестно кому — бросает в пустоту, и только. Дескать, я говорю, что знаю, а ты как хочешь, так и воспринимай. И глаза у Савелия холодные, ничего не выражающие, вроде и на тебя направлены, а мимо скользят — нет тебя перед ним, горем угнетенного, нет...

Так и стояли друг перед другом: высокий худой старик с изможденным суровым лицом, с непокрытой седой головой, и молодой, крепкий, на вид — кремень, участковый.

«Официальное уведомление, говоришь, — скользнуло в сознании Ефима, — что ж, коль уж обходит оно меня, может, и живы...»

А такое уведомление на Ефимовых сыновей у Савелия было, и лежало оно в кармане его гимнастерки. Савелий перехватил бумагу у заброденской почтальонки, которая обслуживала и Гуду, время от времени приносившей

сюда кому похоронки, кому вести от сыновей, отцов, мужей, а кому и это: «...без вести пропал...»

Приносила и отдавала Николаю, как главному здесь по должности — председатель не существующего колхоза, ибо тех, кому они адресовались, не было в живых...

Целая стопка таких разных сообщений собралась у него, на некоторые требовался ответ, и Николай отвечал, писал тем, кто был на фронте, об их родных и близких. Писал под общую диктовку сельчан, передавал от них «поклоны», сообщал, что односельчане с нетерпением ждут возвращения фронтовика...

Казенную бумагу о Ефимовых сыновьях Савелий никому не показывал. И это была его жгучая тайна и тайна почтальонки, недавно получившей такую же бумагу на своего мужа. Савелий попросил ее молчать. Сказал, если что, все возьмет на себя. Объяснил, почему пошел на такое «преступление»: надо, чтобы старик верил, что живы его сыновья, ждал. Знал Савелий, что есть случаи, когда родные получали официальное сообщение — «пропал без вести», а через некоторое время оказывалось — жив человек, воюет или в плену, а то и в своем лагере...

Говорил Савелий это и почтальонке, чтобы и та не верила, что ее муж пропал без вести, и она, выслушав его, ответила:

— А я и не верю, но лучше было бы, чтобы и мою бумагу кто-нибудь перехватил...

Савелий хорошо знал Ефима как человека, уважаемого во всей округе. И сыновей его хорошо знал. Поэтому не хотел допускать мысли, что они, если остались живы, могли сдаться в плен, или того горше, оказаться предателями.

Верил, рано или поздно придет на них иное известие: живы, воюют, а может, и сами отзовутся, или, если в каком секретном деле, — соответствующие органы сообщат о них отцу то, что можно.

— Как же так? — вдруг спросил старик не столько у Савелия, сколько у самого себя. — Плен... Нет, в плен Ванюша с Никодимушкой пойти не могли. Разве что в несознании лежали. А чтобы провинились да в лагерь или в измену ушли, — нет... Я своих ребятишек лучше себя знаю, не такие они. В танкистах Ваня с Никодимом, сказывал же Михей. А танкисты — все время на передовой, вот и писать некогда. А ты говоришь, поезд... Какой еще поезд?

— Правильно говорил Михей, в танкисты их определили, — молвил Савелий, поняв, что сказанул не то. — Это я так, дядь Ефим, в общем обрисовал тебе, что может произойти на войне.

Я вот как рассуждаю: в районе их направили в танкисты. А до танкистов им еще нужно было ехать да ехать. Сперва в тыл. Там часть формировали. Не доехали. Эшелон разбомбили. Но их же, Ванюшу и Кодю, не нашли ни среди погибших, ни среди тех, кого после собрали в колонну... Что, побежали в панике куда глаза глядят?.. В лесу, километрах в десяти от того места, где разбомбили эшелон, тогда немецкий десант высадился. На него вышли и в плен сдались?.. Так они в изменниках не значатся. Изменники рано или поздно проявляют себя, враг с ними не церемонится, выставляет напоказ, чтобы назад дорогу закрыть.

— Да не могли мои сыны сдаться в плен! — уже закричал Ефим.

— Тише, дядь Ефим, — попробовал успокоить его Савелий. — Оговорился я. Так сказать, все размышляю, что с ними могло случиться. Я же не говорил, что они могли сдаться в плен, или... Извини меня, запамятовал, как тебя по батюшке, отчество твое как, дядь Ефим?

— Запамятовал, говоришь. А у меня отродясь отчества не было. Не знавал я ни матушки, ни батюшки. И если бы ты видел меня в молодости моей, то понял бы, что чужой я здесь, неизвестно откуда взявшийся. Местные люди — русые, а я черный... И глаза у меня черные были, пока не выгорели. Конечно, всякое было с людьми здешними, но они меня приняли, и сроднился я с ними, жизнь свою здесь доживаю, на этой земле. Судьбу свою здесь нашел, до этого много дорог прошагав. Помню я все те дороги, непростые они были, крутые, тяжкие, но одолел их, правда, не один и не сам по себе. Помню, как мальчишкой обездоленных людей по миру водил. Немощные, слепые, хромые да безногие, а не дали мне сгинуть. И те, кто кусок хлебушка им подавал, выходит, и меня выхаживали. Так что мать и отец мои — добрые люди. А их — вона сколько на земле! И Ванюшка с Кодюшкой это знали. Сызмальства учил я их этому. И на войну отправляя, об этом сказывал: идете людей боронить, землю свою от супостата спасать. И еще кой-какие слова говорил, может, уж очень крутые, но праведные, чтобы помнили, что к чему на земле да меж людей. Сам-то я, знаю, человек далеко не праведный, жесткий, а они праведными должны быть! Мать у них праведная была, мухи не обидела. У Ванюшки и Никодимушки все от нее, от меня — отцовство, ну и еще чуть-чуть в характерах. Так что, хоть и власть ты, Савельюшка, а такие слова мне говорить не смей!

— Да полно тебе, дядь Ефим! Коль глупость сказал, прости меня. При чем тут власть я или не власть? Говорю тебе который раз, размышляю... Время покажет, что и как. Только прошу тебя вот о чем, дядь Ефим. Вдруг придут, да не как демобилизованные, скажи чтобы сразу ко мне бежали. Разберемся. А то, не дай бог, какой службист ими займется. Сейчас с этим очень строго, да и дурости полно: иной при больших погонах, а дурак дураком! Я сам таких повидал...

Катя, стоя в сарае с сонным сыночком на руках — дала ему грудь, он заснул, словно окаменела: Ефимовы сыновья — дезертиры?.. Да не может такого быть!

Слышали этот разговор и Михей с Николаем. Слышала и Надя. Они тоже были в сарае, в том его конце, где еще до паводка отбили уголки, смастерили в них полати.

Слышали и шлепки весел по воде. Слышали, как кто-то подошел к сараю, начал с Ефимом разговор. Вроде, и не касался он их, но выйти не посмели — мешать-то зачем? И вот, оказывается, кто прибыл — Савелий, участковый! И вот какой разговор повел — тяжелый...

А тем временем Савелий, видя, что Ефим будто обмяк, попытался, как умел, утешить старика:

— И я в твоих ребят верю, дядь Ефим. Правильные парни. Говорю же, мало ли что случается. Откроюсь, не одному тебе говорю все это. Вон, вместе с Ваней и Никодимом исчез Василий Кечик из Забродья. Помнишь такого?

— А как же, помню, — глухо произнес Ефим. — Хороший парень. Отец его, Леонтий Киреевич, до войны лесником был. В войну партизанил. Часто ко мне приходил. Через него я с отрядом связь держал. Мы с ним с войны не виделись. Как он там?

— Сейчас Киреевич совсем слаб. Почти не встает. Я и ему о сыне должен был так говорить, как тебе. Думаешь, мне это легко, не зная, что и как?

Ефим не ответил. Вновь некоторое время молчали. Потом Савелий, глубоко вздохнув, сказал:

— Собери-ка, дядь Ефим, всех, кто в наличии.

— Это как, в наличии?

— Тех, кто в деревне есть.

— Вона что...

Ефим уже собрался идти в сарай, как протяжно заскрипела дверь и на взгорок вышли Николай, Михей, Надежда, Катерина с сыночком на руках, Светка и Валик.

Савелий, увидев Катю с ребенком да Валика со Светкой, замахал руками:

— Катерина, назад иди! Малого смотри. И дети пусть идут.

Катя вернулась в сарай. За ней — Валик и Света.

Участковый долго пристально смотрел на Николая, Михея и Надежду. Наверное, хотел понять, слышали они его разговор с Ефимом или нет. Те, не дойдя несколько шагов до участкового, остановились, молча ждали, что будет дальше.

Савелий будто нехотя подошел к ним, сдержанно, хотя и за руку, поздоровался с мужчинами, Надежде кивнул головой: «Здрасьте». Затем, ни к кому не обращаясь, спросил:

— Это все?

— Все, — ответил Николай и добавил: — Будто не знаешь.

— А Кучинский где?

— Кучинский? А кто знает? — ответил за Николая Ефим и неопределенно пожал плечами. — Исчез в паводок, и больше мы его не видели. Звали, не отзывался — здесь тогда такое было!.. Все вокруг кипело, трещало, сами чудом уцелели, не до Иосифа было. Может... — он умолк.

— О паводке знаю, — раздраженно сказал Савелий. — Знаю, что взорвалась дамба. Знаю, что был пожар, хоть я неделю отсутствовал — в район вызывали по делам. Но...

— Может... — повторил Ефим, не зная, что сказать дальше.

— Да брось ты это «может»! — Савелий вдруг изменился в лице: побагровел, глаза стали холодными. — Что это означает, «может»?.. Что, дом Иосифа Кучинского сам сгорел? И сам он исчез?.. Может!.. Вон в одной деревне, правда, не на моем участке, тоже исчез отец предателя. Органы ищут, а люди: «Может...»

— Мы его ни в войну, ни после даже пальцем не тронули, стороной обходили,— сказал Ефим.— Он сам по себе жил, мы сами по себе.

Савелий молчал. Его щеки нервно дергались. Вдруг он сорвался с места, начал быстро ходить перед сельчанами взад-вперед. Натоптав влажную тропку, остановился, тихо, будто размышляя, произнес:

— Хотя, может быть, и сам... — Он вновь умолк, словно собирался с мыслями, сказал: — А вы знаете, что Иосиф Кучинский перед властью ни в чем не виноват? Так что, если вдруг появится, — никакого самосуда! Иначе сами пойдете под суд, и я не спасу. Но если случится, кто иной из органов будет интересоваться, говорите правду, как сейчас мне: «Взорвалась дамба, все вокруг затопило, мы здесь спасение нашли, он в стороне от нас жил, может, смыло человека. А пожар — топилась печь, выпали угли...» Короче, вам все понятно?

— Конечно, понятно, — ответил за всех Николай. — Так и было. Мы его не видели.

— А лодка чья? — вдруг спросил Савелий. — Кажись, не Николаева, не Михеева и не твоя, дядь Ефим, а?

— Врать не буду, его, Кучинского, — сказал Ефим. — Принесло ее, прибилась...

— Принесло, прибилась, говоришь. Лучше было бы, чтобы она уплыла, и как можно дальше отсель. Пусть ее от вас унесет.

Сказав это, Савелий махнул рукой, повернулся, тяжело ступая по влажной земле, направился к своей лодке. Люди молча смотрели ему вслед: попробуй понять, навещал он их как участковый или как хорошо знакомый с довоенного времени человек. Говорил с ними вроде как с равными, но чувствовалось: служитель закона — власть...

Савелий удалялся, а в глубокие следы от его сапог сочилась рыжая муть...

Он подошел к лодке, достал из нее тяжелый деревянный ящик, поставил на землю, крикнул:

— Мужики! Здесь детям медок, дядь Кечик, Левонтий Киреевич, передал. У него в лесу колоды сохранились, я осмотрел их, взял прошлогодний. А солонину да еще кое-что люди собрали, узнав, что к вам плыву. Ну и консервы — мой паек. Так что держитесь пока, в беде не оставим.

— А почта есть?— спросил Николай.

— Почта? Нет пока, пишут. Заходил к почтальонке, как будет, приплывет, лодку дам.

Савелий отвязал свою лодку, оттолкнулся веслом от пня. Течение сразу же подхватило ее, понесло. Правя веслом, держа лодку под углом к течению, быстро вывел ее на фарватер реки. Там резко повернул, выровнял и, сидя спиной к людям, принялся грести изо всех сил.

Но, как заметили мужчины, для человека, выросшего возле воды, веслами орудовал неумело, махал ими, будто не замечая, не думая, что делает. Весла шумно шлепали по воде, поднимали брызги, и Савелий ни разу, пока не исчез за поворотом реки, так и не оглянулся на людей, стоявших на взгорке.

11

Все понимали, что Савелий не очень-то верит им. Считает, что они могли совершить самосуд над Иосифом Кучинскими, поджечь его дом. И лодку его забрали. Только зачем? Это же — улика. Ведь не зря советовал, чтобы уплыла...

— Если вдруг случится допрос какой, так вы не лезьте, — сказал Ефим мужчинам, когда уплыл Савелий. — Я последний, кто говорил с Иосифом, мне и ответ держать.

— За что? — возмутился Николай. — Да, было, приплыл сюда. Кричал: «Люди!..» Так что, целоваться с ним? Ты же не гнал его прочь, а если что и сказал против, так он же не сумасшедший, чтобы из-за этого с головой в воду... А хоть бы и гнал, так бери, Иосиф, свою лодку и плыви куда хочешь. Много мест на земле, где тебя люди не знают. Так что, дядь Ефим, незачем изводить себя: «Я последний... буду отвечать...» Верно говорю?

— Может, оно и так. Но все же...

Старик пожал плечами. Конечно, думать можно по-разному. Но его никто не мог переубедить в том, что он не виновен в гибели Иосифа Кучинского. Виноват. Именно после их разговора Иосиф оставил лодку возле взгорка и ушел прочь... Разговор хоть и короткий был, но нехороший, въедливый, с ненавистью.

Когда Иосиф подплыл, Ефим подсвечивал ему фонарем, спросил с насмешкой: «Откуда?..» — будто не знал, что из дома... Знал. Зачем тогда издевался: «Из дома, говоришь? Ну и что с того?»

Вот это «Ну и что?», наверное, и оттолкнуло Иосифа. Впрочем, он не сразу ушел, а некоторое время размышлял, что делать. Говорил, что еду привез, рожь, что хата его еще теплая, о детях заботился, о Кате... А они в ответ: «Да закройте вы дверь!»

Но если в свою избу звал, так зачем еду привез? Не верил, что люди примут его, или боялся, что, пока они будут решать, как быть, его хату затопит вода, а то и снесет?..

Странно как-то... Впрочем, крестьянская душа: умирать собирайся, а жито сей... Может быть, хлеб на всякий случай взял?

А требование закрыть дверь — так из-за детишек, из-за Катерины.

Ефим, когда увидел, что Иосиф плывет сюда, хотел крикнуть: «Прочь, дьявол, чтобы во веки веков люди не видели и не слышали тебя!..» Но сдержался, увидел в Иосифе хоть какого, но человека, которому тоже больно, как и тебе. Да только всего этого оказалось мало: одно дело увидеть, иное — сказать.

Ушел Иосиф. Кому сделал плохо? И себе, и тем, к кому плыл. И еще неизвестно, кому хуже...

Нет, завтра же Ефим на Иосифовой лодке поплывет к Савелию. Расскажет участковому все, как было. Почему сейчас не рассказал? Растерялся. О сыновьях больше думал. Горькое, страшное о них говорил Савелий, не надо бы так... Впрочем, все растерялись, никто не ожидал такого разговора с участковым. Что ни слово у него — гвоздь! И каждого словно к кресту приколачивал: за словами так и слышалось: преступник, преступник, преступник!..

А Ефима так даже дважды распял. Первый раз, когда предупредил, чтобы сыновья, если появятся в Гуде, сами к нему бежали. Значит, уверен Савелий, что они преступники. Значит, вообще не верит Ефиму. Как же так?..

...Тем временем Савелий, сидя спиною к людям, плыл в Забродье, но не напрямик — это километра три-четыре по залитым лугам, а по руслу реки.

Он нарочно делал круг. Нужно было побыть в одиночестве, чтобы все обдумать да разобраться в том, что случилось с гуднянцами. И как участковому, для которого сначала — закон, а потом все остальное... И как обычному человеку, для которого важнее всех писаных — неписаные, веками сложившиеся законы, по которым и живут люди. Законы эти нерушимые, ибо круто на совести замешены. И действие свое возымели еще с тех времен, когда законы никто не писал... Писаный закон — на страхе, на принуждении, а этот — на осмысленном действии. Хорошо, когда они совпадают. А если нет?.. Тогда и происходят человеческие трагедии. А здесь как?

Если по писаным, то он сам, мягко говоря, нарушитель: не имел права перехватывать да утаивать казенную бумагу, адресованную Ефиму Боровцу. Это документ. В нем, исходя из фактического материала удостоверяется, что его сыновья «без вести пропали». Но все же как «пропали?» Вот что для Савелия очень важно.

У кого-то из сопровождающих офицеров были списки мобилизованных. В тех списках, естественно, значились и Ефимовы сыновья. Вскоре после того, как улетели немецкие самолеты, командирам удалось собрать оставшихся в живых и не убежавших неизвестно куда. Сверили списки: среди тех, кто был в наличии, — нет Боровцов. И среди убитых нет. Так куда они делись? Домой бросились, а по дороге встретили немцев и сдались в плен?.. А если добрались до дома и прячутся в окрестных чащобах, да время от времени постреливают в машины, проезжающие по шоссе, а то и в местных жителей?..

Размышляя так, Савелий вдруг сосредоточился на мысли, посетившей его будто невзначай: как он может об этом думать, зная старика и его парней?!. Выходит, совсем очерствел за войну, коль людям не верит. А верить надобно, иначе из человека в зверя превратишься. Это что касается Ивана и Никодима. Ладно, пока оставим их в покое, время должно расставить все на свои места, прояснить их судьбы. А вот как быть с Кучинским?..

Органы разобрались, что старик перед властью вины не имеет. С врагом не сотрудничал. Не участвовал, как его сын-полицай, в карательной операции по уничтожению жителей деревни. Это подтвердил и Стас. Когда освободили район, он с дружком-предателем прятался в лесу, пока не арестовали. Он и убил фронтовика Петра Журовца. Будучи дома на побывке, Петр пошел в лес добывать для голодающих сельчан вепря и напоролся на предателей.

Да и Ефим, когда ходил в военкомат, чтобы узнать о судьбе сыновей, сказал, что Иосиф Кучинский зла никому не чинил и с немцами не водился.

Как бы там ни было, но на его, Савелия Космановича, участке трагедия: в паводок сгорела хата Иосифа Кучинского, сам бесследно исчез, а лодка обнаружилась у односельчан, которые относятся к нему как отцу врага...

Разговаривать с гуднянцами было очень непросто: хорошо знакомые люди под подозрением в убийстве человека. Савелию, как участковому, нужно было принимать решение: составлять протокол о том, что при невыясненных обстоятельствах исчез гражданин Иосиф Кучинский, и доложить о случившемся в район или на свой риск попробовать самому во всем разобраться. Даже если люди и учинили самосуд, надо попытаться понять их.

По-человечески их очень жаль: доложишь — посадят. Но почему убили, утопили или еще что с ним сделали, если, конечно, это так?

Можно размышлять так: люди чудом остались в живых. Их родные и близкие погибли, и сын Кучинского виноват в их смерти. Такое из сознания людей ничем не вытравишь, оно будет в их душах столько, сколько жить им на земле. И вот подвернулся случай отомстить отцу за сына-полицая. А это — самосуд!

Самосуд, если давать происшествию правовую оценку. А если исходить из жизненных понятий, то произошел самый что ни есть народный суд...

Страшная, как говорится, нестыковка между этими понятиями: официальным и человеческим. Будто официальное не людьми определено, а кем-то, кто не жил среди них, кто не знает неписаных законов бытия. Он, Савелий, бывший фронтовик, с лихвой повидавший на войне человеческого горя, знает, что такое официальная и неофициальная справедливость. Может ли он сейчас, не раздумывая, не осмыслив случившегося, назвать этих несчастных людей преступниками?

Конечно, может...

Значит, Савелию, пока сойдет паводок, нужно самому разобраться, в чем правда и в чем неправда односельчан Иосифа Кучинского, — он в ответе перед властью и за них, и за него. И не надо спешить, поднимать шум, пока не найдут труп. А если не найдут, так еще надо подумать, как быть дальше.

Наверное, к решению не спешить Савелия подтолкнул собственный военный опыт. Он помнил, как когда-то зеленый, еще необстрелянный солдат, принимался не раздумывая исполнять приказы, из-за чего мог бессмысленно погибнуть. Но позже, побывав в страшных ситуациях, уяснил: приказ приказом, а надо самому думать, как его исполнить, чтобы зря не погибнуть и не подставить под пули товарищей. Решил так, действовал, исходя из этого, — и воевать стал смелее.

Воевал он хорошо, продумывая ситуацию, в которую мог попасть. Наверное, поэтому и остался в живых, не попал в плен, ни разу не выставил себя трусом. Под вражеским огнем, в самых разных боевых и не боевых ситуациях трусов он видел немало...

Всякое случалось на фронте, но при всем этом надо было остаться человеком, а это не каждому под силу... И сейчас, думая как быть с гуднянцами, Савелий будто невзначай вспомнил случай, свидетелем которого был незадолго до того, как его ранило в Восточной Пруссии.

...Полковое командование включило его, тогда уже старшего сержанта[1], и еще нескольких бойцов в сопровождение: надо было проверить батальон связи, который состоял в основном из женщин. Батальоном командовал какой-то майор, говорили, из «бывших», это значит из тех, кто до революции имел далеко не пролетарское происхождение.

Бойцам было известно, что майор очень ревностно оберегает своих подчиненных: на войне женская ласка не противопоказана ни рядовому, ни генералу, да и настоящей любви война — не препятствие.

Батальон связи располагался в имении старого немца. Начали с проверки постовых. Вошли в продуктовый склад, а там — невообразимое!.. У стены стоит винтовка, в проходе — старик-немец с окровавленной рукой, и его старательно перевязывает постовой — молоденькая девушка.

— Преступление! — заорал капитан НКВД, который был с группой проверяющих. — Под трибунал!

Все понимали, что преступление: оставлен пост. Знали, что значит трибунал. Знали, что постовой или постовая не имела права пропустить нарушителя на охраняемый объект: надо было задержать, если не подчиняется, сделать предупредительный выстрел, затем, если это не возымеет действия, — второй, но уже на поражение.

Еще никто не успел опомниться, как комбат, будто не слышал слов капитана из особого отдела, приказал своим бойцам:

— Арестовать немедленно! Отвести в землянку! — И, обращаясь к полковнику, сказал: — Разрешите, сам разберусь...

Полковник разрешил. Проигнорировал указание капитана из тех органов, а это было очень опасно для любого, невзирая на звание.

Капитан словно онемел от такой наглости командира батальона и командира полка, а через минуту выдал:

— Я должен немедленно доложить по команде...

Его вновь не «услышали». Постового арестовали, увели. Старика-немца не трогали. А он, наблюдая за происходящим, понял, что может случиться с девушкой, упал на колени перед офицерами, заговорил, показывая окровавленную руку:

— Нихт!.. Нихт!.. Майн киндер эссен... Нихт расстреляйт... Их, их виноватэн...

Говорил, тряс окровавленной рукой, другой показывал на цементный пол, на котором лежали осколки от стеклянной банки с остатками каких-то продуктов.

Что он хотел сказать, было понятно и без переводчика: у старика детишки. Им нужно есть. Он пошел в склеп за продуктами, разбил банку... Зачем девушку расстреливать?..

Конечно, постового или постовую не расстреляли бы. Но под трибунал она попала бы, могла сгинуть в лагере, осужденная по всей строгости военного временим...

— Старика в санчасть! — приказал полковник. — Детишек накормить! Постового — в распоряжение комбата!..

Когда ехали назад, полковник остановил машину среди поля. Вышел, долго смотрел вокруг, о чем-то думая. Потом подозвал к себе бойцов, но не по уставу: «Сопровождение, ко мне!», а так, как отец мог бы позвать своих детей: «Сынки, подойдите...»

---

[1] История А. А. Пущина, одного из потомков рода Пущиных, давшего миру декабриста, друга А. С. Пушкина. Рассказана автору лично Алексеем Алексеевичем.

Не подошли, подбежали, Савелий и еще трое бойцов. Капитан стоял в отдалении. С места не сдвинулся.

Савелий, как старший, должен был доложить: «По вашему приказанию...»

Козырнул:

— Това...

Полковник остановил его:

— Сынки, знаете, почему нас не победить? Потому что у нас воины такие, как майор (он назвал фамилию), как эта девушка, — она добровольно пошла на фронт, дочь учителей, мне доложили, как вы, дети рабочих и крестьян. Майор же, знайте это (вновь назвал фамилию) из рода декабриста, друга Пушкина. И все мы — разных национальностей, но одной великой веры — в людей, в нас самих.

Капитан подошел без команды. Шел осторожно, будто ступая по заминированному полю. Подошел, попросил у полковника разрешения закурить. Закурили от одной спички...

Больше полковник ничего не говорил ни бойцам, ни капитану. И понял тогда старший сержант Савелий Косманович, что и майор, и полковник спасали девушку-постового от трибунала, от того законного суда, который не обещал ей ничего хорошего. Понимал, что и майор, и полковник за эту хрупкую девушку-бойца, добровольно ушедшую на войну, сами готовы были пойти под суд, только бы не сломалась ее судьба...

И еще понял Савелий, что большую ответственность за судьбы людей он берет на себя, и это может для него самого обернуться бедой. А пока он будет ждать, вдруг окажется, что Иосиф жив-здоров...

12

Семь лет минуло с того времени...

...А тогда, как только Савелий уплыл, «проинструктировав» сельчан, что нужно говорить, если кто будет спрашивать об Иосифе, Ефим совсем приуныл. Старика можно было понять: нет ничего определенного о его сыновьях, а время идет... Участковый говорит о них загадками: то ли погибли, то ли в плену, а может быть, и предатели. А напоследок еще это — считает, что гуднянцы прикончили Иосифа Кучинского.

Нет, рук они на Иосифа не поднимали. А Ефим вбил себе в голову: «Я виноват, что погиб Иосиф. А мы же некогда с ним дружили». И никто не мог переубедить его, что это не так.

Наверное, чувство вины за друга, пусть и бывшего, особое. А что они в молодости дружили, знали все... Когда-то вместе агитировали односельчан вступать в колхоз, сами вступили первыми. Ефим состоял при лошадях, Иосиф — в поле.

Кроме этих дел было у них еще одно общее — плотничать да столярничать. Лошади лошадьми, поле полем, но находили время ставить сельчанам дома. Возведут строение — люди любуются!..

А сошлись Ефим и Иосиф в молодые годы вроде случайно. На вечеринках. Один раз вместе покурили, другой, поговорили: кто ты, что ты, какие у тебя интересы, а вскоре уже — товарищи, потом —друзья.

Ефим чужой здесь, неизвестно какого рода-племени: родных не помнил. Пришел сюда в поисках работы с таким же, как и сам, товарищем, в сущности бродягой. Работа им нашлась: кому амбар подладить, кому — избу, а кому колодец выкопать. Товарищ вскоре дальше пошел — случайно встретились, скитаясь по земле, побыли вместе и разошлись: бывает.

Ефим же остался в Гуде, ему понравилась деревня: с одной стороны река, с другой — лес. Да и девушку тут встретил...

Остался, но первое время ему не на кого было опереться: местные парни к себе не брали, многим девчатам глянулся эдакий красавчик: темноволосый да темноглазый. Иосиф это видел, ему хотелось сблизиться с чужаком, мужчины, у которых он плотничал да столярничал, хвалили его — мастеровой.

Иосиф сам понемногу плотничал. Больше возле своей хаты, любил работать топором.

Иосиф тогда жил с мачехой и ее родными детишками и очень дорожил ею и сводными братиками и сестричкой. Чуть что — мама, мама, мама... Ефиму, не знавшему своей матери, сначала было удивительно и завидно: хорошая женщина, своих троих воспитывает и пасынка в люди вывела — Иосифов отец умер, когда сыну было десять лет.

Любила она Иосифа, как своего сына, а может, и больше. А он говорил Ефиму, когда случался какой заработок: «Мне маму и меньших надо поддержать, тогда и жить веселей будет».

И поддерживал, вел свое хозяйство, время от времени подрабатывал у тех, кто побогаче. Так и жили.

Когда мачеха узнала, что Иосифу нравится Текля, советовала не медлить, брать ее. А когда у него с Теклей разладилось, очень переживала...

Вскоре она умерла. Детей мачехи забрали родные из той деревни, откуда ее привез отец. В той деревне Иосиф никогда не был и навсегда потерял связь со своими сводными братьями и сестрой.

Помнил Ефим, как однажды Иосиф, рассказывая о мачехе, назвал ее святой женщиной...

...Случилось это, когда Иосиф был еще маленьким. Тогда, как это было заведено в крестьянских семьях, его, лет шести мальчугана, а может, и меньше, отец брал с собой на сенокос. Конечно, помощи от малого никакой, но пусть ребенок сызмальства привыкает к труду: может, где охапку свежескошенной травы растрясет, пласт поворошит или подаст старшим воды...

Бегал мальчик по лугу и вдруг наступил лапотком на что-то верткое. Глянул под ногу, а оно поднимается, этакое красивое, черно-рыжее.

Закричал:

— Мама, червяк! Смотри, какой большой.

Глянула мама-мачеха, недалеко было, тихо попросила:

— А мой сыночек, не трогай, стой, не ворошись, я сейчас...

Подбежала к пасынку, перехватила «червяка», не успел он вбросить яд в тело мальчика. Стала змею топтать ногами, давить лаптями, не обращая внимания, что на ее руке, выше запястья кровоточат четыре синие точки от ядовитых зубов: две вверху и две снизу.

Потом какая-то деревенская ведунья, она тоже была на лугу, беззубым ртом высасывала из руки мачехи яд, выплевывала его, а затем шептала на хлеб, заставляла ее есть его. Он стоял рядом испуганный, ничего не понимая. А мачеха ела хлеб, смотрела на пасынка и шептала:

— Все хорошо, родненький, все хорошо... Горький хлеб, горький...

— Это хорошо, что горький, помогает, — шепелявила старуха и тоже пристально смотрела на мальчика.

Но другая женщина (Варипончиха, его будущая теща, луг которой был рядом) смотрела на мачеху и осуждающе качала головой:

— Дура, из-за пасынка своих детей могла осиротить.

Другие женщины тоже осматривали его тельце. И тоже, как знахарка, они были готовы помочь мачехе чем только могли. А женщины не очень любили

вдову из чужого края. За что ее было любить? Своих вдов хватает, а Митрий, его отец, чужую на телеге привез, да еще с тройным приплодом, когда одно под одно, мал мала меньше.

Все это вспомнилось Ефиму после того, как здесь, на взгорье, побывал участковый Савелий и пытался разобраться, что случилось с Иосифом.

Тогда что-то необъяснимое жгучей болью пронзило все его существо, словно разделило на две части сознание: он одновременно и жалел Иосифа, и ненавидел. И тяжело было ему выбрать что-то одно, точно определить, кто же для него Кучинский, да и для всех остальных.

Сейчас это воспоминание из детства бывшего друга всколыхнуло душу Ефима, вихрем ворвалось в нее. Еще бы: простые, темные деревенские женщины, в повседневной жизни не воспринимавшие мачеху Иосифа, как только случилась беда, спасали ее от смерти. И в этом порыве помочь ей были готовы на все.

Выходит, что бы ни было меж людьми, а в нужный момент доброта все равно пробьется, как родниковая вода из-под хлама. И от самого человека зависит, сможет он помочь другому или нет...

На следующий день, как только начало светать, Ефим поплыл на Иосифовой лодке в Забродье. Спешил к участковому, чтобы рассказать ему всю правду об Иосифе да попросить Савелия, если, конечно, поверит, помочь разыскать Кучинского, живого или мертвого.

Поверил Ефиму Савелий. Сразу же собрал заброденских мужиков — три бывших партизана, два инвалида-фронтовика да Михаил Калистратов, это у него Иосиф как-то выменял за золотую монету царской чеканки мешок ржи, — вот и все, кто мог заняться поисками исчезнувшего человека.

Посадил их Савелий в лодки, сказал, чтобы поплавали по разливу, посмотрели под кустами, под кручами, вообще где только можно — нет ли тела.

Михаил, пройдоха, в войну отиравшийся то возле немцев, то возле партизан, хотя в явном пособничестве врагу и не был замечен, Савелия боялся как огня. Узнав, кого будут искать, сказал:

— Может, он в своей избе сгорел. Там тоже нужно искать. Я как-то плыл, видел, нижние венцы, что были в воде, уцелели. Хата затоплена на метр-полтора. Пусти меня, Савелий, я все там осмотрю, дом его знаю, бывал. Со своими Иосиф не ладил, они к нему не ходили, дома его не знают. Да и в лугах мне будет тяжело, староват я, силушка уже не та, чтобы с вами, молодыми, тягаться, а вы поплавайте.

Михаил если и был староват — в войско после освобождения района не взяли по возрасту, но силушку еще не растратил — веслом как молодой правил. Савелий осадил его:

— Там мы и без тебя с дядей Ефимом управимся, а ты давай с мужиками — в луга!

Михаил рассчитывал, что у Иосифа, кроме той монеты, которую он дал за мешок ржи, еще золотишко имелось. Но не вышло обхитрить участкового. Умолк, знал, с Савелием шутки плохи, только попробуй ему возразить, сразу приструнит. Так уже было. Как-то велел Савелий Михаилу вернуть колхозную лошадь (из того табуна, который в первые дни войны Ефим гнал в район, но вынужден был распустить в лесу, напоровшись на немецкий десант), а он: «Савелий, лошадь-то моя!..»

— Знаю, какая она твоя, — сказал тогда участковый. — От людей ничего не спрячешь. А с тобой мы еще разберемся.

Пришлось вернуть...

Мужчины, получив приказ, поплыли на двух лодках к левому берегу реки, а Савелий с Ефимом направились в Гуду. Тоже на двух лодках: Ефим —

в Иосифовой, Савелий — в своей. Ефим был уверен, что тела Иосифа на месте сгоревшей хаты быть не может: как он туда мог попасть, оставив тогда на взгорке лодку, — но молчал, а вдруг...

В Гуде, вернее, на островке, взяли с собой Михея. Николая оставили: ему с его деревяшкой в лодке сидеть неудобно. Да и при детишках и при женщинах кто-то должен быть.

Сначала подплыли к дому Кучинского. Венец, на котором лежал обугленный подоконник, чернел над водой. Конечно, в доме уцелел пол, сгореть он не мог, был в воде.

Заглянули внутрь: в обугленном четырехугольнике, оставшемся от дома, плавали угли, куски обгоревших досок. Уцелела печь, тоже черная, обгоревшая.

Поочередно, плавая вокруг дома, опускали в воду длинные весла, стучали по полу, исследуя его — нет ли тела. Впрочем, если бы было, так давно всплыло бы, знали это, но все же...

Убедившись, что нет трупа, отчалили. Ефим, когда плыли в луга, вновь повторил, что Иосиф, когда загорелась хата, был на взгорке и плыть к ней не мог — лодку им оставил. Без нее поплыл? Такого не может быть: сумасшедший, что ли? Вода высокая, холодная, руки и ноги сведет и — поминай как звали!..

А пожар был страшный. Горела хата, искры от нее перебросились на крытый соломой сарай и дощатый навес. Все выгорело до самой воды.

С Ефимом согласились, поплыли к реке. Тщательно осмотрели этот берег, где утром, когда исчез Иосиф, обнаружили у воды следы босых ног. Затем не торопясь начали спускаться вниз по течению, останавливаясь у каждого куста.

Искали целый день и заброденские мужики, и Савелий с Ефимом и Николаем. Искали, когда сошла большая вода, — нигде ни следа. За то время, что были вместе, Савелий несколько раз порывался отдать Ефиму бумагу, в которой сообщалось, что его сыновья, Никодим Боровец и Иван Боровец, без вести пропали, но так и не отважился. Сдерживал себя, хоть и боялся, что старик, устав ждать, пойдет в военкомат, тогда как? И однажды вечером Савелий сказал:

— Дядь Ефим, прошу тебя, пока я сам все до конца не выясню о Никодиме и Ване, ничего не предпринимай, никого не слушай, ни о чем никого не спрашивай, никуда не пиши. У меня одна зацепка есть, подсказывает она, что твои ребята живы. Прости меня, но пока не могу ее открыть тебе. И дядю Кечика просить об этом буду — и с его сыном такая же история. Не хочу, чтобы кто мне мешал, со следа могу сбиться.

— Есть?! — оживился старик. — Коль надо для дела, не открывай, терпеть буду.

— Есть, верь мне и жди. Хорошо?

Что-то подсказывало Савелию, что все трое в начале войны могли быть где-то здесь. Вспоминалось, как совсем недавно, возвращаясь из города пешком, где был по делам, идя проселками, так ближе, завернул на один хуторок в лесу, пить захотелось. У покосившейся избушки встретила его старуха. Поздоровавшись, попросил Савелий воды. Старуха, прежде чем дать напиться, долго всматривалась в его лицо, Савелию даже стало неловко — кого-то в нем хочет признать. Не плохого ли человека? Хотел спросить об этом, но старуха, растягивая слова, дрожащим голосом проговорила:

— Я на вас, детки, почему смотрю. В начале войны, когда немец еще сюда не дошел, трое солдатиков у меня ночевало. Один русый, голубоглазый, как вы. Двое темноволосые да темноглазые, похожи меж собой. Может, братья. По разговору поняла, что из близких отсюда мест. Слышала, как меж собой говорили, домой ли им идти, или дальше, на восток. Долго решали,

как быть. Меня не спрашивали, а я и не вмешивалась: каждый сам свою судьбу правит.

— Это верно, — согласился Савелий.

Старуха вновь пристально посмотрела на него.

— И куда они пошли? — спросил он, уже не выдерживая ее взгляда.

— На восток. Я им кувшин с водой в дорогу дала. Говорю, вода с нашей земли, не бросайте кувшин, как воду выпьете. Где будете идти, пить захотите, воду найдете в реке, озере, в кринице, колодце — кувшин у вас в руках... Идти вам далеко, пригодится он. А когда придете к людям, которые вам нужны, отдайте какой хозяйке. Тогда один, черненький, говорит: «Бабушка, мы его вам после войны вернем, вот увидите!» А другой, что русый: «Зря ты так, дойдем ли...»

— Бабушка, меня среди них не было — сказал Савелий.

— Не было, — сказала старуха, — я признала бы. А смотрю на вас, детки, не потому, что кувшин мне нужен. Хочу знать, живы ли. Как кто идет по дороге в форме, так и смотрю...

Старуха вздохнула, молча зашла в сени, вернулась оттуда, держа в руке кувшин с водой, подала Савелию:

— Пейте.

Савелий не торопясь попил холодной воды, поблагодарил и пошел своей дорогой. Шел и думал, что ошиблась старуха, не местные это были ребята. Местные обязательно завернули бы домой с родителями повидаться, а уж потом решили, как дальше быть. Будь среди них он, Савелий, именно так и поступил бы: как пойдешь, не побывав дома, коль он рядом? (Не знал Савелий, как не знал и Ефим, что «зацепка» действительно есть, но проявится она здесь, на этой земле, через много лет...)

Ефим в знак согласия молча кивнул головой. Не знал он, даже не догадывался, что Савелий еще не определил для себя, как будет искать следы его сыновей. Сейчас Савелий думал об одном: как не лишить старика надежды? Лишишь, значит заживо похоронишь Ефима.

13

...Иосиф за семь лет, как ушел из Гуды и до сегодняшнего дня, когда Катерина увидела его, вообще никого из знакомых, не то что бывших односельчан, не встречал.

На хуторе, конечно же, никто из них не мог появиться, разве что Ефим, это он когда-то рассказал ему о Кошаре, о ее хозяине и как туда добраться.

Знал Иосиф, что однажды, когда началась коллективизация, а в Гуде уже был колхоз, Ефимова Марфа сказала мужу, чтобы тот спустился к Кошаре, посмотрел, что там и как. Время было неладное. В округе мужиков, которые не шли в колхозы, держались своего хозяйства, начали раскулачивать, ссылать в чужие земли. Ссылали семьями, детишек не щадили. Каково там, в Кошаре?.. «Может, пока все уладится, нужно забрать к себе Антоновых меньших ребятишек да внуков, а там как бог даст. Хотя вряд ли кто осмелится отобрать у нас чужих детишек, — рассуждала она. — Люди — не звери».

Безусловно, об Антоне и его семье Ефим рассказал Марфе раньше, чем Иосифу, — от жены он ничего не утаивал, но больше никто в Гуде не знал о Кошаре и ее хозяине.

И хотя к тому времени дружба между Ефимом и Иосифом постепенно угасала, Ефим на всякий случай (мало ли что может случиться с ним в дороге) поведал Иосифу, что поплывет туда.

Иосиф вызвался плыть с ним. Дорога неблизкая, вдвоем сподручней, но Ефим отказал ему, дескать, не надо, чтобы Антон знал, что еще кто-то, кроме его бывшего работника, знает о хуторе, тем более как туда добраться. Даже если Иосиф спрячется где-нибудь на берегу реки, Антон, провожая детишек, обнаружит его. Зачем тревожить хозяина хутора?

Но Иосиф понимал, что совсем по иной причине Ефим не хочет брать его с собой. Помнил Ефим один случай из их давнишней дружбы, когда не помог Иосифу, а ему очень нужна была помощь. Может быть, в ином направлении пошла бы Иосифова жизнь...

Не помог потому, что Текля Ефиму не нравилась. Считал, что не для друга она. Какая-то ветреная, с Иосифом у нее любовь, а на вечерках танцует да заигрывает с другими парнями.

В конце концов догулялась до того, что женщины застали ее с Авдеем в снопах. Сраму-то!..

Иосифу тогда было невыносимо тяжело. Отвернулся он от Теклюшки, ходил как полоумный, не мог вынести такого предательства... А по деревне понеслось: «Текля с Авдеем в срам ушла...» И когда через некоторое время Ефим узнал, что Авдей поведет ее под венец, и сказал другу, что пойдет с ребятами по обычаю бросить свадьбе «зайца» — перегородить дорогу, Иосиф будто не услышал. Сказал это Иосиф Ефиму, надеясь, что тот поймет: пойдет, чтобы Теклюшку последний раз увидеть еще не чужой женой. Ефим понимал это, но не пошел с другом.

На горькое яблоко смолотили тогда Иосифа Авдеевы дружки, бросили окровавленного посреди дороги, и не сказал он тогда, униженный и оскорбленный, Теклюшке, поспешившей к нему, того одного слова, которое она ждала: «Останься...»

С того времени дружба между Иосифом и Ефимом дала трещину, словно лед на реке, и из той трещины сначала повеяло холодком, потом дохнуло колючим холодом, и в конце концов — завьюжило лютой стужей.

Никогда позже Иосиф не вспоминал о том случае Ефиму, не упрекал его. Да и Ефим вел себя так, будто ничего не случилось...

Вот только непонятно было Иосифу, почему за много лет Ефим так и не сказал ему, что сожалеет о былом. Понял бы его Иосиф, утешил, снял бы тяжесть с его души, сказал бы, что нет у него обиды на друга: было да сплыло.

Да и тогда, когда Иосиф вызвался плыть с ним на хутор, мог бы Ефим взять его с собой. Дорога далекая, день по реке в один конец да день назад, вновь сошлись бы, поняли бы друг друга. Значит, не хотел...

И вот через много лет случилось так, что Антонов хутор напоследок Иосифовой жизни стал тем укромным местом, где он утаился от людей. Только надолго ли?.. Антона нашли, сняли с обжитого места, даже детишек не пожалели.

Так что прячься не прячься, земля круглая, и хотя на ней множество дорог и дорожек, рано или поздно все они каким-то образом переплетаются. Значит, нет такого места на земле, где тебя не нашли бы. Найдут кому нужно. И свои дорожки протопчут к твоему укромному месту...

Говорил Ефим, что приплыл он к Кошаре без приключений. Спрятал лодку в камышах в затоке, пошел известным ему путем к хутору. Шел и видел, что трава на кочках, возле которых лежали припрятанные в болоте плахи, примята. Видел на ней следы от сапог к хутору и назад, а также следы от лаптей и лапотков, но уже к реке.

Сердце зашлось от боли, когда никого не застал на хуторе.

Длинная низкая Антонова изба встретила его забитыми крест-накрест окнами. И дверь была на защелке, а на ней какая-то печать на шнурках. Что на ней выбито, не разобрать.

В избу Ефим не пошел, побоялся срывать печать. Походил вокруг строений: ворота от гумна отброшены, в засеках пусто, и в кошаре — хоть шаром покати, а жерди загона поломаны...

Домой Ефим вернулся через двое суток. Говорил, что против течения плыть очень тяжело. Был он сам не свой, когда втайне на выгоне рассказывал Иосифу о том, что видел на хуторе.

Посочувствовал тогда ему Иосиф и как упрекнул:

— Надо было вдвоем плыть.

— А, — неопределенно махнул рукой Ефим, — чем бы ты мне помог?

Конечно же, не хотел надолго оставаться наедине. А так, в деревне, пожалуйста: встретились, поговорили, разошлись. И никаких тебе воспоминаний о былом.

Порой, когда Иосиф уже обжился здесь, у него появлялась мысль, что когда-нибудь Ефим может приплыть на хутор. Нет, не в поисках его, а по какой своей надобности. Интересно, что они тогда скажут друг другу? И вообще, заговорят ли? Вряд ли, разве если оттают их обледеневшие души. Это на реке лед, придет время, обязательно растает, а на душе... Но сказать друг другу нужно было многое. И вообще, не только Ефиму мог бы многое о себе поведать Иосиф, обреченный судьбой на одиночество, но и Николаю, Михею, Надежде, а Катерине — больше чем кому.

Когда-то Иосиф думал, что придет время, встретит он Катю, одну или с ребенком, и обязательно скажет ей что-то такое, после чего она поймет, как ему все это время было тяжело на душе: его же сын убил ее мужа...

И вот неожиданно встретил ее с сыночком в городе на базаре. И что?.. Убежал, правда, попросив перед этим, чтобы не кричала, не пугала мальчика. А мальчик, успел заметить Иосиф, очень похож на Петра...

Не мог не убежать. Как бы он объяснил ей, почему просит подаяние, почему не хочет, чтобы именно сейчас она узнала его?..

14

За то время, как Иосиф исчез из Гуды, он очень изменился — сильно постарел, будто усох, стал хромать на левую ногу.

У него уже давно отросла длинная седая борода. Начиналась она почти под глазами, пряча глубокие морщины на щеках, появилась лысина. Лоб изрезали такие глубокие морщины, что, казалось, кожа на нем омертвела — они не двигались и не ломались... Словом, от того Иосифа, которого помнили его односельчане — не по летам прямого, высокого старичка с аккуратной седой бородой, — сейчас мало что осталось. Разве что душа. А она (кто может заглянуть в чужую душу да понять ее, если свою не видишь и даже не чувствуешь, пока не заболит) как и прежде страдала от обиды на своих бывших односельчан.

Обида эта со временем не исчезала, даже не притуплялась, боль по-прежнему жгла, а с болью можно жить только свыкнувшись с ней как с чем-то обязательным, от чего не так-то просто отмахнуться.

А дети, так они мало что смыслят в житейских делах. Вырастут, поумнеют. Если не забудут, что был такой Иосиф, сами все поймут, во всем разберутся и, может быть, даже будут жалеть его.

После того как Катя поругала Валика за то, что тот бросил в него кусок льда, дети стали вести себя тише. Замечал, уже не посматривали на него

искоса и не убегали прочь, если вдруг где встречались, хотя и не здоровались, не отвечали на его: «Добрый день».

Размышляя так, зная, что сильно изменился, Иосиф, бывая в городе, все же опасался встретить кого-нибудь из гуднянских мужиков. Боялся, что узнают его, тогда вновь начнется старое...

Нет, с него хватит! Не потому ушел от них, чтобы повторилось былое. Впрочем, пройти-то прошло, но, как говорится, травой не заросло...

С мужчинами все понятно, а вот с Катериной встретиться нужно было бы: рано или поздно они все же должны поговорить. А с Надеждой? Надя тоже хорошая женщина. Одна в войну растила двоих детишек, сберегла их, помощи ей ни от кого не было — и ее родные, и родные Игнатия погибли. Вернулся он или нет?

С Надей, как чувствует Иосиф, особого разговора не могло получиться, она как бы в удалении от него, в своих материнских заботах. Так и должно быть.

Иосиф думал о встрече с Катей, но не представлял, что она будет такой неожиданной и в такое неподходящее для него время. Гром среди ясного неба: Катя!..

Она, как только увидела его, так сразу же и признала, закричала: «Дядя Иосиф!..»

И он узнал ее. Еще не увидев, по голосу понял: она...

Услышав ее голос, Иосиф от неожиданности чуть не лишился чувств: подкосились ноги, он пошатнулся, но устоял, до хруста сжав рукой костыль, на который опирался. Катя закричала, и показалось, что в его выстуженную, опустевшую душу мгновенно ворвалось что-то пусть подзабытое, но уж очень дорогое и близкое. Словами это высказать можно разве что так: в темной холодной ночи вдруг дохнуло теплом, озарило вспышкой света. Да, да, дохнуло тем ранним весенним теплом, озарило тем светом, что случается на исходе зимы, — вдруг на мгновение коснется тебя, взбодрит и тут же исчезнет, оставив волнующие воспоминания...

И сразу перед глазами промелькнула затопленная Гуда... Увидел угрюмого, неприветливого Ефима на взгорке — махал в темноте фонарем: не ему ли светил?.. Если ему, если знал, что он плывет, так зачем было светить, коль затем так жестоко поступил с ним?

Увиделась горящая хата, освещенный отблесками пожара клин бора... К нему, к бору, от взгорка плыл Иосиф. Плыл, как и прежде на спине, время от времени приподнимая голову, и глядел в сторону сарая, где нашли спасение люди, и не видел там Кати — хотя как во тьме различишь. Чувствовал, что нет ее на островке среди односельчан.

Все это на мгновение представилось ему, промелькнуло перед глазами, и вот она, Катя, наяву перед ним, да не одна, а с сыночком, как две капли воды похожим на Петра...

Иосиф, взглянув на Катю с мальчиком, испугался: вдруг их увидят те, за кем он «охотится», да подумают, что мать и ребенок родные ему. Тогда не миновать беды.

Кое-как уняв волнение, на ее крик: «Это ты, ты!..» ответил нарочито холодно: «Обознались, гражданочка» да «мальчика не пугайте...».

Сказал, будто между собой и нею возвел каменную стену, будто огородил их своеобразным оберегом — чужие, незнакомые мне, не трогайте их...

Увидел, как Катерина после его слов будто увяла, а через мгновение, спохватившись, начала успокаивать сыночка. Иосиф быстро перекрестил их и, не дожидаясь, пока Катя вновь направится к нему, поспешил прочь — как можно дальше от них!

Взволнованный, испуганный, он как только мог быстро удалялся от базара, часто стуча костылем по булыжной мостовой, посматривая по сторонам — не преследует ли кто. Поняв, что на улице никому нет до него дела — обычный нищий, каких много, пошел медленнее.

И еще боялся Иосиф, что Катя опомнится и бросится вслед за ним, но и ее не было на улице.

Он отошел от базара на квартал, остановился только тогда, когда в конце улицы уперся в большой кирпичный дом. Посмотрел — какое-то важное учреждение, возле крыльца людно, по обеим сторонам улицы стоят легковые автомобили, а недалеко от них прохаживается милиционер.

Отдышавшись, Иосиф перешел на другую сторону улицы, остановился в тени старых лип, осмотрелся и еле сдержался, чтобы не прокричать: «Что же это я?.. Эх, Катя, Катя... Бери на руки малого да скорее беги прочь! Тот, кто присматривался ко мне, может пристать к тебе, чтобы выведать, кто я и откуда, да не связан ли с тобой, не тебе ли отдаю деньги. И тебя напугает, и ребенка, такие люди ни перед чем не остановятся, если почувствуют свою выгоду».

То, что за ним следит какой-то крепкий молодой мужик (а ему очень надо было, чтобы за ним следили, чтобы взяли, потащили к той, с которой он рано или поздно обязательно должен встретиться), Иосиф заметил сразу же, как только стал возле ворот.

А заметил — будто током пронзило: уж очень похож этот мужик на того, с которым как-то зимой столкнулся здесь, на базаре, когда работал в городе. Такой же кругленький, и лицо у крепыша такое же — маска, ничего не выражает. И глаза бегают по сторонам, выискивают, на чем или на ком остановиться.

Тот мужик в ту голодную зиму, когда фронт отошел на запад, требовал, чтобы Иосиф за кусок конины отдал ему свой добротный, почти новый тулуп. Иосиф, поняв, что перед ним самый обычный спекулянт, шкурник, въедливо спросил: «Ты что, отвоевался?..» Спросил и испугался, когда тот пригрозил, что позовет милиционера, мол, он тебе покажет, кто отвоевался. «Да кто ты такой?..»

Иосифу было не по себе: мужчины воевали, кто вернулся израненный — работал. До изнеможения работали женщины, дети, подростки. Сколько людей голодало, а на базаре заправлял здоровый, лет сорока пяти мужик.

И вот сейчас перед Иосифом стоял молодой мужчина, похожий на того шкурника. Может, сын? Или младший брат? А может быть, просто похожий? Кто знает... В любом случае получается, что живуче их, этих людей, племя. Наверное, в этом же племени женщина, к которой Теклюшка попала в плен...

Вообще-то, главное, что Иосиф напал на их след. Очень хорошо, что они им заинтересовались. Он уже думал, как найти ту, что издевалась над Теклюшкой. И однажды решил: прикинусь нищим, займу ее место у входа на базар. И стал, протянул руку: «Подайте...»

Рядом ходят люди — горожане и деревенские. Кто подаст какую копейку, а кто молча пройдет мимо — не у каждого есть чем поделиться с нищим.

Стыд сжигал Иосифа, каждый поданный грош — будто кипятком в лицо! Но держался как только мог. А вскоре напротив него остановился какой-то молодец. Из-под черных густых бровей бросил на него колючий взгляд. Иосиф свой не отвел, выдержал, хотя холодок пронял тело, через некоторое время тот, ничего не говоря, исчез.

Понял Иосиф, что «клюнул» на него парень, как щука на наживку. Клюнул, но сразу заглатывать не стал, ушел, не иначе, чтобы посоветоваться, как быть дальше с тем, кто самовольно стал, как говорила Теклюшка, на хлебное место. И в подтверждение, что «клюнул», через некоторое время парень вновь

не торопясь прошел возле Иосифа, стал в отдалении и долго смотрел ему в лицо, наверное, чтобы хорошо запомнить. Иосиф сделал вид, что не замечает его, но и он запомнил: лоб широкий, на нем гвозди ровнять, глаза темные, зубы редкие, желтые, посреди, в верхнем ряду — вставной металлический.

Иосиф как ни в чем не бывало продолжал стоять, мужчина исчез. Понимал, к вечеру вернется, чтобы забрать то, что подадут за день, и может быть, поведет туда, где удерживали Теклюшку.

Коли так, нужно продолжать просить подаяние. Ничего, что стыдно, выдержит. Только бы никто из гуднянских мужиков не появился, те нищему обязательно подадут. И могут узнать его. Да и сам Иосиф может себя выдать.

Это будет ужасно. Не объяснишь же, почему стоишь с протянутой рукой, хотя вряд ли кто будет слушать, скорее всего, презрительно покачает головой, отойдет подальше. И вдруг ужаснулся: размышляет о себе, а на базаре остались Катя с сынишкой!..

Иосиф до хруста сжал костыль, сорвался с места и направился к базару.

Долгой, бесконечно долгой показалась ему эта, с полверсты, улица. А когда вошел в ворота, на базаре уже не было ни Кати с сынишкой, ни того парня: вот и думай, не пришел ли тот сюда, пока Иосиф отсутствовал, да не потащил ли их за собой?

Иосиф бросился на улицу. Но уже в противоположную сторону, к частному сектору. Через него улица ведет к шоссе. Знал, Теклюшка говорила, что где-то в частном секторе ее держали взаперти. Утром отводили на базар просить подаяние, вечером возвращали назад.

Пробежал по улице и остановился: вон она, Катерина с сынишкой! Идет вниз по улице, направляется к шоссе. По походке, по спине, по одежде узнал, главное, по мальчонке: в коротких штанишках с одной помочью наискосок через спинку.

Катерина одной рукой держала сынишку за ручку, в другой руке у нее была корзинка. Шли быстро. Рядом с мальчиком, с другой стороны, держа его за ручку, шла девочка лет шестнадцати-семнадцати, возле нее — женщина. Так это же Надежда со Светкой!.. Вот какая она уже большая — невеста!

Иосиф спешил за ними, но близко не подходил: не надо, чтобы его видели. Шел и внимательно смотрел по сторонам, и не замечал ничего подозрительного: ходят люди туда-сюда, никто не обращает внимания на Катерину с Надеждой и их детей, и мужчины того не видно.

«Не приснилось же мне, — подумал Иосиф, — был, наблюдал за мной. Где он? Не успел вернуться? Миновали они то место, где удерживали Теклю, или нет?»

Если миновали, так, может быть, пока мужчина увидит, что их нет на базаре, они успеют уехать. А если тот двор впереди и он выйдет им навстречу — Иосиф защитит: костыль у него крепкий.

Но никто не преследовал женщин, и вскоре они вышли за город, направились к мосту через реку.

У последних домов Иосиф остановился. Дальше идти не было смысла. Во-первых, отсюда они еще долго будут видны, да и выдавать себя не надо. Во-вторых, если мужчина, что уже маловероятно, пойдет за ними, Иосиф увидит. А вот некоторое время побыть здесь надо. И чтобы понаблюдать за ними, и немного отдохнуть.

Размышляя так, почувствовал, что очень устал, переволновался. Осмотрелся — стоит возле невысокого заборчика палисада, к заборчику приставлена лавочка. За заборчиком — домик с двумя окнами на улицу.

Иосиф подошел к скамейке, осторожно сел, с трудом вытянул отекшую, тяжелую левую ногу — совсем омертвела, пусть отойдет, потом он решит, как быть дальше.

Подумал: был бы жив Архип, пошел бы к нему переночевать. Это не так уж и далеко отсюда, влево с версту, вдоль берега реки.

Есть здесь еще один знакомый у него — Григорий, Архипов друг. Нет, к тому не пойдет. Не сошлись сразу, когда познакомились, так разве сейчас сойдутся?

Отдохнет немного да пойдет (долго сидел, уже начало смеркаться). Конечно, к этому времени женщины с детишками уже уехали. Пока отдыхал, через мост прошло несколько машин, и не может быть, чтобы среди них не было попутной в сторону Гуды. А ему спешить некуда, да и незачем. Он найдет где переждать ночь. Летом любой куст приютит, любая копна сена, стожок. О себе какая забота? Главное, что Катерина с сыночком и Надежда с дочерью не заночуют в дороге, сейчас они наверняка где-то возле деревни или в деревне. Все у них как и должно быть: обязательно кто-то из мужчин встретит или уже встретил у дороги от шоссе к Гуде. Может, даже Ефим. А что? Он, должно быть, еще в силе, на своих ногах, обходится без костылей. Ефим хотя несколько старше Иосифа, но всегда был здоровее его.

Интересно, скажет ли Катя, что видела его, или нет?

Впрочем, если даже и скажет, так вряд ли Ефим поверит ей. Засомневается: не обозналась ли? Да и односельчане, наверное, уже давно в мыслях похоронили его. Откуда им знать, что в ту ночь, когда разыгрался паводок, когда изгнали его с островка, он чудом спасся? И то, что пережил тогда, не каждый молодой выдержит...

Иосиф сидел на лавочке до того времени, пока не начали сгущаться сумерки. Вокруг было тихо, на улице уже не было ни людей, ни машин.

В небе высыпали первые звезды, в мягких редких облаках скользил бледно-желтый полозок луны. В домике не зажигали света.

Иосиф почувствовал, что тело начинает пощипывать холодок: старенький, тонкий пиджачок не согревал.

Он подвигал больной ногой — отпустило, можно идти.

Вновь подумал: где бы переночевать?.. Решил, заночует на лугу в стогу. Правда, там, в низине, где стоят стога, недалеко от реки, холоднее, чем в городе. Но это не пугало, дождется утра, не замерзнет. А как только начнет светать, пойдет на шоссе, остановит попутку, вернется на хутор. Пока не отойдет ягодная пора, из Кошары — ни шагу: женщины ездят продавать ягоды, попадаться им на глаза ни в коем случае нельзя! Все разладят. Хуже того, еще беду накличут. А ближе к зиме, когда ни ягодников, ни грибников на базаре нет, вновь поедет в город. Придет на базар, станет на Теклюшкино место — он должен сделать то, что задумал...

Иосиф тяжело, словно нехотя, поднялся с лавки. Постоял, подождал, пока окрепнут ноги. Уже было решился двинуться дальше, как скрипнула калитка, со двора вышла женщина. Она тихо подошла к нему, остановилась в двух шагах и молча посмотрела в лицо.

Он растерялся: не предводительница ли?.. Неожиданно женщина сказала:

— Добрый вечер, дядюшка. Тебе, наверное, плохо?

Он не сразу понял, откровенно ли спрашивает, а когда понял, что откровенно, пересохшими губами ответил:

— Добрый вечер. Нет, это я так на вашу скамейку присел. Вы уж простите меня. Немного приустал. Не подумайте ничего плохого.

— А я и не думаю, — сказала женщина. — Я тебя через окно увидела. Думаю, откуда-то издалека, не наш. Наших всех знаю, город небольшой, а я здесь давно живу.

— Нет, не ваш, — признался Иосиф. — Но не так уж издалека. Всего вам хорошего.

Он собрался пойти, но женщина остановила его:

— Куда же против ночи? Пошли в дом. Переночуешь, а утром — ступай себе с богом. Я и котомку в дорогу соберу, есть с чего собрать: огородик свой, дочь работает.

— Нет, нет! — замахал он руками, и свободной, и той, в которой держал костыль, и упал бы, если бы она не поддержала его под локоть. — Как-нибудь перебьюсь, не впервой.

— Перебиться-то можно, — сказала женщина, осторожно отпуская его локоть. — Но стоит ли, если есть где переночевать? Ты, часом, не один живешь?

Иосиф молчал. Что ей сказать? Что один? Начнет расспрашивать, будет жалеть его. Не надо. Хотел соврать: «Почему же один? Есть хозяйка, и...»

Не домыслил, что еще есть у него, не успел произнести слова, как женщина сказала:

— А ко мне внуки сейчас придут. Дочь приведет. Она работает в ночную смену, детишек не с кем оставить. Сядем разом за стол, поужинаем, поговорим. Может, какую сказку моим внукам расскажешь. У них своего дедушки нет, погиб, а младшенькая все дедушку спрашивает, все сказок ждет. Скажем, вот чей-то дедушка у нас в гостях, и малым будет радость. Только не подумай, что я из-за этого тебя приглашаю, негоже на ночь глядя отпускать человека неизвестно куда.

— Да какая ночь? Лето. Почему куда? Каждый куст...— Иосиф понял, что оговорился, попытался исправиться: — Меня попутка будет ждать. Знакомый шофер...

— Никакого знакомого шофера у тебя нет, — остановила его женщина.

— Ей-богу, есть! — Иосиф уже готов был разозлиться. — Как это нет? Да я с одним человеком только и езжу в город!

— Значит есть, — чуть заметно улыбнулась женщина, и ему показалось, что где-то давно-давно он видел похожую улыбку. Была она мягкая, излучала неподдельную доброту и тепло, он это хорошо видел при свете, падающем из окна, он ощущал это...

— Ну что ж, смотри сам.

Она смолкла. Молчал и Иосиф. Наверное, если бы женщина не сказала о внуках, он, может быть, и согласился бы пойти к ней в дом, и о знакомом шофере не говорил бы. Конечно, она поняла, что он хотел похвастаться — не один! Она чувствовала, что одинок и стесняется этого.

О детишках сказала... Представил, какой необычный для него дух человеческого жилья обитает в этом домике. Представил, как там тепло и уютно, и ему стало завидно: его дом никогда не знал этого. Когда Стас был маленьким, никто из одногодков не приходил к нему играть, боялись Марии, не очень приветливой к чужим детям. И вообще Иосиф уже давно забыл, каков он, дух обычного человеческого жилья. Известно, сейчас жил в чужом доме, оставленном хозяином и хозяйкой, их детьми и внуками, — не по своей воле шли в ссылку. А какой может быть дух от обид, горьких слез, от понимания, что вряд ли когда вернешься к родному порогу, когда неизвестно, выживешь ли там, куда принужден ехать? И когда, случалось, Иосиф задумывался о судьбе хозяина Кошары, о котором однажды услышал от Ефима, ему казалось, что слышит в хате детский плач. И это не тот плач, когда дети плачут,

обиженные отцом или матерью — поплачут да успокоятся, через минуту забыв свои обиды. Этот был жуткий плач: дети видели, что обижают их родителей (а родители для них — все, что связано с понятием жизни), — что же будет...

«Много хорошего видела Антонова хата, — думал Иосиф, — не может быть плохим человеческое жилье, если в нем — дети». И все это хорошее принадлежало Антоновой семье. А он пришел незванный, переступил чужой порог и остался там. Так что же он скажет хозяину, если вдруг вернется?

Иосиф об этом рассуждал часто и ничего не мог придумать. Действительно, что он скажет, кроме одного: «Прости меня, человек, за самовольство, но если бы не твоя хата, наверное, меня давно бы уже не было. Она приняла меня, спасла от холода, а земля, которую ты полил своим потом, не дала пухнуть с голоду. Спасибо тебе, твоей хате, твоей земле! Не порушил я ни твоей хаты, ни твоей земли и духа очага твоего не осквернил... Не тронул ни полатей, на которых спали ты и твои семейные, не взял ничего из одежды, которая осталась от тебя, — все сам добыл и полати сам себе сладил в сенях. Правда, печь твою протапливал, ибо если хата долго не отапливается, не чувствует человека, она умирает».

Думал, если хозяин скажет, чтобы уходил прочь, уйдет. И даже если скажет, чтобы оставался, все равно уйдет — не надо мешать людям жить в своем доме, своею жизнью...

Уйдет куда подальше. Где-нибудь на высоком берегу выроет землянку и будет жить в ней столько, сколько отпущено свыше. А когда поймет, что близок его последний час, выйдет, выползет из землянки — пусть зимой, пусть летом, — ляжет лицом к небу и будет ждать своего последнего мгновения на этой земле, на которой столько страдал...

Иосиф еще раз поблагодарил женщину, сказал, что пойдет к шоссе и поедет домой. Дескать, уж если не получится уехать, тогда вернется, здесь недалеко.

— Смотри сам, — сказала она, — но хоть зайди поужинать.

— Спасибо, я уже ужинал, — соврал он.

— Какой-то ты уж больно стеснительный, — сказала женщина. — Ну что же, иди, легкого тебе пути. Только если что — возвращайся. Сени я не буду закрывать, дом тоже, подожду, как придешь, встречу.

Иосиф пошел за город. Не мог он зайти в дом. Не хотел будоражить душу таким желанным духом человеческого очага, тем духом, который, кажется, чувствовал и знал только в детстве. Было это в ту пору, когда жил в отцовском доме, когда там хозяйничала добрая мачеха-мама...

Он шел за город по пустой улице, слабо освещенной лунным светом. Шел и время от времени оступался, но не падал, шел дальше, и горькой казалась ему легкая вечерняя пыль, поднимающаяся из-под ног. И еще долго слышался ему голос этой женщины, наверное, ненамного моложе него, хорошей и откровенной, заботливой. Он пытался вспомнить лицо мачехи-мамы и никак не мог вспомнить конкретных его черт — просто чувствовал доброту, излучавшуюся из воображаемого им какого-то еле уловимого женского образа. И казалось ему, что голосом женщины, с которой только что расстался, с ним говорила его мачеха-мама...

Он шел, а женщина стояла возле своего дома и смотрела ему вслед до тех пор, пока его фигура не исчезла во тьме. Она знала, сердцем чувствовала, что этот человек не вернется, что он соврал ей, говоря, что не одинокий, чувствовала, что никому не нужен. Знала, что соврать ему было легче, чем признаться в том, какой есть. Понимала, что долгое одиночество забирает у людей право кому-то мешать...

...Не знала она, что это был ее сводный брат. Не знал он, что эта женщина, напомнившая ему мачеху, была ее дочерью, его сводной сестрой...

15

Как и полагал Иосиф, ночь он провел в стоге сена на лугу возле реки. Вернее, под стогом. Стога здесь, на заливных лугах, стояли высокие. Прежде чем сметать стог, мужики клали основу — несколько венков из прочных жердей, потом из досок делали площадку. Сооружение было высокое, прочное, на него и метали сено, делая стог. Сено снизу не замокало, не гнило, под стогом всегда было свежо, но сухо.

Иосиф с трудом забрался под стог, лег на спину. Снизу осторожно, чтобы не портить стог, натаскал из щелей между досок сена, подложил под себя, и хотя был очень уставшим, до утра так и не сомкнул глаз.

Лежал в относительном тепле, но холодноватый ветерок все же забирался сюда, и он с нетерпением ждал утра, чтобы, как начнет светать, пойти на шоссе. Ему бы только поскорее добраться до хутора, уединиться там. Успокоиться — уж очень переволновался, когда встретил Катю с сыночком. Да и в город пока не надо ехать. Показал тем, кто удерживал Теклю и кто на ней зарабатывал, что есть нищий, который сам по себе, ни от кого не зависит, и исчез на некоторое время. А потом осенью, ближе к зиме, вновь появится на базаре, станет на Теклюшкино место и будет стоять там до тех пор, пока они не потащат его к себе. Вот тогда он и найдет возможность отомстить им за нее, хотя Текля, рассказав о том, как они издевались над ней, просила, чтобы не мстил. Говорила, как всегда говорят люди, прошедшие через страдания: «Бог им судья. Воздастся им».

Говорить можно. Только воздастся ли? Да и когда? И кто накажет негодяев? Они же действуют так, чтобы их не разоблачили. Так что, пусть и дальше издеваются над беззащитными людьми?

Тогда он не сказал это Теклюшке. Вообще ничего ей не ответил. Затаился, все вглубь себя упрятал. Подумал, боится она за него. Что он против силы? Раздавят, как муху. Но покончить с бандой надо. И сделает это он... Но не представлял как. Подожжет их гнездо?.. Набросится на них с костылем?.. Или еще что?..

А как же Текля, если его прикончат?.. Он даже на минуту не мог оставить ее одну. И как быть? Ответа не было. Но должен же быть!..

Хоть и не говорил Теклюшке о задуманном, но она каким-то своим женским чутьем понимала, что его что-то гнетет. Иногда говорила: «Смотри, Иосифка, умру, в город не иди. Если что — в Гуду возвращайся. Не распнут тебя там. В чем ты виноват перед людьми? Ни в чем. Если не примут, в стороне от них будешь жить, но на своей земле. Без своей земли жить тяжело, по себе знаю. Может, изба твоя уцелела, а нет — так курень какой сладишь».

— Не говори так, — просил он ее. — Не думай об этом. Нам бы вместе туда пойти, да нельзя. От людей не спрячешься, вдруг кто выдаст тебя...

А думать, безусловно, нужно было. Ведь рано или поздно, а кто-то первым умрет. Как тогда другому быть?..

И случилось, не стало Текли. Похоронил ее. Здесь же, на хуторе... Только не вернется он в деревню. Здесь, возле нее будет... А вот в город еще сходит. Жить там он не собирается, не любит он город. Пожив зимой сорок третьего в городе, поработав там, много чего нехорошего видел. Да и после, как освоился на хуторе, когда изредка приплывал в город, — тоже. Не любил, а понимал, что без города вряд ли выжил бы. Одежду, соль, спички, керосин да что из продуктов можно было добыть только там. Но чтобы все это иметь, нужны деньги или что-то на обмен.

Денег у него не было. Но их можно было заработать, продав рыбу, грибы, орехи, заячьи шкурки, а то и зайчатину.

И если грибы и орехи он собирал, а рыбу ловил, ставя верши, так на зайцев еще в первый год своей жизни здесь наделал петель — проволока на селище была.

Раньше в город Иосиф добирался на челне. Он сам его смастерил, в кладовой хозяина был инструмент, без которого крестьянину и полесовщику нельзя. Инструмент, когда раскулачивали, Антон почему-то оставил: то ли не позволили взять его с собой, то ли он сам не взял — с металлом в далекой дороге тяжело. А может, надеялся на скорое возвращение, как знать.

Тогда, добравшись сюда пешком (Иосиф запомнил, что Ефим говорил о хозяине хутора, знал, как туда попасть и как того зовут — Антон), осмотрел оставленную осиротевшую усадьбу и строения. За годы без хозяина постройки обветшали, земля пришла в запустение. Стал потихоньку обживаться.

А начал с того, что осторожно, неизвестно кого опасаясь, с осунувшейся, почерневшей и поросшей снизу мхом двери в сени сорвал какой-то истлевший шнурок. Затем нажал на заржавевший язычок защелки, толкнул дверь. Пронзительно скрипнув, она легко поддалась — из темных сеней пахнуло нежилым, прелью.

Иосиф постоял у порога, раздумывая, входить или нет, потом решительно широко распахнул дверь, в сени упала полоса солнечного света, в ней задрожал шлейф пыли.

Не торопясь вошел в сени, дверь в избу была открыта. По проседающим под ногами доскам подошел к ней, заглянул в избу и отпрянул — на сером полу были опрокинуты два длинных черных креста: тень от досок с заколоченных окон.

Нелегко было Иосифу войти в дом. Когда вошел, понял, что не станет срывать доски с окон, не сможет жить в избе, остановится в сенях, а в дом будет заходить только чтобы протопить печь. Понял, что не для него чужое жилье, кресты должен снять тот, кто приколачивал их на окна — хозяин. А что доски приколачивал он, Иосиф не сомневался: в Забродье, в Дубосне, в иных деревнях вокруг Гуды окна заколачивали сами хозяева, те, кого раскулачивали. (В Гуде раскулачивать было некого, люди жили беднее, земли не ахти какие, да и деревня небольшая.)

Живя на хуторе, ничего хозяйского не брал. А вот инструментом пользовался, без него не обойтись. Да и инструмент любит, когда к нему прикасаются руки.

В первый же день, осмотрев сени, нашел дверь в боковушку, а там — несколько топоров, пилу, множество стамесок, рубанки, напильники, ножи — все из хорошей стали.

Переночевал на широкой лаве в сенях. На следующий день сладил в них полати. Поправил ворота в кошару, в сараи, в амбар. Потом направился к роднику на меже между лесом и полем: заметил его, когда шел сюда. Очистил родник от опавшей листвы, осевшей в него за много лет, — зазвенела, побежала к реке прозрачная холодная вода. Сначала — извилистым шнурком, потом прямее, ручейком.

На берегу Дубосны свалил хорошую осину. Долго, почти месяц мастерил долбленку. Получилась легкая, большая, копны сена на ней можно возить, дно широкое... И конечно же, сплел верши, без них возле реки никак нельзя.

Сначала жил и ждал, что не сегодня завтра возвратится хозяин или кто чужой нагрянет на хутор. Но время шло, на хуторе никто не появлялся. Было даже удивительно: неужели о Кошаре никто не знает? Да такого не может быть. Есть же лесники, власть. Когда нужно было согнать человека и его семью с обжитого гнезда, так нашли сюда дорогу. Получается, сейчас нико-

му нет дела до этого места в лесной глуши. Но долго ли так будет? А пока Иосиф жил, и никто ему не мешал. Но в его одинокой жизни довольно быстро появилось нечто особенно щемящее, что вскоре начало пугать: а как же быть без человеческой речи, без людского говора?.. Иногда казалось, пройдет еще немного времени, и он, вдали от людей, в глухом одиночестве сам лишится дара речи. Вот смотрит на лес, на реку, на камыш, знает, что это такое, но прежде чем произнести эти слова, долго думает, как их назвать... А вокруг столько самых разных неповторимых звуков — от изменчивого шума леса, птичьего гомона, всплесков воды в крутых берегах до шепота сухой травы и скрипа старого дерева, но человеческого голоса не слышно — пусто без него и невыносимо одиноко.

И в Гуде он был один. Но время от времени слышал человеческую речь, пусть даже прячась за оконной шторой, наблюдая за односельчанами. Волновали его их голоса, он с завистью наблюдал, как Ефим, Николай и Михей возят бревна Кате на сруб, при этом шумят, спорят, потом спокойно разговаривают о своем — живут, как и должны жить люди.

Слышал и как говорят женщины — спокойно, негромко, иногда озабоченно... Слышал и детские голоса — звонкие, веселые, радостные, несмотря на то, что живется им несытно, не очень хорошо.

Слышал голоса людей и в городе, когда работал там, слышал, говорил с кем-нибудь. И никогда раньше не задумывался, что значит слышать человеческую речь, что значит разговаривать с людьми.

А здесь будто оборвана та невидимая нить, что соединяла его с людьми. И обрывки той нити незаметно сплыли, растаяли, не оставив следа, разве что — мысли о людях, воспоминания о них... И каждый раз эти воспоминания, если касались деревни, все больше и больше угнетали его — нет никакой связи с тем, без чего человеку нельзя жить на земле, — связи с людьми.

Понимал Иосиф, что один не выживет. Несмотря даже на то, что у него есть крыша над головой, жилье, еда. Пока ходит по земле, пока стоит на своих ногах, сможет сам согреть место, в котором обитает, пищу добыть сможет. А вот без связи с людьми, прежде всего через речь, пусть через одно-единственное слово, вряд ли выдержишь — усохнешь под тяжестью мыслей о своем былом и настоящем.

Он это знал. Знал, чего иной раз стоит даже одно слово, которого от тебя кто-то ждет, а ты так и не произнесешь его, — судьбы. А если точно, его и ее, Теклюшкиной судьбы.

Своя судьба — так это и есть своя. Она как на ладони. Неподвластна она тебе: смирись с ней, живи, как живется. И он смирился. А вот о ее судьбе ему до сих пор ничего не было известно. Хотя иногда казалось, что Теклюшка, будто бесплотный дух, постоянно возле него. Он идет куда-то, она рядом, не отстает от него ни на шаг. Смотрит на него, и он понимает, что хочет спросить: «Почему же ты, Иосифка, когда просила, не сказал одного слова — останься? Неужто оно такое тяжелое, что произнести не смог? Сказал — осталась бы я с тобой и ничего того, что случилось, не было бы ни в твоей, ни в моей жизни...»

Помнит он и еще одно слово, сказанное чужими для него людьми, но заставившее его вернуться из города в Гуду, — дом. Огромное слово, судьбы людские вершащее... Суть его необычайно ярко открылась ему однажды в городе, когда неожиданно стал свидетелем встречи двух незнакомых ему людей, двух братьев-воинов: один, молодой и здоровый, направлялся на фронт, другой, изувеченный, с обожженным лицом, ехал с фронта. И сотни людей с двух эшелонов, остановившихся на станции, — один направлялся на

запад, другой на восток, — смотрели на этих воинов кто как на своих братьев, кто как на сыновей, а кто как на внуков. Они этих бойцов не знали и никак, ни кровно, ни родственно, не были с ними связаны. Но связь между этими людьми, ставшими свидетелями встречи двух воинов, существовала, и было какое-то особое ощущение единства, и сейчас не до конца понятное Иосифу. Хотя известно, что слово единит, как дух. И судьбу меняет. «Дом» было то слово. «Ваня, домой! — кричал изувеченному брату брат, направлявшийся на фронт. (Наверное, он знал, что его брат с таким обликом не хочет туда возвращаться.) — Слышишь?.. Домой!..»

И был выстраданный ответ: «...Бей гада!.. А я — домой!..»

В том, что инвалид после встречи с братом поехал домой, Иосиф не сомневался. Даже если и дома уже не было — изуверская война прошла по земле. А может, и родителей уже не было. Но, конечно же, были люди, среди которых он рос, мужал, которые провожали его на фронт. Они знали его с пеленок, помнили всяким — вот его дом...

Домой, в Гуду, вернулся тогда Иосиф под впечатлением именно этой встречи братьев, случайным свидетелем которой стал. Только и был дом, и не было его — жил в одиночестве. И в городе среди чужих людей был одинок, как былинка. Вот такой разлом, такое раздвоение. И, наверное, прежде всего, чтобы услышать людей, выбрался он первый раз из Кошары в город, когда и встретился с Архипом...

Вообще-то, в городе Иосиф бывал раз пять-шесть в году. И только в теплую пору года, с наступлением лета до наступления осени. И всегда основательно готовился к поездке — с пустыми руками там нечего делать. Поэтому отправлялся в дорогу только тогда, когда было что продать-обменять — весомый мешок свежей рыбы, переложенной крапивой, несколько вязанок сушеных белых грибов, с ведро орехов да еще две-три заячьи шкурки.

Затемно все это переносил в челн, который прятал в затоке. А как только начинало светать, тихо выплывал на стержень Дубосны, пускал свое легкое суденышко по течению, время от времени слегка правя веслом. На дне челна лежал шест. Им он работал, когда плыл против течения назад. Плыть же по течению, Дубосна река быстрая, одно удовольствие. Все забывается: только река и ты. Обычно такой порой над ней клубился легкий туман. Пронзая его, на воду лились золотые солнечные лучи. В траве, в кустах, в лесу слышались птичьи голоса. Прибрежные деревья, а это в основном березы, осины, дубы, изредка сосны, молча смотрелись в воду, сопровождая Иосифа почти до самого пригорода — верст двадцать, если не больше.

Река до самого города бежала среди леса. Вблизи нее, ни справа, ни слева, не было поселений. Изредка встречались рыбаки. Забросив в воду уды, они сидели на берегу, следили за поплавками. Занятые своим, на человека в челне особого внимания не обращали, плыл тихо, рыбу не пугал. Таких настоящие рыбаки уважают...

Так вышло, что Иосифу повезло сразу же, как приплыл в город. Там он неожиданно сошелся с одним местным мужчиной примерно его возраста. Домик того стоял недалеко от реки, огород спускался почти к самой воде.

Тогда, выплыв из леса к лугу (река разрезала его на две части, большую слева, дальше от города, меньшую — к городу), Иосиф издали внимательно рассматривал правый берег, выбирая место, где можно было бы причалить.

Известно, челн нужно оставить там, где местные мужики привязывают свои лодки. Существует неписаное правило меж их хозяевами — свое не отдавай, но и чужое не бери. Правило это Иосиф знал. Оно всюду одинаковое. Поэтому, как только заметил плес, а на нем с десяток лодок и лодчонок,

направил туда свое суденышко. Под старой большой ольхой, росшей возле воды, нашел для него место. Подплыл к дереву, слева виден песок, справа темно, не иначе яма. Вылез из долбленки на мель — воробью по колено, втащил челн повыше на песок. Пока привязывал его к ольхе, не заметил, как к нему подошел мужчина.

— На базар? — спросил тот, увидев в челне поклажу.

От неожиданности Иосиф ответил не сразу. Голос будто оглушил: к нему обращался человек! О, сколько времени Иосиф не слышал человеческой речи!.. Обычной, разговорной, спокойной, рассудительной, когда кто-то просто говорит о жизни. Последний раз человеческий голос Иосиф слышал в паводок, приплыв на взгорок, но тогда в нем слышалось уничтожающее его: «...Ну, ну...» А здесь...

Прежде чем ответить, Иосиф мучительно начал подбирать слова, а они будто стерлись из памяти. Сначала, как принято, хотел поприветствовать незнакомца: «Добрый день», а потом уже сказать, почему приехал, но только прохрипел:

— Да-а...

— Охрип, простудился, что ли?

— Не-ет...

— Почему такой неразговорчивый?

— Да так... Что-то запершило, — Иосиф нарочно прокашлялся.

— Откуда?

— Издалека, — уклонился он от прямого ответа и показал рукой в лес.

Произнес одно слово, но почувствовал, что оно будто выкатилось изнутри, значит, еще не разучился говорить.

— А что ты хочешь продать? — спросил мужчина.

— Смотри, — Иосиф снял дерюжку с поклажи, лежавшей на дне челна.

— Н-да, неходовой товарец, — сказал мужчина и продолжил: — Рыбы на базаре и без твоей хватает, река рядом. И все остальное тоже есть. Боюсь, что наторгуешь мало, если вообще кто что у тебя купит. Разве что за бесценок, говорю тебе правду, знаю. Я же здешний. Вон мой дом на взгорке (показал на небольшой деревянный домик, от которого вниз к реке спускался длинный узкий огород). А на базар я хожу каждый день. До войны в лавке торговал. Люди приходят, одному это дай, другому то, третьему еще что... И даешь, если нет — достанешь, и человеку приятно, и тебе.

— Как же мне быть? — Иосиф озабоченно почесал затылок.

— Что ж ты так сразу и испугался? — удивился мужчина. — Как быть... Если хочешь, возьму твой товар. Конечно, на тебе не разбогатею, да и не хочу. Внукам отнесу, а что и на базар. Хотя орех твой, наверное, не совсем созревший, а боровик поточен червячком. Да и шкурки...

— Но, — растерялся Иосиф, — а я думал...

— Не расстраивайся. Как тебя зовут?

— Антон, — растерянно ответил Иосиф, впервые назвавшись именем хозяина хутора. Почему он так сделал, и сам не мог бы объяснить: назвался и все. (Позже понял — Иосифа уже нет...)

— А я Архип, — сказал мужчина и подал Иосифу руку. Для человека такого возраста рука была еще довольно крепкая. Иосиф осторожно пожал ее. Он уже и не помнил, кто и когда подавал ему руку. — Ну вот и познакомились,— продолжал мужчина. — Так вот, Антон, видел я, как ты веслом правил. Ловко! На реке вырос?

— На реке.

— Города не знаешь?

— Нет.

— Тогда и не ходи туда. Со мной дело имей, не пропадешь. И мне легче будет. А то...

Он умолк, наверное, понял, что сказал лишнее.

— А что такое? Почему тогда тебе будет легче? — спросил Иосиф, будто давно знал Архипа.

— Почему... — вздохнул тот. — И дом есть, и дома не живу.

— Поссорился со своими?

— Хуже, но не будем про это. А ты мне чем-то понравился. Вижу, поладим.

— Почему бы и нет? — сказал Иосиф и поймал себя на мысли, что уже нормально разговаривает, будто не было столько времени молчаливого одиночества. Торговать он не умел, обрадовался, что встретил человека, который согласен забрать его товар.

— Говори, что тебе дать за твое добро, — предложил мужчина.

Иосиф сказал: немного соли, какой-нибудь крупы, спичек, если есть — хлебушка хотя бы с полбуханки.

— Дам, — сказал мужчина и добавил: — Пошли со мной.

Взяли все, что привез Иосиф. Вышли на узкий лужок, усыпанный цветущей душицей, или как называли в Гуде, материнкой. По лужку, по извилистой тропке, ведущей от лодочной пристани к улице, дошли до небольшой деревянной бани. Иосифа удивило, что Архип повел не к дому, а к бане, стоящей у самой воды на высоком берегу в десятке метров от огорода.

— Здесь я и живу, — объяснил Архип. — А в доме (показал рукой вверх) пусть молодые живут.

Он открыл дверь, пригнулся, шагнул в предбанник. Иосиф вошел следом.

Предбанник был тесный. Слева от двери возле маленького окошка стоял узкий откидной столик, накрытый белой домотканой скатертью. На столике в стеклянной баночке красовался букетик лилово-розовых матердушек.

Архип заметил, что Иосиф недоуменно посмотрел на цветы, усмехнулся:

— Внучка приносит. Я ей как-то сказал, что там, где я родился, эти цветы называют матердушками, так ей запало в душу. Говорит: «Деда, как красиво — мамина душа». Вишь, у самой душа-то еще махонькая (Архип осторожно сжал ладонь, словно там находилось что-то живое), а сколь много вобрала в себя... — Глянул на букетик, продолжил: — Конечно, красивые цветы. Вот, стоят...

— У нас их чаще зовут материнками. Хотя и матердушками тоже, — сказал Иосиф. — Красиво-то как...

— Красиво, — улыбнулся Архип. — Мои родители приехали сюда, когда я еще ребенком был. Здесь же и дом ставили, сейчас он мой. Я смутно помню наше прежнее место, но луг у реки да матердушки на нем — всегда перед глазами. Места-то похожие.

Архип умолк. Молчал и Иосиф, осматривая предбанник. Под столик был задвинут табурет. Справа от двери стояли большие и малые картонные коробки — вот и все, что было в предбаннике. Иосиф понял, что в этих коробках Архип держал все свое богатство...

Отплывал Иосиф примерно через час. За это время они с Архипом познакомились ближе. Даже вместе перекусили. Но не в предбаннике, а на берегу, в тени под ольхой.

Иосиф впервые с того времени, как вернулся из города, ел настоящий хлеб. Долго жевал, незаметно для себя посасывая, будто вытягивал сок, смаковал... Архип это заметил и, провожая его, вдобавок к десятку коробок спичек, увесистому узелку соли, ладному фунтику крупы, бруску сала и буханке хлеба подал нарезанные и несъеденные ломти.

Иосиф взял.

Договорились, что он будет приплывать к Архипу когда захочет. Обычно Архип, если не на базаре, впрочем, там он долго не задерживается, здесь, в своей баньке. И если Антон (Иосиф) не застанет его, то пусть заходит, отдохнет, дверь закрывается только на палочку, вставленную в пробой.

Когда Иосиф сел в свое суденышко и попросил Архипа оттолкнуть его от берега, тот как-то странно засмеялся:

— Сам!.. Силенки, что ли, нет? Я воды боюсь и плавать не умею. А ты, когда причаливал к берегу, не заметил справа от себя яму? Или случайно не угодил в нее? Вон она, воду покручивает, — показал он рукой под берег.

— Заметил, — сказал Иосиф, глянув туда, куда указывал Архип. — Я слева сходил, там мель. Ну что ж, коли так, тогда я сам, — и, взяв шест, оттолкнулся от берега.

Назад плыл против течения. Все время орудовал шестом. Держался ближе к берегу, там, где течения почти нет или очень слабое.

Когда плыл в город, реку хорошо запомнил. Помнил, где в нее упало дерево, где топляки, где глубоко, а где совсем мелко. Препятствия обходил легко и к вечеру был уже возле хутора. Там спрятал челнок в камышах в затоке, где прятал всегда, и еще почти засветло по плахам, лежащим в болоте, вышел на сухое, утомленный, присел на меже.

Была пора вечерней тишины. Дневные птицы смолкли, а ночные еще не подавали голосов. Казалось, воздух можно было потрогать руками, как что-то осязаемое, кристальное, одновременно и золотистое, и синее, еще теплое, но уже начинающее остывать.

Отсюда, из межи меж лесом и длинной, узкой, поросшей травой полосой, когда-то бывшей полем, была видна хата. Приземистая, черная, будто обгоревшая, с прогнувшейся дощатой крышей и заколоченными крест-накрест окнами, сейчас она казалась живым существом, ожидающим своих хозяев, которые вот-вот должны вернуться и вдохнуть в нее прежнюю жизнь.

Иосиф, глядя на хату, думал, что люди неспроста заколачивают крест-накрест окна своих домов, когда оставляют их... Так они сознательно или подсознательно ставят крест на том, чем жили: над своими радостями и горестями, над смехом и плачем детишек, над всеми произнесенными в доме словами, а во всем этом — человеческий дух. А он такой сложный и одновременно беззащитный, и когда люди уходят из дома, уходит и их дух, а без человеческого духа дом умирает...

Иосифу не хотелось, чтобы умер дом неизвестного ему Антона. Не хотел, чтобы умерла хата, давшая ему, чужаку, пристанище, спасшее его от гибели. Вместе с тем он ничего не мог сделать, чтобы вдохнуть в чужое жилье свое дыхание: чужое и есть чужое.

И свой дом, свою хату, свое жилье, в которое он не смог вдохнуть свой дух, наверное, по этой причине и сжег, хотя не собирался сжигать. Хотел очистить от чужого зла, от чужих грехов, а получилось... Вот тебе подтверждение, что и он не без греха... Понимает это, поэтому так страдает. Хотя иной раз кажется, если бы не страдал, то и не жил бы, не понял бы, что такое жизнь.

А она сложная, пусть и твоя, но принадлежит не только тебе. И как на земле переплетаются стежки-дорожки, корни деревьев, как сливаются реки, так переплетаются и сливаются людские жизни и судьбы.

И вот однажды его судьба переплелась с судьбой какого-то Архипа. Хороший он человек. Но по-своему тоже несчастный. Иосиф это почувствовал. Почувствовал, что несмотря на то, что у Архипа есть сын, внуки, дом, ему чего-то очень не хватает в жизни. Не потому ли он и вышел к Иосифу,

когда тот приплыл в город? Вышел на свежего человека, с которым, как понял, хочет сблизиться да высказать нечто личное, что дальше не может удерживать в своей душе...

16

...Конечно, если бы Архип был жив, Иосифу не пришлось бы ночевать под стогом. И вообще, Архип, очень хорошо зная город, базар, где у него было много знакомых, помог бы Иосифу найти ту женщину, которая издевалась над Теклюшкой, не найти которую, как считал, не имел права. И, конечно же, стоять нищим возле входа на базар ему не пришлось бы.

За несколько лет жизни в Кошаре Иосиф очень сблизился с Архипом, но все равно не открыл ему своего настоящего имени. Не открыл по той простой причине, что сам свыкся с чужим именем, сжился с ним так, что иногда казалось, его всегда звали Антоном...

И сейчас утром (ночью не заснул не от холода: под стогом было тепло, не заснул от разных, будто не связанных меж собой мыслей, касающихся только самого себя), как начало светать, проговорил: «Пора, Антон...»

Иосиф осторожно выбрался из-под стога, поежился от холодной влажной свежести, опираясь на костыль, с огромным усилием встал на ноги, зашатался, боясь упасть, но удержался. Ноги долго не слушались, были будто ватные, так с ним случалось по утрам, пока не постоит несколько минут, не пошевелит ступнями, не разомнется. Через некоторое время, почувствовав, что может идти, направился к развилке дорог за городом, к шоссе, проходящему возле дороги, ведущей к Кошаре.

Светало все еще по-летнему, хотя лето уже клонилось к осени. И солнце было не желтое, как неделю тому, а красное. Его лучи уже не слепили, как в начале или в середине лета, на солнце можно было смотреть не щурясь. Роса под ногами не искрилась, как раньше, казалась тяжелой, будто из тусклой бронзы.

Он шел по скошенному лугу, на котором уже заметно отросла еще мягкая осока, и его следы напоминали следы двух полозьев.

Вскоре луг остался позади, Иосиф поднялся на мост. Отсюда хорошо была видна окраина города. Дойдя до середины моста, остановился, посмотрел туда, где на берегу реки, с полверсты отсюда, стояло Архипово жилище: бани не было. На ее месте чернела груда бревен, а чуть дальше — гора чего-то белого. Наверное, кирпич, решил Иосиф, видимо, Архипов сын собирался возводить какое-то строение.

Хорошо было Иосифу с Архипом. Сколько раз встречались, сколько времени сидели вместе за столиком, а то и на берегу в тени старой ольхи, говорили о городе, людях, о базаре, благодаря которому, как признавался Архип, он и живет, не зная голода, а в душу Иосифу не лез, не расспрашивал о личном.

Только однажды, будто вскользь сказал:

— Мы с тобой, Антоне, уже давно знакомы. Просишь, чтобы я добыл тебе то, это... Но почему-то ни разу не попросил что-нибудь для детей, для женщины. Ты один, что ли?

— Один, — махнул рукой Иосиф, дескать, привычно мне одиночество, — всю жизнь один.

— Бывает, — рассудительно сказал Архип. — И я один. Хотя, как знать, и дом у меня есть, и внук с внучкой, да сын со снохой.

То, что дом, стоящий на взгорке, Архипов, Иосиф знал еще с первой их встречи.

— А почему тогда в бане живешь? — спросил Иосиф.

— Потому и живу, что не хочу мешать семье сына. Всю войну жил я в своем доме, жил вместе с невесткой и внуками. Был с ней под одной крышей только ради внучат. Сноха моя, скажу тебе по секрету, втихую гуляла с немцами. В подоле не принесла, но... Может, потому и уцелел мой дом, может быть, потому и внуки не голодали. Она работала у немцев. Многие у них работали, иначе не выжили бы, но — только бы работала.

— Может, брехня? — насторожился Иосиф.

— Никакая не брехня! Если говорю — знаю! А сын вернулся с войны, она ему на шею: «Родненький, дорогой, как же я тебя ждала!.. Как же мне одной с детишками было тяжело. Помощи — ни от кого».

А я, услышав это, словно окаменел, стою, молчу. Он — на меня, да с такими осуждениями, с такой обидой, что хоть сквозь землю провались. «Что же ты, отец, не помогал им?»

Вот так. А я же все что только мог отдавал им. Да оберегал малых, чтобы никто на них пальцем не указал: «Ваша мать — такая-сякая...»

Посмотрел я, как он к ней льнет, а меня просто не замечает, и тихо сошел сюда. Думаю, если им хорошо, так мне вдвойне, пусть живут как знают. Одно утешение, что моя старуха ничего этого не видела, умерла в начале войны. А то не знаю, что бы с ней было...

— А внуки?— спросил Иосиф.

— А что внуки? Как проснутся, так и бегут ко мне: «Деда, деда...» Большие уже, меньшенькой одиннадцать, старшему тринадцать.

— Ну, коли так, крепись, — сказал Иосиф. — Есть внуки, что еще нужно?

— Тем и живу. Стараюсь для них. И очень боюсь, чтобы кто не сболтнул сыну: дескать, живешь с немецкой подстилкой. Тогда семья рассыплется.

— Не скажут. Да и кто об этом знает? Сам говоришь, что втайне было.

— Говорить говорю, а на душе — камень. Так и тянет на дно, иной раз противиться не хочется: топи!..

— Выбрось глупости из головы! — сказал Иосиф. — Может быть, и у меня было немало чего такого, что — в пропасть! А как подумаешь, так нельзя. Нужно прожить то, что назначено. Надо же кому-то и страдать, не всем же быть счастливыми.

Последнее Иосиф уже говорил не столько Архипу, как себе. Ему хотелось рассказать товарищу, а может быть, и другу, почему он одинок, но что-то сдерживало. Тогда вспоминалась Теклюшка. Казалось, она вновь рядом, бессловесная, бестелесная. А иногда казалось, хочет что-то сказать, но не может... Он уже давно слабо представлял черты ее лица, образ скорее чувствовался, чем виделся, но что это она — ошибки не могло быть.

Однажды, когда в очередной раз говорили об Архипе, его внуках, сыне и снохе, о жене, которую, как было понятно, Архип очень любил, Иосиф не удержался:

— Ты как-то спрашивал, почему не прошу у тебя ничего для детей, для женщины. Нет у меня детей и женщины нет. Для той, что была за жену, если бы даже не умерла, ничего не попросил бы — чужая душа. А той, которой все отдал бы, если бы была со мной, — нет. Была такая в молодости, да разошлись наши дорожки. Моя здесь, на этой земле бурьяном зарастает, а ее в коллективизацию потянулась куда-то далеко-далеко...

— Переселенка?

— Да нет, раскулачили. С мужем... И вытравливал я ее из сердца, и выжигал разными мыслями — никак! В молодые годы куда ни гляну — она. Во всем и везде ее ощущал, на все ее глазами смотрел... Это уж потом,

со временем, вроде как снежком начало припорашивать... Бывало, займусь чем, отвлекусь от своих мыслей, кажется, забудется ее облик, будто и не было у меня дорогой мне девушки... Но ненадолго: вдруг явится перед глазами ее лицо — всего будто молния обожжет, и снежок тот мгновенно растает... И тогда вновь смотрю на все ее глазами, во всем ее вижу...

— Знакомо, — перебил его Архип, — моя давно умерла, а тоже, глаза закрою...

— И сейчас, какие уже мои годы, к земле гнусь, задумаюсь, вижу ее перед собой, — продолжал Иосиф. — Стоит обиженная, униженная, оскорбленная — я же перед ней так виноват, что и в гробу не успокоюсь... Мне бы ее наяву хоть издали увидеть, а там...

Не договорил, махнул рукой, задумался...

— Ты что, в девичестве обесчестил ее, а потом бросил? — спросил Архип.

Иосиф удивленно, словно не понимая, о чем говорит Архип, посмотрел на него: лицо серое, морщинистое, с неделю не бритое, рыжая щетина подернута сединой, смотрит строго, недоброжелательно.

— Ты что? Да я ее девушкой потерял! Другой с нею потешался... Люди видели.

— Люди, люди, — передразнил его Архип. — А ты?

— А я что? Отвернулся от нее. Больно мне и обидно было, хоть ложись да помирай.

— Больно, обидно... А ты у нее спрашивал, что да как? Может, сплетни?

— Зачем было спрашивать? Какие сплетни? Если бы не хотела, не пошла бы с ним. Значит, хотела... А потом уже, когда венчаться с ним ехала, говорила мне, что со мной хочет быть.

— Ну и дурак же ты, Антон!.. Здесь что-то не так...

— Так, не так, кто сейчас скажет? А если бы и сказал, разве стало бы легче? Она же просила меня, дескать, только слово скажи, с тобой останусь. Говорила, что не люб он ей.

— А ты не сказал того, что и тебе, и ей было нужно. Да-а... Значит, и ей, и себе не поверил. Как ты так мог, если любил? Почему?

— Не сказал... не знаю почему. Может, потому, что от обиды ослеп, от унижения. С того времени и по сей день, как подумаю, слепым живу.

— Значит, с большой тяжестью на душе по земле ходишь...

— С большой. Иной раз кажется, что земля подо мной проседает... Но если бы только одна эта тяжесть угнетала меня! Есть еще и иная.

Иосиф смолк, долго молчал. Молчал и Архип. Потом, вздохнув, произнес:

— Не думаю, что ты кого-то убил.

— Перекрестись, Архип! — вздрогнул Иосиф. — Я — нет...

Вновь смолк.

— Тогда больше ничего не говори о себе. Легче будет, — сказал Архип. — А то случается, выговоришься, а на душе еще хуже, разлад с самим собой, не иначе.

— Это точно, — вздохнул Иосиф.

Он так и не сказал ему ни о сыне, ни о Марии. Зачем? Давно нет Марии. Возможно, и Стаса уже нет. Арестовали его, знали, что делал в войну, кто такое простит?

— Знаешь что, — вдруг сказал Архип, — если бы не внуки, ушел бы куда глаза глядят. Бывает, когда посмотрю на сноху, сердце так сожмется, что нет мочи терпеть.

— Уйти-то можно, — сказал Иосиф. — Можно и в мешок завязаться, чтобы ничего не слышать и не видеть, а что с того? Глаза не видят, уши не

слышат, а мысли куда запрячешь? Душа, пока жив, не даст покоя, она в теле держится. От себя никуда не спрячешься.

— Выходит, все по себе знаешь...

— Может, и по себе, — неуверенно ответил Иосиф.

Когда начинали разговор, Иосиф, понимая, что Архип ищет у него сочувствия, что ему очень нелегко, хотел сказать: «Поплыли ко мне. Поживешь, сколько захочешь, а как обида забудется, вернешься домой. Научу не бояться воды, рыбу ловить научу, грибов на зиму насушим, внукам орехов насобираешь».

Хотел, но не сказал, подумал, что это было бы глупостью. Нет, не потому, что показал бы Архипу тайные пути к хутору, а потому, что, показав, где нашел себе пристанище, был бы вынужден многое о себе рассказать. Может быть, когда-нибудь и расскажет, в себе все это тяжело носить. Случается, уж очень хочется кому-нибудь открыть свою душу. Но спохватишься: а надо ли? У каждого своя жизнь. У Архипа — тоже. Не хотел, чтобы он в своем горе, пусть даже мысленно прошел по его жизненной дороге, еще более крутой, чем своя. Ведь Иосиф, в отличие от Архипа, ушел хоть и от близких людей, но от чужих, кровно никак с ним не связанных. Архип, если уйдет, родных оставит. Позор ляжет на сына — отца изгнал, внуков деда лишил. Люди разбираться не будут, да и не надо, чтобы они правду знали.

Понимал, если Архип уйдет, назад не вернется: несправедливую обиду своим простить тяжелее, чем чужим. Обида на своих глубоко въедается в душу, извести ее трудно.

Обижался Иосиф на бывших односельчан, но время от времени будто оттаивал, думая, как они сейчас живут. Ведь не все вернулись с войны, а кто вернулся да не застал в живых родных и близких, остался ли в Гуде? А Надеждин Иван? Не дай бог, что с ним случилось, как она двоих детей поднимет?

Да, война давно кончилась, людям нужно жить. Понятно, что уже отстроилась деревня. Может быть, еще не всем поставили дома, но Кате, как и полагается, первой построили. Вдова, ребенка родила. Затем, конечно же, возвели дом и Надежде. Потом — Николаю, Михею, и наверное, в последнюю очередь Ефиму. Тот, какой бы жесткий ни был, а в такой ситуации о себе в последнюю очередь будет думать.

Конечно, если вернулись его Никодим с Иваном, так свой дом должны были ставить немедля. Мужчины, им нужно обзаводиться семьями. Вот только в Гуде девчат нет, не сами свелись, хотя, наверное, так говорить нельзя, не птичий выводок, а род человеческий, — война свела.

До войны были девчата в Гуде, не столько, как в Забродье, но были. В Забродье хат раза в три больше, чем в Гуде. Идешь вечером по улице, что ни скамейка у дома — на ней невесты. И подневесточки рядом толкутся.

Знал, Ефимовы парни, как и большинство заброденских и гуднянских, на своих девчат не очень заглядывались, к чужим бегали, будто те красивее. А так ли сейчас? Да и сколько парней и девчат там и там?..

И его Стас в соседнюю деревню заглядывал. Обхаживал дочь Кечика. Форсистый, «до носа без фиги не лезь»! Только девушка от него отворачивалась. А в войну исчезла. Ушла с отцом в партизаны. Больше о ней ничего не было слышно, впрочем, у кого Иосиф мог спросить, что с ней случилось? Помнится, в войну пьяный Стас как-то кричал, мол, словит ее, набросит на шею бечевку да, как телушку, приведет в гарнизон, отдаст дружкам на потеху...

Однако не словил...

Часто думал Иосиф и о своем доме. Если бы не сгорел, наверное, односельчане заняли бы его да жили, пока свое строили.

Не понадобился дом, а вот лодка его, в этом сомнения нет, пригодилась односельчанам. И зерно, и продукты, которые он оставил в лодке, конечно же, не пропали. И образ... Почему икону им оставил? Он и сейчас не понимает, особо набожных там не было, но оставил. Не хотел с ней лезть в грязную воду? Но тогда еще не знал, что бросится в нее. Помнится, когда подплыл к взгорку, она выскользнула из-под рубахи, и будто кто подсказал: «Отдай им».

Отдал. Вернее, оставил. А сам, перед тем как лезть в воду, перекрестился — словно кто невидимый водил его рукой.

Вода приняла его. Не замерз. Хотя и было очень холодно, доплыл до бора, выбрался на сухое, стянул с себя тяжелую мокрую одежду, выкрутил, надел, подался выше.

Шел и видел, что среди темного разлива горит его дом. Видел, как ветер бросает огонь в направлении взгорка. В отблесках пожара видел там три человеческие фигурки — метались возле сарая...

Какое-то время стоял и хладнокровно наблюдал, как горит его дом, сарай, навес и, наверное, старый куст сирени. Горело все, что нажил за свою жизнь, больше у него ничего не было.

Иосиф не стал смотреть, пока догорит, пошел дальше, повыше, туда, где начиналась чаща леса. Отсюда не было видно ни взгорка, ни его двора с постройками, охваченных пламенем, — только сполохи в темном небе...

Иосиф постоял несколько минут, подставив ветру руки, чтобы высохли. Затем при тусклом лунном свете наломал елового сушняка, поставил в затишье шалашиком, намереваясь развести костер: спички у него были, да и кремень имелся.

Не спеша развязал ремень (перед тем как войти в воду, пережал им сапоги, спрятав в них спички и кремень), вытащил сухие портянки, взял спички и вскоре развел костер.

Пламя быстро охватило сушняк. Еловый лапник и березовые ветки сразу же ярко вспыхивали, освещая все вокруг кострища шага на три-четыре.

Нарвал мха, разостлал возле костра на таком расстоянии, чтобы не сильно жгло, затем бросил наверх березняка — чем не постель!..

Конечно, все это — хорошо, но прежде всего надо высушить одежду, тело начинала бить дрожь, сейчас заболеть — пиши пропало... Воткнул в землю две рогатинки, бросил на них перекладину, снял одежду, повесил сушить.

Одежда высохла быстро, нигде не прожег, потрогал: горячая, но надевать можно.

Подбросив в костер сушняка, лег на постель из мха и ветвей и мгновенно уснул...

...Тогда он проснулся, кажется, такой же утренней порой, и всего за несколько часов хорошо выспался возле костра. Но в эту ночь даже на минуту не смог заснуть.

Первое, о чем подумал: а что дальше?.. В город? Вновь на станцию? А там? Тот же пыльный, грязный угольный склад, конечно, если ему выделят уголок. А если нет? Что тогда?

Вспомнил, что зимой сорок четвертого года, оставляя Гуду, намереваясь уйти куда подальше от односельчан, рассчитывал найти себе место или в городе, или в лесной глуши: там никто из них его не встретит.

Сейчас в город идти не хотелось. Хотелось в лес, и чтобы рядом была река. На ее берегу в потаенном месте он сладит себе избенку — топор где-нибудь добудет — и станет там жить: одиночество вдали от людей и будет ему спасением от страданий...

«Есть такое место! — вдруг вспыхнуло в сознании. — Кошара! О ней как-то говорил Ефим. До войны это было, в коллективизацию. Хутор без хозяина... Туда, туда, по берегу реки. Через болота, через ручьи, через топи... За пару дней дойдет. Знает, как пробраться к хутору через гиблые места...»

И сейчас Иосиф спешил на хутор, на котором за эти годы неплохо обжился, спешил в то место, которое давно и надежно спрятало его от людей.

Сегодня ему нужно было спасаться и от людей, точнее, от тех воспоминаний, которые вызвали встречи с ними, и от самого себя.

В Кошару он добрался только к вечеру. Когда вышел на шоссе, долго не удавалось остановить попутку, прошло несколько грузовых и пару легковых машин, но ни одна не взяла его. Потеряв надежду, двинулся в путь, прошел несколько километров, прежде чем остановился грузовик, хотя он и не поднимал руки.

Шофер, молодой парень, выйдя из кабины, почти втянул его, уже выбившегося из сил, в машину, довез до нужного места. Иосиф попросил остановиться, парень помог вылезти из кабины, а когда признался, что платить нечем, шофер вдруг вложил ему в руку несколько рублей: «Возьми, дядя, и ни о чем не думай».

Взял машинально, глухо молвил: «Спасибо за все». Получилось, будто прохрипел, словно перехватило горло. Повернулся, ткнул под левую руку костыль, не спеша двинулся к болоту. Отошел с десяток шагов, как сзади услышал:

— Подождите, подвезу куда надо!

Остановился, повернулся, посмотрел на шофера: молодой, из-под шапки форсисто выбивается непослушный овсяный чуб, но смотрит на Иосифа растерянно, — прокашлялся, ответил:

— Спасибо, не надо. Добра тебе и всем, кто у тебя есть. Сам еще смогу дойти. А дорога здесь вскоре кончается, ни пройти ни проехать. Только я ее знаю. Сам проложил. Через болото, через зыбь, через трясину. Дурмана там, багульника много. Для того, кто не знает, — гиблые места.

Почему сказал о багульнике, дурно пьянящем голову, если долго среди него находиться, не знал. А то, что сам через болото к хутору дорожку проложил, — правда. Это когда-то, чтобы сплавать в город к Архипу, к своей долбленке ходил иным путем, проложенным еще хозяином. Ефим подсказал тот путь. Долго ходил, привык к нему. А когда постарел и почувствовал, что уже тяжело плыть против течения, решил проложить дорожку от хутора к шоссе через это, еще более гиблое болото: будет легче добираться в город.

Вспомнил: в лихие времена старики сказывали так: «Чтобы следа твоего дурной глаз не видел, сбей из жердочек две небольшие площадки — тебя удерживать должны. Привяжи одну к другой, неси к трясине. Одну брось в нее, другую держи в руках, ступи на ту, что в болоте. Держит тебя? Тогда брось в трясину другую, стань на нее, а первую вытяни, и — наперед. Так и иди».

Вроде никакой особой хитрости здесь нет. Но такое «бесхитростное» приспособление спасало местных жителей от чужаков-завоевателей: до нужного часа прятались в непроходимых болотах, а потом, собравшись вместе, шли на непрошеных гостей...

Уже давно ходил Иосиф из хутора к шоссе и обратно, используя площадки. И сейчас, бросая их в болото, чередуя, двигался к хутору. Идти было тяжело. Под конец то ли от багульника, то ли от бессонной ночи и усталости сильно кружилась голова. Еле выбрался на сухое, а выбравшись, не стал прятать площадки (кто сюда зайдет?), побрел к хутору. Придя к избе, упал на землю возле порога в сени, застонал: «Что же это за жизнь такая?!. Скорее бы умереть, да чтобы сразу, чтоб не лежать в бессилии, зная, что и воды никто не подаст».

Долго лежал на земле вверх лицом, смотрел в небо, на солнце. Оно опускалось за лес, было красное, как перед осенними холодами. Независтливый по своей природе, завидовал Архипу, с которым так и не смог проститься.

Завидовал Теклюшке: умерла, не поняв, что умирает. Ему бы так. Но пока нельзя, есть у него еще дело на этом свете, есть!.. Злое дело, но он должен довести его до конца, хоть Теклюшка просила, чтобы не мстил за нее. Нет, мстить он не будет. По себе знает, месть — последнее дело. Он просто сделает все что сможет, чтобы другие несчастные люди не попадали в тот капкан, в который угодила Текля.

«Нет, чтобы рассказать о банде, в милицию не пойду, — мысленно в который раз убеждал себя Иосиф. — В милиции вряд ли поверят, что такое может быть. Сначала спросят, кто таков, откуда такие вести, да: «Предъяви документы!»

Документов у него нет, но все равно установят, что он — Иосиф Кучинский из деревни Гуда, отец предателя: какая тебе вера?.. Опять же, где и почему столько лет прятался от власти?.. «Чем сейчас занимаешься, на какие средства живешь? Воруешь?»

Что он на все это ответит? Правду? Она им нужна?..

Нет, он обойдется без милиции.

Ему надо действовать самостоятельно. Он сам должен разобраться с ними, уничтожить логово, в которое попала Теклюшка. Как? Да сжечь!..

...А пленили они Теклю в первый же день, как добралась до города...

За несколько дней до этого, ее, обессиленную, с распухшими, побитыми язвами ногами, случайно подобрала незнакомая женщина. Было это где-то в России, ближе к Беларуси. За год скитаний, пройдя множество дорог, Текля настолько выбилась из сил, что идти дальше уже не могла. Порой у нее было такое состояние, что хотелось лечь где-нибудь в затишье, заснуть и не проснуться...

Однажды вечер застал ее недалеко от деревни, размещавшейся близ какой-то железнодорожной станции. Текля шла вдоль рельсов, держа путь на запад, зная, что ее родная земля там, где садится солнце. Окончательно обессилев, увидев деревню, свернула с пути, вошла в перелесок, упала под куст. Здесь ее и обнаружила какая-то женщина — вела с лужка козу.

Женщина подняла Теклю, поддерживая ее под руку, ничего не спрашивая, привела в свой домишко на окраине деревни. Накормила, потом заставила сбросить с себя тряпье, как маленькую, посадила в корыто, вымыла, смазала какой-то мазью язвы на ногах, одела в чистое белье, уложила на кровать у печи: «Отдохни». Рядом на лавку положила платье, плюшевый жакет в заплатах, теплый вязаный платок, поставила на пол бурки в бахилах, дала ей маленькую стеклянную банку с мазью, сказала:

— Если идешь — обязательно дойдешь. Этой мазью утром и вечером будешь мазать раны, ее должно хватить, чтобы ноги вылечить. Она из травы молодила и свиного сала. Если не хватит или раны потом откроются, спроси

у людей, когда придешь, растет ли там молодило. Растет — бери свежую, разотри со свиным салом и смазывай раны. Если нет — прикладывай подорожник. Он везде растет, долго искать не надо, нагнись, поклонись дороге, она сама тебе на подорожник укажет — зеленые листья прямо из земли идут.

— Знаю подорожник, — сказала Текля, — его у нас много...

Говорила Теклюшка, что в маленьком домике той женщины, лежа на мягкой пуховой подушке, накрытая домотканой постилкой, она впервые со времени высылки почувствовала, что чужое жилье может быть таким теплым и уютным, как свое.

Лежала в полузабытьи, видела, как при слабом мерцании свечи изо всех уголков низенькой хатки на нее смотрят изображенные на досках лики святых. Видела, что перед образами на коленях стоит ее спасительница и беззвучно молится на каком-то неизвестном Текле языке.

И вдруг старушка повернулась к ней, спросила, как зовут. Ответила Теклюшка, а дальше слышала, что среди не совсем понятных ей слов (не знала она, что молится женщина на старославянском) услышала трижды и свое имя.

Когда ее спасительница кончила молиться, Текля не удержалась, сказала:

— Вы молились и за меня, но я, наверное, не вашей веры. Я не видела, как вы креститесь, у нас же — со лба на грудь, да справа налево, и тремя пальцами. Может быть, вам нельзя мне помогать...

Но услышала Текля совсем иное:

— Давно я живу на этом свете. Всякое повидала. И людей разной веры видела. Только нет такой веры, если она от Бога, чтобы запрещала помогать человеку. Вера на земле через людей держится, в людях живет, так что какой бы ты веры ни была, держись ее, если пришла к ней. А если еще не пришла, верь в добрых людей и через них найдешь свою веру.

— Скажите, — вновь обратилась к ней Текля, — можно ли верить в людей, когда в ином столько зла, что непонятно, как земля его держит? Как разузнать в человеке веру? По его кресту, по молитве?

— Можно креститься, молиться, а веры не иметь. Вера там, где добро. Добро, по моему разумению, и есть вера. Меня так родители учили. Мы пришли сюда чужими, я была маленькой, ничего не помню. Знаю, какая-то беда нас сюда привела. Говорили родители, что здешние люди нас не оттолкнули, приняли. Какой бы ты ни была веры, это твоя вера... Страдалица ты, и вера тебя спасет.

— Почему страдалица? — спросила Текля.

— Ноги о землю только страдальцы ранят... О чужую землю... Своя-то лечит... По чужой земле идешь... И людей сторонишься... Да и говор тебя выдает, не здешний, хоть на здешний похож. Он у тебя мягче...

Открылась тогда Текля той женщине, кто она, откуда путь держит, куда возвращается...

— Хорошо, что после всех страданий не с тяжелым сердцем среди людей пошла, — сказала старушка. — Все мы братья и сестры. Когда супостат пришел на нашу землю, так тот, кто и тебя от твоей земли оторвал, кто стольким людям исковеркал жизнь, кто немало людей погубил, с этими святыми словами ко всем обратился: «Братья и сестры...» Не думаю, что опомнился в грехах своих. Думаю, понял, чем можно объединить людей разной веры, говорящих на разных языках, чтобы встали против антихриста, посягнувшего на род людской...

Больше старуха ей ничего не говорила. И Текля больше ничего не спрашивала. Одно помнила: с добром идешь...

Через несколько дней, почувствовав себя лучше, Текля сказала старухе, что ей надо идти. Старуха не отговаривала, собрала ей в дорогу котомку с едой, достала из-за образов какое-то колечко, завязала в рожок своего платка да отвела Теклю на станцию. Подошла с ней к товарняку, который, как оказалось, направлялся в Беларусь, нашла его начальника, кругленького важного мужичонку. Одет он был в диагоналевые офицерские брюки, в добротный суконный пиджак, на голове — форменная фуражка, на ногах — блестящие хромовые сапоги. Мужчина подозрительно взглянул на Теклю.

Женщина заметила это, строго посмотрела на него, потом молча отвела в сторону, что-то долго говорила, наконец развязала уголок платка и ткнула в его пухлую руку колечко, которое достала из-за иконы...

А через двое суток товарняк довез Теклю в Беларусь. Здесь, на своей земле, начались Теклины новые страдания... Сошла с поезда, осмотрелась, кажется, не с этой станции везли ее в ссылку. Но по названию — с этой. Вон оно, над дверями в то же низенькое кирпичное здание: «Дубосна» — так ее родную реку зовут...

А дальше городские строения — все кирпичные, красные, в несколько этажей. Раньше здесь стояли обычные деревянные домики с небольшими огородами за заборами из досок, где высокими, в рост человека, а где низенькими, поставленными будто для приличия.

Людей много, много телег, машин легковых, а на путях за станцией — паровозы, вагоны, платформы.

Холод пронзил Теклино сердце: куда податься? Домой нельзя. Сразу же в сельсовет потянут, потребуют документы. А что она им покажет? Вернут в район и вновь — дорога туда, откуда сбежала...

Да и отчего дома, старенькой хатки в тени липняка, наверное, уже давно нет. И родители, наверное, умерли: когда прощалась с ними, были уже старенькие, слабые. Находясь в ссылке, связи с ними не имела...

И того дома, что Авдей купил в Дубосне, не было. Его забрали, когда раскулачивали. Да и война...

Нет, домой Текле путь заказан. Тогда, если бы кто спросил, почему убежала, на что рассчитывала?..

Убежала, ибо не могла дальше жить на чужбине, да и Авдей избивал до полусмерти. Хотелось на своей земле умереть, а перед тем как лечь в нее, Иосифа увидеть. Зачем? В чужом краю много чего передумала и о себе, и о нем, да и как домой шла — тоже.

Вспомнила, что еще задолго до ссылки в городе жила ее подружка Варька. Вместе гуляли в девичестве. Смелая, отчаянная была девушка. Однажды в городе и осталась. Нанялась к каким-то людям в домработницы. Побыла среди городских без году неделю, приехала в деревню в туфлях-лодочках, в платьице до колен, губы и ресницы накрашены. Пришла на вечерки, от деревенских ребят нос воротит, говорит по-городскому, да все: «Ой, девочки...» Ойкала-ойкала, да вдруг и выдала: «Вой, дзеўкі, як села я з ім на лошадь, так и папёрлася кабыла!..»

Парни не могли простить Варьке, что, пожив в городе, перестала замечать их, кто-то дал гармонисту деньги, тот заиграл марш, вывели под него Теклину подружку из хаты, в которой были вечерки.

Текля успокаивала ее, сама с вечерок ушла, не бросила подружку одну...

А потом Варька вышла замуж за того, с кем каталась на лошади. Хороший был человек, намного старше Варьки.

Решила пойти к базару, вдруг Варьку увидит, помнила, где ее дом. А что? Будет ходить по улице возле ее двора, выйдет Варька из калитки,

увидит Теклю, узнает, поможет. А нет — так нет... Тогда будет видно, что делать дальше...

Походила по базару, еще более людному, чем в те времена, когда в молодости бывала здесь, есть захотелось. Узелок с едой, что дала Текле в дорогу старушка, — полдня не проехали, забрал тот человек, который посадил ее в поезд. Увидел узелок, молча забрал и ушел.

Осмотревшись, стала возле ворот, как нищенка, ожидая, что люди подадут, — много где подаяниями спасалась. Недолго стояла, что-то дали, подошел к ней крепкий чернявый парень, нехорошо посмотрел, спросил:

— Ты кто такая? Кто тебя сюда поставил?

Чуть не обомлела Текля: все, окончилась моя дорога, отыскали, повезут назад...

Простонала:

— Никто, сама стала.

— Тогда за мной тихо иди, не кричи, а то мигом рот заткну! Откуда будешь? Справка есть?

Не ответила. Шла молча. Никакой справки у нее не было. Слышала, справки дают тем, кто отбыл свой тюремный срок, а дают ли раскулаченным, не знала. Наверное, догадался, что беглая: начало лета, а у нее на ногах бурки в бахилах, одежда хоть и чистая, но в заплатах, и сама еле идет.

Шла рядом с этим крепким парнем, молча умывалась слезами. Не боялась, что будут бить, пусть бьют, стона не услышат, но кто помогал сюда добраться, все равно не скажет. Многие помогали, последняя — старушка, святая женщина. Плакала от обиды: столько прошла, почти до дома добралась, и — назад...

Хотела под какую машину броситься, о грехе самоубийцы не думала. Не бросилась, побоялась, что из-за нее будет страдать шофер, невинный человек. Его вряд ли посадят, но сам будет терзаться: убил... Если бы через реку вел, тогда она с моста — вниз головой: принимай, родная река-реченька!..

Он и вел ее вниз, на окраину города, туда, где Дубосна, куда ей и надо.

Только не суждено ей было броситься в темные воды, суждено было иное — дальше страдать...

Она попала в руки каких-то злых людей и страдала почти два месяца, пока ее не увидел Иосиф. Они знали, что Текля не будет искать спасения у властей, — беглая. Держали взаперти в каком-то сарае на окраине города, на ночь давали кусок хлеба, утром отправляли на базар просить подаяния, а вечером забирали все, что подавали ей люди.

Текля всегда стояла на одном и том же месте и, как понимала, нищие возле базара, а это были двое мужчин, также «работают» на тех, кто ее приневолил. Поняла однажды, кто всем управляет. Видела через щель в сарае, как во двор вместе с тем крепким парнем, который ее привел сюда, вошла неизвестная ей дородная женщина лет сорока. Видела, как парень заискивающе посматривал на нее. Слышала, как та сказала: «Спроси, есть ли у нее знакомые в городе, да настрого запрети встречаться с ними». Поняла, что женщина эта непростая, коль мужчинами управляет...

17

...Это было два года назад. В ту ночь Иосифу снилась вода.

Снилось, что стоит он на берегу, смотрит вдаль, а там — вода соединяется с небом. Значит, перед ним море, которого он никогда не видел, но слышал когда-то от бывалых сельчан, мол, оно бескрайнее...

Вообще-то, вода часто снилась Иосифу. Знал, если снится чистая вода — к добру. Если же грязная — к неприятностям, а то и к беде. Если же прозрачная, да в ручье, в реке, — неожиданная встреча. Так когда-то люди сказывали.

Какая была вода, чистая или грязная, проснувшись, не помнил. Но, кажется, среди этой воды видел Архипа: он бежал туда, где она соединялась с небом.

Откуда он появился, как проскользнул возле него, Иосиф не помнил. Но заметив Архипа, удаляющегося от него, начал кричать, чтобы тот возвращался: знал, Архип боится воды, не умеет плавать. Кричал, звал к себе на берег и не слышал своего голоса.

А Архип все бежал и бежал, и когда был уже почти у самого горизонта, навстречу ему выплыла какая-то фигурка. Издали она была похожа на большую птицу, только вместо крыльев — руки. Разминувшись с Архипом, то ли плыла, то ли летела прямо к Иосифу.

Иосиф уже не видел Архипа, тот скрылся за горизонтом, и, затаив дыхание, следил за приближающейся к нему фигурой... И когда она была уже совсем близко, увидел, что это девушка, молодая, красивая. Ее красота обожгла, но почему-то, как он ни старался, не мог различить черт ее лица — какой-то неуловимый, завораживающий облик...

Иосиф почувствовал себя молодым, сильным, бесстрашным, взмахнул руками, оторвался от земли, полетел над водой рядом с девушкой, хотел спросить: «Кто ты, как тебя зовут?» — кричал, но не слышал своего голоса и... проснулся.

И сразу же его охватило тревожное предчувствие: неужто Архип заболел? Или, не дай бог, что с ним случилось... В последнее время он говорил, что пошаливает сердце.

Иосиф, не дожидаясь, пока рассветет, даже ничего не прихватив с собой, вышел из сеней и направился через болото к затоке возле реки, где прятал челн.

Спешил, но ни разу не оступился, ступая на плахам, спрятанным в болоте, и вскоре был на месте. Отвязал челн от старой ветлы, сел на корму, несколько раз взмахнул веслом, выплыл на середину реки, направился в город.

Светало. Течение несло суденышко вперед. Ловко правя веслом, держал челн на середине реки, время от времени подгребая то слева, то справа: быстрей, быстрей!..

Время тянулось очень медленно, и путь к городу казался как никогда долгим...

Иосиф думал только об одном: что же могло случиться с Архипом, если он так приснился?.. Заболел, может быть, кто-то его обидел, или, не дай бог...

Допустить можно было что угодно, кроме последнего.

Если заболел, то, хоть и живет отдельно от сына, невестки и внуков, придут на помощь. Знал Иосиф, Архип, перейдя жить в баню, с семьей сына не поссорился — решил человек жить отдельно, чтобы никому не мешать, и только.

Вспомнилось, как однажды Архип говорил ему: «Вдруг приплывешь ко мне, когда не договаривались, не застанешь, то не жди, иди на базар. Там меня все знают. Спросишь, где Архипа-торговца найти, укажут. Случается, я там задерживаюсь. А на базар нужно идти по улице возле моего двора (показывал рукой в направлении домика на взгорке) и нигде не сворачивать. Улица сама доведет до базарных ворот. Не заблудишься, если что — спроси у людей».

Приплыл Иосиф к пригороду, направил челн к берегу, к ольхе. Привязал его, по еще росной тропке заспешил к бане — на двери замок. Раньше замка не было — деревянный колышек на пробое.

Еле сдержался Иосиф, чтобы не застонать: неужели и отсюда изгнали? У кого спросить, кто ответит?..

Решил идти на базар. Может, сам замок повесил, чтобы посторонние не лазили?

Межой поднялся Иосиф к двору Архипа и вдруг застыл на месте: напротив новых высоких ворот из досок — утоптана земля. А от них по улице через шаг — еловый лапник да ошметья увядшей дерезы...

Все, нет Архипа... Нет того единственного человека, который хоть как-то связывал Иосифа с миром людей... Нет того, из чьих уст слышал человеческую речь, благодаря кому не забыл, как люди произносят слова. Нет друга его тяжкой одинокой старости. Как же пусто сейчас на земле... И как горько — Иосиф так и не открыл Архипу своего настоящего имени...

Он не помнил, сколько времени стоял возле ворот, ничего не видя и не слыша. Опомнился, когда взгляд невзначай скользнул дальше по земле, остановился на раздавленном чьим-то сапогом букетике угасших лилово-розовых материнок. Подняв растоптанный букетик, не стряхивая налипшую на стебельки и цветочки землю, осторожно положил за пазуху, направился к базару. Прошел несколько шагов и услышал:

— Вижу, Архипа искал.

Остановился, увидел, как по улице к нему шел пожилой мужчина.

— Его. А что? — не понял Иосиф.

— Я его сосед, — сказал тот и неожиданно подал руку.

Иосиф пожал. Крепкая.

— Я возле Архипа был, когда он умирал. А мог бы еще жить да жить!..

— А что случилось? — Иосифа бросило в жар: неужели Архип не выдержал всего, что свалилось на него после ухода из своего дома?.. Пытался руки на себя наложить?.. Или... Что значит «мог бы еще жить да жить»?.. — Сам?..

— Да нет, — мужчина удивленно посмотрел на Иосифа, дескать, странный какой-то вопрос. — Парни с девчатами на лодке катались. Шутили, девчат пугали, лодку раскачали, она перевернулась. Девчата — в воду, шум подняли: «Тонем!.. Спасите!..»

Архип с внучкой на берегу был и не раздумывая бросился воду.

— Так он же не умел плавать! — почти закричал Иосиф.

— Не умел, — подтвердил мужчина. — А воды там — по горло. Наверное, парни это знали, держались за лодку, ногами по воде били, смеялись, пока девчата Архипа не вытянули на берег. А на берегу внучка от плача изводилась, за дедушку боялась.

Положили Архипа на землю, а он за сердце схватился: «Умираю...» Внучка в крик: «Деда, деда!» Прибежала сноха, в дом Архипа понесли те оболтусы: ишь, когда опомнились!.. Потом кто-то за врачом бросился, а это далеко, за базаром, там поликлиника. Пока туда-сюда, Архип попросил, чтобы меня позвали. Внучка за мной прибежала, я дома был. Побежал, думал, что же такое Архип хочет мне сказать?.. А он попросил, чтобы я тебя встретил, когда явишься, да сказал, чтобы ты осторожным в городе был. Говорил, что не знаешь ты города, боялся за тебя... Просил, чтобы я держал с тобой связь. Мы с Архипом с малых лет по-соседски жили. Как только его родители откуда-то сюда приехали, так мы — с ним. Особой дружбы у нас не было, но всегда ладили.

— Что-то раньше я тебя с ним не видел, — сказал Иосиф.

— Зато я тебя видел. У вас было свое, у меня свое. Поэтому и не видел. А вообще, я к нему в баньку, где он жил, не хаживал. Здесь я его не поддерживал — зачем было идти из своего дома?

— Ну, этого я не знаю.

— Ты на базар?

— На базар, — ответил Иосиф, хотя базар ему был не нужен. Решил: пойду подальше от этого человека. Хотя и руку подал, но какой-то чужой, не сойдемся с ним, разные мы... И предлагает, мол, заходи, если хочешь...

Да не хочу!.. И как Архип мог дружить с ним? Они же такие разные. Но, видишь ли, умирая, Архип думал об Иосифе, переживал, как он будет без него в городе...

Иосиф не помнил, как пришел на базар, — улица привела. Была она не очень шумная, обычная улица небольшого города. Время от времени по булыжной мостовой стучали колеса телег, проезжали грузовики, спешили люди... Ноги сами принесли его к базарным воротам, высоким, металлическим, на верху которых полукругом было написано: «КОЛХОЗНЫЙ РЫНОК».

Вошел в ворота и вздрогнул: в двух шагах от него стояла нищенка. Босая, ступни ног распухшие, будто растоптанные лапти. Одета в лохмотья — такое тряпье хороший хозяин только в собачью конуру бросает. У ног развернутый холщовый мешочек, в нем несколько мелких монет.

Иосиф посмотрел нищенке в лицо, и его словно обожгло: васильковые, неподвластные времени глаза... Кажется, давно забытые, но какие родные... И облик, когда-то самый дорогой на свете, вдруг вспыхнул перед ним, сбросив с обветренного лица глубокие морщины, — ее, молодое, светлое Теклино лицо...

— Текля! — простонал он и бросился к нищенке.

— Я, я, Иосифка, — слабо пошевелила она пересохшими губами, не удержавшись на ногах, начала медленно оседать на землю.

Он подхватил ее под мышки, удержал, прильнул лицом к плечу, зашептал:

— Сколько же лет я тебя ждал, Теклюшка...

— И я тоже, — простонала она. Затем, словно опомнившись, выдохнула: — Спасай, беглая я...

18

Вечером Иосиф привез Теклю в Кошару...

В то мгновение, когда она произнесла: «Спасай, беглая я...», он вдруг почувствовал вспышку такой силы, какой, кажется, не чувствовал даже в молодые годы.

А Текля, овладев собой, попросила:

— Пошли отсюда. Веди меня под руку. Крепко держи и не оглядывайся. Потом скажу, почему.

Иосиф, еще ничего не понимая, крепко держа Теклю под руку, повел ее с базара. Уходя, она даже не взяла мешочек с медью, только тихо повторяла: «Быстрее, быстрее...»

Шли вниз, к реке, туда, где Иосиф оставил свой челн. Текля, ступая по булыжнику, вздрагивала с каждым шагом, будто босая шла по толченому стеклу. Иосиф время от времени поглядывал назад — ничего подозрительного там не замечал: ходят люди, и никому нет дела до них с Теклюшкой. Если она беглая, думал он, то опасаться надо милиции, а милиции здесь не было.

Вскоре, успокоившись, сказал, что надо остановиться, он сбросит сапоги, развернет портянки, обмотает ей ноги.

— Потом, потом, — говорила она, — скорей, скорей...

Так и шли, быстро, как только могли. И через некоторое время миновали Архипову баню, спустились на ярко-зеленый лужок, усыпанный лилово-розовыми цветами матердушек, подошли к челну.

— Скорее! — вдруг почти закричала Текля, показывая рукой на взгорок.

Иосиф, не оглядываясь, посадил ее в челн. Сильно дернул старую, наполовину перетертую бечевку, державшую суденышко возле ольхи, бечевка лопнула. Быстро забрался в долбленку, оттолкнулся шестом от берега, и только когда челн подхватило течение, посмотрел туда, куда показывала Текля: на взгорке стоял мужчина, глядел на их.

— Не бойся, это Григорий, — сказал Иосиф, направляя лодку поперек течения к противоположному берегу. — Он дружил с Архипом, моим хорошим знакомым. Архип жил в этой бане, — показал на баню, — недавно умер...

Уже когда заплыли в лес, Текля, чувствуя рядом с Иосифом себя в безопасности, рассказала, как добралась в город, что, пройдя почти полземли, побоялась идти домой, в свою деревню. Мало ли что может случиться...

— Досталось тебе, — сказал он.

— Досталось. Одна бы не выжила. Где шла, там люди и помогали.

— Авдей как? — вдруг спросил он.

— Авдей? — удивилась она. — Авдей там остался. Я убегала не только из ссылки, но и от него. Уходила ночью. По тайге шла, берегом реки. А тайга — это такой лес, в котором редко человека встретишь, чаще — зверя. Только зверя не так боялась, как человека. Зверь что, обойди его стороной — не тронет. А человек если что удумает, да если ему за это деньги посулят, ни перед чем не остановится, не посмотрит, женщина ты или ребенок... Авдей, когда однажды сказала, что уйду, пригрозил: «Из-под земли достану! Живой не оставлю. В тайге ружье далеко метит...» Долго терпела. Но однажды решила: вырвусь отсюда так вырвусь, нет — так нет. И пошла. Не могла дожиться до того, чтобы в чужую землю лечь — своя есть. И не могла умереть, тебя не увидев, не сказав, что напрасно ты от меня отвернулся, — Авдей тогда меня силой взял. Я же тебя, Иосиф, очень любила. Потому и страдания мои. Но скажу тебе, что страдания сами по себе не страшны, любое стерпеть можно. Страшны они, когда от обиды, когда над честью твоей надругаются.

— Я тоже это знаю...

— Бил меня Авдей. Сколько жили, столько и бил. Все упрекал, что тебя любила. Все вспоминал, как я, когда под венец вез, тебя просила, чтобы забрал меня. Не мог простить... И хорошо, что тогда ты не забрал меня, я уже тяжелой была... Все во мне отбил, так и не родила.

— Дурак был, потому не забрал, — сказал Иосиф. — Не отбил бы... А ребеночка вырастили бы, в люди вывели.

— Не твое, чужое.

— Но твое же. Я дитя в обиду не дал бы...

— Может, и так. Только не от любви оно было, но все равно, как ты говоришь, мое... Я же в снопы не сама пошла, Авдей туда затащил. Перед тем каким-то отваром опоил. Знаешь, его мать, моя будущая свекровь, слыла травницей. Она хотела, чтобы он меня взял, — хвалила как работницу. Помнишь, хозяйство у них большое было, я постоянно у них батрачила. Тогда в амбаре упарилась, таская мешки с зерном. Он рядом крутился. Попросила

пить, так Овдей и подал кружку с отваром тем. Говорит, на, выпей, хорошо утоляет жажду. Выпила, вскоре в жар бросило, а он и говорит: давай на воздух выйдем. Вышли, вскоре память у меня отшибло, ничего не помню. А как опомнилась — лежу в снопах голая, и бабы на меня пальцами показывают...

— Что же ты не сказала мне об этом? — глухо выдавил Иосиф.

— А ты и не слушал бы. Ты сплетням поверил. Что сейчас об этом говорить? С тобой я, сейчас с тобой. Хоть на час, хоть на два, но с тобой. Сколько с ним жила, столько тебя и вспоминала. Молодая была, глаза закрою — ты... Глаза раскрою — ты... И обида во мне на тебя была такая, что не высказать. И на себя обида: знала же, что Авдей ко мне неравнодушен, а кружку с питвом взяла.

— Откуда ты знала, что там? — пожал плечами Иосиф.

— Не знала, но все равно корю себя до сих пор.

— Ничего, Теклюшка, — вздохнул Иосиф. — Хоть на последок дней, но вместе мы. Сейчас я тебя никому не отдам. Не дай бог что, за тебя на любого руку подниму.

— Сейчас я и сама никому не дамся, — сказала она. — Если надо будет — в омут брошусь. А не успею, сама себя удушу.

— Перекрестись! — сказал Иосиф. — Так даже думать нельзя. Грех.

— Сейчас, конечно, нельзя. А было, руки могла на себя наложить. Родители не давали покоя: «Осрамила перед людьми!..»

Но сдерживало, что тогда свою вину перед тобой с собой унесу. Думала, может быть, жизнь так повернется, что когда-нибудь сойдутся наши пути-дорожки, и я все тебе выскажу... И боль свою, и обиду, и правду... Кручинилась, маялась и решила: нет мне иного пути, как за Авдея идти, коль берет...

— Какой же я был дурак! Не тебе, себе не поверил.

— И иное скажу: сейчас, когда ты меня нашел, почувствовала я, что теперь у нас с тобой — один крест... Нелегко мне было с Авдеем. Пусть хоть сейчас легче станет: с тобой я... — Она помолчала и спросила: — Один ты?

— Один, Теклюшка, один. Умерла Мария. Перед войной. И мне с с ней нелегко жилось. Матвеевой половинкой она была. Может быть, и ненавидела меня потому, что свою любовь к нему не могла унять. Так что — Бог ей судья... А крест у нас, как ты говоришь, один. Тяжелый он, вместе нести его нам до конца. Вдвоем легче, чем поодиночке.

— Что правда, то правда. Сейчас меня с тобой только смерть разлучит. Всего боюсь, Иосифка, а ее — нет. Но только чтобы не поздняя.

Последнее сказала загадочно, но он понял: боится, вдруг он раньше уйдет, тогда что с ней будет?..

Понял, но сказал об ином:

— Плывем, а куда — не спрашиваешь.

— Не спрашиваю. Я же с тобой.

— Место одно у меня есть, там никто нас не найдет.

— Дай боже, — сказала она и умолкла, закрыла глаза, осторожно прислонилась спиной к борту челна.

Иосиф, отодвинувшись к корме, снял с тебя старую, потрепанную фуфайку, расстелил на дне суденышка. Затем достал из-за пазухи раздавленный букетик материнок, отложил в сторону, стащил через голову фланелевую рубашку, сказал:

— Ляг, поспи. Нам еще долго плыть. Я тебя накрою.

Текля заметила букетик, ничего не спрашивая, молча легла на дно челна. Иосиф накрыл ее рубашкой, взял цветы, опустил руку за борт, разжал. Течение подхватило букетик, понесло, туда, где остался город.

— В городе у меня друг был, — сказал Иосиф. — Звали его Архипом. И приснился мне странный сон... Проснулся и понял: с ним что-то случилось. Приплыл в город, а его уже похоронили. Возле его двора я нашел этот букетик. Я поднял цветы, пошел на базар и там тебя встретил... Пусть эти цветы возвращаются туда, где остался мой друг. Я знаю, кто принес ему матердушки, — внуки. Знаю, он очень любил внучку и внука, а они — его...

Говорил он тихо, последние слова уже себе, Текля, как только легла, сразу же и заснула.

Течение расплело букетик, цветы растащило по сторонам, и он, последний раз взглянув на них, подумал: а сон в руку. И об Архипе, и о Теклюшке. Ведь образ, явившийся с горизонта во сне, оттуда, где исчез Архип, — Теклюшка.

Иосиф посмотрел на нее. Текля лежала на дне челна на его фуфайке, накрытая его рубашкой. Ее глаза были закрыты, выцветшие ресницы, когда-то темные и длинные, еле заметно вздрагивали...

Иосиф ловко орудовал шестом, стараясь не поднимать шума. Челн скользил возле топляков, валунов, кустов, время от времени попадавшихся на его пути, и все дальше и дальше уходил от города.

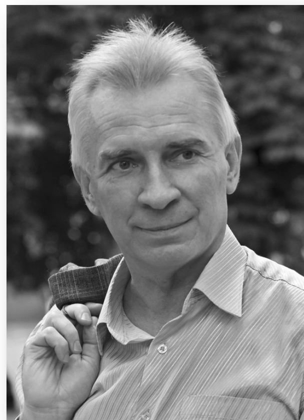
Время от времени поглядывая на сонную Теклюшку, Иосиф думал о том, что и у него, и у нее начинается новая жизнь, их совместная жизнь.

Он не задумывался, сколь долгой она будет, и вообще, долгой ли, в голове проносилось одно: «Господи, какая же она родная и через столько лет...»

...Тем временем, когда на следующий день после встречи с Катей на базаре обессиленный Иосиф, вернувшись на хутор, упал на землю, не зная, что дальше делать, от Гуды в Кошару выплыла лодка. Это была его, Иосифа лодка. Семь лет тому в паводок, затопивший Гуду после того, как взорвалась дамба, он оставил ее односельчанам.

Течение несло лодку, а правил ею, сидя на корме, юноша. Впереди на поперечном сиденье сидел старик. Он внимательно всматривался в даль, боясь пропустить тот поворот реки, от которого через болота должен лежать путь к хутору, на котором он так давно не был...

Перевод с белорусского Ольги НИКОЛЬСКОЙ.



ВЛАДИМИР МОЗГО

И родниковая живая вода дыханье освежит

* * *

Холодный ветер
Над землей сырой...
С деревьев листья
Тихо опадают...
А стены замков
Поросли травой,
О многом очень
Нам напоминают.

И позволяют
Просто помолчать,
Чтоб вдруг услышать
В тишине печальной,
Как камни вековечные
Звучат
Немою и безжалостной
Печалью.

На Минском море

На Минском море,
С ветрами споря,
Танцуют волны,
Не зная горя.

И теплоход наш
Они качают.
Места рыбацкие
Нас встречают.

Сегодня нам
Повезет с уловом.
Жаль, нет тельняшек
У рыболовов!

Жаль, рейс закончился
Слишком рано

И не доплыли мы
До океана!

На Минском море,
С ветрами споря,
Танцуют волны,
Не зная горя.

Вечернее

Луна моргает
желтым глазом,
Как будто сонный
светофор.
И в роще замирает
разом
Многоголосый
птичий хор.

Звук электрички,
убывая,
На тишь ночную
набежит.
И родниковая
живая
Вода дыханье
освежит.

В Лошицком парке

Минувших столетий заложница,
Встречает приветливо Лошица,

Ведет нас тропинкой заброшенной,
Чтоб снова приблизилось прошлое,

Где росами травы увешаны,
Где люди, святые и грешные,

Под этими древними вязами
Незримыми узами связаны.

На родине

Сверкал
на крылышках стрекоз
Луч солнца первый.
Ложился
на прокос прокос

Под перепевы
Косы
над росною травой
На фоне леса.
И ласточки
над головой
Чертили лето.

* * *

В том доме за рекой —
Надежда и покой.
В том доме за рекой —
Подушка под щекой.

В том доме за рекой —
Полным-полно людей.
В том доме за рекой —
Восходит новый день.

В том доме за рекой —
Я пил зари рассвет.
...В том доме за рекой —
Уж пусто столько лет.

В том доме за рекой...

У Ратуши

Я к минской Ратуше иду —
И сердце беспокойно бьется,
Как будто птица в высоту,
В простор небес из клетки рвется.

Потом, немного погодя,
Я подойти к стене решаюсь,
Где капли звонкие дождя
Курантов звоны заглушают.

И просыпаются века,
Что щедрой памятью согреты.
И слышится издалека
Шум подъезжающей кареты.

* * *

Я искал тебя давно,
А потом —
нашел нежданно.
Ты была моей весной,
Вечно юной и желанной.

Потаенные мечты
Враз
        обыденными стали,
Позвала меня ведь ты
В ослепительные дали.

Отлетают прочь года,
Тихо канут в бесконечность.
Только верю,
                как тогда,
В неизбежность новой встречи,

Той,
        что звездочкой ночной
К нам вернется непременно, —
И в судьбе твоей земной
Вновь наступят перемены.

Звездная рябина

Мороза злобного рабыня,
Дрожит от холода рябина
В снегу пушистом по колено,
Что вверх вздымается,
                        как пена.

Пусть наземь
                облетели листья,
Но путеводною звездою
Ее рубиновые кисти
Горят над стылою землею.

А в небе тучки
                с облаками
В свой путь,
                проложенный веками,
Плывут над белыми полями
Куда-то
        вслед за журавлями.

Рябина им
            прощально светит,
Пылают кисти
                на рассвете.
Такая
        горькая судьбина...
Такая
        звездная рябина...

Перевод с белорусского Геннадия АВЛАСЕНКО.

СТАНИСЛАВ ДЕРКАЧ

Лев

Рассказ

1

Мои руки трясутся, я не в силах унять дрожь. Я высыпаю соду на сковороду. Стальная ложка громко звякнула о стол.

Пламя должно быть как можно большим, полчаса адского огня на плите! Сода не может пережариться.

Около двадцати миллилитров воды. Пускай остынет...

Разбить кристаллическую корку! Наверное, так тевтонец ломал копьем лед Чудского озера. Но в моих руках шприц. На пачку теофедрина — четыре миллилитра.

Измельченные колеса в банку, где уже готов щелочной раствор.

Конечно же, бензин! На моих глазах порошок оседает на дно банки.

Бензин льется в баклажку. Четыре капли солянки — этого вполне достаточно — и встряска! Осадок уже начинает высыпаться.

Но не стоит его собирать. Еще слишком мало.

Повторить процедуру! Еще и еще!

У меня начинает трястись голова.

Аптекарские весы. Пальцы просто ходят ходуном. Восемьсот миллиграммов.

Вода в баклажке. Черт, сверху бензин... Где шприц?

Раствор теперь на водяной бане. Еще немного!

Кристалл получился белоснежным. Где-то здесь таянье снегов в древних ледниках, где-то здесь бульканье магмы в жерле вулкана! А вы это чувствовали?

Эфедрин. Ради него стоило подружиться с химией.

Раствор еще стоит на водяной бане.

Всего мгновение, но какое долгое! Игла легко входит в вену. Секунда. Жидкость струится по центральной вене, навстречу приготовившемуся организму.

Дрожь проходит. Покой. Картины дороги, это и есть моя жизнь? Это мой путь? Сгоревшее дерево в поле. Не я ли это?

Мир медленно возвращается. Краски, сколько же красок, как прекрасен каждый вздох!

Чуткость и восприимчивость.

Я совершенен.

— Я никогда не парюсь до события. Вот в день, когда долги придет пора возвращать, мне, наверное, придется туго. А сейчас мне плевать. Хватит доставать меня, кстати. Не смешно.

— Лева! Да ты головой подумай! На кону твоя курсовая, а ты еще ничегошеньки не сделал! — голос Юли сорвался до истерических ноток. Приятно, когда такое прекрасное существо так сильно переживает за тебя. — Значит, так. Сегодня же садишься за учебу. Понял? Ты же светлая голова!

— Ах, да. Чуть не забыл. Я же уникум. Только скажи, кому нужна эта история?

— Она нужна всем. Помнишь, ты еще сам, на втором курсе, говорил мне, что мы дети истории, что...

— Хватит! Каждый день нравоучения! Я вырос! Ясно? — последнее слово я буквально прорычал, вскочив со стула.

Моя грудная клетка ритмично вздымалась и опускалась, и костяшки пальцев буквально хрустели от напряжения.

Юля выглядела очень испуганной. Ее лицо было бледным, а дыхание едва слышимым и прерывистым.

Я повернул голову, чтобы взглянуть на себя в зеркало.

Красные глаза, перекошенное лицо, огромные, вздутые вены на тонкой шее и худых руках, опущенная, словно у быка, голова.

Всего миг я красовался в глазах своего эго.

Да, и это тоже — я. Надо принимать себя таким, какой я есть.

— Буду вечером, — прорычал я.

Юля не ответила.

Больше всего на белом свете я не люблю ждать. Барыги редко опаздывают, обычно приходишь — а они уже тут как тут. Но не в этот раз. Однако я не ухожу. Нас несколько человек, и никто даже и не подумает уйти, хотя каждый из нас ненавидит ожидание больше всего на свете. Мы бы и рады его чем-то скрасить, мы нервничаем, мы пытаемся дозвониться до курьера, мы со смехом, перебивая друг друга, описываем наши приходы или злоключения с мусорами, мы готовы прождать дозы хоть вечность, и не может быть дел важнее.

Вот и он. Мы делаем вид, что совсем не торопимся отдать ему деньги, мы подходим не торопясь, улыбаясь в предвкушении.

— Что? — спрашивает пухлощекий барыга.

— Марку и два грамма лиги.

— Триста пятьдесят.

Рукопожатие.

— Давайте, пацаны! — крикнул я, но никто не обернулся в мою сторону.

Они уже в иных мирах.

Марка лежала передо мной на столе. Я медленно поднял ее, чтобы внимательно рассмотреть. Желтая с одной стороны, с другой она являла миру лицо Барта Симпсона, задорно улыбающегося и хитро прищурившегося.

Марка удобно легла под язык.

Многие принимают ЛСД в шумных компаниях, на вечеринках, но они просто не понимают сути психонавтики. Наше существование есть полигон, бескрайнее поле для опытов и исследований. Все ответы сокрыты внутри нас.

Впервые я хотел поэкспериментировать. Одна марка и шестьдесят семян датуры. Индейский дурман лежал здесь же, рядом.

Медленно разжевал, ощущая горький привкус на языке.

Мне подумалось, что если их проглотить, эффект будет сильнее. Семена прицепятся к стенкам желудка, и трип будет дольше и мощнее.

Стакан воды.

Скоро начнется что-то интересное.

Я лежу на асфальте. Впереди чьи-то ноги. Вот они начинают передвигаться, посылая вперед чье-то ленивое тело. Я встаю и оглядываюсь. Я нахожусь на летнем бульваре, вдоль дороги высажены деревья, правда, почему-то без листьев.

Бежать!

Мысль ударила в голову как молния.

Бежать как можно быстрее! Чтобы успеть!

Успеть что?

Мои ноги передвигаются с огромной скоростью. Дома справа, дорога слева, идущие навстречу люди — все становится сплошной линией, без различия цветов и деталей.

Вдруг я останавливаюсь. Передо мной огромная пустыня, в центре которой ствол обугленного, когда-то мощного дерева.

Я слышу рев. Сердце колотится как бешеное, и страх сковывает мой живот отвратительным холодом.

Огромный лев выходит из-за дерева. Облизываясь, он смотрит на меня, но не рычит.

— Хорошая киса, — только и могу выдавить из себя я.

Лев открывает ужасную пасть, и дикий, беспощадный, сбивающий с ног рев волной разносится вокруг.

Кажется, я потерял сознание.

В тот вечер я обзвонил всех. Подруг, друзей, родителей. Я высказал им все, что думал о них, благодарил за доброту и говорил ужасные вещи за обиды.

Это всегда так. Мозги наружу. Марочный эффект. Правда, от смешения с датурой я ждал большего, увы.

Целую ночь я предавался счастью, читал мантры и видел поразительные образы, чувствовал энергию, струящуюся по энергетическим меридианам моего тела. Каждое движение моих мускулов было настолько осознанным, насколько человек вообще способен на концентрацию.

Я помню, как выбегал на улицу и кричал: «Это мой мир! Небо — это я!»

Через мгновенье я увидел идущих по дороге ментов. Кажется, я попросил у них сигарету, они задали вопрос, вроде, что я делаю в три ночи, в мороз, в тапочках и шортах на улице?

— Я потерял себя, — ответил я.

После чего они вручили мне сигарету и двинулись дальше.

Забавно.

Она взбесила меня. Я не думал, что могу так злиться. Мои глаза застилала красная пелена.

— Да ср... я хотел на твое мнение! Мне пох... что мы никуда не ходим, ясно? Романтики хотела? Закончилась два года назад романтика, когда ты мне первый раз дала!

Юля плакала.

— Иди на... — крикнула девушка.

Я размахнулся и ударил ее по лицу.

Мое тело дрожало от гнева. Я ощущал, как моя нервная система трепещет от потока нестерпимой ярости, и сдержать это не было сил.

Я схватил стоявший на столике заварник для чая и начал методично бить Юлю по голове. Вот она уже не сопротивляется, даже не пищит, но как хочется услышать ее стоны! Удар, сильнее, удар!

Я услышал, как донышко чайничка проломило ее череп. Юля сильно дернулась и обмякла. Странно, но кровь тут же перестала течь.

Я начал потихоньку успокаиваться. Все хорошо. Все прекрасно.

— Юля? — тихо спросил я. — Юля! — снова позвал я, уже громче.

Девушка лежала у моих ног, в луже крови. Я не понимал происходящего, это казалось каким-то сном.

Я взял ее за плечи и начал трясти.

— Юля! Юля! — кричал я.

Вдруг, как стрела, нечто кольнуло меня в сердце.

Я убил ее.

Видели, как здоровый мужик размазывает сопли и кровь по своему лицу, надувает носом пузыри и рыдает, рыдает, не в силах остановиться?

Удар.

Стена дрогнула.

Наверное, это какой-то психоз, абсолютно спокойно подумал я.

И еще раз ударился головой о стену.

Еще удар!

Темнота.

2

Марка лежала передо мной на столе. Что сейчас было? Не могу взять в толк. Как воспоминание, далекое и странное, навевающее грусть...

Так, стоп.

Я убил Юлю.

Я отчетливо помню каждый удар, что нанес ей!

Боже!

Палец мгновенно набрал на клавиатуре семь цифр.

Гудок, потом еще один и еще.

— Алло! Милый?

— Юля? Ты... живая?

— Лев! Ты снова обдолбался? Ты опять?

— Нет, нет, всего лишь сон!

— Ты за дуру меня держишь?

— Клянусь, Юлечка, я еще ничего не ел! Я так рад, что все в порядке! — я и правда был несказанно рад.

— Ладно уж. Что приснилось хоть?

— Да уже не важно! Чем ты занимаешься? — я перевел тему.

Еще пять минут разговора.

Странное дело. Что все это могло значить? Надо повременить с наркотиками. В будущем.

Марка удобно легла под язык.

Семена датуры разжевывались с хрустом, обливая рецепторы языка горечью.

В природе все, что горькое, ядовитое.

За окном громадными хлопьями падал снег.

Весь мой подъезд завален рыбами. Сотни, сотни рыб, прыгающих и безмолвно открывающих рты, сотни скользких, вонючих рыб. Одна из них, самая представительная, в цилиндре, с тростью и моноклем, заявила мне:

— Лев! Люди испортили всю воду в Чижовском водохранилище, и потому мы будем жить у тебя!

Сначала я немного опешил.

— Ладно, заходите.

Вздыбившись, как волна, рыбий поток завалился в мою квартиру, мигом заполнив все пространство.

— Лев, Лев! — главная рыба дергала меня плавником за штанину. — Но у тебя нет воды! Лев, вызови нам такси! Мы пойдем искать другое место!

Я послушно взял трубку и набрал номер. Диспетчер выслушала мой адрес и сказала, что такси будет через десять минут.

Когда я закончил разговор, рыбы уже пропали.

Я подумал, что было бы неплохо принять душ.

Но он оказался занят. Девушка невероятной красоты мылась там, напевая себе под нос какую-то песенку.

— О, Лева! — сказала она, увидев меня. — Ты знаешь, кто я?

— Кто? — в недоумении спросил я.

— Датура, Лева. Я тебя еще долго не оставлю. А спорим, я засуну в рот больше ватных палочек, чем ты?

Мною овладел просто невероятный азарт.

— Спорим! — крикнул я, уже набивая рот палочками.

Она рассмеялась. Вдруг ее смех превратился в невероятный шум, взрыв! Наверное, с таким звуком создавалась вселенная.

Я сидел, прислонившись к обугленному стволу некогда мощного дерева. Прямо передо мной сидел лев. Он выглядел измученным и истощенным, его шерсть уже не лоснилась под солнцем.

Он сидел и пристально смотрел на меня. Его взгляд был осмысленным, и можно было подумать, что передо мной разумное существо.

Лев неловко протянул мне свою лапу.

Я осторожно, медленно коснулся ее указательным пальцем.

Темнота.

Вся комната была наполнена гулом доброго десятка голосов. Мне здесь не нравилось: как будто в большой клетке с пьяными обезьянами.

Наверное, слишком маленькая квартирка для такого количества людей. Гарик, видимо, пытался произвести впечатление на одну-единственную самку, находящуюся здесь, и потому вел себя очень вызывающе. Обстановка действовала на меня подавляюще.

— Лева, — позвала Катя. — Лева, пошли покурим.

— Пошли.

Когда мы встали, Гарик хотел увязаться за нами, но Катя сделала отталкивающий жест рукой.

— Нам надо поговорить, — сказала она ему.

Гарик только хмыкнул и развернулся к нам своей широкой спиной.

На кухне было гораздо тише. На стене висели старые советские часы, знаете, которые громко тикают.

Тик-так, тик-так.

— Больше не в силах тут находиться. Хочу уехать, — сказала Катя.

— Как вариант. Сейчас покурим и подумаем, о'кей?

— Хорошо. Только мне немного.

— Конечно.

Многие не любят легальную траву. Конечно, от нее совсем не такой эффект, как от настоящей марихуаны. Просто срывает твой уставший мозг, освобождает от условностей, все эмоции взвинчиваются до предела.

Да, только сильные чувства.

Две затяжки через скрученного из сигаретной фольги «гуся».

Катя уже возится, пытаясь забить и себе немного травы.

А я уже не воспринимаю реальность. Не воспринимаю так, как всегда.

Мир стал будто более четким, объемным, каждая вещь обрела новую суть, все кругом было словно живое.

ТИК — ТАК, ТИК — ТАК.

— Боже! Как же громко тикают эти часы! Катя, сделай что-нибудь! — с неподдельным отчаяньем говорю я.

Но Катя уже смеялась как сумасшедшая, глядя на меня.

Когда-то давно я сидел на этой травке. Да, на нее очень легко подсесть. Неделю покури, и уже появляется желание дубасить постоянно. Помню, как воровал у мамы кольца и закладывал в ломбард, чтобы купить себе полграмма травки. Как утаивал деньги, чтобы еще раз покурить — в одиночку, прячась ото всех. Позор.

Я решил, что нужно как-то отвлечься. Я начал вспоминать салют, который мы видели с Андреем около недели назад. Он взрывался прямо над нами, разлетаясь на сотни огоньков, а мы стояли, открыв рот, и как завороженные смотрели на него. Вроде мы и тогда были обкуренные.

— Каким он был... восхитительным, — шептал я, а по моим щекам катились слезы. Катя, давясь от смеха, пыталась меня утешать, но получалось у нее не очень.

Вот за это я и люблю легалку. Ты можешь вести себя в компании как угодно, говорить любые вещи, ты можешь танцевать или просто смеяться, но никто не скажет, что ты сумасшедший.

Полчаса взрыва мозга и расслабление.

— Эй, живые? — спросил, заходя, Гарик.

— Вроде да. Будешь? — спросил я, протягивая ему пакетик.

— Я же никогда не курил. Думаешь, стоит?

— Попробуй. Насильно я тебя не заставляю.

Уговаривать долго не приходится никогда. Обычно или есть принципы, которые тебе запретят, или ты покуришь. Одно из двух.

Сначала он просто смотрел в одну точку. Я сидел, посмеиваясь. Бывает такое, залипают.

Затем Гарик закатил глаза, вскрикнул, ударился с размаху головой о стол и, упав на пол, стал биться в конвульсиях.

Мне стало страшно. Он умрет, я сяду. Кто-то же меня сдаст, точно уверен. Скажут, что я принес травку. Сяду.

Я позвал на помощь. Помощь пришла в виде Миши и Кости, двух братьев. Втроем мы отнесли дергающегося Гарика на диван. Еще с полчаса он дергал головой, затем стал потихоньку открывать глаза и приходить в себя. Вдруг он резко выпрямился.

— Сейчас мышцы произведут неимоверный удар! — заявил он, подогнув под себя ноги и согнув руки в локтях.

Еще минут десять трэша.

Гарик пришел в себя неожиданно.

— Чувак! — обратился он ко мне. — Чувак, представь, я создавал Вселенную! По всем законам физики! Я до простейших дошел, чувак! Лева, это было незабываемо!

Да уж. Незабываемо.

Еще часик, и домой.

Я люблю медитировать. В последнее время я делаю это редко, но если выпадает такой случай, не пропускаю.

Я предпочитаю сидячую медитацию дзен-буддистов. Она называется дзадзен. Техника выполнения достаточно проста: ты сидишь в определенной позе, дышишь животом и концентрируешься на этих двух моментах. Все! Ничего лишнего.

На самом деле это сложнее, чем кажется. Ум не хочет бездействовать. Он хочет думать о тысяче вещей одновременно, он заставляет мышцы затекать, а кожу чесаться, чтобы отвлечь от медитации. Ум навевает скуку, тормошит нервную систему, заставляя тебя нервничать, он заваливает тебя придумыванием ненужных проблем, сбивая с концентрации.

А потом он сдается. И ты становишься целой Вселенной, ты ощущаешь свою грандиозную беспредельность, ты являешься всем и ничем одновременно. Где-то между всем и ничем и находится дзен. Если удастся его ухватить, станешь просветленным, разрушив цепи вечных возвращений.

Я сидел. Я отсутствовал, лишь моя оболочка, мирно сидящая в полулотосе, была здесь.

Вдруг у моего уха раздался щелчок, невероятно громкий, словно в моей голове щелкнули тумблером.

Я резко открыл глаза.

3

Марка лежала передо мной на столе. Мне хотелось плакать. Наверное, я начал сходить с ума. Слишком много наркотиков. Винт сменяется марками, марки феном, фен грибами. Наркоманский марафон длиною в жизнь.

Я вскочил со стула, в панике опрокинув его на пол.

— Нет, нет! — громко сказал я.

Больше я не попадусь. Я не съем марку, не притронусь и к семенам дурмана.

Страх овладел мной. Холодной волной он прокатился по моему телу, сосредоточив свои силы где-то внизу живота. Все тело била мелкая дрожь.

Я судорожно схватил телефон. Куда звонить? Скорая? Позвонить маме? Нет, мама не должна узнать. Позвонить Юле? Она бросит меня, когда узнает.

Я расплакался. Мои ноги вдруг подкосились, и я упал на пол, покрытый старым, жестким ковром.

Худший из возможных кошмаров. Пальцы набрали «103».

— Здравствуйте! Номер два вас слушает. Чем мы можем вам помочь?

— Мне срочно нужна «скорая», — срывающимся голосом произнес я.

— Что именно у вас случилось?

— Передозировка наркотиками, пожалуйста, приезжайте быстрее!

— Диктуйте адрес.

Рад, что «скорая» в нашем городе приезжает быстро. Всего десять минут, и я слышу звонок в домофон.

— «Скорую» вызывали? — хриплый голос из трубки.

— Вызывал. Пятый этаж.

Я сел в кресло, начал взглядом гипнотизировать часы. Минута. Еще одна, потом еще и еще. Десять минут... сколько у меня в подъезде ступеней? Неужто можно подниматься так долго?

Я почувствовал, что в моем кулаке что-то есть. Раскрыв ладонь, я увидел лежащую на ней горку датуры и марку с хитро прищуренной рожицей Барта Симпсона.

Маленькая стрелка показывала на цифру двенадцать, значит, прошел уже час. Врачи почему-то не дошли до меня.

Вдруг мною овладело ледяное спокойствие. Я знал, что абсолютно контролирую ситуацию и никакая сила не сможет выбить меня из колеи.

С кривой ухмылкой я закинул марку под язык. Через минуту во рту оказались и черные семена, обжигая язык горечью, с легким маковым привкусом.

Звонок в дверь.

По ту сторону — небритый врач «Скорой помощи», отрешенно смотрит на дверь.

Щелчок замка.

— Долго же вас не было, — говорю ему я.

— Молодой человек, мы разговаривали по домофону минуту назад. Что вы принимали?

— Датуру и ЛСД. Только что, кстати. Наверное, зря я вас вызвал. Все в порядке.

Вдруг до меня начал доходить весь абсурд ситуации. Я вспомнил, как паниковал часом ранее, а сейчас говорю врачу вызванной мною неотложки, что принял наркотики, но чувствую себя прекрасно и помощь мне не нужна.

Идиотизм.

— Кстати, а почему вы один?

Врач посмотрел на меня очень внимательно.

— Ахам мритйух[1], — сказал врач, посмотрев на меня своим отрешенным взглядом.

— Что?

Он взмахнул рукой молниеносно, я лишь уловил легкое движение. Огонь обжег мое горло тончайшей полосой, прочертив линию с правой стороны на левую. Мои ноги подкосились, и я упал на колени.

Что со мной происходит? Почему мою грудь заливает столько крови?

Я попробовал сделать судорожный вдох. Я почувствовал, как часть моего горла словно съехала вниз, раскрылась, а затем раздался хлюпающий звук, и внутрь меня ринулись потоки обжигающей боли.

Я упал на пол, кажется, мое тело трясло. Я видел перед собой ноги убийцы, этого врача со странным, отрешенным взглядом.

— Ахам мритйух, — снова услышал я. Боль уже достигла макушки, достигла кончиков пальцев.

Вдруг все замерло. Что-то теплое спускалось с макушки вниз, к ногам. И что-то теплое поднималось вверх, к макушке...

Невероятный взрыв!

Где я?

Вокруг темно. Я и сам тьма, помноженная на тьму. Как будто света просто нет, ничего нет. Что-то неясное касается меня, будто исследует, смотрит. Прощупывает пространство моего... моего чего?

---

[1] Ахам мритйух (*санскр.*) — Я есть смерть.

Осознаю, что я один. Наверное, это страшно? Как бы не стать этим страхом. Я пытаюсь вдохнуть, ведь я дышал когда-то. Ничего не получается. Что произошло?

Я ничего не вижу. Нет глаз? Пробую дотронуться до лица, но у меня нет рук, хотя я точно знаю, что они были когда-то.

Да, теперь самое время испугаться.

Но и это не получается.

Что со мной? Ээээээй! Кто-нибудь! Помогите!

Я больше не хочу быть здесь. Я не знаю, сколько прошло времени. За что? Я умер? Почему? Как?

Надо успокоиться. Хотя, разве я волновался? Где мои эмоции?

Страшное чувство одиночества. Здесь только я, один на один с собой.

Попробую помолчать минуту. Интересно, как долго длится минута?

Невероятный рык с треском разрывает меня, и я взрываюсь, растекаюсь по миру! Да, теперь есть мир, теперь я — мир!

Кажется...

Я открыл глаза. Надо мной висела странная лампа, похожие есть в операционных. Вокруг какие-то шкафы с прозрачными дверками, на полках стояли микстуры и пробирки.

Я попытался встать, но обнаружил, что руки и ноги привязаны ремнями к столу. Вдруг в нос ударил резкий запах рвоты.

Подняв голову, я увидел, что вся моя одежда заблевана.

Что произошло? Память будто стерли.

— Кто-нибудь! Эй! — я попробовал позвать на помощь, но никто не откликнулся. Видимо, я был здесь совсем один.

Пришла мысль вытащить руку из-под ремней. Кажется, левая закреплена не сильно. Да, так и есть!

Быстро отстегнул правую, освободил ноги.

Блевотина пропитала всю мою одежду, даже мое лицо.

Я огляделся в поисках двери. Надо срочно умыться, срочно поговорить с кем-нибудь.

Но двери не было. Комната абсолютно изолирована.

— Эй! Ааааааа! — закричал я. Колени просто ходуном ходили от страха, холод сковал живот.

Я глядел по сторонам снова и снова. Ощупывал стены, искал выход на потолке, искал на полу, под столом.

Все напрасно. Я в ловушке.

Случайно обратил внимание на шкаф. Там, за дверцами, на полке лежала броская марка, рядом — горстка черных семян.

Стало смешно. Веселясь, я закинул марку под язык. Минута, и я уже пережевываю семена.

Где-то здесь есть подвох. Я это знаю. Но подвох в чем? Никак не вспомнить...

Вдруг голова очень сильно закружилась. Я поскользнулся на чем-то мокром.

Весь пол в блевотине! Неужели это моя? Но я готов поклясться, что ее здесь не было!

В глазах потемнело, глухой удар об пол и...

4

Я все помнил. С момента начала трипа вплоть до этого мгновения.

Только одна странность. Что было до трипа, я не помнил.

Я думал, что понимаю происходящее со мной. Эффект ЛСД — яркий, сочный, мистический, срывающий твои страхи и комплексы как ненужную одежду, освобождающий и просветляющий. Эффект датуры, «травы дьявола» — мрачный, вызывающий чувство одиночества, тоску, без кастанедовских знаний ее лучше не глотать.

Гремучая смесь, гремучий трип.

Я подошел к столу. Марки и семян не было. На столешнице лежала записка. Слова показались очень знакомыми, где-то я их уже читал.

«14.02.09. 23:22

Первая половина дня прошла идеально. Проснувшись, я медитировал, потом пошел в зал. Удачная тренировка, новый абонемент... заложил новое кольцо, чтобы выкупить старое. После этого все пошло наперекосяк. Связавшись с Женькой по скайпу, тут же вырубили полку, правда, за его деньги. Думал, не страшно, всего один раз, последний, больше не буду. Следующий день, сегодняшний, просто ужасен. Худший день в моей жизни. Кто не нюхал клей в день влюбленных в подъезде, тому не понять. Я опустился ниже плинтуса, став тем, кого всегда презирал. Сейчас я сижу у Нади и пишу это сообщение — пришел к ней в надежде получить какую-то поддержку. Мне очень плохо, я хочу просить у всех прощения. Я потерял всех друзей, я бесконечно корю себя за мамины кольца, сданные в ломбард ради дозы. Самое смешное, что я даже не могу вспомнить, где деньги, — я просто не помню, как их потратил.

Очень стыдно перед Ксюшей — приехали к ней с Женькой, нанюхавшись клея, еще и купили два новых тюбика в универмаге. Наверное, выглядело специфически: «Дайте, пожалуйста, два 88-х клея и два пакетика. Нет, нет, именно 88-х клея, этот не подходит, ха-ха!»

Надя сидела и плакала, когда мы рассказывали, во что превратились. Если я не начну что-то менять в своей жизни, я потеряю жизнь.

Если я не могу попросить прощения физически, то хотя бы сделаю это на страницах дневника. Прости меня, мама! Пожалуйста, прости меня за то, что таким вырос твой сын. Простите меня, друзья, за то, что бросил и забыл вас. Вопрос только в том, прощу ли я себя.

Трип длиной в зиму, зима длиной в затяжку».

Это была одна из записей в моем дневнике.

Помню, я называл свой дневник «Моя дерзкая правда». Планировал когда-нибудь издать его и заработать кучу денег. А потом забил на все.

Сколько времени прошло! Я отлично помню тот день. В ту же ночь я решил, что больше никогда не буду принимать наркотики. Что больше они мне не нужны.

Поэтому я называл тот день и самым лучшим, и самым худшим в моей жизни.

Вот только почему я увидел эту запись? Из подсознания прорывается крик отчаянья?

Глупо. Я не такой завзятый нарик.

Или такой?

Пока у меня период ясности, надо позвонить Жене. Кнопки начинают расплываться, значит, датура наступает. Надо быстрее.

Хорошо, что номер я помню наизусть.

Эти операторы связи вместо гудков включают какие-то дурацкие мелодии. Привет, Гриша Лепс! Рад снова тебя слышать.

— Женя?

— Привет! Что голос такой встревоженный?

— Помнишь, что было четыре года назад? День всех влюбленных, а мы нюхаем клей в подъезде! Помнишь?

— Помню, конечно. Разве такое забудешь?

— Вот именно. Что было потом?

— Потом? Хм... Ну, как что! Через пару дней полку вырубили. Дубасили. Потом, ээээ... да не помню я! А что?

— Нет, ты не понял. Что было потом, вообще? Какой стала наша жизнь?

— Веселой, конечно! Хоть и суматошной. Потом мы поступили, жили, любили.

— Как зовут мою девушку?

— Девушку? Разве у тебя есть девушка?

— Есть. Творится нечто странное. Ты, мой лучший друг, не знаешь имени моей девушки. Женя?

— Но ведь она не твоя, хоть с тобой она!.. — ответил мне Лепс.

— Женя? — в мой голос уже прорвались истеричные нотки.

— Привет! Что голос такой встревоженный?

Я выключил телефон. Бессмыслица. Таких приходов не бывает. Все слишком жутко. Лучше бы я видел монстров.

Плотная стена снега стояла за окном. Я открыл его настежь, позволив тяжелым хлопьям ворваться в комнату.

Провел рукой по подоконнику. Он был уже мокрым, так намело, а прошло ведь всего секунд десять.

Я подумал, что львы так не поступают. Хотя, мне ли судить?

Шаг вперед.

Лев пристально смотрел в мои глаза.

Я сидел под обугленным деревом. Оно выглядело гораздо лучше, чем раньше, кое-где на ветках даже виднелись маленькие, липкие листики.

Я огляделся. Пустыня была все той же, с палящим солнцем и потрескавшейся, безжизненной землей.

— Не помешал бы дождь, — сказал я вслух.

Лев рыком обратил на себя внимание. Он стоял прямо передо мной, чуть не упираясь мордой в живот.

— И кто ты? Моя душа? Ангел-хранитель? Субличность? Тотем? Эй, я с тобой говорю! — Царь зверей не слушал, он молча развернулся и побрел прочь.

Только сейчас я заметил, что все небо заволокли тяжелые тучи. Первая капля тут же ударила меня по носу.

— Ха! Как по заказу! — с улыбкой крикнул я тучам.

Разразился дождь, насыщая землю целительной влагой. Я знал, что если подниму голову, то увижу, как на ветках распускается все больше и больше листьев.

Но я просто смотрел вслед уходящему в пелену дождя льву. И смеялся.

5

Неожиданно я вынырнул из пакета. Что? Что это было?

Реальность еще.

Реальность — что?

Реальность не вернулась.

Сейчас, одну секунду.

Весь подъезд провонял клеем. Я, наверное, тоже.

Память потоком вливалась в мой мозг. Я вытянул руку с пакетом, куда час назад выдавил тюбик клея. Неужели все это было одной большой галлюцинацией?

А может, прошел не час?

— Женек!

— Оу! — голос раздался с верхнего лестничного пролета.

— Ты где?

— Здесь. Ты чего застрял там? Уже минут пять торчишь!

— Пять? — я снова посмотрел на пакет с клеем. Потом скомкал его и бросил в щель между лифтом и мусоропроводом.

— Спускайся, бро. Нам надо поговорить.

Женя не заставил себя ждать.

— О чем пойдет речь?

— О том, что я точно знаю, какую запись сделаю сегодня в своем дневнике.

Когда мы вышли из подъезда, на улице плотной стеной шел снег.

ТАТЬЯНА МУШИНСКАЯ

Мерцанье тайны в каждом слове есть...

Море. Рассвет

Над водою вставало светило...
И оно — светило, светило!
И оно поднималось из моря —
Просто, ясно, ни с кем не споря.

И оно поднималось громадой,
Все омытое росной прохладой.
Только солнце, вода и простор —
Все стоят в глазах с этих пор.

* * *

Как хорошо наедине с собой,
Когда в душе гармония и благость,
Когда себе и никому не в тягость,
Как хорошо наедине с собой!

И ясно за окном и на душе,
Когда душа и ум живут в согласье.
Не зря гармонию назвали счастьем...
Как хорошо наедине с собой!

Май

Слышу, слышу оглушительные трели.
И звучат они, звучат нежней свирели!
И звенят, переливаясь, голоса,
Распахнулись синевою небеса.

Так поют, так ублажают, соблазняют...
Будто счастье, будто радость обещают
В неумолчной и зеленой майской чаще:
«Приходи же, приходи же к нам почаще!»

* * *

На город тихий вдруг обрушилась весна.
Пришла она нечаянно, негласно
И в плен взяла согласных, несогласных...
И тем, и этим стало не до сна.

* * *

Мерцанье тайны
В каждом слове есть.
Вернее, много тайн —
Как залов анфилады.
Я к сущности иду —
Как по аллеям сада...
Мерцанье тайны
В каждом слове есть.

* * *

Все превращается
в пепел и прах.
Что остается?
Мелодии сладость,
Рифмы моей
легкокрылая радость,
Что побеждает
космический мрак.

Предчувствие весны

Ах, какой серый день!
Вдруг лазурь по глазам полоснет.
Меж сугробов сирень
Вдруг нежданно в душе зацветет.

Меж уныния вдруг
Озарится восторгом душа.
Оглянется вокруг
И запомнит весь мир не спеша.

И распустятся вдруг
Все цветы у меня на столе.
Будто лучший мой друг —
Солнца луч на морозном стекле.

Отменяется мрак!
Торжествуют весна и любовь.
И придет светлый день,
Мы нечаянно встретимся вновь.

ВИКТОРИЯ СИНЮК

Da capo al Fine[1]

Рассказ

До начала концерта в филармонии оставалось немногим более получаса, и Лада, пришедшая пораньше (такое уж обыкновение), бродила по бульвару Мулявина, слушая первый сентябрьский листопад, плавный и нежный, как начало «Лунной сонаты». «С каждым годом все трудней и трудней прощаться с летом, — думалось ей и не верилось, что позади их уже двадцать девять. — В сущности, вся музыка мира о том, что жизнь проходит... Да, жизнь коротка, искусство вечно. А что, если было бы наоборот? Вечная жизнь и сплошная однодневная эстрада, китч, бульварное чтиво — ни Моцарта, ни Рахманинова, ни Толстого... Кошмар!»

— Интересно вы рассуждаете, девушка. Неужели ради «Анны Карениной» и сороковой симфонии вы, случись выбирать, отказались бы от вечной жизни?

Лада опешила. У ее внутреннего голоса был совсем другой тембр. Она оглянулась: незнакомец, соломенный блондин лет тридцати пяти от роду, улыбался сквозь аккуратную бородку, ничуть не стыдясь своей бестактности.

— А вы, судя по всему, специалист по чтению мыслей.

— Нет, но я мастер подслушивания. Вы рассуждали вслух, а я случайно проходил рядом.

— Я опаздываю, — Лада развернулась, ускорила шаг и направилась к филармонии. Царское ли дело объяснять какому-то шпионишке ход своих размышлений? «Боже, отчего ты так пуглива?» — не без досады поинтересовался внутренний голос.

— На органный концерт? — незнакомец подался вслед за ней. — Я тоже туда, только жену надо дождаться.

— Ну и ждите. До свиданья, — Лада зашагала еще решительней.

— У вас какой ряд? Не третий, случайно? — спросил он вдогонку.

Лада приостановилась на полмгновения. Действительно, третий ряд, пятое место — так написано в ее билете... Странновато. Все же она нашла в себе силы побороть любопытство и пойти дальше: до начала мероприятия оставалось двадцать минут.

В первом отделении прославленный органист, лауреат всевозможных премий, человек с пасмурным, позднеосенним обликом, исполнял сочинения композитора эпохи барокко Дитриха Букстехуде. Зал полнился величественными, почти осязаемыми звуками, отзывающимися внутри гулкой вибрацией. То строго и дидактично, то утешающе и мягко говорила с душой музыка, которой суждено было родиться бессмертной. Лада, закрыв глаза, думала о том, что эта музыка живет уже несколько столетий, звучит для

---

[1] С начала до слова «Конец» (*итал.*) — муз. термин.

самых разных слушателей. Ей внимали неприступные викторианские дамы и экзальтированные декаденты, представители раскрепощенной западной богемы середины прошлого века и аскетичные советские интеллигенты. Последних, к слову, в зале было большинство: пожилых, подчеркнуто собранных, одетых в костюмы и платья, когда-то, видно, смотревшиеся нарядно. Лада мысленно наполняла концертный зал людьми разных эпох, и в каждой из этих воображаемых аудиторий ей хотелось побыть своей, слиться с настроем ушедших времен.

Объявили антракт. Легкое наваждение схлынуло, Лада встала со своего места (она намеревалась пойти в буфет и немного перекусить — шла ведь прямиком с работы) и вдруг на другом конце длинного третьего ряда увидала своего беззастенчивого незнакомца в компании симпатичной женщины одних с ним лет. Он поднялся, а спутница, сказав ему что-то, на что он кивнул, осталась на месте.

«Совпадение, — подумала Лада. — Все в жизни бывает». По крайней мере, с ней за двадцать девять лет приключилось немало странного. Например, роман с итальянским скульптором, с которым она познакомилась на летних каникулах в Сорренто. Что же странного? Житейское дело, скажете. Однако роман разгорелся тогда, когда она случайно встретила Луиджи в Минске. Причем отнюдь не в центре города, столь любимом гостями из зарубежья, а на тихой улочке Клумова, расположение которой и не всем минчанам-то известно. Что он там делал, она так и не поняла. У них было всего две недели его отпуска — разговаривать о пустяках времени не оставалось. Итальянец рассказывал о своих скульптурах и мастерской, о женщинах, даривших ему вдохновение, и друзьях, завидовавших его таланту. О жизни Лады, ее прошлом и настоящем, о мимолетных делах и заботах он мало расспрашивал. И в этом была своя прелесть — рядом с ним закрывалась дверь в будни, начиналась феерия в масках, которые (с точки зрения, именуемой «от лукавого») были едва ли не правдивее, чем их повседневные лица, вписанные в декор обыденности. До сих пор воспоминания о днях с Луиджи текут по ее сердцу горьковатым апельсиновым соком, густым и горячим, как итальянская нежность.«Piano, piano», — просила она его, когда он обрушивал на нее каскад этой нежности, а он не слушал — вся его натура была сплошным неукротимым «forte»! Из его странички в «Фейсбуке» она узнала, что Луиджи надолго уехал во Францию, где организовал мастерскую и маленькую художественную школу для детей. А потом он и вовсе перестал объявляться в социальной сети — и эта последняя паутинка между ними растворилась безвозвратно...

Очередь в буфет, как и следовало ожидать, сформировалась не маленькая, но и не слишком большая. Лада встала за красивой пожилой парой и стала изучать ассортимент. Капучино и черный шоколад с тертым миндалем — вот чего ей хотелось сейчас больше всего.

— Я дико извиняюсь. Думаю, вы снова не очень рады меня видеть.

— Вам повезло: я подобрела благодаря Букстехуде, — Лада с улыбкой обернулась на уже знакомый голос. Ощущение гармонии и целесообразности всего на свете еще не покидало ее.

— Замечательно. Можно обратиться к вам с просьбой?

— Можно. Только с очень маленькой, пустяковой.

— Это как раз тот самый формат. — Он встал ближе к Ладе и тихо, чтобы не возмущать благочинных любителей органной музыки, продолжил: — Когда будете покупать кофе, возьмите, пожалуйста, для меня шоколадку. Тут без сдачи. Боюсь, если я стану в очередь, просто не успею, а жене так захотелось сладкого...

«Когда будете покупать кофе... — мысленно повторила Лада. — Неужели я такая прозрачная?»

— Я смотрю, телепатические способности вам все же не чужды, молодой человек.

— Придется вас разочаровать: я просто хорошо чувствую людей. По вам, например, видно, что вы немного устали и хотите взбодриться. Никакой магии — высокий уровень эмпатии и профессиональная наблюдательность. Я фотограф. Святослав Сенчин. Не слышали?

— Нет, я мало интересуюсь такими вещами.

Буфетчица, отпускавшая Ладе ее заказ, с ленивым скепсисом покосилась на Святослава, задержав взгляд на безымянном пальце его правой руки. Ей хотелось сказать ему (так, справедливости ради): «Вы же пришли раньше этой девушки — зачем ломать комедию? Тем более женатый». Но она давно уже была убеждена в том, что если и есть у мужчин понятие справедливости, то слишком уж своеобразное, потому промолчала, встретив очередного покупателя приветливым взором нотрдамской химеры.

— Вот ваша шоколадка. Пора по местам: два звонка уже было. — Лада на ходу сделала глоток горячего, не в меру разбавленного кипятком кофе. — Кстати, про третий ряд вы тоже почувствовали?

Фотограф улыбнулся.

— Не знаю, кажется, просто угадал... Скажите, у вас есть страничка в «Фейсбуке»? Хотел бы изложить вам свои соображения относительно короткой жизни и вечного искусства.

— Страничка есть. Меня зовут Лада Мишина. До свидания.

Внутренний голос не возражал. Ему все нравилось. Авантюрист и мятежник!

Во втором отделении был Бах. Его музыка, вступив в сговор с суперэго, казнила и миловала — хотелось стать святой и чистой, как небо сентября.

Ровно через две недели Лада Мишина, музыкальный руководитель детского сада, жмурилась от яркой вспышки фотоаппарата в студии Святослава Сенчина. Это была их четвертая встреча. Слава без устали, с искрометным творческим азартом вился вокруг нее с камерой, будто хотел запечатлеть каждый миллиметр ее миловидного крупноватого лица, на которое постоянно падал непослушный темно-русый локон. Она специально не делала прически, забыла про макияж — рядом со Славой стыдиться своей неприукрашенной естественности не получалось. Он работал без рубашки (на улице никак не унималось бабье лето), и когда подходил совсем близко, Лада чувствовала, как его чистое, белое тело, не сильное, но литое, источало едва уловимый молочный запах...

— Прошу тебя, Ладушка, не щурься и меньше смотри в объектив, — говорил он, целуя ее раскрасневшиеся от духоты и крохотных уколов стыда щеки.

— Как скажешь, — покорствовала она и плавно поворачивалась к объективу профилем. Ей нравилось то, что происходило. Нравилось аккомпанировать мужчине и заряжать его вдохновением. Еще с Луиджи она освоила искусство не задавать ни себе, ни партнеру лишних вопросов (небольшой языковой барьер сыграл на руку) — просто жить каждой клеточкой и чувствовать под ворохом радостных, наполненных мгновений тихое сопение вечности. Другие люди (например, подруги Лады, уже давно обзаведенные семьями) считали такое отношение к жизни излишне легкомысленным и ведущим в пустоту одиночества. А ей казалось, что разбрасываться мгнове-

ниями счастья в условиях неотвратимой конечности существования — слишком большая роскошь...

Вскоре Слава закончил. Он был доволен своей работой и Ладой, и в особенности тем, что все между ними только начинается, и начинается хорошо и чисто. Он трепетал и светился — разрядиться рядом с ним было невозможно: радость в душе била большим теплым фонтаном, вымывая все, что может ей противоречить.

— Лада, на следующей неделе я еду в Петербург: в Пушкине будет творческий семинар, я приглашен в качестве преподавателя. Квартиру уже забронировал. Поедешь?

— Ты едешь один?

— Иначе бы не приглашал.

— А жена? — осторожно, чтобы не вспугнуть то, что поселилось между ними, спросила Лада.

— У жены свои дела. Она будет в Гродно, на пленэре. Предвидя возможные вопросы, скажу: у нас с ней две жизни, а не одна на двоих. И в этих жизнях всякое бывает. Так что не думай, будто вторгаешься в священный храм Гименея.

— Я поеду, Слава, — она была благодарна ему за то, что он развеял сомнения, еще не родившиеся в ней. Большое и редкое дело — эмпатия.

— Пожалуйста, не удивляйся, но я предвидел твое согласие, — он достал из рюкзака два желтеньких билета и с улыбкой помахал ими перед лучащимся лицом Лады. С детства железнодорожные билеты ассоциировались у нее с безграничным счастьем.

Они поселились неподалеку от Витебского вокзала, откуда ходили электрички до Пушкина. Останавливаться в самом Царском Селе Слава не хотел — вечера у него были свободные, можно было бродить по Питеру до самой ночи, а утром снова ехать на семинар, проводить мастер-классы для начинающих фотографов в Екатерининском парке. Там царствовала невообразимо роскошная — просто вселенский праздник! — осень. Лада бродила по аллеям и думала, что, с малых лет живя в этих местах, невозможно вырасти человеком мелким, мелочным, незначительным. Природа здесь изъясняется на языке вдохновения, в изгибах и трещинках статуй, в глянцевом мраморе и куполах отражается космос. Даже черные утки в пруду смотрятся утонченными особами, хоть и несутся наперебой к куску брошенного батона, как простые обывательские кряквы.

Пока Слава работал, Лада два раза сходила на экскурсию в Лицей. Что бы ни было снаружи — там, в большой, шумной, верткой жизни, — здесь душа брала высокие ноты, потому и хотелось возвращаться сюда, в заповедник вечности, снова и снова.

«Как ты думаешь, оставит наша эпоха что-нибудь такое же великое в эстетическом отношении?» — спрашивала она у Славы. Он отвечал почти не задумываясь, словно давно уже обдумал этот вопрос: «Не оставит. Современное искусство — это ловец сиюминутного. Разве будет нынешнее сиюминутное интересовать человека лет через двести? Исключительно с исторической точки зрения. В этом, кстати, большая правда нашего времени. Оно не пытается оккупировать навязчивыми истинами и канонами сознание будущих поколений». Прав был Святослав или не прав, Лада не знала. Во всяком случае, мириться с Летой, как примирилось с ней слишком современное искусство, ей не хотелось. Может быть, поэтому она предпочитала классическую музыку и литературу, а не фотографию.

Как-то в минуту таких размышлений Ладе вспомнился один вечер с Луиджи. Захмелев от какого-то многолетнего вина в камерном минском ресторанчике, он со всем своим южным пылом и почти дирижерской жестикуляцией говорил о том, что отказывается творить, если его скульптуры не будут восхищать и возносить к высотам духа человечество будущего. Лада смеялась над честолюбцем, а он хмурился — ненадолго и не всерьез: вера в себя у него была каменная. Вот уж кто не терпел новейшее искусство с его клиповостью и узаконенной какофонией! Луиджи был человеком классической закваски — наверное, он с легкостью сошел бы за своего и на крыльце платоновской Академии в древних Афинах, и в венецианской мастерской Леонардо, и на улицах Вены в толпе современников Моцарта. Темные волосы Луиджи пахли каким-то древнеримским (так хотелось думать Ладе) ветром, а ладони — неизменно гипсом, будто он только что закончил работать... Легкая, почти бессознательная тоска по нему не утихала никогда, а здесь, среди царскосельской изысканности, она ощущалась более обыкновенного. Но это ни в коей мере не нарушало гармонии славных русских дней Лады и Святослава.

Возвращались из Царского они часам к семи, ужинали в городе, чаще всего в маленьком, простом кафе «У Бирона», на набережной Мойки, прямо во дворике последнего пушкинского дома. А потом были долгие прогулки по городу, в котором время ощущалось завораживающе многомерным, и поздние возвращения, противоречивый уют чужого дома, и полубессонные ночи...

Из окна квартиры можно было разглядеть купол Исаакия. По вечерам уличные огни взрезали плотную дымку гостеприимной петербургской осени. Сказка складывалась, как головоломка в руках сообразительного мальчишки. Соберет до конца или бросит по велению капризного детского сердца — вот в чем загадка. Лада и Святослав не говорили об этом: все вопросы о будущем, как неверные ноты, были под негласным табу в их сладившемся двухголосье.

Слава действительно немало отличался от других — при помощи своих эмпатических антеннок он пробирался туда, куда стороннему человеку пробираться вовсе не обязательно. По крайней мере, обычно люди себя этим не утруждают — может быть, потому отчуждение и кажется нормой, находиться за гранью которой до странности непривычно — будто попадаешь в зону ненавязчивого, тонкого контроля. Не сфальшивишь, не схитришь — на ложь и неискренность слух у Славы был почти безупречный, да и его собственное поведение основывалось на открытости и обескураживавшей порой прямоте. Его талант фотографа зиждился на умении вчувствоваться в человека, деликатно вскрыть его маленький футлярчик и наполнить теплым светом соучастия. Остальное было тривиальным делом техники. Раскрывались если не все, то большинство, а потом благодарно радовались полученным снимкам. А больше всех радовался Слава. Он с удовольствием дарил себя, безбоязненно преодолевал дистанции между собой и окружающими, оттого напоминал большого, смелого ребенка.

Супругу Славы его немного инфантильное добродушие скоро стало раздражать — ей, как и многим женщинам, в особенности креативным, впечатлительным, жаждущим эмоционального разнообразия, хотелось быть объектом страсти какого-нибудь брутального эгоцентрика с непредсказуемыми химическими реакциями в голове и сердце. По слухам, дошедшим до Святослава перед самым отъездом, таковым был ее новый знакомый — художник из Гродно, который и пригласил Антонину вместе с учениками (она преподавала в художественной школе) на осенний пленэр на побережье Немана.

В прошлом году, в эту же пору, она на две недели уезжала в Витебск — слушать лекции какого-то эксцентричного писателя, который до сих пор время от времени звонит ей по вечерам... Теперь, рядом с Ладой, Святославу казалось, что в его отношении к жене точка почти поставлена. На самом же деле в это «почти» умещалась неистребимая до конца, хоть и отошедшая сейчас на дальний план, необходимость в ней (по каким-то странным законам бессознательного психологически они «спаялись» едва ли не намертво). Конечно, в настоящий момент это чувство воспринималось как уже не слишком значимый оттенок сложившейся ситуации. Впервые за долгое время Славе было уютно и легко рядом с женщиной, а это, в его представлении, дорогого стоило. И все же принимать серьезные решения было рано. Судьба вершила что-то свое, и он чувствовал, что еще не время лезть ей под руку.

Лада не рассказывала Славе о Луиджи до тех пор, пока он вдруг не выдал: «Я думаю, иногда ты грустишь по какому-то далекому человеку. С ним связано что-то важное для тебя». Она ответила, что подозревает его в том же — только человек его не «какой-то» и не «далекий», а вполне конкретный, и связано с ним не «что-то важное», а многолетний уклад совместной жизни.

Как бы то ни было, оказалось, что Святослав хорошо чувствовал не только людей, но и саму судьбу.

Воскресенье было последним днем Славиного семинара. Лада в последний раз бродила по Екатерининскому парку, стараясь выучить его наизусть, чтобы превратить все, что здесь было, в дорогое коллекционное воспоминание. Время праздника, которому вряд ли суждено было продлиться в повседневном минском измерении, подходило к концу. Сказка, хоть и короткая, уже сложилась — теперь предстояло оградить ее совершенную цельность от ненужных развязок и послесловий, от соскальзывания в водевиль с банальным сюжетом и проблематикой. Это решение было наиболее рациональным и верным — оставалось лишь убедить в этом надежду, которая, по обыкновению, прислушивалась ко всему, кроме логики. Все же двадцать девять женских лет — не лучшее время для беззаботного одиночества и несколько тягостной уже неприкаянности — таков был главный аргумент надежды, и надо признаться, порой он звучал весьма убедительно.

И вот тут-то мальчишка с головоломкой выкинул странный и неожиданный фортель.

У фонтана «Девушка с кувшином», где обычно собирается немало людей, стоял, сцепив руки за спиной, всего один человек. Его шевелюра была уже не такой смоляной, как два года назад, а стать — все такой же выразительной, итальянской от темени до пят. Где-то вверху зашелестел тихий мальчишеский смешок. Лада прислушалась: листопад, не более. Кленовый листок упал на плечо Луиджи, он поднял руку, чтобы его убрать, и почему-то оглянулся...

Спустя два с половиной часа Лада, Святослав и Луиджи сидели в кафе на Миллионной и беседовали на хорошем английском языке. Итальянец рассказал о том, что этой осенью решил сделать себе подарок, о котором давно мечтал, и купил билет на самолет до Санкт-Петербурга. Он никогда раньше не бывал в России и сейчас был ошеломлен. Даже старые жилые дома с разбитыми окнами и необустроенными крышами приводили его в артистический восторг, не говоря уже об архитектурных жемчужинах вроде Зимнего дворца и Казанского собора. Он даже собирался приехать сюда на все следующее лето — увидеть город укутанным в белую ночь, объехать пригороды, пожить в Петергофе. Говорил он упоительно, успевая время от времени восхищаться

шампанским «Колье Екатерины», бутылка которого стояла по центру стола в ведерке со льдом...

Верхушка подспудного, беззвучного диалога между Ладой и Луиджи показалась над водой светской беседы благодаря последнему.

— Этот фотограф — твой муж, Лада? — спросил он по-итальянски. В его южных устах ее и без того музыкальное имя прозвучало как септаккорд, смягченный педалью рояля. Память оживала молниеносно.

— Нет, — ответила она и, сделав небольшую паузу, добавила: — Он женат на другой женщине.

Мимика Луиджи выдала какую-то инфернальную радость, зашевелившуюся в его душе.

— Я часто вспоминаю тебя, — вкрадчиво продолжил итальянец. — С женой я в разводе, дочь выросла и уехала в Штаты... Кстати, я написал небольшую повесть о нас и хочу, чтобы ты ее изучила.

— Здорово. Пришли мне ее по интернету, хорошо? — Лада сжала Славину руку.

— Зачем? Она издана, и у меня в гостинице есть пара экземпляров книги. Я планировал заехать в Минск, повидать Джакомо (это был его друг, владелец того самого ресторанчика) и разыскать тебя, Лада.

Святослав не знал итальянского, но слова здесь были излишни — интонации Луиджи оказались слишком содержательными. Только вчера он узнал об этом человеке из далекой страны — и вот теперь они сидят в кафе в центре Северной Венеции друг против друга. Судьба не шутит, она пишет партитуру, в которой немного случайных нот, — да и те, как может выясниться в итоге, были отнюдь не случайными.

— Луиджи, вы собираетесь украсть у меня женщину, не так ли? — странная гамма звучала в душе: ревность и вместе с тем какое-то глухое, едва различимое облегчение.

— А разве она ваша? — с вальяжной ехидцей парировал итальянец.

Слава промолчал. Лада отпустила его руку, взяла со стола бокал и сделала большой глоток шампанского.

В это мгновение она была уверена в том, что партитуру ее жизни судьба прописала гениально.

МИЛА ПАРХОЦ

Постой, весна, побудь моей подругой

* * *

Не уходи, весна, в конце апреля
Поют два перелетных менестреля
О том, как ты прекрасна. Не спеши
Растаять в шуме солнечного лета,
В пыли дорог, за горизонтом где-то,
За облаком, в неведомой глуши.

Постой, весна, побудь моей подругой.
Я не умела ладить с белой вьюгой,
Не слушала осенние дожди,
Я даже с летом говорить не буду,
Ведь только ты одна подобна чуду,
Одна лишь ты. Постой, не уходи.

* * *

Надевает вуаль
Ворожея зима.
Снова сыплет февраль
Снег в ее закрома.

Говорит он слова,
А разносится звон,
Он одет в кружева
Из замерзших окон,

Он укутан в боа
И расшит серебром,
А старуха слаба,
Но дрожит над добром.

— Не отдам, не отдам
Этот город весне,
Не оттаять садам
И озерам при мне.

Не уйду, не уйду,
Робкий март обману,
Пусть апрель на беду
Мне объявит войну.

А послушный февраль
Заметает пути.
Поверните мистраль.
Тут весне не пройти.

Осень

Ходим удивленные — осень вся из ребусов.
То смеется кленами в форточки троллейбусов,
То пугает тучами, то чарует красками,
То играет с лужами ледяными масками.

Осенью от то́полей тени очень длинные,
Серый дождик капли льет в царства паутинные.
Улыбнется солнышко, яркое на холоде,
Осень, словно Золушка, то в грязи, то в золоте.

ЕЛЕНА КИСЕЛЬ

Два рассказа

Идеальная секта

— ...А потом я и из буддистов ушел. Ну, то есть, они стараются уйти от страданий... но не приходят никуда...

Адепт молчал и смотрел серьезно. Пока Валентин разворачивал перед ним карту своих духовных скитаний, он не выговорил ни слова. Только смотрел.

Рассказывал ему про евангелистов — смотрел.

Про «Белое братство», адвентистов, Свидетелей Иеговы — тоже смотрел.

Про кришнаитов, пятидесятников, иоаннитов, рериховцев, баптистов, школу йоги, про «Братство фиолетового пламени»... нет, смотрел.

Про сатанистов Валентин заикнулся робко. Адепт поднял бровь, но все равно только смотрел. Оценивал.

Пока Валентин не выдохся и не замолк, перебрав все секты и конфессии, к которым был сопричастен в жизни. Пока не уставился на собеседника жадным взглядом: ну и что ты мне можешь предложить?

— Мне вас знакомый рекомендовал, — выдохнул он.

Собеседник молчал, с интересом рассматривая мечеть, мимо которой они проходили. Иногда казалось — в их городишке собраны все конфессии мира.

— Да, понимаю, — тихо заговорил он наконец. И мы... наш круг... готовы были бы распахнуть для вас двери... но понимаете... это не для всех. Мы принимаем всех, кто стучится к нам, это правда... но выдерживают до конца не все. И вы должны знать...

Он насупил густые брови — этот серьезный молодой человек в длинном черном пальто. В осенних сумерках по его лицу плясали зловещие тени.

— ...На что иду? — шепотом спросил Валентин. Задергалась жилка на виске. — Я на что иду?! Так вы испытайте, расскажите... проверьте!

Знакомый сказал «идеальная секта». Знакомый сказал «не жалею»...

— Наши обряды, — адепт говорил тихо, — они не для слабых. Ни телом. Ни духом. Вы сможете... я не знаю... заставить себя выстоять долгое время на одном месте? Неподвижно? Или почти неподвижно?

— Да!

— А если бы... на коленях?

— С радостью!

— Сможете заставить себя встать в выходной в семь, чтобы присоединиться к братьям на общем собрании?

— Да! Да!

— Не месяц. Не год. Все время?

— Испытайте меня!

— А что, если я скажу вам, что мы... — адепт понизил голос и почти зашелестел, — иногда мы собираемся по ночам... несколько раз в год по особым дням... наши встречи начинаются в полночь...

— О, да! — ночное таинство! То, чего так мучительно не хватало ему у саентологов!

— И мы проводим свои обряды со священным огнем — ночные... дневные...

— Я принимаю это!

— А если бы я рассказал вам про наши таинства подробнее? Если бы сказал, что собрания ведутся на языке, которого не понять простому человеку? Все песнопения...

— Я пойму его!

— Поймете, если будете усердствовать, — кивнул адепт. — Конечно... Еще у нас есть священная книга. Мы относимся к ней с величайшим благоговением. Зачитываем на собраниях...

— Ну конечно! — отсутствие священных книг у космологов-референтов его ужасно коробило.

— И знак. Тайный знак на груди, который ты никогда не должен снимать. Нигде. И не носить на виду. Знак, который дается тебе при вхождении в наш круг...

Валентин переплел пальцы, чувствуя, как переполняет его чувство экстаза. Это было то, что он искал. Может быть, не хватало только...

— Вы верите в потусторонние силы? — шепотом осведомился он.

— Мы живем среди них, — спокойно отозвался адепт. — Проводим таинства среди них... Ангелы. Бесы. Конечно.

Он сказал это буднично. Теперь рассматривал занавесочки на молельне адвентистов. Знатные занавесочки с голубыми цветочками.

Валентин молчал, сглатывая слюну и боясь поверить, что это оно...

— Наши таинства, — вдруг оживился адепт, — вы нигде не встретите таких мистических. Вода, масло, священные песнопения... я говорил про огонь, да? Но самое главное... во время самого главного вам придется пить...

Валентин обмер.

— ...кровь.

— К-к...

Он заикался не от страха. От восторга. Пригубить крови во время тайного ритуала — таким среди его сект занималась только одна... правда, в ней не было священного огня и тайного языка.

Кажется, эта секта и впрямь идеальна.

— Кровь, — строго повторил адепт. Правда, к этому допускается не каждый. Нужно очиститься, чтобы заслужить это. Телом и душой. Испытать себя. Вы бы...

— Я готов на что угодно!

— Наша вера вообще требует жертв, — рассуждал адепт, теперь старательно изучая прибежище пятидесятников. Точнее, жалюзи на окнах. Валентин уже стал задаваться вопросом, почему он выбрал такой странный путь и куда они вообще идут. — Отказ от пищи, например. Иногда. Я говорил: это не для сла...

— Я не слабый!

Двое кришнаитов обошли их по широкой дуге. Даже не поприветствовали бывшего брата. Адепт как будто не услышал выкрика Валентина и продолжал говорить:

— ...Некоторые из нас проводят обряды на кладбищах. Пару раз в год. Это, конечно, не для просвещенных, а так... — Он остановился и вдруг

быстро добавил: — И имейте в виду: даже если вы войдете в наш круг... особенно если вы войдете в наш круг... вам лучше не бравировать этим среди близких. Это не все понимают. На вас могут поставить клеймо фанатика, мракобеса... над вами могут смеяться...

— Я готов! Я готов! — Валентин размахивал руками. Это все ничего, к тому же, за годы духовных практик у него почти и не осталось *близких*. — Так вы введете меня? Посвятите?

— Посвящу, — просто и делово сказал молодой человек. — Вы приходите. А теперь извините, мне вечерню пора служить.

Он заглянул Валентину в глаза своими совсем даже не строгими, а светлыми и озорными.

Валентин опешил.

— Ка-ка-какую?!

— Полиелейную, — бодро ответил адепт идеальной секты. — Ну, ангела-хранителя вам!

И зашлепал по лужам к зданию, вознесшему круглые купола через два дома. Обернулся на ходу — плащ распахнулся, открыв на секунду длинный подрясник. Крикнул весело:

— Да православные мы! Православные!

И припустил бегом. Вечерню, наверное, служить.

Валентин смотрел на храм, тянущий в небо кресты, и подавлял в себе желание сесть там, где стоял: в лужу.

Исповедь человека в черном

(Один день батюшки-требника)

Работа у меня и мне подобных простая.

Наверное, она даже самая простая.

Просто делай то, чему тебя не учили.

Они подходят по одному, и каждый несет свою пригоршню черной боли в сердце: ошибки, слабости и пороки, они торопятся и стараются уложить их на разлинеенном листочке бумаги; они задерживаются и начинают оправдываться и сваливать вину на других...

Просто прерви.

Просто верни.

Наставь.

Отрешись.

Не представляй, что таится за каждым словом. Фактом. Слезинкой. За стеснительным «ссорилась с родителями» — скандалы, крики, битье посуды? Уклончивый «блуд» — клеймо, могущее обернуться одной нечаянной ночью или годами мутной дряни в душе. Одно слово, за которым пропасть. Слов сотни.

Просто — не упади?

Нас этому не учили. Наставляли. Говорили об осознанности выбора. Давали книги.

Не готовили к тому, что твое утро — волны черной боли других людей. Выплескивающейся на тебя с их дыханием — мятным, или гнилым, или лекарственным духом вперемешку с запахом духов...

Отстраниться не вправе.

Отвлечься от брани, которую выбрал, — нет.

Они вышвыривают свой крик в открытые врата, возле которых я замираю стражем, неосуждающей фигурой в черном, они замолкают с облегчением говоря: «Все!» (как будто и правда все!) — и фигура оживает, снимая с черного плеча подобие крыла, под которым для них высшее прощение...

Я порву листки, на которых вы старательно зафиксировали вехи вашей боли и слабости — чтобы ничего не потерялось. Скажу — сожгите!

Если через месяц вы вернетесь с такими же — я снова порву их.

Не осуждать.

Мы бездельники, потому что это — просто.

Не вспоминать ни одного из услышанных слов. Ни лиц. Не подсчитывать слова и лица. Не замечать, что лица повторяются слишком часто (кем я буду, если скажу — «батенька, а вы что-то зачастили с чревоугодием»?). Не обращать внимания на то, что вокруг — шаркающие шаги спешащих по своим делам, что желающие уже приобщились Даров, и голосов певчих не слышно — неважно, перед тобой еще трое с просящими глазами («и мне простится?»), а потом...

Идти дальше.

Просто — идти туда, где тебя ожидает новая веха дня, ворох имен в окружении безмолвных огоньков. Имена напечатанные, но чаще — от руки — на листочках из тетрадей, на серой бумаге, на каких-то засаленных огрызках, старушечьим почерком, округлым, беглым, десятком почерков сотни имен, за каждым из которых краткое «Ушел». Судьба. Неизвестность — куда, то есть, в каком направлении (куда ушла Варвара? Леонид нашел верный путь? Младенец Афанасий — этот наверняка там, где нужно...). Повторяемый круг имен, самые новые — перед глазами, их нужно повторять чаще... и огоньки — молчаливые в руках у тех, кто писал имена, на заплаканных лицах, в глазах которых живет надежда (поможет, да? это поможет?! это ему поможет?!).

Помогать.

Белый дым струится в сторону сострадающих Ликов. Со стороны кажется — в пальцах золотой маятник, раздаривающий благоухание. Трижды — по кругу, в перерыве между чтением имен, имен, имен...

Каждое — жизнь.

Помнить об этом.

Не углубляться.

На часах одиннадцать утра — начало дня. Мне скоро дальше.

В чужие квартиры и дома. Туда, где лежат те, чьи имена мне скоро придется читать среди других. Где в подъездах стоят сосновые, обшитые излишне нарядной тканью крышки, где с кухни долетает запах торопливо приготовляемых закусок и смешивается с уже пришедшим запахом разложения, где люди молчаливо сидят на стульях — в черном, — глядя на восковые оболочки тех, которые недавно смеялись, искали, читали газеты...

Не трепетать.

И я опять буду входить — в черном, — принося с собой запах ладана туда, где нечем дышать. Буду просить, чтобы им — не холодной оболочке, а тому, кто незримый стоит неподалеку, — облегчили путь.

Глядя на сброшенную внешность, окоченевшую и покрытую пятнами.

Внешность, которая недавно целовала тех, кто сдавленно всхлипывает за моими плечами.

На следы побоев, или катастроф, или просто на детское лицо в неподходящей деревянной рамке, утратившее следы живости...

Не останавливаться.

После там, под черными платками, куда я загляну, глаза привычно будут светлеть от чувства выполненного долга. Я уже знаю, когда нужно быть мяг-

ким, а когда — сухим и отстраненным («что это за банка в головах у покойника?! Убрать!»), им все равно станет легче после моего ухода, даже если можно будет посетовать на мою черствость, потому что лучше пусть они сетуют, чем замыкаются в своем горе...

Они будут мне совать смятые бумажки, бутылки вина, печенье и чашки чаю, но мне уже — назад, к себе, пост простаивает, и даже хорошо, если опять позовут провожать...

Соединять влюбленных в пропитанной тленом одежде гораздо труднее — потому что быть несчастным вместе с людьми иногда проще, чем счастливым вместе с ними.

Быть счастливым.

Я не знаю, к кому и сколько раз позовут сегодня. Уже лет десять как неважно — привык. Главное будет уже потом, когда я сброшу одну черную одежду и облекусь в другую — куртку и джинсы, тоже черные, и вскочу в нужный мне троллейбус.

Не притащить в свой дом ни черную боль из чужих пригоршней, ни бесконечные судьбы-имена, ни застывшие лица и сложенные на груди руки...

Принести к тем, которые ждут там, то, что я должен всем раздавать каждый день, черпая из бесконечного источника, — там не убавится...

Любовь.

Молчать и опускать глаза, когда разошедшийся гражданин в троллейбусе будет перегарно орать, указывая на проплывающие мимо кресты: «А? Что они делаюююють? Бездельники!»

Не запоминать его лица, чтобы не вспомнить и не осудить, если я вдруг когда-нибудь увижу... оболочку...

Не расплескать.

У меня простая работа. Нас потому и называют *требниками*: мы вечно бегаем по чьим-то просьбам: проводить — соединить — отпустить — выслушать, и только по большим праздникам или когда надо кого-то заменить, мы облекаемся во что-то нечерное, и уж конечно, о нас не трубит пресса, даже когда нас убивают (если, конечно, это не очень интересное убийство), потому что кому интересны мы — тысячи в черном с простой работой?

Только делать то, чему никто, кроме Него, не может тебя научить.

Любить их всех. После стольких лет. После каждого дня.

И больше всего бояться потерять это.

НАТАЛЬЯ ЦВИРКО

Весь мир — добро, весь мир — любовь

* * *

От весны до осени — мгновенье,
Как дыханье ветра в летний зной.
И была любовь, как озаренье,
И звалась любовь моя тобой.

От весны до осени — полшага,
И опять дожди и листопад.
Я тобой еще не надышалась,
Ну а дни куда-то все спешат.

От весны до осени — лишь слово,
Что шептали губы в тишине.
Может, все и повторится снова,
Может, ты и вспомнишь обо мне.

От весны до осени — мгновенье,
И его так трудно удержать.
Но была любовь, как озаренье,
И ее нельзя нам потерять.

* * *

Устав от жизненных дорог,
Присядь хотя бы ненадолго.
Быть может, путь еще далек,
И это лишь начало только.

Весь мир — любовь, весь мир — добро,
Пусть все труднее в это верить,
Но снова вешнее тепло,
Прогнав печали, вдруг согреет.

Нам не дано того узнать,
Что, может быть, еще случится.
И наперед не пролистать
Судьбы загадочной страницы.

Но яркий свет зовет нас вновь,
Пусть даже силы покидают.
Весь мир — добро, весь мир — любовь,
И сердце бьется, это зная.

Голос ветра, голос бездны

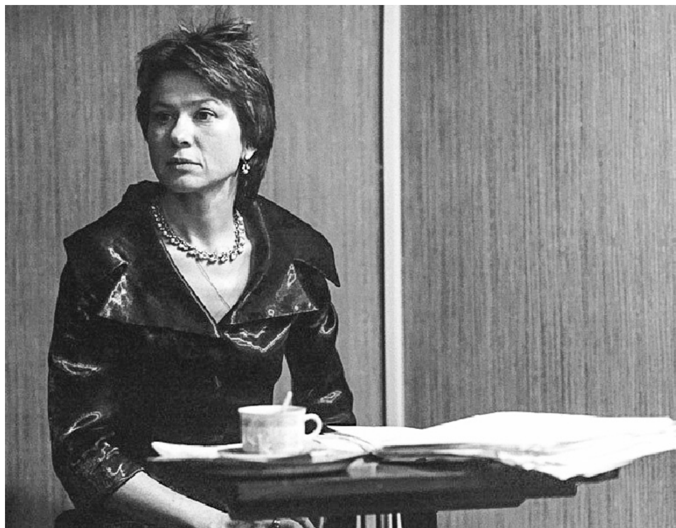
Екатерина Владимировна Полянская живет в Санкт-Петербурге. Окончила Санкт-Петербургский государственный медицинский университет и долгое время работала хирургом, сейчас — в медицинской фирме. Печаталась во многих российских журналах, в «Литературной газете». Автор шести стихотворных сборников. Лауреат премий и конкурсов: «Пушкинская лира» (Нью-Йорк, 2001), премии имени А. Ахматовой (2005), конкурса им. Н. Гумилева (2005), конкурса «Заблудившийся трамвай», Лермонтовской премии (2009), премии им. П. Бажова (2012), конкурса «Литературная Вена» (2012), а также премии им. Я. Ивашкевича (Польша, 2014). Переводчица поэзии с польского и сербского языков. В течение нескольких последних лет она представляет Россию на международном фестивале поэзии «Варшавская осень». Стихи переводились на польский, болгарский, японский и английский языки. На чешском и сербском языках изданы книги избранного Е. Полянской.

Поэт — это судьба. А судьбу не подделаешь, не сымитируешь. Оттого-то так мало проку от кружков и литинститутов. Да и что поэту наставления? Ему нужна тишина. «...И только лишь поэт один услышит, // Как нынче тишина неровно дышит, // Едва уняв испуганную дрожь».

Катя Полянская услышала тишину в пять лет. Умерла мать, и жизнь переломилась. В пять лет, по рассказу Полянской, она почувствовала отвращение к бодренькой слащавости детских стишков, а вот непонятные до конца строфы Блока увлекли ее своими мерцающими глубинами — увлекли и пленили. И она принялась нечто такое ритмически лепетать. Волею судьбы возле Кати не оказалось никого, кто взялся бы объяснить девочке, что к чему. Между Катей и великими не было посредников. И она стала поэтом. Сама того не заметив.

Зрелый уже человек, состоявшийся в своей «земной» профессии, — окончила медицинский вуз с красным дипломом и работала в серьезном научно-исследовательском институте, — Полянская никому не показывала своих стихов. О стихах, о самом их существовании, знали лишь несколько близких людей. И один из них без ведома Екатерины произвел эксперимент.

И вот Борис Григорьевич Друян, заведующий отделом поэзии журнала «Нева», выловил в потоке рукописей стихи никому не известной Екатерины Полянской. Не назвавший себя мужчина, который принес рукопись в редакцию, по неопытности или по горячности не подумал что-либо о поэтессе сообщить. Похоже, он совсем не рассчитывал на успех. Потому-то Борис Друян, после двух-трех стихотворений почувствовавший, что произошло не рядовое в журнальной жизни событие, принялся разыскивать телефон автора на манер частного детектива. И позвонив, наконец, немало удивленной Екатерине, сообщил, что отдает под ее стихи весь поэтический лимит первого номера «Невы» за новый, 1998 год.



Вот так. Теперь по всем голливудским канонам на экране должны были бы замелькать свежие оттиски книг. Толпы поклонников. Репортеры. Конец вечной унизительной нужды: «Его начальство терпит еле, // В его карманах — ни шиша... <...> Лететь Поэту шалой искрой // В дыму житейского костра...» — писала Полянская. При желании в том же ее стихотворении можно было бы усмотреть и пророческое указание на ожидаемый впереди «хеппи энд»: «...Но ты, о Кифаред могучий, // Сквозь тьму, сквозь мертвенную тишь // Стрелой разящей и певучей // Ты за поэта отомстишь». Однако поэтическая месть Кифареда свершается не по голливудским сценариям. Аполлон сторонится пошлости. А поэзия соседствует скорее не с наградой, а с расплатой. «...Болью — живой и горячей — биться, // И, рассыпая звон, // Вдрызг расшибаться об эти лица, // Крепкие, словно сон».

Нежданная публикация в «Неве» ничего не изменила ни во внешней, ни во внутренней — то есть подлинной — жизни поэта. Стихи по ночам, на лестничной площадке, на набережной питерской Карповки — уединиться негде. Катастрофа. Другая... Еще одна... Три года работы над кандидатской диссертацией в Российском институте травматологии имени Р. Вредена... И по нелепой случайности препараты, образцы, результаты работы пропали начисто. «Нищенской горькой злобы // Свистнет над ухом плеть. // Выжить! // Но только чтобы // Сердцем не обмелеть...»

Кандидатская не состоялась. Состоялся Врач. Состоялся Поэт. И как ни покажется, быть может, кому-то в этой паре что-то несущественным, одно неразрывно связано с другим, одно определяет другое. Потому что поэт — всегда величайшая редкость — это личность. Всегда величайшей редкости.

Пару лет назад Екатерина Полянская отвечала на вопросы анкеты Союза писателей России: «...Я пишу только тогда, когда именно не могу не писать, никогда ничего из себя не «выжимаю» специально, потому что вот об этом надо (или хотелось бы) написать. Так вот, когда я пишу стих, а потом долго работаю над ним, — я просто пребываю в состоянии счастья от того, что это состояние души все же наступило, несмотря ни на какие тяготы и суету жизни».

И далее: «Каковы ваша самая горячая мысль и ваше самое тревожное обращение к современному читателю?» — «Ну, что я могу сказать читателю, кроме того, что уже сказала всеми своими стихами?.. И все-таки скажу: живите, любите, смотрите на Божий мир и слушайте его — он так красив и гармоничен, читайте хорошие книги, и — думайте, думайте, думайте. Не спешите нырнуть в толпу, не бойтесь одиночества. Вообще ничего не бойтесь. Ведь главное — за короткую земную жизнь успеть стать человеком и остаться им до последнего вздоха, несмотря ни на что».

Валентин МАСЛЮКОВ

ЕКАТЕРИНА ПОЛЯНСКАЯ

Петь одну любовь...

* * *

Так хочется настроить эту жизнь.
Она же — ускользает, не дается.
Все что-то в ней болит, мерцает, бьется,
Мелькают лица, даты, этажи.

Все слышится то пение, то — плач,
То — резкий смех, то — электрички дальней
Тревожный свист... Все яростней скрипач,
А голоса — все выше и хрустальней.

Вот — зимний лес, и синяя лыжня
С разгону огибает куст ольховый.
И куст тихонько кружится, звеня
Смолистыми сережками... И снова —

Летят огни, грохочет переезд,
Но с каждым днем все резче и свободней
Тень фонаря, похожая на крест,
Качается у самой подворотни.

Звучат единой музыкой шаги,
И лязг замка, и звяканье цепочки,
И шум дождя, и голоса пурги,
И выдох раскрывающейся почки.

И все вокруг меняется, спешит,
Смысл обретая в каждой переменной,
Где звук со светом неразрывно сшит.
И дирижер, слепой и вдохновенный,

Из темноты прорвавшись ледяной,
Парит над партитурой раскаленной,
И каждый миг гармонией иной
Взрывается оркестр ошеломленный.

* * *

Господи, взгляни на наши лица —
Ты сияешь славой в звездном стане,
Господи, мы — птицы, только птицы,
Жизни еле слышное дыханье.

Наша плоть под солнцем истончилась,
Выветрились слезы и улыбки,

Нашу тонкокостность, легкокрылость
Лишь в полете держит воздух зыбкий.

Господи, ну что еще мы можем?
Только петь. Не помня о законе,
Петь одну любовь... И все же, все же —
Не сжимай в кулак своей ладони!

* * *

Похолодало резко. Лишь вчера
Разбойный ветер рвал с деревьев листья,
И в грязь бросал, и шлепал мокрой кистью.
А нынче, словно росчерком пера,
Все изменилось: истончился куст,
И на березовой прозрачной ветке
Позвякивают редкие монетки,
И странно-резок непривычный хруст
Под каблуком. Подмерзшая земля
Застыла в бесприютности дорожной.
Но вздрагивает конь мой и, тревожно
Пофыркивая, просится в поля,
Где так пронзителен и звонок свет,
И безграничен так, что сердцу тесно,
И меж земной дорогой и небесной
Уже почти совсем преграды нет.

* * *

Ты нынче мне приснился. Мы с тобою
Все спорили о чем-то. Но о чем?
Никак не вспомнить... Яростным прибоем
Вскипало время за моим плечом

И опадало. И вскипало снова,
И, словно на пустынном берегу,
Со словом беспощадно билось слово,
Не зная милосердия к врагу.

Любые компромиссы отвергая,
Сжигая этот грешный мир дотла,
Мы спорили. И женщина другая
Тебя спокойно к ужину ждала.

Срывая за личиною личину,
Пылая гневом, праведным вполне,
Мы спорили. Спешил другой мужчина
С работы — как всегда — домой. Ко мне.

И тикали часы. Чужие дети
Росли. Горел огонь, текла вода.
И лишь слепые спорили о свете,
Которого не знали никогда.

* * *

Дымной тенью, тонкой болью
С явью сон непрочно сшит...
Привкус горечи и соли —
Одинокий воин в поле
За судьбой своей спешит.
Словно бы неторопливый
Мерный бег, широкий мах.
Птица стонет сиротливо,
Тускло вспыхивает грива,
За спиной клубится прах.

Бесконечен щит небесный,
Безвозвратен путь земной —
Обреченный и безвестный...
Голос ветра, голос бездны,
Голос памяти иной.

Воин в поле одинокий,
Дымный морок, млечный след...
Гаснут сумерки и сроки,
В омут времени глубокий
Льет звезда полынный свет.

Трое

Фотография стандартна: первый класс —
Ох уж мне, блин, эта «школьная скамья»...
«Неблагополучных» трое нас —
Ленька-Чипа, Игорек да я.

Полуграмотная тетка Игорька,
Та, что мыла в нашей школе этажи,
Нам сказала: «Жизнь у вас горька.
Надо вам, ребятушки, дружить.

Все вы — сироты: без мамок, без отцов,
Стало быть, и не нужны вы никому.
Не теряйтесь, а не то, в конце концов,
Передавят, как котят, по одному».

Вот мы и дружили, как могли:
Вместе дрались, вместе бегали в кино,
Тополиный пух в июне жгли.
И нам было совершенно все равно

То, что я училась хорошо,
А они — забили напрочь... Ну так что ж?
И меня не повергали вовсе в шок
Сигареты, клей «Момент» и даже — нож.

А потом все разбежались кто куда:
Им — в путягу, ибо славен всякий труд,
Я же безо всякого труда
Как-то быстро поступила в институт.

Ленька воровал, попал в тюрьму,
После вышел — да обратно сел.
Игорь пил. Потом бомжатскую суму
На плечо вполне безропотно надел.

Ну а я науку грызла сгоряча,
Не сбавляя взятый темп на вираже.
В общем, я училась на врача,
И — небезуспешно... Но уже

Просыпался странный зверь в моей груди
И дышал, переплавляя все — в слова.
Бабка говорила: «Нелюдь!», и
Не была совсем уж сильно неправа.

Ленька сгинул где-то в дальней ИТК,
Игорька отрава со свету сжила.
Ну а я могла бы жить наверняка.
Я могла бы. Да вот только — не смогла.

Потому, что бесконечно длился час,
Но меж пальцев утекли десятки лет...
Потому, что только трое было нас:
Пьяница, ворюга и — поэт,

Потому, что это — полная фигня:
Дескать, каждый сам судьбу свою лепил.
И теперь я знаю точно: за меня
Ленька воровал, а Игорь — пил.

И все чаще я гляжу, гляжу туда,
Где сквозь облака высокий свет
Говорит о том, что боль — не навсегда,
А сиротства вовсе не было и — нет.

ИРЕН НЕМИРОВСКИ

Иезавель[1]

Роман

3

Через некоторое время Гледис во время поездки случайно встретила графа Тарновского, юного поляка, очаровавшего ее на вечернем балу в Лондоне. Она быстро вышла за него замуж, и они прожили вместе два года. Граф действительно был красавцем и гордился своей красотой, словно девушка. В то же время он был существом слабым, легкомысленным, неискренним. Совместная жизнь скоро показалась Гледис невыносимой, так как оба супруга постоянно использовали друг против друга одно и то же оружие, свойственное женщинам: капризы, хитрости, ложь. Очень скоро она стала страдать, чего не выносила, так как всегда стремилась только к радости, словно ребенок. Поэтому она не смогла простить виновника этих страданий.

Вскоре после развода она встретила крупного финансиста Ришара Эйзенаха, в то время президента мексиканской нефтяной компании, человека, известного холодным острым интеллектом. Он был некрасив, с массивным торсом и могучими руками; низкий лоб скрывался под грубой черной шевелюрой. Из-под кустистых бровей выглядывали зеленые глаза; когда их взгляд останавливался на сопернике, они излучали любопытство, смешанное с презрением. Его интересовали красивые и послушные женщины. Он быстро приучил Гледис к беспрекословному подчинению и выработал у нее привычку по малейшему знаку выглядеть счастливой и жизнерадостной. У нее не осталось других забот, как быть красивой и довольной жизнью. Он любил наблюдать, как она одевается, как выбирает очередной наряд, как любуется собой в зеркале. Он испытывал почти физическое наслаждение, относясь к ней, как к ребенку. Когда она уютно устраивалась в его объятиях, мурлыча: «Я такая маленькая, такая беспомощная в ваших руках, Дик...», когда она бросала на него нежные и одновременно лукавые взгляды, на его холодном суровом лице неожиданно появлялось выражение безумной страсти. Он бросался на Гледис и впивался в ее губы, бормоча: «Моя маленькая девочка, мое дорогое дитя, моя малютка...»

Гледис догадывалась о его тайном пороке, и это знание было источником ее власти над мужем. Ей нравились его грубые нетерпеливые ласки.

Позднее все мужчины, на которых она обращала внимание, всегда в чем-то походили на Ришара Эйзенаха.

Долгое время ее любовником был сэр Марк Форбс, видный английский политик, игравший перед войной важную роль в правительственных сферах. Это был

---

[1] Продолжение. Начало в № 2 за 2015 г.

жесткий, амбициозный государственный деятель, одержимый стремлением к власти; только наедине с Гледис он проявлял свою подлинную сущность, становясь беспомощным и неуверенным. Это нравилось Гледис, но обычно раздражало его; поэтому он постоянно старался демонстрировать ей свою способность управлять людьми.

В годы перед войной ее красота достигла невероятного совершенства. Оливье Бошан, сын Клода и Терезы, только что вышедший из подросткового возраста, повстречал Гледис во время ее посещения Парижа в 1907 году. Он увидел женщину с телом и лицом столь же прекрасными, что и в двадцать лет, но весь облик которой дышал уверенностью и спокойным счастьем. Вокруг нее постоянно толпились влюбленные мужчины. К их признаниям, к их мольбам, клятвам и слезам она привыкла, как пьяница привыкает к вину; они никогда не могли пресытить ее, но их сладкая отрава стала для нее необходимым для жизни наркотиком. Она не скрывала этого. Она считала, что женщина не способна пресытиться, что ее не может утомить погоня за наслаждением; если амбициозному типу может надоесть погоня за известностью, а скупому — добывание денег, то никогда женщина не откажется от своей обязанности соблазнять мужчин. Когда она думала о старости, та казалась ей настолько отдаленной, что она была способна смотреть в будущее без содрогания, надеясь, что смерть придет к ней задолго до пресыщения и наступления старости.

Но рядом с ней росла ее дочь, малышка Мари-Тереза, симпатичный ребенок со свежей белоснежной кожей, длинными светлыми волосами и характерной для этого возраста грацией, когда прелесть заключается не столько в выражении лица, сколько в рисунке черт, структуре кожи; в ее взгляде неуловимо мелькало предчувствие будущего пламени чувств. О ней знакомые говорили: «Она никогда не станет такой, как мать...»

Девочка росла в тени своей красавицы матери, и как все, кто окружал Гледис, старалась услужить, нравиться и ей.

4

В 1914 году Гледис жила на окраине Антиба, в большом неудобном доме, возведенном в итальянском стиле. Раньше он принадлежал графам Дольче-Буоне и был известен под названием «Сан-Суси[1]». Улыбаясь, Гледис говорила:

— Я снимаю его только из-за названия, в котором заключена вся мудрость жизни...

Огромное здание с холодными комнатами, заполненными мебелью, обтянутой сильно потертым красным шелком. Мрачные стены смягчали пылающее южное солнце, что нравилось Гледис. Просыпаясь по утрам, она брала зеркало и с удовольствием рассматривала мягкие тени, облагораживавшие ее черты.

Совсем недавно пришла весна; стало жарко, но с гор то и дело налетал ветер, хлеставший ледяными струями.

Этим утром Гледис проснулась очень поздно; как обычно, еще не открыв глаза, она попыталась нащупать рукой зеркало. С тех пор, как она почувствовала себя женщиной, каждое утро первой была мысль о зеркале. Она долго ласкала взглядом свое лицо. Блеск золота ее волос несколько смягчился; теперь у них появился слабый оттенок, называемый «пепель-

[1] Сан-Суси́ (от фр. sans souci — без забот) — самый известный дворец короля Пруссии Фридриха Великого, расположенный в восточной части одноименного парка в Потсдаме. Дворец был возведен в 1745—1747 годах по проекту самого короля.

ным». Она приподняла рукой волну распущенных волос и слегка наклонила свою длинную белоснежную шею. Ее поклонникам обычно казалось, что в ее больших черных глазах постоянно светится улыбка, скрывающая тайную насмешку; когда же она оставалась одна, глаза ее становились печальными, и расширившиеся зрачки придавали взгляду что-то странное и тревожное.

Гледис никогда не теряла уверенности в своей красоте. Что бы ни происходило вокруг нее, она ощущала свою привлекательность, словно гарантию внутреннего спокойствия. Жизнь ее протекала мирно и весьма однообразно.

Наряжаться, нравиться, выбирать из окружающей толпы очередного влюбленного в нее мужчину, снова наряжаться, нравиться... Иногда мелькала мысль: «Мне уже сорок...» В предвоенные годы этот возраст нередко вызывал ужас у женщин света, так как считался «предельным возрастом»; редко можно было встретить такую женщину, как Гледис, красота которой не блекла и в сорок лет.

Но она тут же хмурилась и старалась отбросить мысли о возрасте. Ведь она так прекрасна... И забвение приходило без особых усилий...

Гледис позвала прислугу и приказала открыть ставни; кусты роз в саду клонились под ветром. Одевшись, она приступила к продолжительным процедурам ухода за лицом.

В спальню то заходили, то выходили какие-то женщины. Ее всегда окружали женщины, казавшиеся ее бледными отражениями, усердно копировавшие ее наряды, ее улыбки, ее капризы. Гледис нравилось это множество безвкусно раскрашенных лиц, жадно тянувшихся к ней, мелодичное позвякивание свисавших с их шей драгоценностей, сверкающие фальшивые взгляды, полные зависти или ненависти, в которых даже яснее, чем во взглядах влюбленных мужчин, читалось признание ее превосходства. Они следили за каждым ее движением, пытались изгибать свои грубые фигуры, затянутые в корсеты, с беспечной грацией Гледис. Всей ватагой они устремлялись вслед за Гледис то в Канны, то в Монте-Карло, толпились у Мими Мейендорф, у Клары Маккей или у Натали Есленко, когда там появлялась Гледис. Их главной мечтой было отбить мужчину или у одной из подруг, или у самой удачливой среди них Гледис.

— Моя дорогая Гледис, вы были так прекрасны вчера вечером...

Огромные шляпки с пришпиленными золотыми булавками розами кружились вокруг Гледис. Длинные трости в стиле Людовика XV стучали по гулким плитам Сан-Суси.

Гледис с улыбкой смотрела на подруг, слегка прищуривая свои прекрасные глаза; иногда она упрекала себя в стремлении к столь низкому удовольствию, которым справедливо считала наблюдение за этой жалкой свитой.

«Ладно, по крайней мере, они забавляют меня», — думала она.

Она уже закончила утренний туалет, когда в спальню вошла Лили Ферре. Немка по происхождению, она была большой и толстой, с маской косметики на широком лице; говорила она хриплым и неприятным голосом. Тем не менее Гледис предпочитала ее остальным, потому что испытывала к пожилым женщинам странное чувство легкой жалости и поэтому многое прощала им.

Они поцеловались. Им частенько приходилось беседовать на интимные темы, и эти беседы всегда проходили в типично женском стиле, то есть очень легко, моментами даже фривольно, с инстинктивным вуалированием самых тайных мыслей, которые иногда выдавал невольно вырвавшийся вздох или неудачная шутка; за легкими, ни к чему не обязывающими словами часто скрывался печальный опыт, добавлявшийся к пустым фразам, словно пряность к пресному блюду.

Они заговорили о вчерашнем бале. Гледис со смехом рассказала:

— Натали целую неделю пыталась узнать, какое платье я надену и с какими драгоценностями... Маленькая авантюристка из Центральной Европы, нечаянно выскочившая замуж!.. Когда я не захотела ответить ей, она почему-то решила, что я надену нечто самое ценное, какие-нибудь сокровища из Голконды. Соответственно, она нацепила на себя все, что у нее нашлось. Она сверкала, как церковная рака, — со смехом добавила Гледис, словно увидев себя в зеркале в белом платье с открытыми руками и без единого ожерелья на шее, с единственным обручальным кольцом на пальце, и вспомнив злобный взгляд Натали, задыхавшейся под тяжестью своих бриллиантов.

— Вы считаете, что сезон удался?

— Нет, конечно. Это что-то убийственное...

— Гледис, куда вы намереваетесь отправиться?

— Пока не знаю. Но мне хочется уехать отсюда. Последнее время мне не удается избавиться от скуки. Мне здесь нечего делать, — бросила она, аккуратно подбирая слова. Потом пожала плечами: — Да так оно и есть...

— Но, почему? — спросила Лили Ферре, прищурившись. — Вы влюблены?

— Ах, нет, конечно... Я верна Марку...

Лили кивнула.

— Эти мужчины, влюбившиеся в вас, когда вам было двадцать, продолжают видеть за вашими сегодняшними чертами лицо двадцатилетней... Этого не изменишь.

— Не буду спорить, — пожала плечами Гледис.

Она подумала, что никогда не забудет Ришара, что никто не сможет заменить его... Он скончался два года назад, и с этого момента вся ее жизнь изменилась... Почему?.. О, это невозможно выразить словами. Сразу она не поняла всего размера своей потери. Она подумала о Марке... Нет, никто не заменит ей Ришара, даже Марк... Их жизнь с Ришаром протекала в каютах пароходов и номерах отелей. Он и умер в апартаментах отеля «Плаза» в Нью-Йорке, когда они только что приехали туда. Среди ночи он зашел в ее комнату и склонился над спящей Гледис. Резко очнувшись, она увидела над собой его бледное лицо и впервые разглядела в его глазах растерянность. Она вспомнила доносившийся снаружи городской шум и жесткий свет, похожий на свет прожектора, проникавший сквозь шторы.

Он сказал:

— Никого не зови. Это конец.

Потом, когда она изо всех сил обняла его, Гледис разобрала только произнесенные шепотом слова:

— Моя бедная... бедная...

Тогда она ничего не поняла. Схватив мужа за руку, она почувствовала, что тот мертв. Какой ужасный подарок, когда счастье, слишком полное, слишком необычное, заканчивается так, как должно заканчиваться все на свете... С этого дня она начала замечать, улавливая незначительные признаки, что дневной свет начал слабеть для нее...

Через несколько месяцев после смерти Ришара она с удивлением узнала, что все время их брака он встречался с одной старой артисткой, бывшей в курсе всех его дел, финансовых и политических. В завещании он обязал Гледис регулярно выплачивать этой женщине определенную сумму, и она в точности выполнила его требование. Конечно, он изменял ей, да и она сама не всегда была безупречной женой, но все же она была счастлива с Ришаром. В дальнейшем такого счастья она больше ни с кем не испытывала...

Гледис вздохнула, печально глядя в сад. Под ее окном расцвели небольшие темно-красные розы. Она улыбнулась. Ведь она всегда любила розы.

Лили Ферре поинтересовалась:

— А вам нравится нынешняя мода на цветные парики?

— Ах, нет, нет! Какой ужас!.. Вы видели вчера тот, фиолетовый, что был на Лоре? Кстати, вы не знаете, почему Билибины ушли так рано?

— Наверное, из-за проигрыша в карты.

— Я думаю, что женщины, страстно увлекающиеся картами, должны быть счастливы, — сказала Гледис.

— Счастливы? Что вы называете счастьем? Вот вы, Гледис, действительно счастливы, — сказала Лили, вздохнув. — Но вы еще не поняли этого. Доживете до моих лет, поймете. По сути, в жизни есть только одно счастье, единственное настоящее счастье — быть молодым. Сколько вам лет? Наверное, около тридцати?.. Так вот, вам осталось не больше десяти лет счастья. Вы будете испытывать страх, когда вам исполнится сорок. Но потом, как я поняла, женщина привыкает к своим годам, становится более спокойной. Начинает довольствоваться небольшими радостями... — Она замолчала, подумав о своем любовнике. — В сорок лет ты перестаешь замечать, что продолжаешь стареть. Ты продолжаешь обманывать себя иллюзиями, что тебе все еще двадцать, что тебе всегда будет двадцать, и вдруг, как гром с ясного неба, на тебя обрушивается понимание... Для этого достаточно какого-нибудь одного слова, случайного взгляда мужчины, известия о свадьбе человека, которого ты знала совсем ребенком... Ах, это так ужасно...

Гледис вздрогнула и тут же засмеялась, чтобы скрыть нервную дрожь, и небрежно бросила:

— Поступайте, как я. Не считайте уходящие годы, от них останется только ощущение легкого прикосновения...

— Вы так думаете? — с сомнением пробормотала пожилая дама.

Гледис резко поменяла тему беседы.

— Мне сейчас хочется побывать в Риме... Давайте съездим туда...

— А как Марк? Неужели вы сможете оставить его? Ведь он только что приехал к вам?

— Он поедет со мной.

— Дорогая, как вам такое удается? Как вы ухитряетесь держать мужчин на привязи, словно комнатных собачек? Я тоже была юной и красивой... — Она отвернулась от висевшего напротив нее большого зеркала. — Но любовь всегда доставляла мне одни неприятности... Впрочем, есть ли в мире что-нибудь, не причиняющее неприятностей?

— Мне не нравится любовь, — понизив голос, произнесла Гледис.

— Но как же так, дорогая, ведь...

— Вы о чем? Вы имеете в виду Марка?

— Ну, Марка и других...

— Других для меня не существует, — резко бросила Гледис.

— Ах, оставьте, — пробормотала пожилая дама с теми чувственными, скрытными и несколько смущенными нотками в голосе, которые появляются у женщин, когда они говорят о любви, остающейся для них в прошлом.

— Но это так, — улыбнулась Гледис.

Она легко прикоснулась пуховиком с пудрой к своим плечам.

— Ведь жизнь, по сути, всегда полна печали... Только иногда вспыхивает страсть, и ты словно пьянеешь... Это бывает, когда ты слушаешь ночью на террасе чарующую музыку... Или во время танцев... Ах, я не могу объяснить, но именно тогда ты ощущаешь, что счастлива, и тебе постоянно хочется снова и снова переживать эти мгновения...

В комнату вошла женщина, торговавшая мехами и косметикой. Гледис давно была знакома с Кармен Гонзалес, входившей в круг постоянно сопровождавших ее массажисток, парикмахерш и косметологов.

Кармен Гонзалес была женщиной в возрасте, невысокой, полной, с неприятной морщинистой физиономией. Черное шелковое платье топорщилось на ее крутых бедрах, волосы торчали из-под неуклюже надвинутой на лоб соломенной шляпки.

Гледис улыбнулась гостье. Она всегда была любезной с продавцами и прислугой, и те с удовольствием обслуживали ее. Но все равно на лице у Гонзалес при общении с Гледис всегда оставалось угрюмое и недоверчивое выражение, заставлявшее относиться к ней с уважением и даже некоторой опаской. Деловая, самостоятельная женщина, она относилась к кругу тех простолюдинок, которые сжимают зубы и продолжают работать, как бы они ни устали или несчастны; помимо продажи косметики, она славилась как массажистка и акушерка. Иногда, во время процедур, она выпрямлялась, смахивала тыльной стороной ладони капли пота со лба, и на ее вечно угрюмом лице появлялась мимолетная улыбка. В эти редкие моменты откровенности она с презрением бормотала:

— И что можете знать о жизни, вы, бездельницы... Вам бы прожить с мое...

Ее небольшую трехкомнатную квартирку заполняли ароматы камфары и сухих трав. С утра до вечера вокруг нее толпились женщины, скрывавшие свои лица под вуалью и делавшие вид, что они незнакомы друг с другом. Ее ловкие сильные руки с пухлыми пальцами, в которые глубоко врезались золотые кольца, умело мяли поблекшие лица, искусно удаляли с них морщины и лепили, используя увядшую плоть, великолепные маски, создававшие иллюзию юности.

Она по дешевке скупала платья, шубки и драгоценности у вдрызг проигравшихся кокеток, перепродавая их затем своим постоянным клиенткам.

На этот раз она показала Гледис несколько собольих шкурок. Та отрицательно покачала головой:

— Нет, сегодня я не собираюсь ничего покупать.

— Но вы все же посмотрите, что я принесла, — потребовала торговка.

Гледис в этот момент повернулась к Лили, негромко умолявшей ее:

— Поговорите все же с Жоржем... Он должен понять, что просто убивает меня... Есть пределы женскому терпению... Его нельзя назвать злым, но он ко всему относится слишком легко, так что иногда его поведение кажется жестоким...

— Я посмотрю, что тут можно сделать... Но, Лили, ведите себя умнее... К чему эти бессмысленные страдания?.. — пробормотала Гледис, пожав своими роскошными плечами.

— Но я люблю его, — вздохнула пожилая леди, и по ее покрытой пудрой щеке скатилась слеза.

— Он тоже любит вас...

Гледис взяла Лили за руку.

— Дорогая, послушайте меня...

Ей нравилось говорить о любви, обсуждать любовные истории, высушивать слезы на лицах подруг. Она ласково ворковала, утешая и успокаивая... Ведь ее ничто не интересовало, кроме любви. Ко всему остальному она относилась с легким безразличием.

Решив, что Лили, наконец, успокоилась, Гледис оставила подругу и отправилась к Кармен, ожидавшей ее в соседней комнате.

— Так они все же интересуют вас? — спросила Кармен, кивнув на лежавшие рядом пушистые шкурки.

Гледис погладила удивительно нежный мех.

— Нет, мне сейчас не нужна новая шубка. Но, конечно, они очень красивые...

— Они принадлежат Селине Меллер, — пояснила Кармен, — когда-то весьма известной куртизанке. Эти меха ей очень давно привез любовник из России. Она сделала себе шикарное манто, которое продала полгода назад. Я принесла показать вам только несколько оставшихся у Меллер шкурок; она тоже хочет продать их вместе с другими вещами... Это получился бы очень красивый воротник для вашей белой бархатной накидки...

— Селина Меллер... — задумчиво пробормотала Гледис. — Значит, она совсем разорилась?

— Да, у нее совершенно ничего не осталось.

— Еще лет десять назад это была такая красивая женщина.

— В ее возрасте красота быстро исчезает.

— Бедняжка... — прошептала Гледис.

Она обладала живым воображением, но прежде всего думала при этом только о себе. Но в эти минуты она представила себе сгорбленную старушку с лицом в морщинах и почувствовала жалость к ней.

— Сколько она хочет за своих соболей?

— Четыре тысячи. Это небольшие деньги, но у нее нет выбора. И все знают, как ей нужны деньги, так что она получит не больше половины этой суммы.

— Хорошо. Оставь шкурки здесь. Я куплю их, чтобы выручить бедняжку.

Вошедшая в комнату Лили спросила:

— Вы позавтракаете со мной? Кстати, вы сможете повидаться с Меллер, — добавила она, понизив голос.

— Ах нет, дорогая, я обещала дочке, что мы позавтракаем вдвоем. Она жалуется, что редко видит меня, и она совершенно права.

— Какое это счастье — иметь такую дочь! — вздохнула Лили.

Она взглянула на стоявшую на столе фотографию в золотой рамке.

— Она тоже будет красавицей, но у нее не будет такой изящной фигуры, как у вас.

— Нет, она будет красивее меня, — с нежностью произнесла Гледис.

Она улыбнулась фотографии, с которой на нее со странной и трогательной серьезностью смотрела девочка. Мари-Тереза была сфотографирована в тринадцать лет. Тонкий овал лица, длинные черные волосы с узлом на затылке.

Лили покачала головой.

— Нет, у нее не будет вашего очарования.

— Но сейчас это совсем ребенок, а с возрастом девочки очень меняются, — возразила Гледис.

Она вздохнула и улыбнулась. Даже самой себе она старалась не напоминать об истинном возрасте дочери. Восемнадцать лет, уже совсем взрослая... Она заставляла себя думать, тем более говорить, что ей всего пятнадцать лет... Скоро исполнится пятнадцать...

Вокруг нее все женщины вели себя таким же образом. Они снижали возраст своих детей, которых невозможно было скрыть от окружающих, на год-два или даже на три или четыре; постепенно они сами забывали их настоящий возраст... Гледис старалась не замечать, как взрослеет ее дочь. Глядя на нее, разговаривая с ней, она видела перед собой только пятнадцатилетнюю девочку, существовавшую для нее одной.

— Я захватила ваши румяна для сегодняшнего вечера, — сказала Кармен, доставая из сумки баночку с косметикой.

— Очень хорошо, — сказала Гледис, и на ее красивом лице появилось выражение внимания.

Подойдя к зеркалу, она нанесла румяна на щеки, затем припудрила их.

— Да, так будет лучше... Правда?.. Прежние были слишком светлые. В ярком свете нужен более темный оттенок...

Она медленно повернула лицо сначала вправо, затем влево, не отводя внимательного взгляда от зеркала. Затем на ее губах заиграла торжествующая улыбка.

— Да, так будет хорошо... Просто замечательно...

Кармен ушла. За ней последовали Гледис и Лили. Они неторопливо прошли по садовой дорожке. Ближе к шоссе к аромату роз примешивался резкий запах бензина; порыв прохладного ветра с вершин заставил их поежиться. Женщины уселись в машину, и та устремилась к Ницце.

5

Годы пролетели для Гледис, словно сон. Чем ближе становилась старость, тем быстрее они мчались. В то же время, как это ни странно, дни казались бесконечными. Часы становились трудными и печальными. Она не любила оставаться в одиночестве; когда вокруг нее затихало кудахтанье подруг, прекращалась любовная болтовня, она чувствовала, как в ее сердце зарождалось ощущение смутной тревоги.

Уже давно все утомляло и раздражало ее. Нередко она отворачивалась на улице от повстречавшихся ей симпатичных женщин. Прелестные девчушки, предлагавшие прохожим веточки мимозы, казались ей босоногими попрошайками, и она прогоняла их с удивлявшей ее саму резкостью. После таких поступков ей обычно становилось стыдно; она тут же подзывала девочек и раздавала им деньги.

Позднее, вспоминая эти случаи, она пыталась оправдать себя:

— Здесь слишком жаркий климат, духота такая, что нечем дышать...

Она то и дело с ненавистью вспоминала свою мать; ей часто снился один и тот же сон: Софи Бурнера лежала за задернутыми занавесками, погрузившись в тяжелый наркотический сон.

Ей казалось, что она, Гледис Эйзенах, красавица, предмет мужского обожания, с ужасом обнаруживала в своей душе страдания одинокого подростка... Если бы Ришар был жив, она обязательно рассказала бы ему о своих страхах... Но Ришар давно умер.

Она отправлялась в гости то к одной, то к другой из своих многочисленных подруг. Время незаметно пролетало в легкой болтовне, но раньше или позже ей приходилось возвращаться к себе. Тогда она убивала бесконечно тянувшийся день примерками, посещением ювелирных магазинов на узкой, круто поднимавшейся в гору улочке возле городского парка, продувавшейся ветром с запахом моря. Наконец наступала ночь, и она ощущала бодрящий прилив энергии. Она возвращалась в Сан-Суси и в очередной раз наряжалась, любуясь своим отражением в зеркале. Что может быть замечательнее, чем чувствовать себя обожаемой, желанной?.. Это стремление к восхищению своей красотой, это банальное удовольствие, присущее большинству женщин, стало для нее всепоглощающей страстью; нечто подобное можно встретить у мужчин, стремящихся к богатству и неспособных почувствовать удовлетворение, сколько бы денег ни оказалось на их счету.

Наконец она была готова. Она заходила к Мари-Терезе, нежно целовала девочку в бледную щечку. Она действительно любила дочь. Мари-Тереза оставалась для нее чудесным ребенком. Она одевала дочь, стараясь подчеркнуть ее юность, — туфли без каблуков, длинное прямое платье без украшений, распущенные, спадающие на плечи волосы, тонкая золотая цепочка на шее, так гармонировавшая с ее нескладной детской фигуркой.

— Она обожает свои книжки, своих собачек, свои прогулки в парке, — говорила Гледис. — Это робкое, дикое создание...

Она думала, что еще два-три года, и ей придется основательно заняться дочкой... Она научит ее танцевать, веселиться... Нет, она не станет образцом строгой, ворчливой матери... Дочь будет ее подружкой, будет рассказывать ей обо всем... Она будет счастливой... А пока еще слишком рано... Она еще слишком юная, слишком застенчивая... Она не должна стать такой, как я, легкомысленной и бесполезной...

И она говорила Мари-Терезе:

— Я не знаю, что было бы со мной, если бы у меня вместо тебя оказалось несносное создание, которое курит, красится, старается выглядеть старше своих лет... К счастью, тебя не коснулся этот неблагодарный возраст... Ты остаешься моей ласковой девочкой...

Мари-Тереза не возражала. Она обладала великодушием молодости, нередко весьма странным образом сочетающимся с жестокостью. Она понимала тревоги своей стареющей матери. То, что сейчас переживала Гледис, Мари-Тереза предчувствовала уже в то время, когда мать еще не думала об этом. Она искренне жалела мать. Ощущая себя юной, она видела впереди такой длинный путь, что совсем не торопилась жить...

Поцеловав в свою очередь мать, она говорила:

— Какая вы красавица, дорогая мама... И платье у вас такое красивое... Вы похожи на фею...

И счастливая, блистающая красотой Гледис отправлялась на бал. Ей приходилось бывать на самых роскошных балах в Лондоне и Париже, но ей не нравился неизменный, застывший мирок Англии и Франции, когда каждый вечер ты видишь перед собой одни и те же лица, слышишь одни и те же фразы, и все это длится пять, десять, двадцать лет...

Зато здесь, в Каннах, каждый сезон появлялось что-то новое, то и дело возникали незнакомые лица.

Этим вечером она была приглашена к Мидлтонам. Появившись в зале, она улыбнулась женщинам, с завистью смотревшим на нее, и слегка наклонила свою очаровательную головку с короной золотистых волос. Она излучала покой и счастье, как бывает в моменты, когда сладкая отрава нежно прикасается к сердцу. Она скромно потупила взгляд, чтобы в ее глазах нельзя было прочитать жалость, с которой она смотрела на пожилых женщин в бархатных нарядах, с морщинистыми шеями, охваченными бриллиантовыми тисками, которые смотрели на нее, поджав губы. Почти сразу она заметила сэра Марка Форбса; его жена сидела поблизости от мужа.

Леди Форбс была дочерью герцогини Герефорд; ее имя и богатство обеспечили политическую карьеру сэра Марка. Она знала о любовных приключениях мужа, сильно переживала его измены и защищалась, используя все доступные обманутой супруге средства. Самым серьезным из них была угроза развода, способного полностью лишить сэра Марка средств к существованию. При этом сэр Марк, оказавшийся между Гледис и женой, не мог сказать, что он счастлив. На протяжении нескольких последних месяцев Гледис ощущала растущее в нем холодное сопротивление ее желаниям, что раздражало и тревожило ее.

«Он дуется, — подумала она, заметив, что Форбс не торопится подойти к ней. — Что ж, дорогой, если тебе так хочется...»

Гледис тут же обступили мужчины, добивавшиеся ее согласия на танец. Среди них выделялся Оливье Бошан, часто оказывавшийся в ее окружении. Тереза умерла несколько лет назад, и Клод обосновался в Швейцарии.

Гледис пригласила Оливье поужинать, сообщив с нарочитой небрежностью:

— Мари-Тереза вам симпатизирует. Вы должны чаще навещать нас.

— Вы знаете, что сюда собирается вернуться человек, которого вы давно не видели? — спросил Оливье.

— Кто именно?

— Мой отец.

— Неужели он наконец решился покинуть Веве?

— О, нет! Думаю, он проведет там все оставшиеся ему дни. Он утверждает, что не может жить в другом месте. А сейчас он приезжает в Париж по делам и собирается провести здесь всего лишь день.

— Это хорошая новость.

Он спросил:

— Вы подарите мне один танец?

Она покружилась с ним под звуки вальса. Потом, сославшись на духоту, вышла на террасу и облокотилась на балюстраду, еще теплую от солнечных лучей.

Было довольно поздно, когда к ней наконец подошел сэр Марк.

Гледис поинтересовалась:

— Что, жена ушла?

— Я проводил ее и вернулся, чтобы поговорить с вами. Вы еще долго пробудете здесь?

Она прикрыла свои красивые глаза с восхитительной истомой.

— Ах, нет... Я так устала...

— Тогда идем...

Они покинули бал. Приближалось утро. Сэр Марк повернулся к спутнице:

— Гледис, мне нужно поговорить с вами...

— Прямо сейчас? Уже пять утра... Мне нужно отдохнуть, друг мой.

— Вы обязательно должны выслушать меня, — пробормотал сэр Марк.

Он сел в машину вместе с Гледис. Шофер тронулся с места, и машина медленно покатилась к Антибу по приморской дороге.

— Гледис, — заговорил сэр Марк, — вы должны выслушать меня. Если у вас еще есть ко мне... не любовь, конечно, так как вы никогда не любили меня, а хотя бы дружеские чувства, вы должны пожалеть меня. Я несчастный человек.

Она медленно пожала плечами:

— Что вы, Марк...

— Но, моя жена...

— Конечно, Марк... Я знаю...

Она хорошо представляла, что его мучают угрызения совести и тревога за свою дальнейшую судьбу. Он вышел из низов и во всех делах опирался на семью жены; сейчас жена настаивала, чтобы он расстался с Гледис и перестал таскаться за ней по всей Европе, как это было до сих пор.

Марк с усилием пробормотал:

— Я не перенесу развода, в особенности скандала, которым развод неизбежно сопровождается в Англии... Что мне делать, Гледис? Сейчас моя жизнь в ваших руках. Я уже немолод...

— Что за глупости, — пожала плечами Гледис.

Потом она взяла Марка за руку и придвинулась к нему. Марк не шевельнулся. Он чувствовал себя старым и больным. Расстроенная Гледис отпустила его руку и отодвинулась. У нее на глазах блеснули слезы обиды, и она отвернулась. Марк подумал, что женщины не любят показывать свои чувства. Он повторил:

— Что же мне делать, Гледис?

— Такие отношения между нами сложились с самого начала нашего знакомства.

— Но теперь они стали непереносимыми. Ведь я люблю вас...

Она остановила его резким взмахом задрожавшей руки.

— Не говорите так!

— Ах, Гледис, я так любил вас.

— Да, это правда. Вы любили меня, а теперь уже год, как я почти не вижу вас. Вы стали холодны, вы избегаете встречаться со мной. Нет, вы уже не любите меня.

— Послушайте, Гледис, ведь рано или поздно жизнь заставляет угаснуть самую пылкую страсть. Правда заключается в том, что я устал. Я больше не могу бороться с ревнивой женой, терпеть ее подозрения, ее упреки. Даже наши дети решительно встали на ее сторону. Вам повезло, что дочь обожает вас, поэтому вы не знаете, какими жестокими и неумолимыми судьями могут стать дети...

Гледис отвернулась и опустила голову. Казалось, что она глубоко задумалась. Он пробормотал:

— Вы не слушаете меня?

— Нет, что вы...

Он прошептал с необычной искренностью:

— Гледис, я надеялся, что умру до того, как мы расстанемся, но Бог не подарил мне эту милость...

— Ваша жена будет торжествовать... — пробормотала Гледис.

— Какое это имеет значение? Сейчас жена стала для меня всего лишь символом, символом покоя, который я заслужил...

— Еще бы, вы всегда думали только о себе...

— Гледис, много лет я думал только о вас. И что я получил взамен? Только позволение любить вас.

Она повернулась к нему, и он с горечью увидел слезы на ее щеках.

— Ах, Гледис, вы женщина до мозга костей... Как только у меня появились силы расстаться с вами, вы внезапно почувствовали, как я вам дорог... Наверное, вы будете сильно переживать, потеряв меня...

— Я очень хорошо отношусь к вам...

— Но я обожал вас. Конечно, вы привыкли к тому, что все мужчины обожают вас... Эта божественная беспечность, спокойное безразличие... Как я любил вас...

— Ах, не говорите так! — гневно вспыхнув, воскликнула она. — Мне кажется, что я умерла и слышу траурные речи над своей могилой... Но зачем вы приехали в Ниццу?.. Вам не стоило так поступать... Дорогой, вы слишком консервативны в любви, впрочем, как и в политике... Вы относитесь к любви, как к балету с классическими, давно известными па: сначала пируэты соблазнения, затем вальс страсти, наконец, танец разрыва... Стоит вам замолчать, перестать писать мне, и все разрешится само собой... Я даже не заметила бы ваши переживания...

— Скажите, вы будете переживать мой уход?

— Почему вы должны уйти? — спросила она, не ответив на его вопрос. — Почему вы хотите расстаться со мной? Есть много другого, чего вы мне еще не сказали... Вы полюбили другую женщину? Скажите мне. Вы знаете, что я, как это ни странно, не способна ревновать. Скажите, и вы избавите меня от страшного подозрения.

— Какого подозрения?

— Марк, неужели я постарела? — неожиданно спросила Гледис, не сумев подавить выражения ужаса на своем лице. Чтобы избавиться от мысли о старости, она принялась твердить про себя: «Я все еще молодая, молодая, молодая...»

Он помотал головой.

— Я не знаю. Как вы, полагаете, о чем думает мужчина, всматриваясь в лицо любимой женщины? Он думает: «Неужели она и сегодня причинит

мне боль? Неужели она никогда не перестанет делать мне больно? Действительно ли она любит меня?» Так что вы правы, даже в глубинах любви мужчина прежде всего думает о себе...

Они подъехали к Антибу. Перед ними открылся вид на особняк, освещенный солнцем. Марк немного прошел рядом с ней по аллее. Гледис чувствовала боль, с которой была незнакома до сих пор. Но она не могла ошибиться; она понимала, что это страдание не было связано с любовью. Она всегда испытывала только всепожирающее желание быть любимой и приятное ощущение удовлетворения.

Взглянув на спутника, она подумала:

«Если сейчас поцеловать его, он обнимет меня и... Нет, это недостойно меня... Пусть уходит... Я прекрасна и молода, вместо него появится кто-нибудь другой...»

И она протянула Марку руку.

— Прощайте, Марк...

Марк вздрогнул. Он понимал, что Гледис сознает свою власть над ним и знает всю глубину его подавленности, а поэтому некоторое время держал ее руку в своей, не решаясь поднести к губам. Когда же он, наконец, поцеловал ее пальцы и выпрямился, его лицо было спокойно. Он негромко произнес:

— Прощайте, Гледис.

Потом повернулся и исчез.

6

— Вы никогда не состаритесь, потому что рано начали заботиться о своей внешности, когда ваша красота была в расцвете, — промолвила Кармен Гонзалес, энергично массируя спину Гледис.

Но для Гледис этого было недостаточно: ей не нужна была хрупкая красота, которой постоянно угрожала бы зрелость; ей требовался расцвет, постоянный триумф вечной юности. Чтобы повстречавшийся ей жалкий нищий оборачивался, глядя ей вслед, чтобы она слышала восторженный возглас продавца цветов: «Надо же, какая красотка!» и чтобы при этом она ощущала почти физическое удовольствие.

Сейчас она с трудом переносила присутствие рядом с ней Лили Ферре. Она с ужасом смотрела на морщины на лице своей подружки.

«Ей только пятьдесят лет, всего на десять больше, чем мне... Но десять лет — это такой короткий срок...» — подумала она.

И тут же попыталась отогнать эту мысль: «Я хочу оставаться юной. Я не хочу походить на других. Я не хочу, чтобы обо мне говорили как о прекрасной, но стареющей Гледис Эйзенах».

Но почему о ней могли так сказать? Разве кто-нибудь знал ее истинный возраст? Она выглядела молодой, казалось, что ей лет тридцать, не больше... И она еще долго будет выглядеть тридцатилетней... Но тридцать... Даже это слишком много для нее. Она вспоминала Лондон, семью Бошан, свои двадцать лет... Как бы ей хотелось снова почувствовать себя двадцатилетней! Она попыталась заглушить в себе жестокий, угрожающий голос, звучавший где-то глубоко внутри:

«Это конец. Все кончилось... Да, ты еще долгое время будешь выглядеть красивой, будешь нравиться мужчинам... Но ощущать это ты будешь уже не так, как прежде... Только в юности можно испытывать это острое блаженство, этот радостный триумф... Ты должна смириться...»

«Но почему? — не соглашалась она. — Что изменилось? Да, Марк бросил меня... Ну и что? Вместо него появятся другие...»

Но ведь именно Марк бросил ее! Впервые в жизни от нее ушел мужчина... Дыхание поражения ледяным холодом повеяло на ее душу.

«Нет, нет!.. Глупости, вместо него будут другие...»

Она вспомнила Клода. Как он любил ее! Наверное, он любит ее до сих пор? Как только он встретит ее, как только увидит ее лицо, он снова будет принадлежать ей... Любовь мужчин, мужская страсть, их трепещущие руки, их пылкие взгляды, желание исполнить малейшее ее желание, все прочее, что ей никогда не наскучит...

В мае в Ниццу приехал Клод Бошан. Гледис ожидала его с болезненным нетерпением, до сих пор незнакомым ей ощущением, которое она переносила со стыдом.

«Это просто развлекает меня, — думала она. — Мне просто интересно узнать, влюблен ли он в меня по-прежнему, а если нет, то может ли он снова влюбиться?..»

Она судорожно старалась еще более внимательно относиться к своему лицу, к своему телу. Бошан должен был пообедать в Сан-Суси. Они останутся вдвоем...

В семь часов вечера Гледис уже сидела перед зеркалом. В ход пошла вся наличная косметика.

Опускались прозрачные весенние сумерки; небо казалось выточенным из зеленого хрусталя. Она вспоминала Лондон, цветущие розы Ковент-Гардена, возвращение домой после ночного бала... Какой невинной девочкой была она тогда... Она представила себе тонкую девушку в белом платье с волной золотистых волос, с букетом алых роз на поясе и вспомнила слова, сказанные тогда Терезе:

— Вы меня не понимаете, Тесс. Ведь вы не такая, как я. Вы пройдете по жизни спокойно, без пылких страстей. Я же хочу сгореть в пламени страстей и исчезнуть...

«Сейчас я стала еще прекраснее, — подумала она. — Я не хочу, чтобы во мне пытались отыскать образ ребенка, которым я когда-то была. Он должен полюбить во мне женщину, которой я стала... Но я испытываю ревность к своей юности...»

Она вздрогнула, когда перед ней появилась горничная, спросившая у нее:

— Какое платье оденет сегодня мадам?

Некоторое время она молча смотрела на девушку, потом вздохнула:

— Розовое, с жемчугом...

Она приказала принести драгоценности; ей нужно было отличаться от юной девушки, когда-то такой желанной для Клода, хотелось выглядеть зрелой женщиной в расцвете красоты.

Вслед за горничной она прошла в комнату, где хранились ее наряды. Эту комнату Мари-Тереза называла «комнатой Синей Бороды». Меховые манто слабо пахли нафталином. Ее охватила непонятная печаль, и она резко бросила горничной:

— Нет, любое другое, но обязательно белое...

Наконец появился Бошан. Он мало изменился, только сильно поседел. Они пообедали на террасе. Вилла Сан-Суси, искусственная, словно театральная декорация, вечерами становилась более естественной и чем-то напоминала сельскую усадьбу. Могучие платаны давно пропали в темноте. Поблизости отчаянно орали лягушки, и слабый запах свежескошенного сена смешивался с ароматом роз.

Она поинтересовалась:

— Это правда, что вы собираетесь снова обосноваться в Веве?

— Да, и надеюсь больше никогда не уезжать оттуда.

— Никогда не уезжать... — медленно повторила она.

— Это удивляет вас, Гледис?

— Да. Теперь, когда больше нет Терезы, когда Оливье живет в Париже...

— Я очень сильно привязался к тем местам.

Гледис улыбнулась:

— Странный вы человек, Клод. Вы мой кузен, самый близкий мой родственник, но я знаю вас не лучше, чем случайного прохожего на улице. Неужели вы собираетесь провести последние годы жизни в этой затерянной в глуши деревушке? К тому же в полном одиночестве?

И повторила, ощущая шевельнувшийся в ней страх:

— В одиночестве... Какой ужас...

— Вы так боитесь одиночества, Гледис? Да, вы совсем не изменились, — промолвил он, с любопытством присматриваясь к ней.

— К чему говорить о переменах? Ведь женщины не меняются.

Он ничего не ответил. Гледис сидела напротив него с опущенной головой. Ее руки неторопливо и грациозно перебирали крупные жемчужины ожерелья, обвивавшего ее хрупкую белоснежную шею. Перед ним находилось слабое, трогательное, прекрасное создание. Но это была бледная тень женщины, которую он когда-то любил, призрак былой любви... В последние годы он изредка видел ее и при каждой встрече понимал, что она давно не думает о нем. Ее мысли были поглощены нарядами, новыми увлечениями, очередными ухажерами... Она почти не замечала его. Конечно, сегодня она выглядела иначе и явно старалась понравиться ему... Но он... Тайная любовь, долгое время скрываемая в сердце, стареет и становится печальной, превращаясь в горькое воспоминание. Он подумал: «Я свободен. Я излечился от этой болезни. Я больше не люблю ее».

— Я хотел бы видеть Мари-Терезу, — сказал он.

— Конечно, она обязательно зайдет поздороваться с вами.

— Сколько ей сейчас?

— Ах, не спрашивайте о ее возрасте, Клод. Я пытаюсь забыть его, вот и все, что я могу сказать, — пробормотала она.

Она пыталась сдержать дрожь своих рук. Заметив, что это ей плохо удается, с силой стиснула одной рукой другую.

— Надеюсь, вы друзья?

— О, конечно! — ответила Гледис, с усилием улыбнувшись. — Малышка всегда так нежна со мной... По сравнению с безумствующей сейчас молодежью она сама серьезность, сама мудрость... Вы не представляете, как она общается со мной... Перед каждым балом я должна показаться ей, и вы не представляете, с какой строгостью она обсуждает мои платья, выбранные мной драгоценности...

— Следовательно, она заменяет вам мать, — холодно проговорил Клод.

Гледис пожала своими прекрасными плечами.

— Вы смеетесь надо мной, Клод. Но в ее отношении ко мне действительно то и дело проскальзывает что-то материнское. Она безумно любит меня... Она находит необычные слова в разговорах со мной. Однажды, не помню, по какому поводу, она произнесла фразу, заставившую меня прослезиться: «Моя бедная мамочка, вы не знаете жизни...»

— Действительно, — согласился Бошан, — это забавно...

Они помолчали. Потом она вздохнула:

— Я рада повидать вас, Клод. А вы? Если не ошибаюсь, прежде вы избегали меня. Почему?

— Вы женщина до мозга костей, Гледис.

— Почему?

— Вам всегда недостаточно догадок. Вы хотите знать наверняка.

— Последние двадцать лет, — улыбнулась Гледис, — я ни от кого ничего не требовала.

— Вы будете разочарованы, Гледис, — негромко сказал он. — Вы надеетесь, я скажу, что был без ума от вас. И это будет правдой. Но ведь вам нужно знать и то, влюблен ли я в вас до сих пор?.. Так вот: нет. С прошлым покончено... Да и на что тут надеяться? Ничто ведь не вечно...

— Вы уверены, что это правда, Клод? — с улыбкой спросила она, хотя острая боль пронзила ее сердце.

— Вы все еще прекрасны, Гледис, но я не вижу вас такой, как прежде... Конечно, для других вы остаетесь прекрасной и желанной. Для меня же вы всего лишь призрак того, чем вы были прежде. Я, наконец, избавился от наваждения и теперь свободен и счастлив. Я больше не люблю вас. Конечно, я был безумно влюблен в юную девушку в бальном платье, на балконе летней лондонской ночью... Но она жестоко посмеялась надо мной...

— Совсем немного, Клод, но вы все же хотите отомстить...

— Нет, даже не это...

— Но вы такой жестокий...

— Совсем немного, Гледис...

Некоторое время они молча смотрели друг на друга. Потом она взяла его за руку.

— Вы просто сердитесь на меня, Клод. Может быть, вам будет приятно узнать, что вы играли в моей жизни гораздо более важную роль, чем вам представлялось? Я никогда не была влюблена в вас, но тем не менее я никогда вас не забывала и никогда не забуду... В то время я была неопытной девочкой. И вы первым позволили мне понять, какой властью я обладаю. Вы, наверное, обидитесь на меня, но я все же скажу, что вы, не зная этого, отравили мне жизнь. Никогда больше я не испытала подобного ощущения опьяняющей гордости, никогда... Это я должна обижаться на вас...

Он удивленно выпрямился.

— Вы шутите?

— Ну ладно, ладно, — тихо сказала она, задрожав от коварной и жестокой мысли. — Все это в прошлом... Послушайте, ведь в то время вы мечтали поцеловать меня, не так ли? Но вы были слишком нерешительны, чтобы воспользоваться представившейся возможностью? Так и быть, можете сейчас поцеловать меня, и все в прошлом будет прощено и забыто.

Он покачал головой.

— Нет, каким бы нежным ни оказался этот ваш поцелуй, я никогда не почувствую в нем того, чего желал в прошлом.

Они обменялись взглядами, словно давние противники. Потом Гледис отвернулась. Она тихонько рассмеялась, и в смехе ее были и боль, и безумие.

— Вы сказали, что хотите повидать Мари-Терезу?

— Да, конечно.

Она позвонила и попросила прислать к ней дочь. Девочка тотчас пришла и застыла в их мрачном молчании. Она выглядела спокойной, но временами по ее лицу пробегала легкая судорога.

Мари-Тереза и Бошан оживленно болтали, и она отвечала, когда кто-нибудь из них обращался к ней. При этом ее собственный голос казался ей странно чужим и незнакомым.

«Да, я страдаю, — думала она, — но я не хочу страдать, я не умею страдать...»

7

Бошан вскоре откланялся и удалился. Некоторое время Гледис слышала затихающий шум мотора; потом она спустилась в небольшую желтую беседку, где уже выключили освещение. Ее охватила душная ночь,

насыщенная ароматами моря и резеды. Гледис села и опустила голову на каменную плиту стола.

Неслышными шагами подошла Мари-Тереза. После продолжительного молчания она спросила:

— Я включу свет?

Гледис помотала головой.

— Нет, не нужно... Иди спать, дорогая... Оставь меня. Я очень устала.

— Ах, мама, позвольте мне остаться. Я почти не вижу вас.

— Я знаю, — сказала Гледис, — что у тебя, моя бедняжка, очень плохая мать, легкомысленная и невнимательная. Но тебе нужно немного подождать. Я скоро состарюсь и превращусь в пугало. А ты станешь красавицей, — помолчав, добавила она бесцветным голосом. — Настанет твоя очередь танцевать и развлекаться, а я буду ждать тебя у камина, и не будет у меня другой радости, как только ждать тебя, восхищаться тобой и спрашивать в очередной раз: «Ты хорошо повеселилась, дочка?» Или, если я стану ворчливой старухой, я буду возмущаться: «Как только можно увлекаться балами? Как можно любить любовь? Как можно любить жизнь?»

Она замолчала, рассмеявшись тихим усталым смехом.

— Послушай, Мари-Тереза, ты должна пообещать мне, что в тот день, когда ты увидишь меня старухой, ты убьешь меня во время сна.

Она взяла руку дочери и прижалась к ней лбом, тихо покачиваясь, словно убаюкивая себя.

«Именно в этом я нуждаюсь, — подумала она. — Мне нужен кто-то, кто будет баюкать меня, кто придаст мне уверенности в себе. Если бы я могла просто любить, как это происходит с Лили... Я знаю, что я еще не миновала возраст любви, но я не хочу любить, я хочу, чтобы любили меня, чтобы я чувствовала себя слабой и беззащитной в объятиях сильных рук...»

Она неожиданно для себя спросила:

— А ты любишь меня, Мари-Тереза?

— Конечно, мама. И вы не должны бояться старости. Вы кажетесь мне слишком молодой. Наверное, если бы у вас были седые волосы и морщины, мне было бы легче разговаривать с вами, чем сейчас...

Гледис закрыла глаза.

— Давай помолчим, мне сейчас совсем не хочется болтать. Я хочу забыть жизнь, хочу уснуть. Как бы мне хотелось быть маленькой девочкой, такой, как ты, без забот, без печалей.

Мари-Тереза улыбнулась и нежно прикоснулась к волосам матери.

— Так вы и есть маленькая девочка, мама, а я взрослая женщина. Я вам не раз говорила это, но вы не хотите поверить мне. Я знаю вас лучше, чем вы меня... Вы уверены, что вы моя мать? Когда я была совсем маленькой, я не верила в это. Может быть, так было бы лучше? Мы могли бы стать почти сестрами, подругами, говорить о любви...

— О любви? — медленно повторила Гледис.

— Да. Наверное, многие очень любили вас...

Гледис резко поднялась.

— Мне стало как-то прохладно... Пойдем в дом.

— Прохладно? Здесь скорее душно...

— Нет, мне холодно, — сказала Гледис, обхватив себя руками. — Я вся дрожу от сквозняка. И тебе не стоит дольше сидеть здесь. Иди спать. На тебе слишком легкое платье, ты простудишься.

— Нет, мама, не простужусь.

— Тебе пора уснуть. Уже очень поздно.

— Я совсем не хочу спать.

Они поднялись в комнату Гледис. Гледис включила свет возле зеркала в форме сердца. Свет оказался приглушенным, розового оттенка. Она

жадно вгляделась в свое отражение. Стоявшая позади нее дочь тоже смотрела на ее отражение в зеркале; конечно, она не могла не видеть в нежных линиях лица, выглядевшего таким юным, первые признаки зрелого возраста. Гледис раздраженно подумала:

«Почему она так смотрит на меня? Почему не оставит меня одну?»

— Мама, — неожиданно сказала Мари-Тереза, — я хочу поговорить с вами.

— Да? Конечно, дорогая, говори...

— Мама, я обручена, — сказала девушка, не сводя глаз с лица матери.

— Вот как, ты обручена? — тихо повторила Гледис.

В этот момент она избавлялась от макияжа. Ее изящные пальцы, медленно и осторожно касавшиеся лба и щек, слегка задрожали и замерли возле расширившихся глаз. Она наклонилась вперед и с отчаянием всмотрелась в свое отражение, как будто зеркало внезапно отразило чье-то чужое лицо.

«Значит, прекрасной Гледис Эйзенах, — подумала она, — предстоит выдать замуж свою дочь...»

Она почувствовала в груди неожиданную боль, непереносимую, почти физическую. Она продолжала смотреть в зеркало, судорожно сжав губы. Ведь она все еще красива... Замужество дочери не помешает ей оставаться красивой и желанной... Она резко покачала головой. Нет, ни за что! Такая красота годится для кого угодно, только не для нее... Эта хрупкая патетическая красота, которой угрожает возраст, годится для Натали Есленко, для Мими, для Лоры, но не для нее... Ей нужна только юность, абсолютная победа над возрастом...

«Я не могу отказаться, — подумала она. — Но я ни в чем не виновата. Я не умею сдаваться...» — «Что ж, ты научишься», — казалось, произнес в ее сердце ироничный голос, — научишься не блистать впереди всех; тебе придется скромно появляться в обществе вслед за дочерью. А вот она всегда будет в первом ряду, будет королевой на всех праздниках и затмит свою мать. Именно на ней, на ее юном лице будут останавливаться восхищенные взгляды мужчин... Ведь завтра какой-то мужчина назовет тебя тещей... А тебе вскоре придется рассказывать о своих внуках и внучках. Ах, нет, нет, это невозможно. Бог не может быть столь жестоким!»

— Но это ведь неправда, Мари-Тереза, — произнесла она ломающимся голосом. — Ведь это невозможно, не так ли?

— Но почему, мама? Напротив, это вполне естественно. Вы, наверное, забыли, что мне восемнадцать лет? Ведь я уже женщина.

Гледис задрожала; на ее лице промелькнула гримаса бешенства, если не безумия.

— Замолчи! — крикнула она. — Это неправда! Не говори глупости! Ты еще совсем ребенок!

— Нет, мама, я не ребенок. Неужели вы думаете, что можно остановить время, если постоянно твердить подругам, что мне всего пятнадцать лет? Но мне не пятнадцать. И вам не тридцать. Когда вы то и дело повторяли, что я еще ребенок, я не возражала вам, прежде всего потому, что для меня это не имеет значения. Но самое важное, мне просто было стыдно за вас. И еще мне было жаль вас, мама...

Мари-Тереза стояла, прижавшись к коленям матери, и ощущала, как они дрожат. Она опустила руку на ее плечо.

— Бедная мама, вы думаете, что меня будут считать ребенком только потому, что вы не разрешаете мне делать прическу, и поэтому мужчина не сможет заметить, что я уже женщина...

— Кого ты имеешь в виду? — насторожилась Гледис.

— Оливье Бошана, мама.

— Нет, нет, это невозможно. Ты еще ребенок... Ты не можешь выйти так рано замуж. Послушай, может быть, ты пошутила? Посмотри на себя. Посмотри на свои тонкие ручки, длинные волосы, детское личико. Ты слишком юная, это невозможно. Конечно, ты знаешь Оливье с младенчества, и ты вообразила, что любишь его, но ведь ты не можешь его любить! Как ты можешь узнать, что это любовь, если ты еще не знаешь, что такое жизнь!.. Подожди, не стоит спешить...

— Я люблю его, мама, — резко сказала Мари-Тереза. — Поймите по крайней мере это. Вы же знаете, что такое любовь, не так ли? Или вы знаете о ней только по лицам пожилых женщин, ваших приятельниц? Но ведь это у меня возраст любви, а не у них!

— Замолчи! — закричала Гледис, и в ее голосе прозвучали ужас и страдание. — Я не хочу! Ты слышишь: не хочу! Если я сказала, что нужно подождать, — значит, придется подождать! И ты подчинишься мне! Слышишь, тебе придется подождать... Нет, только не сейчас, не сейчас... — Она побледнела и поднесла к губам руку Мари-Терезы. — Ведь ты согласна со мной? Тебе нужно подождать, пока ты не повзрослеешь, не станешь более мудрой, более опытной... Ведь ты еще ничего не знаешь, ты ничего не видела в жизни... Подожди немного. Через два-три года, если ты еще будешь любить Оливье, ты выйдешь за него... Но не сейчас, Господи, только не сейчас...

Она невнятно бормотала бессмысленные фразы, прижимая к себе дочь, жалобно глядя на нее. Она привыкла к всеобщему преклонению, к немедленному исполнению малейшего ее желания и не представляла, что ей можно отказать.

— Ведь ты же любишь меня, дорогая, правда, любишь? Ведь ты не хочешь причинить мне боль? Мне так больно слушать, как ты говоришь о любви, видеть в тебе женщину... Если бы ты знала, как это естественно... Ах, почему у меня родилась дочь? Если бы у меня родился сын, он бы лучше понимал меня, больше любил... Ты же думаешь только о себе...

— Но ведь вы тоже думаете только о себе! Посмотрите на меня. Разве то, как я живу, это жизнь? Или вы считаете, что в моем возрасте мне ничего не нужно, кроме книг, музыки, прогулок в парке? У меня больше ничего нет! Вы развлекаетесь, танцуете, возвращаетесь на заре, но это же удовольствия скорее для моего возраста, для меня, а не для вас!

— Я не заметила, как ты повзрослела...

— Но это уже свершилось. Мне восемнадцать лет.

Гледис заломила руки.

— Да, конечно, я знаю, но...

Она уже видела ухмылки своих соперниц, слышала их язвительный шепот:

— Гледис Эйзенах? Да, конечно, она еще совсем неплохо выглядит. Но она далеко не молода, вы знаете это? Она недавно выдала замуж свою дочь. А ее только что бросил любовник... Чего вы хотите? Да, она красива, но... Конечно, она еще не старуха, но...

А пройдет совсем немного времени, и разговоры будут совсем другими:

— Вы находите ее красивой? Но разве вы не знаете, сколько ей лет? Она уже стала бабушкой...

«Это я скоро стану бабушкой? — подумала она и провела рукой по лицу. — Нет, нет, это какой-то бред... Еще вчера я сама была ребенком. И я не изменилась... Еще вчера я была счастливой юной девушкой, чуть позже — удачливой избранницей судьбы... Мари-Тереза говорит, что когда-то меня любили все мужчины... А теперь я буду слышать слова сожаления: какой красавицей она была когда-то... Нет, этого я не перенесу... Еще два, три года... Я не прошу у нее большего... Для нее это такой пустяк, тогда

как для меня... Через три года я действительно состарюсь... Мой возраст будет отчетливо написан на моем лице... И мне придется смириться со своими годами...

— Мама, — прошептала Мари-Тереза, — подумайте обо мне. Скажите мне что-нибудь. Мне кажется, вы сейчас так далеки от меня...

— Что мне сказать тебе? Я уже сказала все, что хотела. Тебе нужно подождать. Что для тебя изменится, если ты не будешь спешить с замужеством? Ты такая молодая... Несколько лет пройдут для тебя легко и незаметно... Через три года ты повзрослеешь. И тогда ты поступишь так, как тебе хочется.

— Я не буду слушаться вас, — сказала Мари-Тереза, и лицо ее стало бледным и напряженным.

— Ты должна послушаться меня. Ты знаешь это. Ты еще ребенок, еще несовершеннолетняя. Ты должна подчиняться матери.

— Но почему? Почему я должна ждать?

— Потому что ты слишком молода, — ласково повторила Гледис, — а поспешные браки никогда не бывают счастливыми. Я хочу, чтобы ты была счастливой. Конечно, я знаю, что ты сейчас думаешь: что я стану причиной твоего несчастья. Но это не так. Я хочу, чтобы ты несколько месяцев оставалась невестой, оставалась тайком, что только украсит твою жизнь, что оставит тебе приятные воспоминания... Ты еще ребенок, Мари-Тереза, ты не понимаешь всего... Существует только одно, что стоит пережить, — это начало любви, первая робкая влюбленность, рождение страсти, ожидание счастья... Я хочу дать тебе все это, а ты сердишься на меня... Я не хочу, чтобы ты была несчастна, — повторила она, с отчаянием всматриваясь в лицо дочери. — Боже, я совсем не хочу этого! Если этот мальчик и ты... Если вы любите друг друга, ничего не поделаешь, женитесь и будьте счастливы... Я буду только радоваться вашему счастью... Но подожди немного... Несколько лет пролетят незаметно, и тогда я дам согласие на ваш брак. Но пока пожалей меня... Не говори больше ничего, я не хочу даже думать о твоем замужестве, не хочу, не хочу... — Она бормотала, спрятав лицо в ладонях. — Мне становится плохо. Мне нужно немного отдохнуть, мне нужно немного счастья... Пойми меня, будь моей подружкой...

— Я не хочу быть вашей подружкой! Вы моя мать. Если я не дождусь от вас защиты, помощи, ласки — вы не нужны мне, — негромко произнесла Мари-Тереза.

— Ах, Мари-Тереза, как ты жестока!

— Тогда, мама, вы должны согласиться. Вы же знаете, что я обязательно буду счастлива! Но вы хотите украсть у меня три года счастья, вот и все.

— Нет, нет, дорогая, — прошептала Гледис.

Она плакала; тяжелые слезы скатывались по ее щекам. Она обратилась к дочери с мольбой:

— Оставь меня! Пожалей свою мать! Не говори мне больше ничего. Ты должна понимать, что это бесполезно.

— Да, я понимаю это, — неохотно согласилась Мари-Тереза.

Гледис продолжала обнимать ее. Девушка с отвращением разорвала объятие и оттолкнула красивые и нежные руки матери, пытавшейся удержать ее. Освободившись, она выбежала из комнаты.

8

Назавтра Оливье попытался увидеться с Гледис, но в Сан-Суси репетировали пьесу, которую должны были сыграть на вечере у Есленко, и Гледис постоянно окружали друзья и приятельницы. Этим же вечером он пришел к Мидлтонам, куда Гледис была приглашена на обед.

Когда он вошел в салон, обед уже закончился; несколько пар кружились в вальсе под музыку небольшого оркестра. Гледис прошла мимо него под руку с Джорджем Каннингом, любовником Лили Ферре. Она улыбалась и выглядела вполне счастливой. Заметив Оливье, она побледнела, и на ее лице промелькнуло выражение ужаса. Подождав, пока закончится танец, Оливье подошел к Гледис и попросил назначить ему встречу. Гледис небрежно играла с длинной белой перчаткой, слегка похлопывая ею по руке.

— Вы хотите, чтобы я приняла вас? Мой малыш Оливье... Чтобы увидеться со мной, вы можете зайти ко мне когда вам захочется... К чему этот официальный тон?

— Потому что речь действительно пойдет об одном официальном мероприятии, — с улыбкой ответил Оливье.

— Мне кажется, что данный момент не очень подходит для такого разговора...

— Поэтому я и прошу вас назначить мне встречу...

Поколебавшись, она со вздохом произнесла:

— Ну хорошо, идемте.

Он прошел вслед за ней в небольшой соседний салон, где, кроме них, никого не оказалось.

Она остановила свой взгляд на лице юноши, таком похожем на Клода, и ей почудилось, что она вернулась в прошлое. Как у отца, лицо его было удлиненным, с изящными чертами и тонкими губами; его взгляд казался строгим и даже жестким, когда он молчал, но сразу же становился мягким, стоило ему заговорить.

Гледис улыбнулась юноше; он не отводил от нее взгляда, но, казалось, не видел ее.

— Я знаю, что вчера Мари-Тереза говорила с вами, — сказал он, — и вы ответили ей, что согласны на наш брак при одном условии... Вы имели в виду срок... Если не ошибаюсь, речь шла о трехлетнем сроке?

Она пробормотала:

— В общем, это так...

— Но почему, мадам? Вы давно знаете меня. Моя мать была вашей троюродной сестрой. В моем прошлом нет ничего, что было бы вам неизвестно... Вы знаете все, что должна знать мать невесты — про мою семью, о моем состоянии, моем здоровье... Зачем вам нужно это ожидание, этот унизительный срок?

— Я не вижу в этом ничего унизительного, — сказала она, опустив взгляд. — Во многих странах помолвка продолжается достаточно долго, и это считается разумным и вполне естественным.

— В случае, если обручение считается официальным...

Она вздрогнула.

— Нет, нет, только не это, не сейчас... Официальное обручение — это смешно... Множество поздравлений, торжественных визитов, отвратительные буржуазные церемонии... Нет, это просто ужасно... Когда вы решите сочетаться браком, вы сразу же поженитесь, и ничего другого вам не потребуется...

— Я люблю Мари-Терезу.

— Мари-Тереза еще ребенок, да и вы тоже... Это детский каприз...

— Мы любим друг друга, как любят мужчина и женщина, — негромко сказал Оливье. — Ваша дочь женщина, хотя вы так и не смогли заметить это. Я имею в виду не только ее возраст. Она храбрая, нежная и преданная женщина... Позвольте нам испытать свой шанс быть счастливыми. Жизнь так коротка...

Она растерянно улыбнулась.

— Да, конечно...

— Три года... Подумайте, разве это не ужасно: потерять три года счастья, три года жизни?

— Умейте заслужить счастье, будьте терпеливым. Поверьте, вы только сильнее полюбите ее. Разумеется, это не следует считать моим официальным ответом на вашу просьбу руки моей дочери... Я не могла так быстро подготовиться, я не ожидала этого... Господи, но Мари-Тереза все еще кажется мне совсем маленькой девочкой... Как вы не понимаете этого? До сих пор она любила только меня...

Он резко качнул головой.

— Слава Богу, Мари-Тереза не отличается от других женщин. Конечно, когда она была маленькой, она любила вас... Она и до сих пор сильно привязана к вам... Но вы знаете, конечно, что дочерняя любовь уступает место пришедшей настоящей любви... Вы ведь сами испытали это, впрочем, как все мужчины и все женщины. Поэтому вы не должны удивляться, что Мари-Тереза любит меня и предпочитает меня вам; но если вы будете противиться нашему браку, она, в конце концов, станет относиться к вам как к врагу.

— Нет, что вы, — пробормотала Гледис, — это невозможно...

Ее сердце раздирали противоположные чувства; с одной стороны, она не могла перенести мысль о том, что дочь будет ненавидеть ее, как она сама ненавидела свою мать. С другой стороны, она впервые столкнулась с ситуацией, когда мужчина видел в ней всего лишь мать своей невесты, препятствие своему счастью, и это больше всего угнетало ее.

«Меня перестали считать женщиной, — подумала она. — Теперь я всего лишь мать Мари-Терезы... Ах, я знаю, что это участь всех матерей, но смерть тоже участь каждого существа... Существует ли кто-нибудь, кто не боится смерти? Конечно, я всей душой люблю Мари-Терезу и хочу ей счастья, но кто пожалеет меня? Я считаю себя еще молодой и красивой, но я знаю, что в глазах окружающих давно стала стареющей женщиной, над которой вот-вот начнут посмеиваться и повторять: «Конечно, когда-то она была красивой, и в нее были влюблены многие мужчины...» А еще этот мальчишка...»

Ей очень хотелось понравиться ему. Но не для того, чтобы женить на своей дочери. Эта мысль заставляла ее краснеть от стыда, но она хотела бы вызвать у него желание, хотя бы на мгновение... Только чтобы избавиться от чувства униженности, перестать страдать от раненой гордости...

«Если бы он хоть раз посмотрел на меня как на желанную женщину... Нет, даже не так, хотя бы только с восхищением, с которым смотрят на красивую женщину; я хочу, чтобы он испытал волнение, как это было с многими его предшественниками, и я перестала бы сопротивляться, я уступила бы ему малышку... Я согласилась бы на все, но я должна чувствовать, что я еще женщина... Потому что иначе зачем жить?»

В это же время Оливье думал: «Эти старики все одинаковы... Им остается так мало времени, чтобы наслаждаться жизнью... И тогда они начинают мстить нам. Возможно, они даже не вполне осознают это, но в их головах роятся мысли вроде таких: «Мне остается так мало времени... Поэтому я отниму от своих детей несколько лет счастья, насколько это будет в моих силах...» Они изображают себя осторожными, мудрыми, владеющими жизненным опытом... Но на самом деле они просто ревнивы. Они не хотят разделять жизнь со своими детьми. Они проклинают уходящую жизнь, но стремятся сохранить ее для себя, только для себя...»

Потом ход его мыслей несколько изменился. «Бедняги», — подумал он с сочувствием. Потом он с удовольствием потянулся, почувствовав игру

сильных мышц, тепло струящейся в артериях крови. Он вспомнил свой возраст и неожиданно подумал, что он бессмертен.

И с улыбкой взглянул на Гледис.

— Вы знаете, мадам, что три года пролетят очень быстро, и вам будет еще труднее принять решение...

Гледис провела рукой по лбу и подумала: «Боже, что со мной? Как я могла надеяться, что он способен заинтересоваться мной? Этот мальчик, которого любит Мари-Тереза... Господи, какой стыд...»

Она растерянно пробормотала:

— Умоляю, оставьте меня, Оливье... Послушайте, я прошу у вас отложить свадьбу всего на несколько месяцев, несколько недель... Это же одно мгновение... Вы должны согласиться... Обещаю вам, что приму разумное решение...

Конечно, она представляла, что ведет себя, словно охваченный отчаянием ребенок, у которого хотят отнять любимую игрушку.

Потом она продолжала:

— Да, как пожилая мудрая женщина. Дайте мне один год. Это много? Нет, это не так. Всего год передышки. Потерпите немного. У вас впереди будет целая жизнь счастья, а у меня?

— Вы не будете запрещать мне видеться с Мари-Терезой?

— Разумеется, не буду.

— И вы не уедете с ней на край света? Не обижайтесь, но я не могу не быть подозрительным, — он попытался засмеяться.

Она замотала головой.

— Нет, конечно, нет.

— Хорошо, — пробормотал он, вздохнув. — Будем считать, что мы договорились...

Гледис встала и подошла к дверям. Открыв их, она помахала проходившей мимо Лили Ферре.

«Хоть бы он ушел, — подумала она. — Мне нужно остаться одной...»

Лили Ферре энергично обмахивалась веером. На ней было желтое платье, эгретка на голове и маска косметики на лице.

Оливье обменялся с женщинами несколькими словами и откланялся. Лили сказала, провожая его взглядом:

— Он влюблен в вас, дорогая...

— Нет! — Гледис покачала головой. — Больше никто не может влюбиться в меня, никто...

Замолчав, она с трудом сдержала слезы. Потом она поцеловала Лили:

— Я очень люблю вас, моя дорогая...

Потом она вышла на террасу. Сидевший в кресле Каннинг взглядом приветствовал ее. Она с отчаянием подумала: «Может быть, он?»

Гледис улыбнулась ему. Каннинг отвел хитро блеснувший взгляд, и она легко прочитала его мысли. Покоренный женщиной мужчина продолжал наивно думать, что право выбора все равно принадлежит ему.

Они спустились в сад.

9

Когда началась война, Гледис с дочерью находились в Париже, тогда как семья Бошанов оставалась в Швейцарии. Оливье, перед тем как уйти на фронт, смог заехать в Париж и повидаться с Мари-Терезой. Когда настала осень, Гледис вернулась в Антиб.

Никогда еще погода не казалась такой замечательной, а розы не выглядели такими свежими. Сан-Суси опустел. Работники-мужчины оказались в армии, лошади и автомобили были реквизированы. Гледис каждый день вздыхала:

— Пора уезжать... Что мы здесь делаем?

Но ее удерживал Джордж Каннинг. Она привязалась к нему; этот симпатичный мужчина нравился ей. Она забыла Марка; забыла и Клода Бошана. Это получилось у нее само собой, как умеют забывать только женщины: внезапно, но окончательно. Ей казалось, что она забыла даже Оливье. В начале войны Мари-Тереза завела разговор о своем замужестве, но Гледис даже не ответила. Она поспешно покинула Париж, чтобы побывать в Довилле, а когда вернулась, Оливье уже был на фронте. Она едва замечала Мари-Терезу. Говорила с ней очень мягко и нежно, как делала это всегда, но то и дело ловила себя на том, что смотрит сквозь нее, думая при этом о Каннинге, о себе и о своем счастье. Она любила дочь, как любила ее всегда, но любовь ее оставалась легкой и капризной, то есть обычной для нее. Моменты нежности чередовались с продолжительными периодами безразличия. Она была признательна дочери за то, что та не упоминала имени Оливье и не пыталась таким образом разрушить иллюзии, без которых она давно не представляла свою жизнь.

Как ни странно, в ее глазах Мари-Тереза действительно оставалась ребенком, хотя она сильно изменилась с осени; она выглядела более женственной, более зрелой; конечно, ее фигурка оставалась по-детски тощей, но движения стали более плавными, более изящными. С юного лица исчезло выражение наивности и одновременно дерзости; лицо казалось более нежным и более бледным; волосы были убраны в высокую прическу.

В октябре, теплым и тихим вечером, Гледис получила письмо от Клода Бошана. Он сообщал о смерти Оливье, погибшего на фронте. Гледис долго сидела в одиночестве на небольшой уютной террасе с письмом в руке. Наконец она поднялась наверх и постучалась в комнату дочери. Мари-Тереза уже была в постели. Гледис подошла к дочери и нежно погладила ее по голове.

— Я знала, что ты уже легла, и подумала, что ты заснула.

— Я не сплю, — ответила Мари-Тереза.

Девушка приподнялась на локте и с тревогой смотрела на мать, то и дело отбрасывая в сторону спадавшие на лицо волосы.

— Девочка, дорогая моя, тебе будет очень тяжело, но это пройдет, ты увидишь. Дело в том, что... Бедный Оливье... Он погиб.

Мари-Тереза, не прослезившись и не произнеся ни слова, выхватила письмо из рук матери и прочитала его. Потом ее руки упали на простыни. Она вцепилась в них с такой силой, что из-под ногтей у нее выступила кровь. Но она по-прежнему молчала; казалось, она изо всех сил пытается сдержать рвущиеся наружу слова.

Гледис, с жалостью смотревшая на дочь, пробормотала:

— Дорогая, мне тяжело смотреть, как ты переживаешь... Но это пройдет... Вот увидишь, все пройдет... Понимаешь, первая любовь всегда кажется такой сильной, но все быстро забывается... Да, ты сейчас думаешь, что я ничего не понимаю, что я давно забыла о своих чувствах, но мое прошлое по-прежнему так близко, ты бы только знала... Я знаю, как ты любила его... Но ты обязательно встретишь другого... Любовь — это не несколько свиданий с поцелуями, не мечты о будущем... Потом, когда ты станешь женщиной, ты узнаешь, что такое любовь на самом деле... — Гледис произнесла эти ничего не значащие слова так, словно немного задыхалась. Помолчав, она добавила: — Знаешь, ведь я предчувствовала случившееся... Я так рада, что не уступила тогда твоим просьбам, твоим слезам... Возлюбленный забывается легче, чем муж...

Мари-Тереза негромко сказала:

— Умоляю вас, мама, оставьте меня...

— Я не могу сейчас оставить тебя, дорогая, ведь тебе так тяжело сейчас... Перестань сдерживать себя, поплачь, тебе станет легче... Ты забудешь, Мари-Тереза, поверь мне... Ты раньше всегда доверяла мне... Клянусь тебе, ты забудешь, и когда-нибудь ты...

Она попыталась прижать к себе бледную молчащую девочку, но только коснулась губами ее щеки.

— Посмотри на меня...

Мари-Тереза подняла взгляд и сказала:

— Мама, я была любовницей Оливье. Я беременна.

— Что? — вырвалось у Гледис. Она всмотрелась в детское лицо дочери: спутанные прядки волос, тоненькая шейка... Дочь казалась таким ребенком, что Гледис подумала: «Не может быть! Она выдумала это...»

Резким движением она распахнула ночную рубашку дочери; ее груди явно потяжелели, и кожа на них была той мраморной белизны, которая безошибочно говорит о начале беременности.

Гледис негромко произнесла:

— Бедняжка, ты сама виновата в своем несчастье.

— Нет! — Мари-Тереза покачала головой. — Это вы виноваты в моем несчастье, только вы. Почему вы не позволили мне выйти за Оливье? Мы были юными, мы любили друг друга, мы могли стать счастливыми... Почему вы поступили так? Почему?

— Я тебе ничего не запрещала, — поспешно сказала Гледис. — Ты не должна так говорить!.. Я просто попросила вас подождать... Вы были тогда совсем детьми...

— Вот мы и дождались... — в словах Мари-Терезы прозвучало отчаяние. — Мы дождались прихода смерти, отнявшей его у меня... Мы ждали, как послушные глупые дети, уступив вам свое счастье, свою любовь... Мы удовольствовались, как вы сказали, несколькими поцелуями и мечтами о будущем!.. Я никогда не прощу себе этого... Вы очень правильно сказали: юность так глупа... Да, она глупа, она труслива и беспомощна, она так слаба в руках родителей... Что мы могли сделать, как не согласиться подождать? Когда началась война, я опять стала умолять вас разрешить наш брак. Но вы не стали даже слушать меня... Вы сказали, что брак с парнем, которого завтра могут убить, невозможен... Поэтому ваш долг матери не соглашаться!.. Ах, как вы радовались, что у вас появилась возможность исполнить материнский долг!.. И ведь вы были искренни... Но мы поняли, что нас обманули и что у нас остается только возможность на короткую любовь, на несколько мгновений счастья... Именно я хотела этого... — По щекам Мари-Терезы потекли, наконец, слезы. — Бедный Оливье, ему было так жаль меня... Он чувствовал, что мы больше не увидимся... И у меня было такое же предчувствие... Я отвечала на его поцелуи, но внутренний голос твердил: «Он не вернется...» И тогда я попросила у него одну-единственную ночь... Я хотела провести эту ночь в его объятиях, хотела почувствовать себя его женой... Я надеялась, что он подарит мне ребенка... Я думала при этом: «Бог позволит ему вернуться, если это произойдет между нами...» Но он умер... он умер... И для меня теперь все кончено...

— Скажи, когда ты стала его любовницей? — спросила Гледис, схватив дочь за руку. — Ведь вы же не виделись с прошлого мая!

— Конечно, вы так думали... Вы были уверены, что я подчинюсь вам, как всегда... Но Оливье заехал в Париж перед тем, как отправиться на фронт... Он заказал номер в «Рице», на нашем же этаже, и я провела ночь с ним. По крайней мере, у нас было несколько счастливых часов, — негромко сказала она. Девушка как будто снова переживала эту короткую ночь, синие шторы на окнах, первые лучи утреннего солнца на постели и ощущение, что перед тобой разверзается пропасть...

— Что ты будешь теперь делать? — голос Гледис задрожал. — Ты же не собираешься сохранить этого ребенка?

— Что вы имеете в виду, мама?

— Мари-Тереза, неужели ты не знаешь? Ты же можешь помешать ребенку родиться, если захочешь... Прошло всего два месяца, время еще есть... Ведь ты понимаешь, что не можешь оставить этого ребенка? Подумай о скандале... Стоит только сплетницам узнать... Но ты же понимаешь это, не так ли? Ты уже не ребенок, увы, ты женщина, ты знала, на что ты идешь, и ты этого хотела... Теперь от тебя требуется только мужество. Ты должна избавиться от ребенка, ты понимаешь это? Послушай, я знаю одну женщину, Кармен Гонзалес... Ты слышала о ней. Она массажистка, торгует косметикой, и она опытная акушерка... Она несколько раз помогала в таких случаях... Помнишь мою подругу, Клару Маккей? Когда ее муж отсутствовал, она должна была родить, но этому ребенку нельзя было появиться на свет... Тогда она пошла к Кармен, в ее больницу неподалеку отсюда, в Бейксе. Вечером на следующий день она вернулась, и никто ничего не узнал... Никогда. Узнай об этом муж, он бы убил ее. Выдержать несколько мгновений боли, и твой кошмар закончится... Отвечай же! — Гледис вцепилась дрожащей рукой в обнаженное плечо дочери. — Ты должна сделать это ради ребенка, а не ради себя! Ты не должна сохранить его, позволить ему родиться!.. Ты не имеешь права дать жизнь созданию, которое будет бедным, несчастным, всеми покинутым!

— Вы думаете, что я брошу своего ребенка? — негромко спросила Мари-Тереза. — Я даже не говорю, что по вашему мнению я могу стать преступницей, — ведь бросить его — это то же самое, что задушить его подушкой, как делают иногда. Вы полагаете, что я буду стыдиться его, буду прятать от людей? Как плохо вы знаете меня...

— Ты сошла с ума! Ты считаешь себя женщиной? Оставь, ты неопытный ребенок... Каким образом ты, девушка из достойной богатой семьи, сможешь оставить себе этого ребенка? И ты думаешь, что я позволю тебе такое? В конце концов, я тоже имею право что-то решать...

— Вам нечего решать. Не нужно было противиться моему замужеству!

— Не нужно было становиться любовницей этого мальчишки!

— Я готова перенести последствия этого...

— Ты забываешь, что тебе всего девятнадцать лет, девочка. Еще два года я могу полностью распоряжаться тобой и твоим будущим.

— Прекрасно. И что вы будете делать? Вы ведь не можете убить ребенка.

Гледис прижала дрожащие руки к лицу.

— Когда-нибудь ты полюбишь другого... Ведь не станешь же ты всю жизнь оплакивать любовника на одну ночь? И что ты будешь делать, имея незаконнорожденного ребенка на руках? Мари-Тереза, сейчас в тебе говорит не материнская любовь, которой у тебя еще нет. Ты просто мстишь мне... Ты знаешь, что сама мысль о том, что ты станешь матерью и опозоришь себя, невыносима для меня. Поэтому ты готова навлечь на свою голову все несчастья, чтобы таким образом наказать меня за то, что я отложила твой брак. Ведь ты действительно будешь несчастна! Ты когда-нибудь сама поймешь это.

— Может быть, но сейчас я думаю не о себе, — ответила Мари-Тереза, опустив голову. — Вам, наверное, покажется странным, что можно не думать о себе? Но я хочу, чтобы мой ребенок остался и был счастливым. Что касается меня, то я ничего не боюсь и согласна на все...

— Ты так думаешь сейчас. Потом ты будешь жалеть.

— Вы считаете, что я стану похожа на вас? О, никогда, ни за что... Вы сейчас говорите со мной очень мягко, но при этом думаете только

о себе... Ведь о вас станут говорить, что у вас уже есть внуки, что вы стали бабушкой... Вот этого вы не можете перенести!.. Вы не можете даже слышать эти слова без содрогания, — добавила она, не отводя взгляда от лица матери. — Вы подойдете к зеркалу, посмотрите на свое прекрасное лицо, на свои замечательные золотистые волосы и тут же вспомните, что вы уже бабушка. У вас сразу пропадет вкус к жизни. Я знаю вас, я слишком хорошо знаю вас...

Если бы я вышла замуж за Оливье, если бы у меня был ребенок от мужа, это точно так же причиняло бы вам страдание... Только тогда вы не могли бы говорить то, что сказали сейчас... Ведь сейчас ничто вас не сдерживает... Чтобы не стать бабушкой, вы готовы убить моего ребенка.

— Он еще не живет, — прошептала Гледис. — Он не будет страдать. И то, что ты называешь преступлением, происходит ежедневно...

— В моем случае такого преступления не будет, — громко сказала Мари-Тереза, и в ее голосе прозвучали напряженно звенящие нотки. Она поняла, что ребенок, который еще не существует, но которого сейчас она защищает со всей материнской страстью, уже стал для нее дороже всего на свете.

Гледис продолжала уговаривать ее:

— Ну хорошо, если ты так хочешь, у тебя есть право... Но разве у тебя нет обязанностей по отношению ко мне? К себе самой? Что касается меня, — с отчаянием продолжала она, — то подумай о скандале...

— Я думаю об этом, — пожала плечами Мари-Тереза, и на ее лице мелькнула бледная улыбка.

— Тебе, значит, не жаль меня? — простонала Гледис. — Чем я так провинилась перед тобой? Разве я могла предвидеть войну? Ведь родители постоянно противятся браку, который кажется им неподходящим. Разве я сделала что-то другое?

— Другие родители хотят блага детям, но часто ошибаются. Дети не могут обижаться на них за это... Но вы ведь думали только о себе... Вам не нужна была замужняя дочь... Вы не хотели стать «матерью молодой мадам Бошан», — рыдала Мари-Тереза. — Вы хотели отобрать у меня часть моей жизни, часть счастья, как вы поступали постоянно...

— Это неправда! — воскликнула Гледис. — Я всегда любила тебя!

— Конечно, когда я была ребенком, вы всегда ухитрялись принять выигрышную позу, взяв меня на руки, — с горечью сказала Мари-Тереза. — А я была такой глупой, что любила вас, восхищалась вами... Вы казались мне такой красивой!.. А теперь я ненавижу вас, ненавижу волны ваших светлых волос, ненавижу ваше лицо, которое выглядит более юным, чем мое... Как вы можете быть красивой, любимой и счастливой, тогда как я...

— Я не виновата в этом...

— Нет, виноваты! — яростно крикнула Мари-Тереза. — Вы должны были думать обо мне, только обо мне, так, как я думаю только о нем, — уже тише добавила она, обхватив себя тонкими руками. — А теперь оставьте меня! Уходите!

— Мари-Тереза, ты не можешь оставить себе этого ребенка. Он будет жить, о нем будут заботиться, я дам любые деньги, только не это... Он не должен жить с тобой, никто не должен знать о нем. Это невозможно... Конечно, я догадываюсь, что ты хочешь именно этого... Ты хочешь, чтобы я страдала? Когда я услышу от тебя «бабушка», то мне кажется, я покончу с собой... Мне будет так тяжело... Но ты не можешь понять меня... Ты считаешь меня чудовищем... Но ведь я права, я права потому, что вижу жизнь такой, какая она есть на самом деле, я знаю, насколько она коротка и печальна без любви, без мужского поклонения... А впереди только ужасная долгая старость! А ты такая юная... Ты скоро забудешь своего Оливье...

Мне не нужна вечность, нет! Еще два-три года спокойной жизни... Но нет, ты постараешься, чтобы все узнали правду, чтобы я везде натыкалась на любопытные взгляды и сочувственное шушуканье: «Неужели?.. Ведь она выглядит такой юной...» А злорадные шутки женщин, друзей и врагов?.. Нет, подожди совсем немного, всего два или три года, ты увидишь, я буду примерной матерью, тебе не придется жаловаться на меня... Может быть, я даже смогу полюбить ребенка... Скажи, ты согласна не оставлять ребенка?

— Я оставлю его и сама его воспитаю, — жестко ответила Мари-Тереза. — А теперь уходите.

Она бросилась на постель и осталась лежать неподвижно, молча и без слез. Гледис еще долго пыталась уговорить ее, но девушка закусила край простыни и молчала. Наконец Гледис ушла.

10

Гледис пыталась смириться, принять рождение ребенка, но чувство горечи у нее не проходило. Когда она видела, как мужчина улыбается проходящей мимо красивой девушке, ее сердце сжималось. Иногда первый взгляд мужчины доставался ей, но эта минутная победа не волновала ее, для нее это давно стало привычным... Она не могла перенести того, что второй взгляд доставался молодой сопернице...

Однажды вечером у Лили Гледис увидела вошедшую в салон женщину, тоже блондинку, как и она, хрупкая прелесть которой немного напоминала ее собственную. Но она была молодой... Вошедшая улыбнулась Гледис и заговорила с ней, но белоснежная кожа лица, отсутствие морщин и весь ее юный облик были восприняты Гледис как оскорбление. После этого несколько недель она избегала визита к Лили, чтобы не встречаться со своей соперницей.

Иногда она уезжала из Ниццы, но не могла избавиться от глухого страха, нередко будившего ее по ночам. Она вставала, сбрасывала ночную рубашку и подходила к зеркалу. Рассматривая свое лицо и тело, немного успокаивалась. Она хорошо понимала, что не перестала быть прекрасной. Обычно это происходило с началом рассвета, когда в отелях и ресторанах гаснут последние огни, а из соседнего номера доносится мирное похрапывание постояльца. Она осторожно гладила малозаметные морщины на лице, сейчас подчеркнутые бессонницей, которые к утру должны были исчезнуть. Это было нечто малозначащее... Такие пустяки беспокоят большинство женщин... И они не имели никакого отношения к загадочной боли, к постыдной ревности, наполнявшей желчью ее душу... Она твердила: «Мне нельзя так много думать о себе... Я должна забыть себя... Мари-Тереза... Несчастное дитя... Война... А я, жалкое слабое существо, продолжаю думать о своей красоте, о своей молодости... Но я искренне хочу стать мудрее, лучше...»

Джорджа Каннинга призвали в армию, и с января он уже находился на фронте. В ее окружении многое изменилось. Все казалось холодным и печальным. В Сан-Суси прекратились праздники, исчезли не только все гости, но и прислуга. Остались только горничная и деревенский парень, замещавший ушедших на войну садовников. Мари-Тереза или лежала в своей комнате, или целыми днями гуляла в саду. Вечерами они сидели друг против друга за столом, молчали и думали о ребенке. Иногда Гледис, словно проснувшись, видела осунувшееся лицо дочери, словно высушенное ожиданием, и в ней пробуждалась жалость. Ее беспокоили бледность и постоянно печальный облик девушки.

— Девочка, ты должна хорошо питаться. Без этого у тебя не будет сил, ты не выдержишь беременности... Чего ты хочешь? Конечно, это очень тяжело, но нужно сохранять мужество, дорогая... Ты такая молодая... Все проходит, все забывается... Оливье...

— Мама, я не думаю об Оливье... Вам не понять этого... Об Оливье я буду думать потом, когда родится ребенок... Сейчас же я могу думать только о ребенке, о том, какая жизнь ожидает его...

— Ребенок... Этот ребенок... Если бы его не было, твоя жизнь была бы более яркой, ты смогла бы выйти замуж, быть счастливой...

— Но ведь он есть, мама...

— Да, конечно, — злобно прошипела Гледис.

Когда наступит момент появления ребенка на свет, Мари-Тереза должна будет отправиться к Кармен Гонзалес, где он и родится. Хорошо оплаченная Кармен ничему не станет удивляться. Она примет ребенка, оставит его у себя и будет заботиться о нем.

— Вам не о чем беспокоиться, — говорила она Гледис. — Ведь у вас достаточно денег... Если вы богаты, то для вас жизнь всегда будет ровной дорогой... Так что не стоит волноваться, вы не первые, с кем случается такое...

— Мама, я не хочу идти к этой женщине, — сказала однажды Мари-Тереза матери. — Она неприятна мне, я даже немного боюсь ее. Я готова идти в больницу, в Париж, в Марсель, куда угодно, но только не к этой женщине.

— Я только с ней могу быть уверена, что никто ничего не узнает, — буркнула Гледис.

— Ну и пусть все на свете узнают, мне-то что?

— Мне это известно!.. Ты уже говорила мне это много раз! Но я хочу, чтобы никто ничего не узнал!.. Ты слышишь меня? Я прошу, я умоляю тебя, не говори больше об этом ребенке, я хочу забыть о нем... И откуда ты можешь знать, как ты воспримешь досужие разговоры — ведь он еще не родился!

Но Мари-Тереза с фанатическим упорством любила еще не существующее дитя, которому только она могла дать имя, тело и жизнь... С каждым днем она полнела, становилась более тяжелой и быстрее уставала. Она уже передвигалась с трудом и поэтому перестала выходить из дома. Беспомощность выводила ее из себя. Она понимала, что мать никогда не позволит ей оставить ребенка. Ведь ей было всего девятнадцать лет. У нее за душой не было ни гроша. Еще два года ей придется во всем подчиняться этой женщине, ослепленной своими страстями, думающей только о себе и о надвигающейся старости. Иногда она хотела поговорить с матерью, попросить ее позаботиться о ребенке, если она сама умрет во время родов, но слова не могли сорваться с ее губ. Она видела, с какой ненавистью отворачивается мать, скользнув взглядом по ее животу. Ребенок... Она ощущала, как он живет в ней. Когда она осторожно поглаживала живот, ей казалось, что ребенок шевелится под ее пальцами. Она старалась представить его тело, его голос, его улыбку. Она видела его во сне. Она знала, какого цвета будут его глаза. Иногда она даже забывала об Оливье... Оливье не было в живых. Она ничем не могла помочь ему. Но ребенок должен был жить... Она обхватывала руками теплый пульсирующий живот, в котором жил и шевелился ее ребенок. Она боялась Гледис, боялась Кармен... Кармен в особенности, ее коротких пухлых ручек, ее голоса, ее крадущейся походки, еле слышной благодаря мягким подошвам...

«Они заберут младенца, — думала она, — когда я еще не смогу защитить его. О нем будут плохо заботиться, он будет голодать, он будет несчастным и одиноким, мое бедное дитя...»

Она вспоминала историю, услышанную когда-то. Горничная рассказывала про ребенка, родившегося ночью на заброшенной ферме, которого тайком забрали у матери и похоронили живым. Мать, проснувшись утром, так ни разу и не увидела младенца...

Мари-Тереза обхватывала себя за плечи дрожащими руками.

— Я никогда не оставлю тебя, мой малыш...

Мой малыш... Это было самое нежное обращение к ребенку, которое она смогла придумать. У бедняжки никого не было, кроме нее, только от нее зависела его жизнь. Ночами она тихонько разговаривала с ним, старалась успокоить его:

— Ничего не бойся, мой малыш... Мы с тобой будем счастливы...

Когда она поняла, что роды вот-вот начнутся, то решила:

— Я никого не буду звать. Подожду, пока ребенок родится... Или пока я не умру. А когда он родится, никто не сможет отобрать его у меня. Я так крепко прижму его к себе, что никакая сила не сможет разжать мои руки. А если я умру, он умрет вместе со мной.

11

Гледис в одиночестве сидела у камина в своей комнате. Мари-Тереза устроилась вдали от нее, в противоположном крыле здания, и их разделяла бесконечная анфилада комнат. Разумеется, мать не могла услышать приглушенные расстоянием стоны дочери.

Ночь была тихой, с редкими слабыми порывами ветерка. Жесткие листья пальм едва шевелились с едва слышным шуршанием; море, залитое лунным светом, казалось белым, словно вместо воды его заполняло молоко. От каменных плит пола несло сыростью, и горничная разожгла огонь в камине; Гледис время от времени помешивала угли. Метавшиеся в голове мысли не позволяли ей улечься в постель; тревога за дочь смешивалась с горькими вспышками ревности. Она думала: «Когда все успокоится, я увезу Мари-Терезу отсюда, и мы никогда не вернемся. Она скоро все забудет, ведь она совсем ребенок. Конечно, ей придется нелегко, но она забудет. А на свет появится еще одно жалкое и бесполезное существо... Почему только она не послушалась меня! Ах, как бы мне хотелось, чтобы все уже было позади...

Но она ведь такая юная, и годы заставляют забыть любые переживания... Сейчас она еще ничего не знает, ничего не понимает в жизни... Если бы только я могла оказаться на ее месте... Что может быть в жизни такого важного, если тебе всего двадцать лет? Я согласилась бы на любые страдания, на что угодно, только бы вернуть свою молодость...»

В доме царила мертвая тишина. Служанка приготовила ей постель, разложила на покрывале длинную ночную рубашку с кружевами. Она разделась, сняла кольца. Потом снова подошла к камину и села, перебирая в уме месяцы, прошедшие с начала войны, когда уехал Оливье. Да, ребенок скоро должен появиться на свет.

Ребенок Мари-Терезы...

Она даже в мыслях не могла назвать его своим внуком.

«Я никогда не позволю ей оставить ребенка, — подумала она. — Как бы она ни возражала, как бы ни плакала, этого не будет... Ребенок все равно будет счастлив, о нем станут заботиться, у него будет все необходимое, но я не хочу видеть его, не хочу даже слышать его имя... Одного только сознания, что он существует, будет достаточно, чтобы отравить мне жизнь...»

Гледис почувствовала, как сердце сжалось у нее в груди. Она понимала, что отныне Мари-Тереза станет ненавидеть ее, станет ее врагом.

И это понимание заставляло ее страдать — ведь ей было нужно, чтобы ее любили.

«С этим будет покончено, — подумала она, словно издеваясь над собой. — Конец иллюзиям. Я стану старой дамой. И пусть внешне я еще какое-то время буду казаться красивой и даже молодой, в душе я буду знать, что я уже старуха... Мари-Тереза хочет оставить ребенка... Бедняжка, как она наивна... Ребенок очень быстро займет мое место, заставит меня отойти в сторону... «Уходи, теперь это все мое, уходи... Отдай мне свою долю пирога... Ты уже поела? Ты довольна?.. Так уходи же теперь!..» Даже самый замечательный ребенок обязательно подумает что-то такое о своих древних родственниках... «Ты всем довольна?..» Но я никогда не смогу сказать, что я довольна всем, никогда...»

Ей неудержимо захотелось умереть.

— Это было бы наилучшим выходом; конечно, Мари-Тереза обязательно подумает, что таким образом я буду наказана... Но неужели у нее может оказаться такое жестокое сердце? Еще совсем недавно она любила меня... Разве я виновата в гибели Оливье?.. Разве я могла предвидеть, что начнется война?.. Но дело не в Оливье, мне не будет прощения из-за ребенка... Господи, как бы я хотела никогда не видеть этого ребенка, не слышать его крик!.. — негромко пробормотала она, содрогнувшись.

Придвинувшись ближе к огню, она спросила у горничной, шаги которой услышала в соседней комнате:

— Жанна, вы затопили камин в комнате у дочери?

— Да, мадам.

— Вы ее видели? Ей что-нибудь нужно?

— Я заглянула к ней час назад, — ответила горничная, войдя в спальню. — Она сказала, что все в порядке и что она ложится спать.

Гледис вздохнула и печально взглянула на Жанну.

— Какое несчастье, — промолвила она, отворачиваясь. — Да, какое несчастье, моя бедная Мари-Тереза...

— Пока еще ничего не известно, — негромко ответила Жанна. — Кроме того, у мадемуазель есть мать. Как часто бывает, что в таких случаях девушки должны скрываться даже от матерей, которые только и могут помочь им... Это такое счастье, когда рядом есть мать...

— Но я не могу простить ее, — с усилием произнесла Гледис.

— Конечно, вас можно понять, ведь это такой позор, — кивнула Жанна. — Но, мадам, вы должны пожалеть ее...

Жанна работала в их семье много лет. Женщина лет сорока, с круглым лицом, небольшими черными глазами, живым взглядом. Она уже начала седеть. Проработавшая всю жизнь горничной, она всегда довольствовалась малым. Не имея профессии, она с трудом овладела чтением и письмом; зато она умела штопать кружева и гладить белье. Она с увлечением переживала все перипетии жизни хозяев: искусно скрывала долги, незаметно доставляла любовные записки. Счастлива она была только тогда, когда ей приходилось ухаживать за больным ребенком или утешать жену, оставшуюся без мужа. Во всем, что относилось к семейной жизни хозяев, она обладала удивительной прозорливостью, едва ли не пророческим даром, что встречается только у детей и иногда у служанок. Гледис даже не пыталась скрыть от нее беременность дочери, будучи убеждена, что это не имеет смысла. При этом она была уверена, что Жанна никому ничего не скажет. Она также знала, что Жанна будет стыдиться родившегося вне брака ребенка, так как заботилась о соблюдении требований буржуазного общества. Благодаря ей о состоянии Мари-Терезы никто не знал; она даже посоветовала хозяйке распустить на время всех остальных слуг. У них в доме давно не было гостей, так что никто не мог увидеть Мари-Терезу...

— Никто ничего не подозревает, мадам, — в очередной раз повторила она.

Гледис промолчала. Жанна убрала одежду, валявшуюся на ковре, и молча удалилась.

Гледис вздохнула. Как всегда, ей хотелось веселиться, танцевать, пить шампанское, но страна воевала, и пока это было невозможно. Ницца давно лишилась иллюминации, и жизнь здесь подчинялась строгим ограничениям. Все ее друзья, эта блестящая легкомысленная публика, исчезли. Все окрестные виллы были давно оставлены хозяевами.

«Когда кончится война, все будет так, как раньше — красота, веселье... А я... Как мне вынести это? Как я могла так беспечно жить раньше, зная, что рано или поздно состарюсь?.. Все знают, что когда-то придется умереть... Забавно, но я не боюсь смерти... Наверное, я боялась бы, если бы думала, что не все кончается со смертью... Но я хорошо знаю, что все кончается... — Она как будто увидела лицо Ришара, уснувшего у нее на руках, такое спокойное... — Он тоже не боялся смерти, но он не смог вынести старости. Как не смог бы перенести бедность или неизвестность. Для меня, как женщины, все имеет тот же смысл... Я хочу такой жизни, чтобы ее стоило прожить, иначе вообще зачем жить? Зачем мне жизнь, если я не смогу нравиться мужчинам?.. Кем я тогда стану?.. Дряхлой размалеванной старухой?.. Мне придется платить любовникам... Какой ужас!.. Лучше камень на шею и прыгнуть в море... Неужели по моему лицу можно понять, что я скоро стану бабушкой? — Слезы струились по ее щекам. Она попыталась смахнуть их тыльной стороной ладони. — С этим ничего не поделаешь, ничего...»

Несмотря на яркое пламя в камине, она дрожала. Как тихо было в доме... Только из темного сада доносились вопли лягушек. Вдали за деревьями блестело море. Что сейчас делает Мари-Тереза?

«Действительно ли она сейчас нуждается в сочувствии? В конце концов, она должна была сознавать, на что идет... Возможно, когда-нибудь она поймет, что страдала напрасно. Когда будет любимой и счастливой... Будет ли она счастливее меня? — Она курила, время от времени стряхивая пепел на ковер и бросая в камин одну недокуренную сигарету за другой. Приступы озноба то и дело заставляли ее кутаться в просторный пеньюар. — Было время, когда я совсем не чувствовала холода... А теперь, стоит подуть сквозняку из открытого окна, и я сразу же промерзаю до костей...»

Она никак не могла заснуть. Прислушиваясь к глухим ударам сердца, она вспоминала свои победы над мужчинами, бесчисленные балы, праздничное веселье... Разве может быть в жизни что-нибудь замечательнее?..

Она входила в зал, и вокруг нее все становилось... нет, не притихшим, а как будто более напряженным, более внимательным... В каждом взгляде она читала подтверждение своей красоте, своей власти над людьми... Особенно над мужчинами...

«Мне было важно только это, — подумала она, — их желание, их покорность, их безумие и, соответственно, моя власть над ними, мое удовольствие... Но ведь таких женщин очень много... Неужели они и страдают так же, как я?.. Женщины, которых не назовешь спокойными светскими дамами, хорошими матерями и женами? Да, это так, именно так. Конечно, ужасно, если для тебя смыслом жизни является удовольствие и ты замечаешь, как постепенно лишаешься его. Но разве может быть иначе? Тем более с такой слабой женщиной, как я...»

Она погрела руки у огня и встала. Подойдя к открытому пианино, она наиграла популярную мелодию... Конечно, она интересовалась музыкой, поэзией, книгами... Но она прекрасно понимала, что использовала все это только для того, чтобы успешнее покорять мужчин. Ведь самое прекрасное

лицо может надоесть, показаться не таким привлекательным из-за скуки или усталости. В этом случае несколько печальных или страстных строф, отрывок прекрасной мелодии будут своего рода жертвоприношением для мужчины, но как только он уйдет, все это потеряет смысл.

— По крайней мере, я могу искренно говорить сама с собой, — прошептала она и негромко засмеялась. Этот смех, странно прозвучавший в тишине, заставил ее содрогнуться.

Скоро она легла и уснула.

Во сне она увидела Мари-Терезу. Ей приснилось, что она находится в каком-то мрачном помещении, где на кровати лежит ее дочь. Она знала, что Мари-Тереза умерла. Тем не менее существо, лежавшее в постели, могло говорить, слышать и видеть, хотя и походило на настоящую Мари-Терезу в той же степени, в какой отражение в зеркале походит на отражаемый предмет. Девушка лежала на боку, и по ее лицу блуждала легкая нежная улыбка. Гледис услышала, как Мари-Тереза прошептала:

— Я очень люблю тебя, мама... Я никого не любила так, как тебя...

И она указала на стоявшую рядом пустую кроватку для ребенка. Гледис с тревогой склонилась над кроваткой и подумала: «Я же знала, что это неправда, что этого не может быть, что никакого ребенка не было...» И тогда она почувствовала, как на нее волной накатились безграничная радость и спокойствие. Она все же спросила: «А где же ребенок?» Мари-Тереза ответила, улыбнувшись: «Никакого ребенка нет. О чем ты говоришь? Это я твой ребенок». Гледис коснулась лба дочери и сказала: «Теперь ты поправишься, моя дорогая». В этот момент она так любила свою дочь... Мари-Тереза снова улыбнулась и ответила: «Нет, конечно. Разве ты не видишь, что я умерла? Но так будет лучше, не беспокойся».

Она внезапно проснулась и села на постели. Оказавшаяся рядом Жанна почти кричала:

— Мадам, идите со мной, скорее, скорее!

Охваченная страхом и одновременно безумной надеждой, она спросила:

— Что, ребенок родился? Он жив?

— Нет, мадам, пойдемте скорее со мной!

Мари-Тереза лежала в постели, прижимая к груди родившееся дитя. Постель была в крови, и девушка не подавала признаков жизни.

— Она не позвала меня, мадам, — сказала Жанна. — Она родила одна, бедняжка, и скончалась от потери крови... Я прибежала, когда услышала, как закричал ребенок... Она умерла, не позвав на помощь, одна, совершенно одна...

Гледис медленно приблизилась к постели, и ее взгляд остановился на лице дочери; застывшее на нем выражение ничем не напоминало то, что она видела во сне. Сейчас на ее лице отражались гнев, страх и одновременно отчаянная решимость. В застывшем объятии она прижимала к себе жалкое, запачканное кровью существо; по едва заметным движениям ручек и ножек ребенка можно было понять, что он еще был жив.

Перевод с французского Игоря НАЙДЕНКОВА.

Окончание следует.

ДЖУЗЕППЕ КУЛИККЬЯ

Амбараба

Фрагменты романа

Джузеппе Куликкья родился в 1965 г. в Турине (Италия). Дебютировал рассказами в антологии молодых авторов «Papergang Under 25 III» (1990). Популярность и признание принес роман «Все равно тебе водить» («Tutti giù per terra», 1994), отмеченный литературными премиями Монблан и Гринцане-Кавур и экранизированный режиссером Давиде Феррарио (1997). На сегодняшний день он является автором более двадцати книг. Его произведения переведены на многие языки мира и издавались в Германии, Франции, Испании, Нидерландах, России, Греции, Турции, Южной Корее и других странах. Итальянский писатель, которого считают одним из самых оригинальных авторов современной итальянской прозы, также известен как журналист и переводчик на итальянский язык произведений М. Твена, Ф. С. Фицджеральда, Б. И. Эллиса и др.

Вниманию читателей предлагаются отрывки из романа «Амбараба»[1] (2000), героями которого выступают двадцать один человек, объединенных лишь местом действия — станцией метрополитена. Под землей, при приглушенном свете, в ожидании прибытия своего поезда среди незнакомцев, каждый из них погружен в себя. Мысли в их сознании возникают произвольно, всплывают воспоминания, усиливаются мечты, желания, обостряются страхи, тревоги, сожаления. Автор без прикрас показывает двадцать автопортретов больных одиночеством жителей мегаполиса, без каких-либо недомолвок рассказывает их банальные, смешные, печальные, а то и жуткие истории, обнажая все их слабости и пороки, проблемы и комплексы. В концовке романа становится понятно, что для одного из двадцати героев этот день станет особенным...

Город как город. Твердый. Жидкий. Газообразный. Наверху — артерии из асфальта делят на части камень, стекло, бетон, сталь. Внизу — по пластмассовым венам пульсируют вода, фекалии, энергия, информация. И воздух: кондиционированный внутри, отравленный снаружи. А среди всего этого снуют тела. Сюда-туда по улицам, комнатам, коридорам, лифтам и эскалаторам. Следуя по ним до конца, погружаешься в темноту, разрываемую лишь неоновыми дырами станций. В темноту, где быстро проносятся поезда. Внутри наполненной светом паузы двадцать один человек ожидают следующего состава. Никто никого не знает, и поэтому все молчат. Просто ждут.

Первый стоит, закрыв глаза.

Вторая прислушивается к своему дыханию.

Третий чешет бороду.

Четвертая сжимает нейлоновый пакет.

Пятый играется с пачкой «Marlboro».

Шестая поглаживает фотоаппарат.

Седьмой ковыряется в носу.

Восьмая не отрывает глаз от пары ног.

---

[1] Амбараба́ чиччи́ кокко́... (ит. Ambarabà ciccì coccò...) — итальянская детская считалка.

Девятый ощупывает свою голову.
Десятый держит трех собак на поводке.
Одиннадцатая подкрашивает губы.
Двенадцатый слушает плейер.
Тринадцатый воняет потом.
Четырнадцатая пристально смотрит на пол.
Пятнадцатый массирует ногу.
Шестнадцатый причесывается.
Семнадцатый сверяет часы.
Восемнадцатая смотрит на типа со странной улыбкой.
Девятнадцатый загадочно улыбается.
Двадцатый читает газету.
Двадцать первый — он.

Электронное табло показывает, сколько осталось ждать. Менее десяти минут. Затем прибудет поезд.

Одиннадцатая подкрашивает губы. Раньше она не позволила бы себе такого. По крайней мере, не на станции метро. Мать ей объяснила, когда она впервые попросила помаду: ни в коем случае нельзя краситься на публике. Особенно если находишься в фойе театра или за столиком в ресторане. У женщин должны быть свои секреты, о которых окружающим знать не обязательно. Но ее мать никогда не оказывалась в подобной ситуации — она не ходила в сорок лет на такое свидание, которое должно состояться ровно через полчаса в пяти остановках отсюда. Очень надеюсь, что все пройдет хорошо. Я чувствую себя не в своей тарелке и поэтому волнуюсь, как девочка. Перед выходом я переодевалась несколько раз. Сменила три twin-set[1]. Обожаю twin-set. Они просты, но элегантны. Придают мне уверенности. Я и на работу всегда в них хожу. Сейчас нужно успокоиться. Я должна выглядеть как можно лучше. Решительной. Оптимистичной. Уверенной в себе. В конце концов, я многие годы учу этому других: мир — это продажа. «Задумайтесь, — говорю тем, кто записывается на мои семинары по маркетингу и менеджменту, — сколько раз в день вам хотят что-то продать и сколько раз в день вы хотите что-то продать? Ваш партнер продает вам идею поехать на отдых. Вы ему — идею поменять машину. Ваши сыновья и дочери продают вам предложение возвращаться домой попозже. Вы им — предложение помочь вам косить лужайку в конце недели. Ваш начальник продает вам возможность перевода на другую работу. Вы ему — необходимость в вашем повышении. Все продают всем практически все. И тот, кто покупает, естественно, рассчитывает извлечь выгоду. Поэтому вы должны убедить, что она есть, даже если ее нет. Необходимо показывать покупателю, что это выгодно ему, а не вам. Убедить клиента заключить сделку, даже если на самом деле загоняете его в ловушку. И делайте все, чтобы добиться своего. Всякий разговор должен быть направлен на это, всякое слово должно быть взвешено, чтобы шаг за шагом преодолевать путь, ведущий к продаже. Что же касается остального словарного запаса — он вам не нужен. Он бесполезен. Пустая трата сил. Даже вреден. Такое слово, как «препятствие», например, вы не должны употреблять ни в коем случае!» На этом я всегда настаиваю. «Что бы вы ни продавали, с кем бы ни говорили, даже если приходится вести переговоры о партии беговых препятствий с директором стадиона. Слово *«препятствие»* мешает покупателю думать. Так же, как и слова *«проблема», «поражение», «бедствие», «разгром», «трагедия», «катастрофа», «бойня», «истребление»,*

[1] Twin-set (*англ.*) — гарнитур, состоящий из жакета и джемпера.

«холокост». Все слова с негативным значением должны быть исключены из речи, поскольку для продажи целесообразно, более того, обязательно использовать только положительные утверждения, выставляя тем самым напоказ оптимизм. Нужно улыбаться, говоря «успех». Нужно улыбаться, восклицая «триумф». Нужно улыбаться, произнося «фантастика». Нужно улыбаться, шепча «великолепно». Покупатель никогда не должен отвлекаться. Ни, тем более, быть нерешительным. У него деньги. Вы хотите их забрать. По возможности все. Или хотя бы их большую часть. Но кому они достанутся, решает он. Поэтому он диктует условия, он — король рынка. Он — самый важный человек на земле, потому что от него зависит все: ваши доходы, ваш уровень жизни, ваши занятия, обстановка вашей квартиры, объем двигателя вашей машины, длина вашей яхты и, не самое последнее, внешность вашего партнера. Покупатель делает вам честь, выслушивая вас, и вы должны это осознавать. Когда наступают тяжелые времена, каждый покупатель является для вас божеством. Поэтому почитайте покупателя, будьте мягкими, нежными, убедительными. И вместе с тем — боевыми, волевыми, напористыми. Никогда не выпускайте добычу. Ни в коем случае не позволяйте ей сбежать. Конкуренты только и ждут от вас неправильного шага. Они готовы заменить вас в деле, готовы поглотить и покупателя, и вас. Но настоящими акулами должны быть вы. Взгляд как прицел. Рукопожатие как сжатая челюсть. Поэтому на своих семинарах я всегда призываю: если вы страдаете излишним потовыделением, вытирайте руки, если у вас неприятно пахнут ноги, дезодорируйте их, если у вас слишком много перхоти, чистите щеткой плечи и воротник пиджака. Только будьте внимательны: не проделывайте этого в присутствии клиента! Лучше позаботьтесь об этом заранее, до встречи с ним. Кроме того, никогда не закидывайте ногу за ногу, когда сидите, и не опирайтесь на стену, если стоите. Будьте расслабленны, но жестки, естественны, но контролируйте себя, непринужденны, но сдержанны, агрессивны, но воспитанны. Это правила рынка. Остальное неважно. Чтобы вы лучше поняли, приведу пример. Вот Моцарт. Вполне возможно, что он гений, но умер в бедности и погребен был в братской могиле. Какая польза от Моцарта? Зачем вам его музыка? Время, проведенное за ее прослушиванием, в мировом масштабе может быть использовано с большей пользой — в миллионы, миллиарды продаж. Моцарт, рассудив по справедливости, выгоден только для продавцов «Deutsche Grammophon», для производителей шоколадных конфет с его портретом на обертке и для владельцев гостиниц в Зальцбурге. Вы можете плевать на Моцарта, он для вас — ничто. Единственное, что важно, — это успех. А чтобы его добиться, вы должны верить в себя, в свои способности, в ваше предприятие. Но прежде всего — в свой товар: это не просто товар, но и ваша личность. Вы — товар, который продаете. Я без устали повторяю: каждый ваш жест, каждая ваша фраза, каждый ваш вздох принадлежат вашему товару. И помните, добавляю в конце лекции, ничто так не движет продажей, как сама продажа. Продажа порождает продажу. Чем больше вы продаете, тем больше продадите. Так устроен мир: продажа, продажа, продажа. Да уж. В конце концов, я должна быть спокойна. И не надо думать об этом подонке. Без его участия я не оказалась бы сейчас здесь. Подонок. Подонок. Подонок. Подонок. Подонок. Как же я сразу не смогла раскусить. Он всегда мне врал. С самого начала. Я в этом уверена. Совместная жизнь была перечеркнута за полдня. Если бы я застала его хотя бы не с восемнадцатилетним. Я предпочла бы увидеть его с восемнадцатилетней. Было бы понятно. Это делают все, почему он должен быть исключением? Никто не трахается на протяжении двадцати лет только со своей женой. Это понятно. Нимфетки вызывают желание у свиней от пятидесяти и выше. Нет же. Подонок, перевалив уже за полвека,

открыл свою подлинную сексуальность. То есть свою гомосексуальность. Как будто ему меня не хватало. В нашей постели, да еще и с марокканцем. Представьте: с марокканцем! Еще бы я не впала в депрессию! Кто бы не впал, хотела бы я знать! Но сейчас уже все прошло. Мне снова хорошо. Я начала работать. И с психотропными средствами почти завязала. Ладно, скажем, значительно уменьшила дозу. Накрасить бы еще аккуратно губы. С самого утра пытаюсь. Никак не получается. Выглядят как губы сорокалетней. Впрочем, мне-то сорок два. Когда я была молодой, любой переступивший тридцатилетний рубеж казался мне мертвецом. Лучше даже не думать об этом. В крайнем случае можно прибегнуть к эстетической хирургии. Не вижу в этом ничего плохого. Всем рано или поздно делают операции. Главное, привлекательно выглядеть. Решительной. Оптимистичной. Уверенной в себе. Готовой начать все сначала. В красивом twin-set. Даже, наверное, стоило надеть что-нибудь с декольте. Или еще лучше — мини-юбку. Я не смогу жить одна. Я прожила два года в аду. Именно поэтому в конце концов решилась ответить на это объявление: *«Великолепный, интересный, тридцатидевятилетний мужчина, решительный, положительный, уверенный в себе, ищет женщину с такими же данными, максимум тридцатипятилетнюю, для испытательного срока и возможного брака»*. Мир — это продажа, я сама для себя это решила. Сколько раз в день вам хотят что-то продать? Сколько раз в день вы хотите что-то продать? Все продают всем практически все. И я всего-навсего должна продать саму себя. Почему же это у меня не должно получиться? Остается несколько минут. Подкрасить губы я еще успею в вагоне.

Из темноты туннеля доносится эхо грохота. Этого никто не замечает. Подъезжает поезд.

Шестнадцатый причесывается. Тридцать девять лет, не работает, живет с родителями. Прическа с пробором направо, разделяющим волосы, черные и важные, на две густые копны. Там, где проходит расческа, остаются борозды от зубцов: то широкие, то узкие. Причесываясь, он смотрит по сторонам. Смотреть по сторонам его учат и отец, и мать. Но они, повторяя ему это каждый день за обедом и ужином, тем самым подталкивают его на поиски работы. А он хочет сначала найти себе женщину. Причесаться — причесался, а вдруг, если все пройдет хорошо, это будет первым свиданием, поэтому нужно выглядеть великолепно. Причесанный мужчина всегда производит впечатление, непричесанный — нет. То есть, непричесанный производит другое. Причесываться я причесываюсь, следовательно, всегда выгляжу великолепно. По субботам даже ослепительно. Жаль, что сегодня пятница. По субботам на улицах больше народа, вот почему я в этот день такой ослепительный. Вообще-то, я никогда не езжу в метро по пятницам, только по субботам. Когда больше народа, тогда и женщин больше, а в присутствии женщин мужчина должен всегда выглядеть великолепно, ослепительно, элегантно. Здесь сейчас две, четыре, пять, семь женщин. Если бы была суббота, то их было бы в два, а то и в три раза больше, и я был бы еще ослепительнее. Хотя я никогда не езжу в метро по пятницам, мне кажется, что сегодня почти суббота. К тому же причесываться я причесываюсь, поэтому наверняка выгляжу великолепно. По субботам я выхожу гулять надушенный, причесанный, элегантный. Если бы по субботам я работал, то не смог бы так следить за своей внешностью, но работать я не работаю, поэтому могу. Женщины тоже по субботам выходят на прогулку надушенными, причесанными, элегантными. Если мужчина выходит по субботам из дома надушенный, причесанный и элегантный и встречает женщин, надушенных, причесанных и элегантных, то сразу же чувствует себя ослепительным. В другие дни недели я сижу дома. Готовлюсь к субботе. Если

бы в другие дни я работал, то не мог бы так следить за своей внешностью, но в другие дни я не работаю и, следовательно, могу. Я причесываюсь, душусь и элегантно одеваюсь, даже если и не суббота, готовлюсь к субботе. Сижу дома. Жду субботы. Жаль, что сегодня пятница. Но ввиду того, что я никогда не езжу в метро по пятницам, мне кажется, что сегодня почти суббота. А причесываться я причесываюсь, поэтому наверняка выгляжу великолепно. Прогуливаясь по субботам, я встречаю тысячи женщин. Выйдя из метро, они сразу же начинают перемещаться от витрины к витрине. Мне почти всегда удается определить с первого взгляда, стоит ли за женщиной идти, чтобы потом догнать ее и, если понравится, представиться. И быть при этом надушенным, причесанным и элегантным. Однако в большинстве случаев можно с первого взгляда определить, что она мне не подходит. Просматривая газеты, можно увидеть, что пользующийся успехом мужчина никогда не появляется на публике с толстой женщиной. Даже если она причесана, надушена, элегантна. Пользующийся успехом мужчина на публике появляется всегда с худыми и высокими. Вот почему в газетах он — ослепительный, а не просто великолепный. Поэтому по субботам я следую только за высокими и худыми женщинами. Причесанный, надушенный и элегантный. Проблема в том, что мне не удается делать вид, будто ничего не происходит. У меня наметан глаз на мелочи. От моего взгляда ничто не ускользает. Иногда я следую за женщиной часами от одной витрины к другой, приближаясь на такое расстояние, что могу прикоснуться к ней. Потом опускаю глаза и замечаю, что у нее лодыжки толстые, несмотря на то, что она высокая, худая, причесанная, надушенная и элегантная. И вообще, мне в голову приходит мысль спросить у нее, что она делает в субботу на улице с такими толстыми лодыжками. Сидела бы, бедняга, дома и не путалась под ногами, оставила бы эту затею: зачем, она разве газет не читает? Тем не менее я ничего ей не говорю. Это было бы неприлично. В большинстве случаев в субботу достаточно только повернуться, чтобы в тридцати метрах от себя заметить другую женщину: высокую, худую, надушенную и элегантную. Тогда я оставляю в покое эту, с толстыми лодыжками, и устремляюсь — такой ослепительный — вслед за другой. Иногда теряю ее в толпе и тогда мечусь, бегаю, потею, стараясь, однако, все равно выглядеть как пользующийся успехом мужчина. Вот почему я смотрю по сторонам и причесываюсь. Иногда нахожу ее снова. Затем внимательнее к ней присматриваюсь и замечаю, что она коротконогая: у нее две короткие ноги под очень низким задом, и высокой она кажется только благодаря удлиненной верхней части туловища. Вы издеваетесь? Мне хочется спросить у нее, как ей удается выходить гулять с такими ногами, да еще в субботу. Знает ли она, что всю неделю я надушиваюсь, причесываюсь и элегантно одеваюсь в ожидании субботы. Разве она не видит, как я великолепен?! Тем не менее я ничего ей не говорю. Пользующийся успехом мужчина всегда должен быть ослепительным. Спустя некоторое время я вижу другую. Высокую, худую, надушенную, причесанную, элегантную. Следую за ней. Если она оборачивается и смотрит на меня, я с полным безразличием начинаю посвистывать, засунув руки в карманы, или нагибаюсь завязать шнурок, даже если он уже завязан, или делаю вид, что приветствую кого-то из прохожих. Но в любом случае я причесываюсь, давая таким образом понять, что я великолепен. А оказавшись рядом с ней и присмотревшись, обнаруживаю, что у нее нет губ: на месте рта какая-то щель. Но как это так, возникает у меня вопрос: она по утрам смотрится в зеркало? И после этого она находит в себе храбрость идти гулять с таким лицом? С такими губами? Более того, без них! Почему бы ей в субботу не закрыться в своей комнате, как это делаю я на протяжении всей недели, кроме сегодняшнего дня, потому что у меня свидание. Тем не менее я ниче-

го ей не говорю. Каждую субботу я изучаю около двадцати женщин. Умножив их на пятьдесят две субботы года — получаем тысячу сорок женщин с первого января по тридцать первое декабря. Умножив их на десяток лет — получаем десять тысяч четыреста женщин. Все высокие и худые, и ни одной подходящей. Если бы только толстые лодыжки, короткие ноги и рты без губ! У одной нос, как у боксера, у другой оттопыренные уши, у третьей широкие бока, у четвертой целлюлит, у пятой плоскостопие, у шестой кривые зубы, у седьмой безобразные угри, у восьмой короткие пальцы, у девятой торчат лопатки. И это не считая толстых. Только я красив: всегда причесан, надушен, элегантен, великолепен, ослепителен. С ужасом думаю: где же мы живем? Читают ли они газеты? Они что, не замечают, какие они? А если замечают, почему не сидят по субботам дома? Ох. Уже несколько лет нервничаю по субботам, потому что зря трачу время, и каждый раз обещаю себе больше не ездить по субботам в метро. Но все напрасно. Если бы по субботам я не выходил на поиски женщины, то чем бы занимался? Не только по субботам, но и в другие дни недели, когда я причесываюсь, душусь и элегантно одеваюсь, готовясь к субботе? «Найди себе работу!» Они требуют слишком многого. Разве может тот, кто работает, причесываться, душиться и элегантно одеваться, готовясь к субботе в течение всей недели? Я вижу на улице работающих: они совершенно не великолепны и, тем более, не ослепительны. Как и те, кто здесь, внизу, ждут того же поезда, что и я. Я не хочу быть похожим на них. Я хочу лишь найти себе женщину. Причесанный я причесанный, а причесанный мужчина всегда производит впечатление. В объявлении, которое я поместил в газету, я хотел написать: *«Мужчина, причесанный, надушенный, элегантный, великолепный, ослепительный, ищет женщину, причесанную, надушенную, элегантную, великолепную, ослепительную, высокую, худую. Просьба — низким, толстым, уродливым, косоглазым и с толстыми лодыжками не писать»*. Но в газете меня отговорили. «Видите ли, если объявление будет так написано, то вам никто не ответит, — объяснили мне, — доверьтесь нам. Мы занимаемся этим много лет». По правде говоря, не знаю: правильно ли я сделал, доверившись им. В конце концов они написали: «Великолепный, интересный тридцатидевятилетний мужчина, решительный, положительный, уверенный в себе, ищет женщину с такими же данными, максимум тридцатипятилетнюю, для испытательного срока и возможного брака». И на самом деле, одна ответила. «Слова *уверенный в себе* всегда производят нужный эффект, — сказали мне в газете, — и дают правильное представление о мужчине, причесанном и надушенном». Причесываться я причесываюсь, значит должен быть в порядке. Даже если сегодня пятница. Жаль. В общем-то, поскольку я поеду в метро, мне кажется, что сегодня почти суббота: великолепный — да, я великолепный, к тому же элегантный. Кто знает, какой будет она.

Из темноты туннеля доносится эхо грохота. Этого никто не замечает. Подъезжает поезд.

Двадцать первый — он. На станцию он спустился последним, через несколько секунд после всех. Стоит у выхода на платформу за спинами остальных. Сегодня он в необычайно хорошем настроении: утром под душем даже начал насвистывать мелодию, которую ненавидит. Итак, вы здесь. Посмотрим-ка, сколько вас: один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать, двенадцать, тринадцать, четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать, семнадцать, восемнадцать, девятнадцать, двадцать. Со мной двадцать один. Но я не считаюсь. Как будто меня здесь нет. Сколько остается? Менее десяти минут. Как раз успеем узнать, чья очередь. Это будет нелегко. Как выбрать? Что делать? Амбараба чиччи кокко,

двадцать сов на комоде, которые занимались любовью с дочерью доктора... Если только не придет еще кто-нибудь. Поспорим, вам кажется, что здесь, внизу, все нормально: нет ничего такого, чего бы вы не ожидали увидеть, не правда ли? Сверху льется искусственное освещение. На стенах рекламные плакаты. Черная кишка под городом, в которую вы рассчитываете пролезть. Женщины и мужчины. Молодые и старые. Будьте внимательны, чтобы не вторгнуться ни на один миллиметр в чье-нибудь пространство. Будьте внимательны, чтобы даже на миг не пересечься взглядом с рядом стоящим. Тела, ограниченные телами. Молчание, обусловленное молчанием. Лица в большинстве своем отсутствующие. Как говорится, обычная серая масса. Я уверен: пару часов назад, услышав будильник, вы проделали то же, что и обычно. Ничто не указывало на то, что сегодня будет особенный день. Один из тех, которые трудно забыть. Вы этого, конечно же, не могли себе представить, находясь в туалете. Или завтракая. Или одеваясь. Вы выбраны, безусловно, случайно, и по-моему, мало подходите для этого. Подобные господину, который массирует ногу здесь, сзади. Даже если бы вы должны были это делать. Массажировать себе ногу, я хотел сказать, или хотя бы двигать пальцами в туфлях, для того чтобы почувствовать, что вы еще живы благодаря движениям, даже незначительным. В конце концов, для этого достаточно прислушаться к своему дыханию. Возможно, среди вас кто-то это проделывает. Однако неизвестно, кто же это.

Амбараба чиччи кокко, двадцать сов на комоде, которые занимались любовью с дочерью доктора... Вы стоите себе здесь, внутри этой освещенной дыры, в темноте, и над вами кроме неона бетон и земля, автобусы, машины, трамваи проезжают по асфальту. Немного выше далекие самолеты бороздят небо. Где-то, если даже это можно только представить, должны быть орбитальные спутники, планеты, вращающиеся вокруг самих себя, взрывающиеся звезды. За ними — вселенная, новые вселенные. А за ними еще. Прислушайтесь к своему дыханию еще на одно мгновение, прислушивайтесь к нему. Когда глотаете, обращайте внимание на ваш живот, который поднимается и опускается, кусайте себе губы, дотрагивайтесь языком до неба — вы живы. Возможно, завтра вас уже не будет. Амбараба чиччи кокко, двадцать сов на комоде, которые занимались любовью с дочерью доктора... Как же заканчивается эта считалка? Кто-нибудь из вас помнит? Вот, это может быть идеей! Спросить у всех двадцати человек, как заканчивается считалка, и выбрать того, кто ответит правильно на вопрос. Но! А вдруг все двадцать работают в детском саду? Или все защитили в университете диссертации по считалкам в народной традиции? Либо просто знают и смогут сказать, как она заканчивается, даже не задумываясь? Время быстро бежит. Его остается немного, чтобы провести вместе на этой станции. Каким-то образом я должен решить. Никто из вас не хочет мне помочь, выделившись чем-то необычным? Ну, например, начните кто-нибудь ходить на руках вниз головой или выступите в качестве факира перед камерами наблюдения. Кажется, так не выйдет. Один стоит закрыв глаза. Другая поглаживает фотоаппарат. Еще один причесывается. Еще одна сжимает нейлоновый пакет. Кто ощупывает свою голову, кто пристально смотрит на пол. Никто никого не знает, и поэтому все молчат. Амбараба чиччи кокко, двадцать сов на комоде, которые занимались любовью с дочерью доктора... Вполне возможно, что все вы заново прокручиваете в голове свой первый день в школе и вспоминаете о посторонних людях, которые в тот момент вас окружали, как и сейчас, здесь, внизу, в метро. Разве что в то время вы были детьми, а это мир взрослых. Нет никого, кому пришло бы в голову поболтать с тем, кто сидит рядом с вами, или скомкать лист бумаги и бросить этот шарик в спину впереди стоящему. Вы стоите себе, засунув руки в карманы, или сидите на ваших сиденьях, или опираетесь на стены: апатичные, бледные,

молчаливые, словно вас покинула древняя жизнеспособность, уступив место страху. Страх. Ваш страх. Тот, который подавляете в себе каждое утро, смотрясь в зеркало. Страх, о котором на самом деле вы никогда ни с кем не говорили, отчасти потому, что стесняетесь, а отчасти и потому, что он настолько велик. Вы же должны приложить такое усилие для того, чтобы не позволить ему себя побороть, что невозможно даже подобрать слова, способные содержать его весь в себе и полностью отобразить. К тому же, сказать, что речь идет о банальном страхе. Амбараба чиччи кокко, двадцать сов на комоде, которые занимались любовью с дочерью доктора... Наверху — артерии из асфальта делят на части камень, стекло, бетон, сталь. Внизу — по пластмассовым венам пульсируют вода, фекалии, энергия, информация. И воздух: кондиционированный внутри, отравленный снаружи. Иногда, находясь перед выбором, необходимо быть объективными. Ключевые слова: равнодушие, отчужденность, трезвость, амбараба. Механический червь приближается. Сначала проглотит, затем выплюнет. За исключением одного из вас. Счастливчика? Несчастного? Неизвестно. Может, этого, который воняет потом. Или ту, которая не отрывает глаз от пары ног. Или этого, слушающего плейер. Внешне одна стоит другого. Двадцать сов. На комоде. Которые занимались любовью. С дочерью доктора. Но доктор... Доктор. Вот ключ ко всему! Именно он — доктор. Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что среди вас нет даже одного доктора. Я сразу же распознаю докторов. Вы когда-нибудь обращали внимание? Не знаю: поняли ли вы меня? Здесь минуты проходят, и время летит, сокращается, скоро иссякнет. Вы когда-нибудь обращали внимание? На докторов, имею в виду. Нет? Плохо. Обычно они опасные люди. Им нельзя доверять. С ними нужно быть настороже. Обходиться без них, насколько это возможно. Обратите внимание: я не говорю только про доктора Франкенштейна и доктора Геббельса. Если бы я, к примеру, был доктором? Я хочу сказать — вашим доктором. Доктором синьорины, которая смотрит на синьора со странной улыбкой. Доктором синьора, который загадочно улыбается. Доктором синьоры, который подкрашивает губы. Доктором синьора, который читает газету. И любого другого из присутствующих здесь, не исключая никого. Я знаю, знаю: вы скажете, что доктора уже не такие, как были когда-то. Но и города тоже уже не такие, как были когда-то. И яблоки. И поры года. И молодежь. Впрочем, почему же они должны быть такими, как были? Вы такие же, как и были? Нет, это очевидно, иначе вы не были бы здесь, сегодня. Город как город. Твердый. Жидкий. Газообразный. Повсюду снуют тела. Туда-сюда по улицам, комнатам, коридорам, лифтам и эскалаторам. Следуя по ним до конца, погружаешься в темноту, разрываемую лишь неоновыми дырами станций. В темноту, где быстро проносятся поезда. Равнодушие, отчужденность, трезвость, амбараба. Итак, чья очередь? Этого, который чешет бороду? Или того, который сверяет часы? Твоя, спящий с тремя собаками на поводке? Или играющегося с пачкой «Marlboro»? Или, может, того, который ковыряется в носу? Мне достаточно быть начеку с телекамерами, выбрать правильный угол. Держаться на безопасной дистанции. Затем — один толчок. Игра закончена. Амбараба чиччи кокко, двадцать сов на комоде, которые занимались любовью с дочерью доктора, потом доктор заболел, амбараба чиччи кокко.

Из темноты туннеля доносится эхо грохота. Подъезжает поезд.

Перевод с итальянского Владимира ЧЕРОТЫ.

ТАТЬЯНА ШАМЯКИНА

Земля в ореоле тайн[1]

Китай… уже не далекий

Для чего я пишу свои культурологические эссе? Ответ прямой и ясный. Встречаясь каждый день с большим количеством людей, в основном молодых, я с прискорбием убеждаюсь, что у соотечественников утрачено ощущение *чуда бытия*, а вместе с ним — преклонение перед природой, жажда познания, поэтическое отношение к миру. Молодые люди бескрылые, апатичные, не способные на высокую мечту. Словно заранее для себя решили, что их удел — обслуживать богатых старух где-нибудь в Англии или в Италии. Хочется показать, что мир безумно интересен и прекрасен, что в нем заключено множество *тайн*, которые еще познавать и познавать, и кому, как не молодым. Им важно ощутить и величие истории человечества, своего народа, в которой так много изумительно интересных страниц. Итак, пишу ради мечты молодых, чтобы они лучше знали Землю, своих соседей, другие народы, чтобы, в конце концов, удобнее и уютнее ощущали себя в нынешней и будущей реальности...

Китайский народный календарь

Удивительно все же складываются отношения человека с той или иной страной. Я никогда не могла представить, что моя книга окажется в Китае и что именно ко мне ежегодно будут приезжать магистранты-стажеры из Шанхайского и Харбинского университетов, а я им буду помогать писать научные работы по русской и белорусской культуре.

И все же какие-то знаки-указания на будущую судьбу были еще в детстве. В самом раннем возрасте любимой моей игрушкой почему-то оказалась кукла-китаец. Да и родители любили китайские вещи — в первой половине 1950-х годов изделия легкой промышленности из КНР отличались исключительной добротностью, и многие из них (скатерти, покрывала, вазочки) у моих сестер сохранились, причем в прекрасном состоянии, до сих пор. Позднее оказалось, что, по сведениям переводчиков, именно произведения моего отца из всех белорусских писателей наиболее нравились китайцам — переведены практически все романы и повести Ивана Шамякина. Это интересный и непонятный для меня феномен, который, я думаю, еще ждет своего исследователя: почему И. Шамякин оказался близок китайскому читателю?

Я всегда интересовалась китайской культурой, которая сначала казалась неимоверно чуждой и далекой, но по мере изучения становилась все ближе и понятнее. Что-то притягивало в ней и многих советских людей, раз такими популярными стали вдруг в СССР животные китайского традиционного календаря. Издав о нем книгу, приведу здесь из нее буквально несколько тезисов.

[1] Продолжение. Начало в № 8, 10 за 2014 г., №1 за 2015 г.

Человек издревле ощущал свою глубинную близость к животному миру, ко всем живым существам, включая не только естественные, функциональные связи с ними, но и связи собственной души, разума, духа. Где-то в истоках бытия все Божьи создания очень близки между собой. Наша связь с животными — именно по *истоку жизни, по одушевленности, по общности судьбы на Земле,* а вовсе не по тому, что человек произошел от обезьяны, — это *по существу* неверно и оскорбительно.

Человек в общении с животными, в своем стремлении понять зверя или птицу, в конце концов, начинал лучше понимать и сам себя. Через описание животных он *психологически* «овладевал» ими и миром в целом. Помогли осмыслить разумность животных в значительной степени мифология, фольклор, художественная литература, искусство. А также и китайский народный календарь, который стал необычайно популярен на западе, в том числе в Беларуси, в последней четверти XX века.

Календарь был создан в Китае почти пять тысяч лет назад, а затем распространился практически по всей Восточной Азии. В глубине тысячелетий таятся знания об эклиптике Солнца и перемещении его среди двенадцати созвездий — так это выглядит для наблюдателя с Земли. Двенадцать знаков Зодиака носят в Китае названия животных: мыши (крысы), быка, тигра, зайца, дракона, змеи, лошади, овцы (козы), обезьяны, петуха, собаки, свиньи. Соответственно ими названы и годы в двенадцатилетнем цикле народного восточного календаря. Сутки у китайцев также разделены на 12 частей, имеющих названия тех же зодиакальных существ.

Составителями календаря в Китае считаются полулегендарные личности Си и Хэ, которые по заданию императора обобщили огромный корпус астрономических данных и географических наблюдений в разных областях страны. Начало летосчисления в этом циклическом календаре животных ведется с 2397 года до нашей эры, с эпохи династии Ся, о которой, кроме календаря, мало что известно.

В Китае, как и в других цивилизациях Древнего мира, становление календаря было связано главным образом с сельскохозяйственными потребностями. Даже иероглиф «ци», который означал «время», графически представлял идею вырастания под солнцем заложенного в почву зерна. Причем среди временных циклов самым главным являлся год.

Новый год в Китае отмечается в первое полнолуние после вхождения Солнца в созвездие Водолея, что в переводе на привычный западный календарь происходит не ранее 21 января и не позднее 19 февраля. Например, в 2014 году — году Синей Лошади — Новый год наступил 1 февраля, в 2015-м — году Синей Козы — 19 февраля. Кроме двенадцатилетнего существует шестидесятилетний, более полный, цикл — 5 раз по 12. У многих народов основных натурфилософских стихий было четыре, а у китайцев — пять: огонь, вода, земля, металл и дерево. И вообще, *пять* у них — самое важное, священное число: пять законов этики, пять цветов, чувств, музыкальных нот, пять мудрецов, древних царств, священных гор.

Период в 60 лет связан с так называемым «великим соединением» планет Юпитер и Сатурн в созвездии Водолея. Вообще Космос, Небо, звезды в Древнем Китае играли колоссальную роль, астрономия была необычайно развита. Даже простые люди знали основные созвездия и умели найти их на небе. В конце концов, не случайно Китайская империя названа Поднебесной.

Наличие в наше время космического цикла животных, восточного «сказочного» календаря на первый взгляд кажется архаическим и наивным. На самом же деле китайский календарь передает какие-то важные ритмы или вибрации Космоса и создает единую космогоническую систему, которая интегрирует в себе собственно понятия линейного и циклического времен. В основе такой системы — вера в периодическое «разворачивание» и «сворачивание» Вселен-

ной, о чем свидетельствует также и современная физика (так называемая *сингулярность*). Возможно, это одна из причин популярности китайского календаря не только собственно на Востоке, но и на рациональном Западе.

Традиционный календарь позволяет современному Китаю чрезвычайно разумно, с далекой перспективой, строить свою политику и экономику. Так, в 2009 году закончился один из шестидесятилетних циклов, который вел отсчет от создания КНР в 1949 году. Начался новый шестидесятилетний цикл, однако разрабатывается уже и следующий. То есть идет планирование на 120 лет вперед. И Китай четко и очень последовательно следует избранному курсу. Причем практически все в его планах *скрыто* от западного наблюдателя. Великий *Дэн Сяопин*, автор китайских реформ конца XX века, говорил: «*Скрывай свои силы, дожидайся своего времени*». Время и в самом деле работает на Китай. Видимо, потому, что с ним так аккуратно всегда обходились.

Мой интерес, и не только мой, поскольку успех книги был велик, обусловлен желанием вернуться к *истокам* человеческой культуры, к *первопричинам* истории и *основаниям* психики. Психологический мир человека рожден из *мифа*: это та духовная формула, которая образы подсознания переводит на язык практического бытия. С другой стороны, возвращение к архаическому календарю животных позволяет приблизиться к религиозно-социальной истории человечества. В истории культуры отразилась душа человека, племени, нации, человечества, а календарь — *стержень культуры*.

Моя книга называлась «Традиционный китайский календарь и славянские мифологические параллели». В ней нет никаких астрологических характеристик конкретного года, исходящих из характера животного, а есть попытка осмыслить явление в зеркале славянской культуры, стремление понять, почему то или иное существо внесено в календарь, чем это обусловлено и можно ли найти первоосновы-архетипы, имеющие черты схожести в, казалось бы, далеких между собой славянской и китайской цивилизациях. Все это, можно надеяться, будет работать на укрепление дружбы между нашими народами.

Позволю себе на нескольких примерах, очень кратко, тезисно, показать черты схожести разных культур.

Вообще-то, отношения человека и животного зафиксированы в самом раннем из человеческих верований — *тотемизме*, который, в свою очередь, является базисом формирования мифологии и очень многих форм культуры.

Тотемизм возникает еще в палеолите, то есть не менее чем 40 000 лет назад, а скорее всего, и еще раньше — в среде неандертальцев.

Тотемизм — обожествление животных, признание их своими родственниками, предками, вера, что семья, клан, род или племя происходят от животного. Явление тотемизма очень сложное, многогранное: генезис рода мог вестись и от растения, и от других природных объектов, но наиболее распространенные *предки* — все же животные. Тотемистические мифы — это истории происхождения тех или иных семей, родов, племен, народов. Именно благодаря своему названию, идущему от имени животного предка, этносы отделились друг от друга, стали ощущать свою особость. Произошла первая в истории человечества *социологизация*.

От «реального» животного предка рода, племени, народа — путь к символическому воплощению данного этноса. Например, древние римляне называли себя «детьми волчицы»; Беларусь ассоциируется с белым аистом, Россия — с медведем, Австралия — с кенгуру. Часто животные, с которыми связана данная страна, выбираются в качестве символов Олимпийских игр. Так, игры в Пекине в 2008 году прошли под знаком панды.

Согласно традиции, цикл китайского народного календаря начинается с года мыши, или крысы. Такая большая роль в звездном зодиаке именно мыши, в принципе существа совершенно незначительного, ничтожного, на первый взгляд неинтересного, может вызвать удивление. Однако жители Древнего Китая

не раз выявляли свою исключительную мудрость в разных сферах жизни, тем более в такой важной, культурообразующей, как календарь. Нам же необходимо понять, чем они руководствовались, начиная космический цикл именно с мыши.

Видимо, древние люди отметили значение мыши в распространении злаков. Полевая мышь делает в земле многочисленные ходы и как бы кладовки-камеры, где находятся припасы зерна. Многие из этих зерен весною прорастают. Кроме того, мышь, как никто из млекопитающих, чрезвычайно быстро размножается. В древности людей было мало, и плодовитость — плодовитость как таковая, символом которой стала мышь, — необычайно ценилась. Китайцы подняли мышь в Космос, ввели в календарь для того, чтобы она посодействовала в прибавлении населения, даровала детей. Вот где, видимо, первоисточник почитания мыши у восточных народов.

У китайцев известен чрезвычайно древний миф о мыши и птице. Они выкопали в горе нору, в которой жили в полном согласии: птица на поверхности искала пищу, а мышь под землею занималась домашним хозяйством. Жили такие разные — из противоположных сфер — существа, как дружные супруги. Миф — всегда образное обобщение. Это китайское архаическое сказание, скорее всего, символизирует союз Земли и Неба. Поскольку мышь рождена землей, она способна как бы концентрировать в себе земную силу. Возможно, поэтому в известнейшей русской сказке о репке мышь помогает совершить то, на что не способен целый коллектив, — вытянуть огромную репу. А фантастической величины овощ — тоже, видимо, символ богатства, как и в Китае, где мышь даровала благосостояние. Кроме того, сказка о репке утверждает важную философскую мысль: даже маленькое и ничтожное (существо, вещь, событие) может привести к значительным результатам.

Во многих славянских сказках мышь — зверек с положительной семантикой. Так, в русской сказке «Ведьма и солнцева сестра» мышонок предупреждает Ивана-царевича об опасности и спасает от ведьмы. То же самое в белорусской сказке «Дедова дочь и бабина дочь в избушке на курьей ножке», где в жмурки с медведем вместо героини играет мышка. В русской сказке «Баба Яга» мышки научили падчерицу, как перехитрить чудовище. В белорусской сказке «Ох и золотая табакерка» мышь вместе с котом и рыбкой помогают герою. Победа мыши давала и человеку надежду на преодоление природных (а возможно, и социальных) сил.

Однако мифы создавались на протяжении эпох. Под влиянием различных обстоятельств, которые требуют своего осмысления, мышь стала восприниматься негативно. В белорусской сказке «Воробей и мышь» названные в заглавии существа, как и в китайском предании, вновь живут вместе, но уже не в согласии: хитрая мышь обманывает простака-воробья. Между ними возникает война. В конце концов сокол (в мифологии он всегда воплощает Солнце), позванный на помощь воробьем, уничтожает мышиное войско. Как видим, славянская сказка явно перекликается с китайским мифом о дружбе птицы и мыши. Но наши предки рассказали о, так сказать, итоге совместной жизни — войне птиц и зверей, иначе говоря, о войне между Небом и Землей, которые обычно находятся в гармонии, в брачных, согласно мифологии, отношениях (так называемой *иерогамии*). Заметим, что битва двух биосферных царств является не только отдельным сказочным сюжетом, но и *прологом* к некоторым русским, белорусским, украинским сказкам, тема которых с этой битвой абсолютно не связана. Значит, навсегда оставляя в сказочном эпосе такого рода мотив, предки считали его необычайно важным.

В современной науке все биологические и даже социальные *модели* проверяются на мышах. Как ни странно, в поведении людей и мышей много *общего*.

В архаический период истории у всех народов Евразии чрезвычайно почитался крупный рогатый скот. Бык является одним из зодиакальных символов и в восточном календаре, и в западном. Истоки его почитания, видимо, одина-

ковы. В мифологии как Китая, так и славянских народов явственно ощущается мировоззрение, оставшееся в наследство от *пастушеского* периода истории народов Европы и Азии. Мифов, сказок, обрядов, связанных с быком или же коровой, множество. Так, моления об урожае весной сопровождались почти везде театрализованными представлениями, где участники выступали в масках быков и коров. Торжественные шествия с быком широко практиковались в Китае. На Новый год в Корее делали деревянные скульптуры быков, которые выставлялись у дорог. Такие бычки — пожелание будущего урожайного года. В Беларуси также у дороги, у границы Минской и Брестской областей, установлена огромная, не менее 20 метров, бетонная скульптура зубра — *символа* нашей лесистой родины.

Тигр не водится в европейском регионе. Но в славянских сказках, во многом сохранивших мифологические верования, аналогом тигра выступает лев — царь зверей. Причем именно в белорусских сказках лев — и об этом, что удивительно, говорится прямо — из-за неприспособленности к жизни в непривычных условиях, из-за незнания окружающей реальности вынужден был покинуть нашу страну. Этот интересный факт говорит о том, что предки белорусов раньше жили в других природных условиях, но климат в их отечестве кардинально изменился. Все же они сохранили память о зверином царе их родной местности.

Вообще же славянские народы всегда любили больших кошек. Более того, возможно, даже имя «русы», которое вошло и в этноним «белорусы», раньше звучало как «рыси», «рысичи», поскольку народ выводил свое происхождение от рыси (гипотеза писателя Владимира Щербакова).

Дракон как существо химерическое в Китае выступает создателем буквально всех важнейших природных процессов и явлений. В Европе сказки, легенды, былины также полны образами мифологических драконов и многоголовых змеев (цмоков), но они эволюционируют — от амбивалентных в архаический период до явно враждебных человеку — в памятниках средневековой литературы. Символика дракона вообще феноменально богатая и сложная. Безусловно, основой ее могли послужить некоторые природные процессы: круговые морские течения, атмосферные вихри, смерчи, тайфуны, вулканическая лава, радуга, полет метеора, кометы и многое другое. Нельзя исключить и существование так называемых морских змеев, неизвестных пока науке огромных реликтовых существ, которые, вполне вероятно, сохранились в глубинах Мирового океана, еще фактически не изученного. Когда я в молодости отдыхала в Коктебеле на восточном берегу Крыма, там рассказывали легенду о морском змее, живущем у стен древнего вулкана Карадаг. Его даже видели некоторые советские писатели. Что касается территории Беларуси, то академик Борис Рыбаков на основе изучения древних летописей утверждал, что когда-то в болотах Полесья водились колоссальной величины ящерицы, похожие на варанов или крокодилов. Память о них якобы осталась в детской игре «Ящер», зафиксированной в этом регионе.

Мифология змеи, как и дракона, требует специального исследования: у славян змеи, в частности ужи, считались предками и почитались необычайно широко. В том же Полесье они жили под полами изб. Один из наиболее влиятельных богов у славян — Велес — представлялся змееподобным. В то же время мотив змееборства является *основным* в мифологии европейцев. Но это борьба именно с драконом.

Китайцы, придумавшие свой знаменитый календарь, всегда интересовались лошадьми. Возможно, в качестве защиты от конницы кочевников с севера была построена Великая Китайская стена. Изящная скульптурка словно летящего коня стала своеобразным символом Китая. В классической поэзии Китая конь тоже встречается очень часто. Один из распространенных мотивов лирики — вернувшийся к дому без седока конь как символ поражения в войне. У славян *мифология*

лошади была разработана чрезвычайно широко и многообразно. Конь в наших сказках, преданиях, легендах — и воплощение солнца, и хтонический персонаж, сопровождающий души умерших на тот свет. Часто в сказках конь — даже более активное действующее лицо, чем собственно герой-человек, и владеет многими магическими свойствами, что делает народную сказку одним из самых *таинственных жанров* словесного творчества.

Овен в западном Зодиаке и овца (коза) в восточном — имеют, видимо, одинаковый генезис — снова-таки пастушеский. Но за столетия образ приобрел чрезвычайно богатую семантику, стал символом и искусства, и религии. По теории символов, в Китае овца — это жизнь в одиночестве; в христианстве овечки — искренне верующие люди, всем сердцем воспринявшие слова святых апостолов. В белорусском фольклоре овечки — звездочки, а Месяц — их пастух: этот мотив своеобразно соединил христианское представление о Христе — добром пастыре, и осколки древней астрологической науки. Белорусское наполнение символа помогает понять образ китайский: чаще всего живут в одиночестве пастухи, недаром месяц — всегда один.

Смысл образа петуха, единственной птицы в восточном традиционном календаре, и в Китае, и в славянском регионе одинаков. Он воплощает огонь, небесное сияние, связан с солнцем, рассветом. По причине своей исключительности, магической значимости петух — лучшая жертва природным стихиям, персонифицированным в образах духов и богов. И сегодня на Полесье режут петуха на месте будущей бани — жертвуют *духу места*. Петух даже вошел в восточную архитектуру. Красные ворота (в Японии они называются *торией*) — графически-предметное воплощение насеста для петуха, встречающего новый день.

Образ собаки в мифологии белорусов и украинцев необычен тем, что фигурирует во множестве сюжетов, в которых рассказывается о *сотворении человека*. Бог создал человека и собаку из одного и того же материала. Это чрезвычайно важный момент: миф подтверждает извечную близость человека и собаки, которая, видимо, была приручена из всех животных первой. Именно потому она внесена и в китайский календарь.

Образ свиньи в культуре и восточной, и западной — амбивалентен. Характерно, что этот образ у славян во многом ассоциируется с кулинарией — свинина является сакральной пищей на белорусские, польские Коляды. А у китайцев свинья, прирученная, наряду с собакой, одной из первых, всегда связывалась с миром мертвых, была проводником на тот свет, потому скелеты свиней находят в могилах. Годом свиньи заканчивается 12-летний календарный цикл.

Мой очень краткий, всего на нескольких примерах, экскурс в историю образов животных, составляющих круг китайского народного календаря, позволяет говорить об их чрезвычайно богатой символике также и в славянской культуре, а кроме того, о чертах *типологического единства* разных культур.

Поскольку речь о календаре, то уместно здесь сказать и о празднике Нового года. Любовь к нему тоже роднит наши цивилизации.

К празднику в Китае готовятся весь последний месяц года. Функции славянского Деда Мороза, или англо-германского Санта Клауса, или французского Пер Ноэля у китайцев выполняет Бог домашнего очага *Цзаашэнь*. У нас есть дедушка домовой — дух дома, а у китайцев именно бог, в котором слились первопредок рода, дух дома и бог огня. Цзаашэнь живет в нише стены за очагом, где помещают его портрет (как у нас икону в красном углу). В последнее время у китайского домового появилась жена (эта тенденция к парности характерна и для французского Пер Ноэля). Пристальнее всего *Цзаашэнь* наблюдает за женщинами, поэтому им, чтобы не гневить бога, приходится придерживаться многочисленных табу.

Примерно за неделю до Нового года китайцы провожают своего домашнего божка на небо, где он должен докладывать Небесному Владыке о грехах той или

иной семьи. Ритуал прощания включает зажигание свечей, приношение огню конфет, фруктов, бататов (сладкого картофеля), печенья из рисовой муки.

Отсутствие бога дома (приблизительно 10—12 дней, как и наши Коляды) содействовало общей раскрепощенности, ощущению свободы, безнаказанности. Гуляли в полную силу, даже свадьбы стремились справить в эти дни — чтобы без всякого контроля. В то же время и готовились к встрече бога: убирали в доме, отправляли очищающие обряды, варили ритуальную пищу, изгоняли нечистых духов, украшали комнаты — развешивали лубочные картинки, письменные пожелания, разные талисманы, декоративные деньги, возле входов прикрепляли веточки кипариса, елки, сосны, обязательно вместе с бамбуком.

Сегодня китайцы отмечают Новый год, в сущности, трижды: астрономический (25 декабря), когда в мире празднуют Рождество Христово; григорианский (в ночь с 31 декабря на 1 января) — опять же, на западный манер; и свой, китайский, подвижный, который обычно выпадает на конец января — февраль.

Мифология как начало истории

Мифология Китая на первый взгляд чрезвычайно сложна и до невозможности запутанна. Но когда начинаешь в ней разбираться, то находишь знакомое и привычное.

Китайцы издавна верили в чудесную райскую страну на далеком острове (то же у славян — остров Буян), где жили богоподобные люди, способные ходить по воде, летать по небу, проходить сквозь огонь, совершать манипуляции с вещами, преобразуя их. Однажды девушка, жившая в этой удивительной стране (можно ее считать Великой Матерью), родила от дракона (радуги) сына *Фуси* и дочь *Нюйву* — людей-драконов. Они и считаются первопредками китайского народа. Пара Фуси-Нюйва, хотя они и змееподобные, явственно напоминает главных среди богов в Египте Осириса и Изиду, в Индии — Яму и Ями, в славянской мифологии — Ивана да Марью. Вообще-то, и в индоевропейской мифологии многие герои также рождаются от отцов-драконов, например, сербский Змий Огненный Вук или наш Всеслав Чародей, а в христианских апокрифах — Каин. Кстати, многие и библейские события происходят также в Раю.

Среди других чудес, характерных для райской страны, обращает на себя внимание волшебная лестница, ведущая в небо. По ней часто поднимался и спускался на землю Фуси. Такая лестница удивительным образом напоминает лестницу Иакова из Библии. Правда, в китайской мифологии она несет явный отпечаток шаманской практики. Фуси — Великий Шаман и первопредок — культурный герой: он подарил людям огонь, ремесла, науки, злак сою — главный источник белка, а также создал универсальную знаковую систему из восьми триграмм, сложно постигаемую западным умом.

Растет в китайском Раю и Мировое Древо — как раз посреди прекрасного сада, где находится Центр Мира. На Древе девять веточек, которые соответствуют девяти небесам или девяти душам человека (в других культурах их семь).

Сам человек слеплен из глины сестрой Фуси Нюйвой. И Адам в Библии — из глины. Но в китайской мифологии отсутствует понятие первородного греха.

Вообще же в мифах Китая несколько главных персонажей, и все они — пришельцы с Неба. Например, первый собственно властитель страны *Хуанди* — Желтый император. Фуси, Нюйва, Хуанди — некие могущественные сверхсущества, которые наделили Китай первоначальной мудростью, даровали исключительные знания и умения, различные блага. Именно благодаря им в стране создано так много удивительных вещей.

Известный российский ученый-китаевед, доктор исторический наук Алексей Маслов пишет: «Сколь ни были бы сильны возражения скептиков, все же приходится признать, что Древний Китай знал много больше нашего, а возможно,

располагал и такой информацией, которую мы сегодня не способны ни оценить, ни расшифровать, переведя в доступный нам словесно-знаковый вид».

Мифология Китая насквозь космогонична. В ней, например, сохранились отзвуки космических катаклизмов. Так, в древнем письменном памятнике, астрономическом трактате «Хуайнань цзы», утверждается, что «небо наклонилось на северо-запад» и «обрушились опоры земли». Видимо, речь идет об орбитальном или осевом повороте: изменился наклон оси к плоскости эклиптики. Это явно нарушило движение Солнца, Луны и звезд, что и зафиксировала мифология. Древние предания свидетельствуют не об одной, а о двух катастрофах, одна из которых действительно глобальная, когда Земля как бы кувыркнулась, а вторая вызвала Мировой Потоп. Характерно, что у древних народов, имевших богатую мифологию, обязательно развивалась и астрономия как наука, с которой тесно связан календарь.

Центральный в китайской мифологии как раз *миф о Потопе*. Он встречается во многих источниках, правда, лишь в отрывках. Тот или иной его фрагмент приводится обычно для того, чтобы «доказать» какое-либо философское, политическое или морально-этическое положение. Только в чрезвычайно информативном, хотя и загадочном, «Каталоге гор и морей» он излагается целостно.

Вообще архаичная мифология Китая оказалась очень историоизирована Конфуцием и его учениками: великий мудрец полагал, что все мифы — историчны, в них описываются реально происходившие в глубокой древности события, которым придан сказочный колорит, а персонажи возвеличены.

Усмирителями Потопа в Китае считаются *Гунь* и его сын *Юй*. Гунь был наказан Верховным богом за помощь людям. В одном из вариантов мифа Гунь — внук Небесного владыки, выкравший у деда удивительную вещь «сижан» — саморастущую землю, то есть кусочек глины, который может увеличиваться беспредельно, формируя даже горы. Гунь с его помощью стал создавать хребты и дамбы. Вода начала убывать. Люди уже готовились продолжать свои прерванные занятия на многострадальной земле. Но тут владыка узнал, что его драгоценный «сижан» украден. Он тотчас послал на землю бога огня, который на Горе Птичьих Перьев убил Гуня и забрал «сижан». Надежды людей не сбылись.

В греческой мифологии параллель Гуню — Прометей — украл для людей божественный огонь с неба. Зевс в наказание приковал титана к скале на Кавказе и приказал орлу прилетать каждый день клевать его печень, а ветру, снегу и дождю разрушать его тело. Прошли тысячелетия, прежде чем Геракл — герой из мира людей — освободил Прометея. Подобные Прометею персонажи есть на Кавказе: там, вблизи Сочи, даже установлен памятник Прометею, вернее, обобщенному цивилизатору.

В Китае важный мифологический персонаж Гунь похищал землю, а не огонь. Гунь перед смертью глубоко страдал от того, что не мог исполнить свою миссию, но ее осуществил его сын. Сын, нужно сказать, своеобразный. Гунь на самом-то деле оказался бессмертным или же возрождающимся (во всех мифологиях земледельческих народов мира есть мифы об умирающих и воскресающих богах природы): тело его не тлело, а в чреве даже возникла новая жизнь — сын Юй.

Гунь, видимо, — сама рождающая земля, которая, однако, как и в Древнем Египте бог Геб, представлялась в мужском облике. Мужчина более активен в жизни, от него исходит все новое — вот, видимо, первооснова такого странного, алогичного, противоестественного мифологического сюжета.

Действительно, произошло великое чудо. Из живота Гуня вылетел рогатый дракон. Это был Юй. А тело Гуня превратилось в какое-то животное: то ли в медведя, то ли в черепаху. Вероятно, в образе медведя он был тотемным первопредком народа Ся. Вообще медведь-тотем встречается у огромного количества племен и народов Евразии — от Японии до Англии.

Новорожденного дракона Юя не обескуражила отцовская неудача. Он обладал чудесной силой, и все его помыслы были направлены на то, чтобы завершить дело Гуня. А Верховного правителя к этому времени уже охватило раскаяние за то зло, которое он совершил. Он решил не наказывать людей так жестоко и дать возможность Юю усмирить потоп.

Юй, который мог быть и драконом, и человеком, и кем угодно, действовал умнее, чем Гунь. С помощью драконов он прорывал реки и каналы, с помощью «синжана» возводил дамбы. Особенно тяжко пришлось Юю с Хуанхэ (Желтой рекой) — самой полноводной рекой Китая. Когда-то она поворачивала вспять перед огромной горой. Юй с помощью своей сверхъестественной силы разделил гору на две части, чтобы река текла между двумя отвесными скалами, напоминавшими створки ворот. Это место и сейчас называется Лунмэнь, что значит «Драконовы ворота». Теперь вода падает с отвесной скалы и устремляется потоком к океану.

По всему Китаю встречается множество мест, так или иначе связанных с Юем. То ли это ущелье, пробитое им, то ли вырытые колодцы, то ли следы его волшебного коня. Все это говорит о том, что усмирение наводнений — огромная проблема для Китая. Да мы и сами в этом убеждаемся едва ли не каждый год: так, летом 2002 года разлившееся озеро погубило 10 миллионов китайцев (количество, равное населению Беларуси).

Постоянно занятый работой, Юй до тридцати лет не женился. Но в конце концов он нашел красивую девушку и взял ее в жены. Однажды Юй в облике медведя нечаянно испугал супругу, и она превратилась в камень. Так что сын Юя Ци родился от камня. Первые люди, согласно мифам греков и *белорусо*в, тоже родились из камней. Это правильно по самым современным данным науки: в основе молекулярной структуры тела человека лежат мини-кристаллы, что и роднит нас с минералами.

Юй обошел всю землю, в том числе был и на Крайнем Севере. Однако, по описаниям мифа, климат там оказался мягким, люди наслаждались праздностью и, не болея, умирали в столетнем возрасте. Похоже, что в Китае, как и в Греции, и в Беларуси, были известны мифы о *Гиперборее* — Счастливой стране на севере с центром — горой Меру.

Тема Потопа в китайской мифологии явно содержит в себе идеи о начале мира, его организации, преодолении хаоса и установлении порядка. Деяния Юя выходят за рамки представлений о разливе рек, которые, действительно, всегда были и сейчас являются бедствием Китая, и его инженерной деятельности по их урегулированию, сооружению дамб, прорытию каналов. Он сам делал реки, горы и долины, даже моря. Ясно, что Юю приписывалась роль *творца* земли, ее природных объектов. То, что земля уже до того была сотворена и на ней жили люди, говорит лишь об историческом развитии мифа, о сохранении в нем чрезвычайно древних элементов. Именно так представляли себе мифические времена творений, судя по этнографическим параллелям, люди наиболее архаических обществ. Во многих мифах китайцев Потоп приурочивается к началу времен и носит космический характер. Лишь во времена Конфуция мифы о Потопе оказались отнесены к эпохе правления конкретных (впрочем, также полулегендарных) правителей.

Вообще мифы о Потопе везде, во всем мире, изменялись, трансформировались, свободно двигались во времени и легко входили в связи с другими мифами.

Мифы о Потопе в Китае, по-видимому, принадлежали различным племенным или этническим традициям и, возможно, входили во взаимодействие между собой еще в архаическую эпоху при контактах различных этнокультурных общностей, населявших территорию страны.

Народ Китая и его пророки

Поскольку я пишу не научную статью, а культурологическое эссе (именно потому вмешиваюсь в повествование), то позволяю себе обходить многие, необходимые хотя бы для связывания изложения, моменты. И все же нельзя не сказать о первых этапах становления *цивилизации* в Китае, поскольку раскрытие истории всегда помогает понять сегодняшние реалии.

Наиболее древние поселения на территории Китая датируются III тыс. до н. э. Но на самом деле цивилизация здесь существовала намного раньше. Достаточно сказать, что атласам по иглоукалыванию, в которых указаны тысячи точек на теле человека, отвечающим за конкретные внутренние органы, семь тысяч лет, причем нигде не зафиксированы начало и промежуточные стадии такого уникального знания. Оно словно появилось сразу в совершенно готовом виде. Это дало основание уже упоминавшемуся мною в предыдущих работах знатоку древних цивилизаций Захарию Ситчину утверждать, что пришельцы с планеты Нибиру развивали в земных людях разных регионов разные способности, в частности, в Китае — медицинские.

Однако в Китае есть много чего и другого — таинственного и загадочного.

В последнее время много говорят и пишут о *пирамидах* Китая.

Гигантскую пирамиду вблизи города Сиань в Центральном Китае увидел еще в 1945 году американский военный летчик Джеймс Гауссман. Понимая, что ему никто не поверит, он сфотографировал гигантское сооружение высотой в 300 м и шириной у основания 500 м. Значит, она оказалась больше, чем пирамида Хеопса, в два раза! Летчик вспоминал, что, по его впечатлению, пирамида была из металла или из какого-то белого камня. Потом несколько пирамид видели исследователи из разных стран в 1960-е годы. Китайцы безоговорочно отрицали их существование. Когда, благодаря спутниковому слежению, отрицать явное стало невозможно, пирамиды (а их — десятки) засадили деревьями и кустарниками, чтобы они выглядели как обычные холмы. В 1994 году немецкий археолог Гартвиг Хаусдорф выпустил книгу «Белая пирамида», куда включил и фотографию Гауссмана, до этого где-то валявшуюся или специально скрываемую. Сейчас район, который называется «Город пирамид», туристам посетить можно — он производит странное впечатление. Но все равно к самой большой, Белой пирамиде, власти близко не подпускают, хотя буквально в нее упираются поля местных поселян. Крестьяне уверяют, что пирамиды стояли здесь вечно.

Серьезные исследователи полагают, что пирамиды демонстрируют пример *поразительных знаний* древних народов в геометрии и вообще в математике, причем в связи с астрономией.

Когда же построены китайские пирамиды? Найдены летописи I тыс. до н. э. В них пирамиды уже упомянуты. Их возведение относят к эпохе легендарных первых императоров, которые считали себя «Сынами Неба». Об одном из них — Хуанди — дошли подробные, хотя и сказочные, сведения. Получается, что мифологический ореол, окружающий пирамиды, подобен египетскому и мексиканскому, где также подобные сооружения неизвестно когда построены, а главное — неизвестно для чего.

По свидетельству профессора А. А. Маслова, в III тысячелетии до н. э. (я думаю, что гораздо раньше), «рядом сенсетивных (с повышенной восприимчивостью) людей был получен могучий импульс, осознанный в виде сокровенного, эзотерического Знания». Скорее всего, мощный информационно-энергетический толчок было трудно осознать, а еще труднее выразить словесно. Недаром даосы всегда говорили о знании, заложенном в человеке *априорно* (впрочем, то же утверждал и Платон), — остается лишь вспоминать его на протяжении жизни.

В *официальной* науке китайская культура считается *автохтонной* — созданной исключительно китайским народом. От Передней Азии — центра древних

цивилизаций — страна находится очень далеко, и поэтому непосредственных контактов между ними и Китаем, видимо, долгое время не было. Развитие Китая, действительно, шло во многом иначе, чем развитие других культур древности. От стран, расположенных на востоке, юге, западе и севере, Китай отделен морем, а также самыми высокими в мире горами, огромными пустынями и степями Центральной Азии. В древних китайских письменных памятниках акцентируется внимание на идее китаецентризма, поэтому и страна была названа — Срединное царство. Правда, многие народы также верили в свое центральное местоположение в мире. Идея срединности привлекательна и сегодня. Скажем, белорусы ощущают свою страну центром Европы.

И все же китаецентризм — явление особенное. Китайцы всегда считали себя *самым цивилизованным* народом, а всех остальных — своих соседей — варварами. В некотором смысле они правы. Китайская культура — чрезвычайно древняя и уникальная, и все же вопрос ее автохтонности, по-моему, спорный, поскольку существовало индоевропейское влияние. Более того, мне кажется, что у нас *один исток* — Арктида, или Гиперборея, страна, существовавшая еще до Потопа, откуда люди расселились по Евразии и даже по Америке.

До катастрофы арийцы и предки китайцев жили рядом — скорее всего, на территории Сибири. Когда после катаклизма они рассеялись, разделились, деградировали, какие-то знания, скажем, по медицине, арийцы утратили. Но это по сравнению с тем, что китайцы смогли *до сего времени* сохранить (то же иглоукалывание). В моей молодости я знала бабушек, которые не только прекрасно лечили нервные и психические болезни, но и переломы, рожу, дермиты, останавливали кровь и многое другое. Какой дикой профанацией по сравнению с этими бескорыстными скромными белорусскими бабульками выглядят модные экстрасенсы, демонстрирующие себя по телевизору! А вот настоящие знания и навыки, видимо, утрачены...

Как и другие культуры древности, китайская связана с большими реками. Уже в V тысячелетии до н. э. в долине реки *Хуанхэ* существовала развитая земледельческая цивилизация. Здесь культивировали просо, фрукты, овощи, орехи, держали свиней и собак. В долине реки *Янцзы* в IV тысячелетии до н. э. выращивали рис, культура которого была заимствована, скорее всего, из Индии. Рис и сегодня — основа кулинарии Китая, одной из богатейших в мире.

Если следовать *официальной доктрине*, то первая династия, управлявшая Китаем, называлась *Ся*. Установилась она в 2205 году до н. э., но о ней, кроме календаря, мало известно. Следующее государство — *Шан* (1766 — 1027 годы до н. э.) — создало культуру бронзы, равной которой не было на Земле.

Действительно, китайская бронза — лучшая в мире. (*В Китае очень многое — лучшее в мире*.) Происхождение бронзы до нашего времени науке не известно. Часть ученых считает ее явлением исключительно местным, часть — принесенным из Великой Степи, и уже это оспаривает автохтонность китайской цивилизации. Для китайской бронзы характерно изображение животных, но это примета алтайско-скифской культуры. Заимствованы Китаем и колесницы — главная ударная сила шанских царей. Такие колесницы — индоевропейское достояние, хотя изобретение *колеса* китайцы безоговорочно приписывают себе.

Изделия из шанской бронзы, исключительно долговечной, можно встретить практически во всех крупных музеях мира. Наиболее распространены на бронзовых вещах изображения быка и барана. Кстати, в ту же самую эпоху на другом конце света — в Египте, в Передней Азии — бык и баран тоже были священными животными и наиболее часто изображались. Возможно, это и не результат контактов, но тем не менее сходство обращает на себя внимание. Не исключено, что оно связано с астрономическим явлением — переходом точки весеннего равноденствия из созвездия Тельца в созвездие Овна. В ту далекую эпоху Космос, как ни удивительно, имел намного большее значение для земных дел, чем в наше время.

В царстве Шан из бронзы изготавливали орудия труда, оружие, посуду, предметы роскоши, ритуальные вещи, позже — монеты. Некоторые из шанских бронзовых котлов достигали огромных размеров. Например, один из них, отлитый шанским царем в память своей матери, имел высоту 1 метр 30 сантиметров и весил 885 килограммов. Полагают, что и *колокола* начали первоначально отливать именно в Китае. Маленькие колокольчики носили даже на шляпах — они будто бы отгоняли злых духов (в свете данных современной науки — справедливо). Богатая декоративность, характерная для шанской бронзы, была связана с ритуально-мифологическими представлениями.

Цари династии Шан назывались *ваны*. Хотя аналогия вряд ли уместна, но нельзя не вспомнить, что угро-финны, жившие на землях современной Беларуси, называли своих соседей-славян «ванами», что значит «земледельцы». Возможно, отсюда произошло и имя Иван, впоследствии слившееся с библейским Иоанн. (Искать параллели интересно не только в предметном мире, но и в *языке*: а вдруг они неслучайны?)

Ваны в Китае широко использовали магию, ни одно дело не решали без чародеев-предсказателей. А те пророчили по костям быка и по черепашьим панцирям. Как раз на гадальных костях (лопатках) вырезаны первые *иероглифы.* Китайский иероглиф — важнейшая часть цивилизации этой страны, источник ее особенной художественной традиции.

Иероглифика прошла огромный путь развития. Первые пиктограммы вовсе не похожи на современные знаки. Изобретение иероглифов приписывается мифическому первопредку китайцев — Хуанди — Желтому императору, якобы избравшему в качестве образца для письменных знаков птичьи следы. Это, безусловно, легенда, но понятно, что иероглифы не отделены от своей изобразительной функции и первоначально были графическим изображением предмета или комбинации предметов.

В конце XI века до н. э. территорию царства Шан завоевал народ, пришедший с запада и назвавший себя чжоу (думаю, это были индоевропейцы). В эпоху *Чжоу* (1027—221 годы до н. э.) часто велись войны, но наблюдался и экономический подъем. Именно тогда появилась религиозная теория о божественном происхождении китайских царей-ванов. Чжоуский ван, как и египетский фараон, был объявлен сыном Неба и его единственным земным воплощением, наделенным магической силой. Полагаю, здесь наблюдалось то же явление, что в жреческой касте Египта: какие-то обрывки древних знаний сохранялись, и наиболее способные люди ими овладевали. Естественно, их возможности казались запредельными для народа. Впрочем, учеба, возможно, стала именно обязанностью для властителя. Дошло письмо Александра Македонского своему учителю Аристотелю, где он упрекает мудреца за то, что те *тайные знания*, которые предназначены *только* для царей, философ широко пропагандировал среди других — обычных — своих учеников.

Держава Чжоу получилась достаточно аморфная. В IX веке до н. э. ее территория существенно сократилась, и параллельно возникло около 200 мелких княжеств. Правда, вскоре начался процесс их консолидации, и в V веке до н. э. образовалось семь достаточно больших государств. Вообще V век до н. э. был определяющим в истории древних цивилизаций (в Греции, скажем, это период классики), в том числе и Китая. Многие процессы пошли по-новому.

В эпоху Чжоу возникли две удивительные философские и морально-этические системы, которые, собственно, *определили менталитет, психологию китайской нации,* да что говорить — *ее сформировали.*

Система *Конфуция* связана с достаточно мощной уже тогда городской культурой.

Городская культура — искусственная, независимая от природы, техногенная. Она динамична, активна, в принципе человек в ней более свободен, но только теоретически. На самом деле механическая сложность, противоречивость город-

ской цивилизации не оставляет для личности настоящей внутренней свободы и возможности жить духовной жизнью. Конфуций уже тогда это ощутил. Потому он разработал методику *воспитания человека в условиях города*, но такого человека, который в сельской культуре, связанной с природой и ее циклами, получался как бы *сам собой*. То есть Конфуций (в Китае его называют учитель Кун) стремился соединить в сущности несоединимое: элитарную городскую культуру и патриархальные отношения людей. Для этого он определил два пути — учебу и любовь.

Главное в учении мудреца — глубокое уважение к прошлому, культ предков, почитание семейных, национальных традиций, ритуалов, обрядов; живая постоянная связь с народной культурой.

Отсюда — *консерватизм, традиция*, поставленные им в основу всего жизненного уклада. Как раз консерватизм оказался фундаментом исключительной устойчивости, жизнестойкости Китая. Вместе с тем Конфуций обращал внимание на необходимость постоянной *учебы*. Патриархальные нормы жизни у него освещены интеллектом, научно объяснены, систематизированы, сформулированы так, чтобы их можно было легко передать в тексте, то есть учить им. От Конфуция в Китае — чрезвычайное почитание образования, и в частности, филологической науки.

Кроме того, следуя заветам Конфуция, китайцы никогда *не отбрасывают* предыдущих этапов своей истории, тем более не оплевывают их, как мы — наш советский период. У них *Мао Цзэдун*, совершивший не меньше ошибок, чем Сталин, но гораздо меньше, чем последний, великих дел, лежит, глубоко уважаемый, в мавзолее на центральной площади Пекина. В Китае полагают: на 30 % Мао был неправ, на 70 % — прав, значит, заслужил почитания, буквально обожествления: он создал Китайскую Народную Республику.

Забвение отцовских традиций погубило не один этнос. Народы, не сумевшие сохранить свою самобытность, исчезли из истории, развеялись, как дым, даже имени своего не оставив. А вот Китай побеждал и своих победителей, преобразуя их в себя. Во многом потому, что религиозные воззрения, вся культура основывается здесь исключительно на *почитании предков*. Думаю, что и календарные животные года, какая-нибудь обезьяна или заяц, — *тотемы* самых крупных этносов, а значит, предков.

Великий философ Конфуций заложил основы воспитания, которые и сегодня используются в Китае, Японии, других странах Дальнего Востока. Его главный трактат «*Лунь юй*» дети учат наизусть в начальной школе Китая. Поначалу детки ничего не понимают, но заученное остается, глубоко укореняется в подсознании и постоянно всплывает на всем жизненном пути человека, определяя его поступки и устремления.

Еще один, кроме следования традициям и одновременной учебы, важный постулат конфуцианства — человеколюбие как основа отношений между людьми. Высшая модель общества — *семья*. Она — основа всего. В Китае говорят: «Порядочным человеком нужно быть, прежде всего, потому, что иначе семье будет плохо». Причем семья и государство должны существовать на основе *одинаковых законов*. Назначать на высокие должности, считал Конфуций, можно только тех людей, у которых благополучные семьи. Семья — школа морали и культуры.

В конце XX ст. в Китае начали жестко ограничивать количество детей, и все же семья оставалась главной ценностью общества. В стране настолько чтят семью, род, что до нашего времени известны потомки Конфуция в восьмидесятом поколении, сохраняется его дом, могила.

Вот пример метода воспитания по Конфуцию. Мудрец учредил песенный канон «Шицзин»: он собрал по стране песни, оценил их, выделил лучшие и сделал как бы обязательными для каждой семьи. Собственно, так в Древней Греции философами были собраны и классифицированы мифы. Песни Конфуций рас-

сматривал как главный инструмент сохранения культурной памяти народа. Когда в XIII в. Китай завоевали монголы, во все театральные постановки бродячие артисты обязательно включали строки из «Книги песен» Конфуция, которые, в свою очередь, повествовали о еще более древних временах. Так театр (говоря обобщенно — культура) помогал помнить великую историю Китая. А теперь подумаем: сколько народных песен и прекрасных музыкальных произведений советского времени знает наша молодежь?

Конфуций родился в 551 году до н. э. и прожил 70 лет, в основном в царстве Лу. Много путешествовал. Его взгляды изложены в книге «Лунь юй» («Суждения и беседы»). Главный герой произведения — сам Конфуций. Содержание книги составляют его диалоги с учениками, его высказывания, описание его жизни, вплоть до житейских мелочей: как он говорил, как ел, как спал. Такая манера изложения определена привычкой китайцев видеть в бытовом, низменном нечто значительное и символичное.

Тема трактата «Лунь юй» — идеальное общество. Путь к нему — через улучшение самого человека (об этом же намного позже говорили другие мудрецы — Лев Толстой, Махатма Ганди). А как улучшить человека? Через образование, развитие интеллекта и моральную культуру. Революции и вообще активные действия решительно осуждались всеми этими великими деятелями.

Мудрость в том, — учил Конфуций, — чтобы не потерять ни капли опыта предков, ни одного народного обычая. И китайцы шли по пути Конфуция. В своей философии он уловил некую очень важную *метапрограмму Природы и стремился построить общество по ее законам*. Конфуций, и в самом деле, самый лучший педагог в истории человечества. Основа его педагогики — традиционность, но в условиях городской, элитарной культуры. Сам философ говорил: «Тот, кто, обращаясь к старому, способен открывать новое, достоин быть учителем». Учение Конфуция — основа национальной системы морали.

Западные рационалисты на протяжении столетий потешались над Конфуцием. Однако в конце XX века выяснилось, что конфуцианство — чрезвычайно эффективная система. Еще столетие назад китайская, японская, корейская державы приводили европейцев в шок своим консерватизмом, патриархальщиной, а сегодня восточные страны демонстрируют удивительный динамизм. Конфуцианство — не догма, но им руководствуются в практической жизни. Например, японские фирмы и организации строятся по принципу большой семьи — в структуре, в отношениях между людьми, в почитании сотрудниками руководителя как отца. Экономические успехи Китая и стран, основанных на китайской культуре, — Японии, Кореи, Тайваня, Сингапура, Малайзии, — дают основание говорить об эффективности «конфуцианского социализма».

Таким образом, за пять веков до Христа в мире появилось несколько великих *пророков*: Зороастр, Будда, Конфуций. Но в Китае был еще один — *Лао-Цзы* (579—499 гг. до н. э.), старший современник Конфуция. Лао-Цзы стал основоположником другой философской системы, принципиально основанной на ценностях только *сельской культуры*, — *даосизма*.

Лао-Цзы происходил из царства Чу. Он был хранителем государственного архива, куда к нему приезжал советоваться сам Конфуций. Наблюдая упадок государства, Лао размышлял о законах космической иерархии, где все взаимосвязано и постоянно движется по кругу. Небольшой, всего в пять тысяч слов, трактат Лао-Цзы под названием «*Дао дэ цзин*» («Книга пути и истины») считается вершиной философской мысли Китая. Эта удивительная книга по количеству комментариев и цитат стоит вровень с произведениями Гомера и Шекспира. Сам же Лао-Цзы, как и царевич Гаутама (Будда), был, в конце концов, обожествлен. Его обычно изображают в виде милого улыбчивого старичка верхом на буйволе.

В учении Лао-Цзы слово «дао» означает «путь» — путь мудрости. Даосы считают, что, достигая мудрости, человек возвращается к своему началу. Так

мы сегодня возвращаемся к Христу как Первоначалу всего. У китайцев же возвращение к истокам означало неподвижность: ничего не нужно делать и даже говорить, молчать — высшая мудрость. Сущность даосизма — самоуглубление, созерцание, саморазвитие своих природных начал.

Кроме того, мудрый человек никогда ни с кем не спорит. Спором в традиционном Китае пренебрегают. Спор — проявление бестактности, бескультурья. Грубые воинственные мужланы Античного Рима придумали, что в споре рождается истина, а в Китае полагают, что спор порождает только непринятие другого человека, и более ничего. К истине, считают даосы, каждый человек приходит самостоятельно. И скажу от себя: чем дольше живешь, тем больше в этом убеждаешься. Лао-Цзы говорил: «Мудрец избегает всякой крайности». Тоже разумно.

Но первопричина молчания и отрицания споров та, что знания-то даются априорно. Если человек не суетится, а живет созерцательно, *истинные* знания к нему как бы возвращаются. Впрочем, это такие знания, которые невозможно осмыслить и выразить в слове. Мудрецы их ощущали, но адекватно передать не могли, потому Конфуций говорил с учениками только о том, что доступно и разумно с обыденной точки зрения.

Еще один важный постулат даосизма: мудрый человек делает добро и не придает этому значения. Тому же учил и Христос: делать добро нужно не по принуждению, а потому что *иначе не можешь*.

Дао — путь, по которому движутся и космические объекты, и жизнь конкретного человека. Никто не может сойти со своего пути (у нас есть подобное понятие — судьба). Все несчастья человека происходят как раз от стремления бороться с судьбой (как поступал Эдип у Софокла). Поэтому задача личности — понять свое индивидуальное дао (в сущности, понять самого себя), а задача властителя — повести народ по правильному пути. Дао во многом синоним не только судьбы человека, но и законов природы. Собственно, это понятие, видимо, означает гармонию Космоса. Поэтому даосы занимались и разработкой вопросов морали, и натурфилософскими идеями. Из 27 великих ученых Древнего Китая 25 были даосами.

Мудрость даосизма основывалась на старых философских категориях Китая — понятиях *инь* и *ян*. Инь — начало женское, стихийное, пассивное, интуитивное, подсознательное, природное. Ян — начало мужское, сознательное, активное, основанное на знаниях, опыте, коммуникации. Высшая гармония — равноправие этих начал. Их нельзя рассматривать как минус и плюс. Она равно необходимы в системе мироздания.

Самое известное в Европе из философии даосизма — «Дао любви» и техника рукопашного боя.

В трактате о любви прекраснейшее человеческое чувство рассматривается как самое удивительное чудо на свете. Любовь — высшая гармония, соединение инь и ян. И ребенок, рожденный в любви, — также чудо из чудес. Поэтому даосизм подходит к каждому ребенку индивидуально. Если конфуцианство требует исполнения строгих правил и норм, правда, основанных на традиции, то даосизм не подавляет личности ребенка: чего требует природа, то пусть и будет. В годы моей юности было модным «воспитание по доктору Споку». Но американец Спок буквально все списал у даосов.

Конфуцианство основано на принципах, законах, правилах, постоянной напряженной учебе, а в основе даосизма — полное раскрепощение (только так проявится дао), бездействие, отрицание условностей, ритуалов, даже слов. Любопытно, что в Японии, очень многое позаимствовавшей у Китая, мальчиков до 6 лет воспитывают согласно даосизму — позволяют им исключительно все и никогда ни за что не наказывают. Но как только ребенок пошел в школу, свобода заканчивается — начинается воспитание по Конфуцию. В результате японцы — чуть ли не самый законопослушный народ в мире. В то же время народ *творче-*

ский, так как в первые, наиболее важные годы жизни, личность не подавлялась. Правда, и китайцы, корейцы — также чрезвычайно законопослушные граждане. Это результат конфуцианской морали.

Каждый пристойный интеллигент или чиновник в Китае издавна двоеверец (как и наш белорусский крестьянин — полуязычник-полухристианин): на работе он руководствуется законами Конфуция, а дома — дао. Для китайца жизнь согласно двум доктринам абсолютно нормальна — только такое существование гармонично.

Китайская монашеская культура (Шаолинь) на основе философии даосизма разработала совершенные и непонятные для европейских мозгов принципы защиты без оружия. Они совершенны не только по технике, но и по духовному потенциалу. И самые древние у-шу, и многие более поздние направления восточной борьбы скрывают тайны, непостижимые для белого человека. Спорт западных людей освоил только две первые степени единоборств: физические тренировки и степень слияния тела человека с его духом. А есть еще степень слияния физических и духовных сил человека с силами Космоса.

Система у-шу создавалась и в процессе мистического единения с миром животных. По-моему, *этим системам — десятки, если не сотни тысяч лет (!)*: возникли они в Гиперборее или в Лемурии. Позднее все достижения были приписаны даосам, как и вправду людям очень мудрым. Так, легенда утверждает, что однажды даосский монах Чжан Саньфэн наблюдал поединок журавля с огромной змеей и на основании их движений разработал первую систему борьбы. Действительно, из наблюдений над животными родились основные, мягкие, стили у-шу: обезьяны, змеи, журавля, богомола, тигра. Даосы освоили (или, скорее, восприняли от прежней суперцивилизации) *метапрограммы* движений отдельных животных, как бы глубинную логику их поведения. То, что мы, европейцы, не понимаем. Это — высшая мудрость, сверхзнание.

Кроме того, даосы высших мистических посвящений могли летать, ходить по воде, мгновенно перемещаться в пространстве. Они полагали, что мир природы безграничен и *в принципе* человек может его понять и освоить. Отсюда я делаю вывод, что *допотопная цивилизация была биологической*, а не технической, — развивала прежде всего способности самого человека. Впрочем, в предыдущем эссе я рассказывала о поразительном оружии и летательных аппаратах Индии, то есть как раз удивительной *технике.*

Таким образом, в V веке до н. э. в Китае оформились две великие философские системы. Позднее к ним присоединился еще и буддизм. Правда, с XVII века даосизм во многом слился с буддизмом. Для непосвященного человека даосские храмы мало чем отличаются от буддистских. Рядом с даосскими святыми можно увидеть и Будду, и бодхисатв, и конфуцианских мудрецов. В Китае с уважением относятся ко всем богам, и здесь абсолютно нет религиозного фанатизма. Зато широко распространены суеверия и верования, происходящие от язычества. Современные китайцы верят и в оборотней, и в привидения, и в злых духов. Даже в архитектурных формах проявляется страх перед враждебными силами, отсюда — различные обереги: вход в виде круга (потому что нечисть любит прямые углы, но не любит закруглений), хранители-животные и колокольчики на крышах.

Как и в других странах, в Китае определяющим был V век до н. э. — эпоха глубоких изменений. Блестящий период бронзы сменился веком железа. Железные орудия труда позволили освоить новые площади. Интенсивно развивалось сельское хозяйство. Создавались гидротехнические сооружения в бассейнах рек Хуанхэ и Янцзы. Общеизвестно, что высокоразвитое сельское хозяйство всегда приводило к росту городов, а значит, и к развитию культуры. Высшим воплощением этой богатой культуры стали две религиозно-философские, морально-этические системы, созданные Конфуцием и Лао-Цзы.

Первая империя

Таким образом, в VI—V вв. до н. э. сформировались важнейшие философско-религиозные и этические учения Китая — конфуцианство и даосизм, установились каноны в науке и искусстве.

Второй определяющий период в истории Китая — III век до н. э., когда образовалась огромная империя Цинь. Один из властелинов княжества Цинь — *Цинь Шихуан* (259—210 гг. до н. э.) захватил шесть соседних княжеств и объединил их в огромную державу, а сам стал называться уже не «ваном» (князем), а «ди» (императором). Цинь Шихуанди, пожалуй, самый известный в стране царь. Видимо, его деятельность отражала дао страны, ее путь в истории.

Во время правления Циня были упорядочены система мер и весов, денежные единицы, календарь и письмо, по всей империи строились ирригационные каналы, дамбы, дороги. Именно Цинь положил *начало государственному строительству*, определил *нормы*, по которым империя существовала с 221 года до н. э. и вплоть до 1912 года — это самый долгий политический режим в истории, несмотря на смены династий, даже и этнически чуждых.

Сделано было действительно очень много. В то же время Цинь прославился как один из наиболее жестоких правителей в истории человечества. Многими своими чертами он похож на Чингисхана. Всех несогласных с ним император карал с невероятной жестокостью. Именно он, задолго до Гитлера и нынешних украинских бандеровцев, приказал сжечь все книги, кроме книг по медицине, сельскому хозяйству, астрономии и магии. При нем было уничтожено феноменальное интеллектуальное богатство Древнего Китая. Кстати, в ту же эпоху в Индии другой знаменитый император — *Ашока* — также засекретил научные знания, создал секту «Девяти Неизвестных», но книги он все же не жег. В Китае одновременно с сожжением рукописей были закопаны в землю 460 конфуцианских ученых, выступавших в оппозиции к тирану. В стране вообще царил террор. Тысячи людей — военнопленных или осужденных — превратились в рабов и использовались на строительстве дорог, каналов, городов, а также защитного вала, который превзошел по своим масштабам все созданное когда-либо человечеством.

Еще раньше отдельные китайские княжества возводили оборонительные стены, защищаясь от нашествия кочевников с севера. Цинь соединил, вытянул в одну линию все построенные участки, поэтому он считается строителем *Великой Китайской стены* — не только огромного, уникального по своим размерам фортификационного сооружения, но и реального, конкретного символа могущества циньской империи. Стена тянулась вверх и вниз по горам, шла через пустыни и болота. С ее смотровых башен при помощи дымовых сигналов можно было распространить информацию по всей стране с необыкновенной для того времени скоростью.

Считается, что в строительстве принимали участие 300 000 человек (в разных источниках приводятся разные цифры). Один из магов предсказал Циню, что стена будет закончена только тогда, когда в ней похоронят 10 000 человек. Действительно, многие тысячи людей, умершие во время строительства, были замурованы в стене. По-моему, это не что иное, как «строительная жертва» — приношение в жертву человека в начале или в процессе строительства какого-то сооружения (позже в качестве жертвы использовали животных, птиц, кукол, деньги и т. д.). Строительные жертвы существовали практически у всех древних народов: чем более значимое сооружение, тем более дорогая, ценная или большая количественно должна быть жертва. Скажем, при закладке Рима один брат Ромул убивает второго — Рема. Правда, главная башня в стене славянского города называлась *детинец* не потому, что в жертву *локусу места* приносилось дитя, как принято думать, а потому, что в крепости жили «дети Божия».

Данные о протяженности китайской стены разные в разных изданиях: от 4000 до 6000 километров (сейчас, учитывая ответвления, называют и 20 000 км). В 1990 году один любознательный китайский турист будто бы прошел по всей стене и определил ее длину в 6700 километров. По стене и вправду можно ходить. Ее ширина — 5,5 метра. Высота даже и сегодня достигает 9 метров — без учета того, что она сама часто карабкается по горам. Стена восхищает своей грандиозностью всех тех, кто ее видел. Не удивительно, что если мы хотим подчеркнуть феноменальную величину чего-нибудь созданного руками человека, то вспоминаем Великую Китайскую стену.

Белорусские туристы и журналисты свидетельствуют, что сегодня за 30 юаней на стене можно получить шуточный сертификат с печатью и рисунком дракона. Надпись гласит: «Я завоевал Великую Китайскую стену». Рядом — фамилия и дата. На самом деле взять приступом стену было сложно даже армии. Впрочем, от постоянных набегов кочевников с севера она все же не уберегала.

А в наше время назначение стены как фортификационного сооружения вообще оспаривается многими зарубежными исследователями. Сейчас считается, что стену построили люди предыдущей цивилизации — те самые «Сыновья Неба», может, Хуанди, который был якобы родом из созвездия Льва. (На самом деле, по-моему, это метафора, а «Сыны Неба», то есть гиперборейцы, могли летать, потому так и назывались.)

Российский специалист В. И. Коробейников, проектирующий систему связи для космического корабля многоразового использования «Буран», полагает, что Великая Китайская стена и египетские пирамиды представляли собой единую радиосистему. Я уже писала об удивительной 30-й параллели, на которой располагаются многие уникальные объекты. Это своеобразный экватор Северного полушария Земли. Стена построена как раз на этой параллели.

У нашей планеты есть собственный электрический заряд. Под стеной он делится поровну в сторону севера и юга. Есть у Земли и собственная электромагнитная волна в Галактике. Если пропускать по стене электрический сигнал, будет перераспределение заряда между севером и югом. Одновременно, как полагает В. И. Коробейников, изменение знака и напряженности заряда Земли меняет структуру ее волны, излучаемой в Космос. «Это принцип пока неизвестных в науке трансцендентных (запредельных) систем мгновенной связи, — говорит инженер. — Но откуда об этом знали до нашей эры, если сейчас теоретическая термодинамика только подошла к пониманию таких вещей?» Египетские же пирамиды играли роль антенн-резонаторов и принимали информацию из Космоса, «работая» на разности длин волн Земли и галактических волн. Вот почему пирамиды строились с такой геофизической точностью относительно оси Земли.

Сейчас, конечно, древний комплекс не работает. Но если теория о Великой Китайской стене и пирамидах будет доказана, может быть, систему восстановят, и земляне узнают, какая информация гуляет по космическому эфиру. Такая гипотеза была выдвинута еще в 1980 году в Вене на международной конференции по проблемам дальней космической связи. Но тогда эта теория не пошла далее научного сообщества. Сейчас о ней говорят повсеместно.

Благодаря строительству стены Цинь навсегда вошел в историю. В этом смысле его имя бессмертно. В то же время его, как, впрочем, многих из царей, безумно волновало настоящее бессмертие. Император решил жить вечно и для этого не жалел не усилий, ни затрат. Он беседовал с мудрецами, изучал древние книги. В одной из них Цинь вычитал о таинственных островах в океане, на которых люди живут вечно, так как там есть источник бессмертия (в белорусских сказках — живая вода). Все живые существа на этих удивительных островах, даже животные и птицы, — белого цвета. Цинь решил отыскать необычные острова. (Их описание напоминает волшебное Беловодье из русских преданий, а на самом деле это Гиперборея, уже занесенная снегом.)

Цинь приказал построить 20 кораблей и на них отправил 3000 юношей и девушек с тайной миссией искать необычную страну. Он ждал возвращения посланцев, в верности которых не сомневался, месяцы и годы — флотилия так и не вернулась. Китайский летописец решил, что путешественники нашли богатые, плодородные острова да там и остались. Сегодняшние историки полагают, что это была Япония.

Удрученный Цинь начал поиски других путей бессмертия. Он приказал собрать в своем дворце даосских монахов, прославившихся знанием о каком-то особенном лекарстве, дающем вечную молодость. Сведения об этих волшебных пилюлях дошли даже до нашего времени, но ни в одном из *известных науке* текстов не приводится рецепт необычного эликсира. Во дворце императора монахи как раз трудились над восстановлением рецепта. Впрочем, и сам Цинь считался очень ученым человеком. А как бы иначе за полтора десятка лет он создал огромную централизованную державу? При помощи специальных зеркал он якобы наблюдал за планетами Солнечной системы. И если это действительно он построил Великую Китайскую стену, то спроектировал ее на основе изумительно точных расчетов.

Когда же Цинь-гений внезапно умер — еще совсем не старым, его приближенные продолжали считать императора живым. Тело правителя сидело за ширмой на троне и многие дни молча принимало наместников провинций и дипломатов. Только через месяц, преодолевая страх и сомнения, слуги царя решили его похоронить.

Могила Циня также оказалась необыкновенной. Она строилась еще при его жизни — царь полагал, что и с того света будет руководить подданными. Гробница императора в окрестностях Сианя была открыта только в 1974 году. Это, безусловно, ошеломляющее археологическое открытие, равное по научной значимости раскопанной в 1922 году гробнице фараона Тутанхамона.

Некрополь Циня впечатляет прежде всего своими размерами: всего 56 кв. км, но еще далеко не все открыто. Под огромным полем пряталась целая армия глиняных воинов в рост человека — их оказалось 8000. Между ними в глубоких рвах размещались еще и колесницы с лошадьми — также вылепленные в натуральную величину, на деревянной основе. Оружие у воинов было настоящее. Терракотовая армия провожала Циня в его последний путь, но также служила ему в ином мире. Все хорошо сохранилось, так как про этот огромный котлован размером с футбольное поле позабыли средневековые летописцы, не знали о нем и грабители.

Смысл создания такой большой армии таится, безусловно, в верованиях древнего общества. Всех правителей Европы и Азии — от Японии до Англии — сопровождали в потусторонний мир жены, рабы и воины. Их убивали вместе с хозяином, чтобы они ему прислуживали на том свете. В гробнице Циня люди заменены их символическими изображениями, глиняными имитациями. Особенно любопытно то, что каждая скульптура лепилась с конкретного человека.

Исследователи не знают, когда создавалось подземное войско: при жизни императора или после его смерти. Возможно, его потому и не хоронили, что было необходимо время для подготовки такого колоссального количества скульптур. Правда, в последние годы во время археологических раскопок открыты и реальные жертвы. Рядом с полем — большая искусственная гора, очень похожая на арийские курганы в Украине и Беларуси. Под горой — гробницы тысяч слуг и жен. Более того: раскопали могилы, где похоронены редкие животные и птицы. Это доказательство правдивости древних историков, писавших о созданном Цинем чрезвычайно богатом зоопарке.

Мавзолей самого императора пока не найден. Впрочем, китайцы, скорее всего, знают, где он, но заявляют, что религия не позволяет им кощунственно касаться древних захоронений. А еще одна причина та, что, по летописи, гробница императора заполнена ртутью, и современные исследования действительно показали наличие ртути в почве одного из курганов. А пары ртути, как известно, чрезвычайно ядовиты.

Летописец Сым Цянь, живший полтора века спустя после смерти Циня, описал главный зал огромного мавзолея, который представляет собой миниатюрную модель всей империи, с морем-океаном, омывающим ее, с сотнями рек, заполненных ртутью. Потолок зала будто бы усыпан крупными драгоценными камнями, имитирующими небесные светила.

В наше время над глиняной армией Циня возведена огромная стеклянная крыша — как над вокзалом. Сегодня гробница императора — такой же суперпопулярный туристический объект, как и Великая Китайская стена. Оба сооружения — свидетельство феноменальной работоспособности и талантливости китайского народа. Раскопки и исследования продолжаются, и растянутся, видимо, еще на долгие десятилетия, если не на столетия.

Золотой век Китая

После смерти Циня в стране начались восстания. Один из предводителей народного восстания Лю Бан сумел сговориться с аристократами и был провозглашен императором. Он положил начало новой династии *Хань* (202 год до н. э.).

Время первой империи Цинь совсем невелико — всего, учитывая период становления, лет пятнадцать, но она заложила прочную основу для империи Хань. Новая империя — одна из наиболее значимых держав в истории человечества. Она просуществовала до 220 года, то есть более 400 лет — почти столько же, сколько и Римская империя.

До нашего времени китайцы называют себя «хань» — этническим самоназванием, сохранившимся с тех времен, а слово «китаец» никогда не употребляют. Есть версия, что привычное для нас название произошло от племени *киданей*, когда-то живших во Внутренней Монголии и на территории собственно Китая. Русские казаки, контактировавшие с киданями в процессе завоевания Сибири и Дальнего Востока, восприняли это понятие.

Для культурного развития Китая и всей Восточной Азии Цинь-Ханьская эпоха имела такое же значение, как и эпоха Античности для Европы. Древнекитайская культура заложила основы традиций, сохранившихся на протяжении всей многовековой истории Китая — вплоть до нашего времени.

Ханьские императоры вели активную захватническую политику, но главное, они общались со всем тогдашним миром, в частности, начали торговать с западными странами, с той самой Римской империей. Был открыт *Великий шелковый путь* — самая известная в истории и самая протяженная международная трансконтинентальная трасса в 7000 километров — до Средиземного моря. Движение по этой трассе было такое же интенсивное, как сегодня на шоссе Брест—Минск: в начале одного каравана видели «хвост» другого. Значение Великого шелкового пути для развития Евразии трудно переоценить.

Из империи Хань на Запад вывозили бронзу и железо (по-прежнему лучшие в мире), драгоценные металлы и лаковые изделия, уникальные по своему качеству. Но основным предметом экспорта был *шелк*, который в то время производили только в Китае и технология изготовления которого была самым главным государственным секретом. Говорят, что коконы шелковичных гусениц вынесли за границы государства купцы в дорожных посохах. Согласно другой версии, их пронесла в своей замысловатой прическе китайская принцесса, выданная замуж за правителя соседнего государства. Но что из этого? Важно было знать технологию производства материи, но ни купцы, ни принцесса ее не знали. Правда, у китайцев в VIII веке секрет украли (под видом обучения) хитрые японцы, и Япония стала второй страной в мире, производящей натуральный шелк, но все равно китайский и сегодня — лучший.

Медики говорят, что шелковое белье — наиболее полезно и приятно для тела. (Мы могли бы, однако, назвать в качестве мощного конкурента шелку наш

белорусский лен.) В ту далекую эпоху шелк ценился дороже золота и считался в Римской империи самым желанным приобретением, подарком, изысканной роскошью, особенно для женщин. Здесь несколько причин. Во-первых, бесспорная красота ткани. Во-вторых, в шелковой одежде не бывает жарко, что важно на юге Европы. В-третьих, у тех, кто носит шелк, не заводятся вши и прочие паразиты. Шелковые нити ценились и нашими белорусскими вышивальщицами, так как изделия с ними, например, слуцкие пояса (говорят, впрочем, что их ткали мужчины), получались особенно яркими и долговечными.

Самое известное мифологическое существо в Китае — дракон. Его любят, чтят, его изображения встречаются повсюду. «Драконами» можно назвать на севере Великую Китайскую стену, на юге — Великий шелковый путь. Один «дракон» отделял страну от остального мира, другой — «вывел ее в свет».

Кстати, Великий шелковый путь содействовал бурному развитию многих других государств: около станций отдыха караванов возникали поселения, которые постепенно превращались в большие города. Некоторые страны, по территории которых проходил торговый путь (например, Парфия—Персия), просто жили за счет торговцев, взимая с них налоги как посредники: 25 % стоимости товаров каждого каравана шли стране-паразиту. Невольно позавидуешь, помня о географическом положении Беларуси, но мы-то чрезвычайно скромны.

Колоссальный удар по трассе, а значит, по экономике всей Азии, нанесло нашествие арабов-мусульман в VII веке. Трасса вынуждена была повернуть далеко на север, обходя Каспийское и Черное моря. Она функционировала еще несколько столетий. Тогда страной-посредницей стала Хазария в бассейне нижней Волги.

В эпоху Хань произошло несколько выдающихся, исключительно важных для культуры человечества технических открытий. Прежде всего, это изобретение бумаги. Еще задолго до нашей эры китайцы изготавливали ее из отходов шелкового производства, но шелковая бумага очень дорогая и не могла широко использоваться. Тем не менее в Китае, Японии, на Тайване и сегодня существует несколько мастерских по изготовлению шелковой бумаги. Но пишут на ней только государственные документы, поздравления и послания в другие страны.

Настоящим революционным открытием, имевшим колоссальное значение для всей культуры человечества, было изобретение *дешевой бумаги* из волокон древесины. Производство бумаги и туши создало условия для развития техники эстампов, а позже и для возникновения печатной книги. *Книгопечатание* появилось именно в Китае! Первые книги начали печатать еще во II веке, но это были единичные экземпляры. Уже в VIII веке возникли крупные мастерские. Вспомним, что в Европе печатанием книг занялся Иоганн Гутенберг лишь в XV веке. Сама идея, безусловно, принесена из Китая.

Бумага и тушь содействовали усовершенствованию китайского письма. В ханьский период появился стандартный стиль, который во многом сохранился до сегодняшнего дня. Вместе с иероглифами он был заимствован вьетнамцами, корейцами, японцами и повлиял на культурное развитие этих народов.

Китайская традиционная *наука* складывалась в основном как *гуманитарная*, и это естественно, если учесть национальную культуру письма и то высокое значение, которое придавалось образованию благодаря конфуцианской идеологии.

В ханьскую эпоху собирали философские трактаты ученых предыдущих эпох. Их осмысливали и объясняли. Китайская *филология* родилась как наука разъяснения классических текстов. Ханьским ученым приходилось специально изучать значения слов в разные исторические периоды и давать комментарии к различным произведениям. Тогда же были составлены первые словари.

Нам даже трудно представить, на каком высоком уровне находилась китайская филология той далекой эпохи! Вообще гуманитаризация жизни была исключительной. Чтобы получить государственную должность, каждый чиновник

писал сочинение. Чем более высокая должность, тем труднее предлагались тема и форма изложения.

Изучение *истории,* своей и соседних стран, здесь началось с ранних времен. В I веке до н. э. ученый Сым Цянь создал оригинальное по замыслу и структуре историческое произведение в 130 томах. В дальнейшем на протяжении столетий по образцу этого летописного свода писались другие исторические труды. Энциклопедия Сым Цяня — единственный источник и по истории соседних с Китаем стран. Прекрасный стилист, Сым Цянь ярко, образно, лаконично давал описания политики, экономики, быта и нравов разных народов. Кроме того, он первым создал жанр литературного портрета, что позволяет считать его не только академическим ученым, но и прекрасным писателем.

Среди писателей безусловным классиком эпохи Хань считается Сым Сянжу, который воспевал могущество империи и величие императора. Писал он в основном оды, но его творчество имело своим источником фольклор народов Южного Китая. Кстати, его жена также известна как поэтесса. Вообще в Китайской энциклопедии упомянуто 40 000 выдающихся поэтесс (!) на протяжении письменной истории страны.

Ханьский период был во многом высшим пиком научно-технических и художественных достижений Древнего Китая. На основе тысячелетних астрономических наблюдений был усовершенствован солнечно-лунный календарь. В 28 году до н. э. астрономы впервые отметили существование солнечных пятен, описали 2500 звезд, включив их в 320 созвездий (сегодня по международному соглашению звездное небо разделено на 88 созвездий), разработали теорию бесконечности Вселенной во времени и пространстве.

Напомню, что в китайских текстах описаны две грандиозные космические катастрофы: одна связана с изменением земной оси, а значит, смещением полюсов, вторая — с Всемирным Потопом, вызванным, видимо, падением астероида или подходом близко к Земле кометы. Китайские астрономы видели и звезду, которую называют Вифлеемской. Они составили небесный глобус. Выдающимся достижением было изобретение компаса и сейсмографа. Китайская наука *геомантика (фэн-шуй)* и сегодня обгоняет геофизику Запада на несколько столетий (!).

Ханьские математики знали десятичные дроби, впервые в истории стали использовать отрицательные числа, уточнили значение числа π.

Исключительных успехов достигла в Китае медицина. И сегодня китайские медики лучшие, например, в таком направлении, как иглоукалывание, притом они пользуются не электрошоком, а по-прежнему золотыми иголками. Такие же грандиозные достижения в пульсовой диагностике: было известно 400 видов пульса, что даже трудно представить. По пульсу определялась любая болезнь. Существовала теория профилактики болезней при помощи закаливания организма. Автор названной теории первым использовал наркоз во время операции. С той эпохи дошло 35 трактатов — в сущности, энциклопедий — по различным болезням. Исключительно богатой была фармакология: китайские медики использовали буквально тысячи лекарств животного, растительного и минерального происхождения. Позже, в X веке, опыт китайской медицины обобщил персидский ученый *Авиценна* и передал его европейским ученым в своем «Каноне врачебной науки».

Покрытие деревянных изделий лаком от гниения и порчи известно в Китае с XIII века до н. э. Технология выплавки чугуна существует здесь с IV века до н. э., технология выплавки стали — со II века до н. э. В V веке в Китае научились выплавлять чугун и сталь — это тот процесс, который в Европе Пьер Мартен разработал только в 1863 году. Фарфор (также лучший в мире) китайцы стали делать в I в.

Насос для подъема воды упоминается китайскими летописцами в I века до н. э. Природный газ для отопления и освещения используется здесь с IV века до н. э. Спички в Китае создали в VI веке, а в Европе — в XVI веке (шведские,

то есть современные, в XIX веке). Первые механические часы появились в Китае в VI веке Бумажные деньги здесь уже существовали в VIII веке.

Арбалет, веер, зонтик, порох, ракета, фейерверк, граната, воздушный змей, парашют, пропеллер, зубная щетка, туалетная бумага — все из Китая.

Причем даты появления тех или иных вещей и процессов во многом условны. Как в европейской исторической науке начало существования того или иного города считается по первому упоминанию его в летописи, хотя он, может, стоял до того столетиями, так и достижения Китая ведут отсчет лишь с момента упоминания их в хрониках. А поскольку в Ханьскую эпоху летописание находилось на чрезвычайно высоком уровне, то тогда-то и появились многие названия в текстах.

Указанные мною выше явные прорывы в технологиях, и это далеко не все, безусловно, достижения гораздо более *ранних* времен, скорее всего, доставшиеся китайцам от прежней суперцивилизации. Доказательством тому может быть то, что сами китайцы не всегда осознавали значение свалившихся на них несомненных богатств. Как и современные мещане, они обращали внимание на внешнюю красоту, броские мелочи, изящные безделушки, типа веера или садового фонарика, — на то, что украшало быт. Это заметно и сейчас в оформлении китайских городов, что, конечно, не может не восхищать. Если уличные фонари, то в виде розовых лотосов, если мусорные урны, то самых разных форм, с изваянными на них мифологическими животными.

Правда, быт простых людей пока скромен. Но их аскетизм вынужденный — результат ограбления Китая западными державами еще в XIX ст., от чего он не мог оправиться два века. Вся индустриализация Англии в XIX веке была проведена за деньги, вырученные от продажи индийского опиума китайским крестьянам.

В то же время древние китайцы, зная порох, использовали его для потехи — для фейерверков, а не для ведения войны. А ведь могли завоевать весь мир! Может, в таком (до времени) игнорировании доставшихся сокровищ и есть высшая мудрость Китая? Именно это было тайной мыслью Конфуция.

С другой стороны, нельзя отрицать, что китайцы — чрезвычайно любознательные люди, лучшие путешественники еще с глубокой древности — а иначе не был бы проложен Великий шелковый путь. Китайские пилигримы во II тыс. до н. э. подробно описали деревянные дворцы пришедших в Индию ариев. Те ведь строили по методам, вынесенным с прародины, но не учли климата — в тропиках деревянные сооружения быстро сгнивали. Таким образом, только на основе китайских скрупулезных описаний строятся сейчас модели древних арийских городов.

Я уже упоминала «Каталог гор и морей». Это вовсе не географическое описание реального Китая, а то ли мифологической, то ли неизвестной страны. Американские исследователи дотошно изучили упоминания всех особенностей рельефа непонятной местности и пришли к единодушному выводу, что в «Каталоге...» представлена Центральная Америка. Значит, Америку открыли еще во II тыс. до н. э. китайцы! В цивилизации ольмеков, предшественников ацтеков и майя, якобы находят *близкие параллели* с китайской культурой.

В V веке уже нашей эры, в эпоху Тан, буддистский монах Хуэйшань и еще пять его собратьев вновь поплыли через океан. Их рассказ записан. При удалении всяких сказочных наслоений он вполне реалистичен. Встретив племя майя, китайцы обучили его очень многим полезным вещам, в частности, календарю. Майя благодаря этой учебе создали высокую цивилизацию. Но когда Америку завоевывали испанцы, майя уже полностью деградировали — импульс, данный буддистами, иссяк, как за три тысячи лет до них иссяк и у ольмеков. Лишь китайская цивилизация, которой — только официально — пять тысячелетий, способна самообновляться!

Мне нравится эта остроумная идея *завоеванной китайцами*, причем неоднократно, Америки. Однако не со всеми новейшими гипотезами можно согласиться.

Во всяком случае, о них стоит размышлять. По-моему, в «Каталоге гор и морей» описана вовсе не Америка, а прародина белой и желтой рас — Гиперборея, или Лемурия, та земля, которая находится подо льдом либо на дне океана. В то же время путешествие Хуэйшаня в V веке оспаривать невозможно, то есть за тысячу лет до Колумба, за пятьсот до викингов китайцы цивилизовали Америку.

Современный Китай — чудо

Пусть Древний Китай не оценил (?) всех дарованных ему богатств, зато сейчас он, как, может, ни одна держава, использует новейшие технологии. Даже на уровне быта. Уже лет пятнадцать в метро Пекина стоят специальные автоматы по приему пустых пластиковых бутылок (за них дают 0,5 юаня). У нас в Минске раздельный сбор мусора не могут организовать до сих пор.

О чуде Китая, о его феноменально быстром развитии в последней четверти XX — начале XXI вв. можно писать бесконечно. Таки ж и пишут. Очень по-разному. Меня больше всего восхищает, как замечательно эта держава, заслуженно презирая так называемое «мировое сообщество», умеет *путать следы и напускать туману*, в чем, несомненно, можно видеть великую восточную мудрость.

Истинное количество населения Китая, я думаю, намного выше заявленного: видимо, уже больше 1,5 миллиарда. О настоящих размерах ВВП Китая также не знает никто, кроме самих китайцев, вернее, их руководителей. Полагают, сейчас это уже 2/3 мирового производства. Например, КНР производит чугуна в 1,5 раз больше, чем весь остальной мир, цемента — в 2 раза больше. Все это — для строительства. По уровню строительства Китай давно обогнал США — почти в 4 раза. Экономист Александр Анисимов пишет: «КНР опроверг сказку о том, что технологии могут развиваться якобы только в условиях демократии американского образца». Социалистический Китай доказал обратное!

При погоне за быстрой прибылью, что характерно для капитализма, невозможно финансировать длительные мегапроекты, предполагающие сопутствующее развитие суммы технологий. Вот почему в рыночных России и Беларуси, ориентированных на получение немедленной прибыли, сокращается финансирование фундаментальной науки. Она невыгодна с точки зрения текущего момента. А вот в КНР число ученых быстро растет, финансирование науки в 40 раз превышает российское! Да, в Китае тоже рыночная экономика, со всеми ее дикими противоречиями и безусловными пороками, неизбежным ростом коррупции. И все же бразды правления, общее планирование находится в руках государства, оно — ключевой организатор всех социально-политических и экономических процессов, оно, как пишет известный российский экономист Михаил Делягин, «единственный инструмент обеспечения развития и свободы». Потому Китай и богатеет.

Китай скупает буквально все по всему миру. Не только концерны и фирмы, газ и золото. Большинство исторически известных замков во Франции уже принадлежат Китаю!

С этой точки зрения меня все больше заставляют тревожно, но и восхищенно задуматься те стажеры-китайцы, которые приезжают к нам на факультет. Они тоже филологи, но литература их интересует во вторую очередь. А в первую — все же нечто материальное. Вот темы работ, по которым мне приходилось с китайскими магистрантами работать: архитектура (в основном замки, дворцы), парки, дворянские усадьбы, их быт, в целом дворянская культура, русское меценатство Серебряного века. Если я, составляя план той или иной работы стажера, какое-то направление не учла, китайский куратор по интернету требует от магистранта дополнений, а он, в свою очередь, их требует от меня. То есть, нужна полнота картины. Очень правильный подход. У многих стажеров хватает денег,

чтобы, по моим советам, посетить знаменитые замки Беларуси и русские усадьбы, исторически и культурно значимые города.

Древний китайский мудрец Сунь-цзы говорил: «*Знай себя, знай других — и ты будешь непобедим*». По-моему, это и есть современная молодежная политика Китая.

Существует анекдотическое выражение: «В какую бы страну ты ни приехал отдыхать, твои сувениры все равно будут из Китая». Это правда. Сувениры — товар штучный. И хотя в Китае их производство поставлено на поток и любая вещь, в сущности, штамповка, но поначалу ведь существует ее модель, праобраз. Так какой же умелой, говоря обобщенно, должна быть рука, чтобы делать то, что является национальным достоянием каждой страны?!

В то же время Китай — «мастерская мира» — по-прежнему производит уникальные вещи, которые всех поражают. Так, недавно в Книгу рекордов Гиннесса вошла самая длинная скульптура из цельного дерева. Четыре года китайский художник Чжэн Чуньху вырезал из ствола длиною в 12 м в мельчайших деталях здания, деревья, горы, реки, мосты и 550 человеческих фигурок. Скульптура изображает сцену, основанную на классической китайской картине «Вдоль реки во время фестиваля Циньмин».

В нашем сытом обществе, в котором полки магазинов завалены продуктами и товарами из разных стран, *не хватает энергии* на то, чтобы жить *полноценной* жизнью. Какая-то слабость во всем. У молодых — бескрылость, вялость, апатия. Причина — отсутствие целей. Не может же быть целью переезд на Запад, чтобы там так же тихо прозябать, жить растительной жизнью и деградировать вместе с этим пресловутым, явственно загнивающим Западом.

А у Китая цели есть. Потому города там полны жизни. Народ работает невероятно тяжело — рабочая неделя составляет 60 часов. Но и отдыхать умеют. В многочисленных парках по вечерам танцуют; на набережных и просто на улицах оттачивают у-шу, не тратя зря время даже на остановках транспорта; на скамейках играют в шахматы и маджонг. По-прежнему культивируется созерцание прекрасного — отсюда развитие туризма. Что поразительно, при дикой перенаселенности у людей удивительная тяга к коллективизму. Да, такой народ непобедим.

Кстати, и о своей обороне он заботится. Мне уже приходилось писать, что истинное количество ядерных боеголовок Китая совершенно неизвестно. Говорят о мизерном числе, а прорытие большего количества подземных тоннелей, строительство многочисленных баз якобы уловка Китая, чтобы попугать: на самом деле это макеты. Но серьезные аналитики называют цифру в 3000 боеголовок. Это превосходит ядерный арсенал России и США вместе взятых.

В Китае 11 атомных подлодок, 60 дизельных подлодок. Уж они-то — не макеты. На курортном острове Хайнань создан подводный док для атомных подводных лодок, а сейчас там строится космодром.

В Китае не хотят ядерной войны, но к ней готовы. Здесь большое количество совершенно пустых городов, построенных в недавнее время. Загадочное явление. Сейчас очень активно строятся бомбоубежища под настоящими городами.

Но это одно направление. Полагают, через десяток лет ядерное оружие не будем приоритетным. Уже сейчас разрабатываются новые виды вооружения. В том числе геофизическое, ионосферное. Многие бедствия Китая в последние десятилетия (наводнения, землетрясения) мне уже сейчас кажутся подозрительными. Однако не сомневаюсь, что тайно и как всегда эффективно ученые страны работают в этом направлении и найдут возможность защититься.

То же касается Космоса. В КНР подготовлена система для уничтожения спутников-шпионов — это самая лучшая противоспутниковая оборона в мире. Очень планомерно и достаточно долго китайцы ее развивали, сначала основываясь исключительно на советских наработках. Благодаря СССР и России Китай «перепрыгивал» через целые поколения в космической и военной технике. В результате сегодня есть только два участника космической гонки: Китай и весь

остальной мир. А кто победит в Космосе, тот победит и на Земле. США громко кричат о полете на Марс. Но это — маскировка, за которой скрывается забота о ближнем космосе. Именно здесь будут развиваться в XXI веке основные события. И в этой области Китай очень активизировался. Не сомневаюсь, что первые военные базы на Луне также будут китайскими.

Кибер-войну США, как видно в последнее время, несомненно проиграли Китаю. То есть завоевание Америки возобновилось...

Меня смущало лишь одно. Китай как «мастерская мира» может рухнуть, когда, после появления *объемной печати*, практически не будет нужен ручной труд, исчезнет промышленность да и сельское хозяйство. Чем тогда займет страна миллионы своих тружеников — действительно замечательных, возможно, лучших в мире? Но вот уже в январе 2015 года я прочла сообщение, что именно в Китае с помощью 3Д-принтера создан двухэтажный дом из самых бросовых материалов, в сущности из мусора. То есть в стране прекрасно понимают опасность безработицы, но делают огромные усилия по развитию самых современных технологий. Освободив благодаря им от тяжкого труда свое население, Китай найдет возможность занять его *духовной работой*, воистину творческой: погружением в красоту, в науку, волонтерство, учебу, воспитание детей (на каждого учителя — не более 2—3 учеников). Конфуций говорил: «Учиться и время от времени повторять и совершенствовать изученное — вот в чем радость!» В этом мне видится и смысл рассылки Китаем своих молодых людей по всему миру. Есть пока что познавать! И они — пример для нашей молодежи.

Западные аналитики считают, что к 2020 году Китай станет единственной супердержавой. Думаю, что он и сейчас — по устремлениям, по могучему порыву да и по достижениям — таковою является.

Продолжение следует.

ЭМАНУИЛ ИОФФЕ

Убийство Михоэлса

По заданию министра государственной безопасности СССР Абакумова, который в свою очередь выполнял приказ Сталина, Цанава принял активнейшее участие в подготовке покушения на выдающегося советского актера, режиссера и общественного деятеля, художественного руководителя Государственного еврейского театра, председателя Еврейского антифашистского комитета СССР, члена Комитета по Сталинским премиям в области искусства и литературы, члена художественного совета Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР, члена президиума Всероссийского театрального общества и Центрального комитета профессионального союза работников искусств, народного артиста СССР, лауреата Сталинской премии, национально-культурного лидера советского еврейства Соломона Михайловича Михоэлса, который в результате был убит на даче Цанавы.

В годы сталинских репрессий были уничтожены миллионы людей. Их судили ускоренным порядком и либо расстреливали, либо отправляли в лагеря, где они по большей части погибали. И только в нескольких случаях Сталин словно не решался действовать открыто, устраивал целое представление. «Вождь народов» маскировал политическое убийство под уголовное.

Именно так 12 января 1948 года в Минске был убит С. М. Михоэлс.

Великого артиста не арестовали, а убили, инсценировали наезд. Почему Михоэлса убрали таким сложным путем? Ведь он не имел никакого отношения к политике.

В конце 1947 года пересеклись нити двух «разработок» Министерства госбезопасности СССР, одна из которых была нацелена на Еврейский антифашистский комитет (ЕАК), который возглавлял Михоэлс, другая захватывала семью Аллилуевых — родственников жены Сталина. Сотрудники госбезопасности фабриковали очередное дело на одного из членов этой семьи — К. А. Аллилуеву. 16 декабря 1947 года она подписала протокол допроса, в котором утверждалось, что близкий знакомый ее семьи, старший научный сотрудник Института экономики Академии наук СССР И. И. Гольдштейн якобы враждебно настроен по отношению к советской власти и в беседах с ней высказывал клеветнические измышления на советскую действительность. Никаких других материалов, говорящих о том, что Гольдштейн занимался преступной деятельностью, не было. Тем не менее 19 декабря 1947 года он по ордеру, подписанному Абакумовым, был арестован. С первых дней ареста Гольдштейн подвергся интенсивному допросу. С 19 декабря 1947 года по 8 января 1948 года он находился на допросе в общей сложности 69 часов. Однако ни одного протокола допроса за это время составлено не было. Очевидно, желаемых результатов допросы не давали.

Первый протокол, подписанный Гольдштейном, датирован 9 января 1948 года, хотя в тот день, как видно из справки о вызове Гольдштейна на допросы, он к следователю не вызывался. Из этого протокола видно, что Гольдштейн признал себя виновным и показал, что в 1946 году его знакомый З. Г. Гринберг сообщил

ему о том, что ЕАК проводил антисоветскую националистическую работу, что всю эту работу возглавлял С. М. Михоэлс, который завязал широкие связи с еврейскими буржуазными националистами США и пользовался полной поддержкой у американских сионистов. Гринберг сообщил также, что Михоэлс и руководимый им Еврейский антифашистский комитет ставит перед собой задачу создания на территории СССР Еврейской республики, а для разрешения «еврейского вопроса» и пресечения антисемитизма в стране они намерены использовать брак Светланы Сталиной с Г. Морозовым, надеясь соответствующим образом обработать Морозова и через него информировать Сталина по «еврейскому вопросу».

С. М. Михоэлс.
11 января 1948 г., Минск.

В дело включились сотрудники МГБ СССР, которые занимались ЕАК. Их интерес объяснялся и тем, что в конце декабря 1947 года в американской печати были опубликованы материалы, касающиеся личной жизни Сталина. Вождь был разгневан. Госбезопасность получила задание срочно разыскать возможных информаторов. Взоры в первую очередь и были обращены на семью Аллилуевых. Но надо было выявить и тех, кто мог передать такую информацию. У следствия возникла версия, что это было сделано по каналам Еврейского антифашистского комитета с использованием тех широких связей, которые имелись у его членов с зарубежными общественными организациями, в том числе и в США.

После истязаний Гольдштейн подписал показания о шпионской деятельности Михоэлса и о том, что тот проявляет повышенный интерес к личной жизни главы советского правительства в Кремле. 10 января 1948 года этот сфальсифицированный протокол допроса был направлен Абакумовым Сталину. Немедленно последовало указание о «ликвидации» Михоэлса. Было доложено, что Михоэлс находится в Минске. Сталин дал указание именно в Минске и провести ликвидацию.

Один из руководителей советских органов госбезопасности генерал-лейтенант НКВД Павел Судоплатов писал:

«Холодная война» началась по-настоящему в 1946—1947 годах, когда исчезли иллюзии насчет нашего послевоенного сотрудничества с Западом. Союзнические отношения во время войны с Англией и Америкой обернулись конфронтацией... Руководству страны стало ясно, что полагаться на поддержку еврейских деловых кругов за рубежом и их инвестиции уже не приходится.

И первой жертвой смены курса стал Михоэлс, находившийся в самом центре дискуссий по созданию еврейской республики в Крыму.

Кроме того, к Сталину поступили оперативные материалы о том, что Михоэлс якобы стремится заручиться поддержкой его зятя Г. Морозова, чтобы обеспечить в советском руководстве выгодное ему решение по улучшению положения еврейского населения и развития еврейской культуры. МГБ также подозревало, что через связи Михоэлса с сионистскими организациями в Америке стали известны некоторые трагические события в жизни Аллилуевых, родственников Сталина. Сталин, вероятно, опасался, что большой лич-

ный авторитет Михоэлса может быть использован международным сионистским движением в своих целях. Михоэлс пользовался мировой известностью и, безусловно, был сильной, незаурядной личностью, поэтому в условиях тоталитарного режима того времени не могло быть и речи о применении к нему отработанной схемы ареста и расправы, прикрытой фиговым листком судебного разбирательства».

Российский историк профессор Наумов считает, что толчком послужили сообщения о личной жизни Сталина, появившиеся в американской печати.

Найти реальный источник информации МГБ было не под силу. И тогда в этом министерстве придумали вариант, который явно устроил Сталина: сведения о великом вожде распространяет семья Аллилуевых — родственники покойной жены Сталина, которых он не любил. Представителей этой семьи начали арестовывать одного за другим.

А как информация от Аллилуевых попала за границу? Через Еврейский антифашистский комитет. В МГБ составили досье: Михоэлс настойчиво интересуется жизнью Сталина.

Арестовали человека, близкого к Аллилуевым. А у него был знакомый, который бывал в Еврейском антифашистском комитете. Вот и преступная цепочка. А тут еще у Светланы Сталиной появился новый муж — Григорий Мороз (Морозов), который не нравился Сталину, потому что был евреем.

Судя по документам, в конце декабря 1947-го — первых числах января 1948 года Сталину представили справку о том, что мир узнает о его личной жизни через Михоэлса. Сталин рассвирепел и приказал уничтожить артиста.

По мнению писателя Александра Борщаговского, Михоэлсу уже давно была уготована роль главы антисоветского еврейского националистического центра, проводившего подрывную работу против Советского Союза по указаниям из США. А устранили Михоэлса потому, что министерство госбезопасности СССР и Абакумов боялись выводить Михоэлса на уже готовившийся процесс над еврейской интеллигенцией. Михоэлс не стал бы играть по указке следователей. Его характер и сила воли, мощь его личности сорвали бы процесс. Мертвый Михоэлс был удобнее...

Оценивая показания Абакумова о срочном приказе Сталина устранить Михоэлса, Борщаговский подчеркивает, что они скрывают реальную картину. Убийство Михоэлса было задумано не в один день, а готовилось долго и тщательно.

Российский историк Геннадий Костырченко отмечает:

«Все началось с сверхсекретного разговора, произошедшего 27 декабря 1947 г. в ходе встречи Сталина с вызванными в Кремль Абакумовым и его заместителем по МГБ С. И. Огольцовым. Анализ записей в журнале регистрации посетителей кремлевского кабинета вождя свидетельствует, что этот визит был не совсем обычным. Ведь предшествующие посещения Абакумовым главного кабинета страны были непродолжительными (от 5 до 25 минут) и проходили в присутствии соратников Сталина по Политбюро. А также некоторых министров и других высокопоставленных чиновников. Между тем, означенная беседа без посторонних (вследствие, наверняка, ее особой важности и конфиденциальности) длилась более одного часа: с 20.20 до 21.35.

В тот вечер руководители госбезопасности, по всей видимости, намеревались, ознакомив вождя с только что полученными, но пока что не оформленными в виде протокола «признаниями» Гольдштейна о «шпионской деятельности Михоэлса» и «повышенном интересе к личной жизни главы Советского правительства», получить от хозяина кабинета, во-первых, санкцию на арест оговоренного Гольдштейном Гринберга (что им удалось), и во-вторых, самое главное — указание по поводу дальнейших действий в отношении ставшего вдруг «опаснейшим преступником» Михоэлса. И это намерение также было реализовано. Подтверждение тому содержится в данном 18 марта 1953 г.

Берии письменном объяснении Огольцова, где о более чем пятилетней давности визите к Сталину сказано следующее: «Во время беседы <...> товарищем Сталиным была названа фамилия Михоэлса и в конце беседы было им дано указание Абакумову о необходимости проведения специального мероприятия в отношении Михоэлса и что для этой цели [следует] устроить автомобильную катастрофу...»

Так еврейскому артисту, по сути, был вынесен заочный смертный приговор, исполнение которого стало теперь «техническим» вопросом. Почему Сталин не приказал просто арестовать Михоэлса и не свел с ним счеты в подвалах Лубянки, а пошел на связанную с определенным риском спецоперацию по его устранению? Очевидно, как и в истории с похищением шведского дипломата Рауля Валленберга в 1945 году (был захвачен в Будапеште и тайно вывезен в Москву тем же Абакумовым), этот риск он счел оправданным, поскольку как в одном, так и в другом случае главным было избежать — во что бы то ни стало — крупных международных скандалов, коими они (эти случаи) были чреваты. Показательно, что когда министр госбезопасности Белоруссии Л. Ф. Цанава спросил у Огольцова о причине тайного устранения Михоэлса, последовал ответ: «На Михоэлса делают большую ставку американцы, но арестовывать его нецелесообразно, так как он широко известен за границей».

Получив от Сталина «заказ» на операцию», Абакумов сразу принялся его исполнять. Огольцов потом проговорился Цанаве, что первоначально «боевая группа МГБ СССР» предпринимала меры к убийству Михоэлса еще в Москве, но сделать это не удалось, так как Михоэлс ходил по Москве в окружении многих женщин».

Именно это обстоятельство, очевидно, навело позднее Абакумова на мысль избрать местом проведения спецоперации не шумную и многолюдную столицу, а отдаленную провинцию с еще не устоявшейся после военного лихолетья жизнью, где при необходимости проще было списать внезапную гибель человека на какую-то случайность. Вот почему еще не оправившемуся после нацистской оккупации Минску и суждено было стать местом гибели Михоэлса. Однако это не означало, что место и время убийства были определены на Лубянке и что состоявшаяся в начале января 1948 года командировка Михоэлса в Минск была инспирирована МГБ. Впрочем, существует и противоположная точка зрения. Утверждается, что Михоэлс должен был выехать в Ленинград, чтобы там как член комитета по Сталинским премиям в области литературы и искусства участвовать в отборе театральных спектаклей, достойных этой награды. Однако поддавшись уговорам его давнего знакомого театроведа В. И. Голубова (публиковался под псевдонимом «В. Потапов», был негласным агентом МГБ), он, неожиданно передумав, решил направиться с такой же миссией в Минск».

Противоположного мнения придерживается известный российский и британский биохимик, геронтолог и историк Ж. А. Медведев:

«Михоэлс был убит в Минске не потому, что здесь это можно было организовать наиболее просто. Лично я уверен, что Михоэлса убили в Минске потому, что министром государственной безопасности Белоруссии был Лаврентий Цанава, которого называли в республике «Лаврентий Второй». В Минске именно он имел максимальную власть, так как и в Западной Белоруссии, и в соседней Литве еще шла «зачистка» территорий от «враждебных элементов». До 1938 года, когда Цанава работал в Грузии, поднимаясь благодаря Берии по ступенькам руководящей работы в партии и в госбезопасности, он был известен под своей настоящей фамилией Джанджгава. Под этой фамилией его избирали от Грузии в первый Верховный Совет СССР в 1937 году. Однако когда в конце 1938 года Берия, став во главе НКВД СССР, решил назначить Лаврентия Джанджгаву в Белоруссию, его другу пришлось изменить эту слишком неблагозвучную фамилию. Именно наличие в Минске этого человека сделало столицу Белоруссии подходящим местом для ликвидации Михоэлса. Вполне возможно,

что Сталин, как считает Г. В. Костырченко на основании архивных документов, действительно дал директиву о ликвидации Михоэлса лишь 9 или 10 января 1948 года, не исключено также, что это была не директива, а лишь согласие с предложением, исходившим от самого Абакумова, в ведомстве которого эта «спецоперация» готовилась заранее, до 10 января. Нельзя исключить и того, что «Лаврентий Второй» получил по поводу этой «спецоперации» какие-то секретные инструкции от «Лаврентия Первого».

Анализируя материалы следствия, проведенного по инициативе наркома внутренних дел СССР Л. П. Берии в 1953 году, Г. В. Костырченко пришел к следующему выводу:

«Судя по материалам следствия, проведенного Берией в марте 1953 г., руководство МГБ в начале 1948 г. отнюдь не пыталось заманить Михоэлса в Минск. Из показаний участников спецоперации, несмотря на имеющиеся в них понятные несовпадения и противоречия (давались по прошествии более пяти лет после гибели Михоэлса), ясно, что решение о ликвидации Михоэлса в Минске принималось уже после того, как стало известно, что он туда поедет. Отъезд состоялся вечером 7 января. Когда Михоэлс, сопровождаемый Голубовым-Потаповым и работником Комитета по делам искусств И. М. Барашко, отбыли из Москвы на поезде, зная об этом заблаговременно (во всяком случае, со 2 января 1948 г., когда Михоэлсу было вручено командировочное удостоверение), Абакумов, тем не менее, доложил о нем Сталину, скорее всего, не ранее 6 января, уже будучи уверенным, что эта поездка не сорвется. И тогда же, а не по прибытии Михоэлса к месту назначения, как потом в своих путаных показаниях утверждал Абакумов, Сталин дал указание именно в Минске и провести ликвидацию Михоэлса.

Распорядился так Сталин, видимо, по телефону, находясь на «ближней» (подмосковной) даче, поскольку в новом 1948 г. первый визит Абакумова в Кремль состоялся только 10 января. В ходе этого разговора Сталин также подтвердил свое прежнее решение (теперь уже применительно к Минску): Михоэлс должен «случайно» погибнуть на дороге. Светлана Аллилуева, гостившая тогда у отца, вспоминала: «Ему (Сталину. — **Г. К.**) что-то докладывали, а он слушал. Потом, как резюме, он сказал: «Ну, автомобильная катастрофа?» Я отлично помню эту интонацию — это был вопрос, а не утверждение, ответ. Он не спрашивал, а предлагал эту автомобильную катастрофу». Очевидно, сразу после этого Абакумов связался по ВЧ (высокочастотная телефония) с министром госбезопасности Белоруссии Л. Ф. Цанавой. И хотя разговор велся по линии засекреченной связи, Абакумов был предельно осторожен. Лишь убедившись, что рядом с его собеседником никого не было, он без конкретных пояснений спросил: «Имеются ли в МГБ Белорусской ССР возможности для выполнения <...> важного решения правительства и личного указания Сталина?» Поскольку вопрос звучал как приказ, последовал положительный ответ, и беседа на этом завершилась.

Составив примерный план спецоперации, Абакумов, чтобы согласовать его со Сталиным, вновь позвонил в Кремль. Вождь, дав добро, потребовал детально информировать его по ходу реализации спецзадания. Затем был обговорен персональный состав бригады оперативников. Руководителем назначили генерала Огольцова, в распоряжение которого поступали: полковник Ф. Г. Шубняков — руководил во втором главном (контрразведывательном) управлении МГБ СССР отделом, специализировавшимся на американской агентуре, в том числе и из числа еврейских националистов; полковник В. Е. Лебедев и старший лейтенант Б. А. Круглов — особого рода «транспортники» из возглавлявшегося П. А. Судоплатовым отдела «ДР» (служба террора и диверсий), имитировавшие «ликвидацию» под случайные автокатастрофы; майор (точнее, подполковник. — **Э. И.**) А. К. Косарев — секретарь Огольцова. Кроме того, известно, что в спецоперации был задействован и некий майор Н. Ф. Повзун. Впоследствии Огольцов и Шубняков, перечисляя в показаниях тех, кто отправился вместе

с ними в Минск, его не упомянули. Скорее всего, это был сотрудник белорусских органов госбезопасности, в силу каких-то обстоятельств привлеченный к спецоперации.

Вечером 7 января, то есть сразу после отбытия Михоэлса из Москвы, Абакумов провел инструктаж личного состава бригады, объявив, что на утро 8 января намечен ее выезд на двух легковушках в Минск. После инструктажа Абакумов вновь связался с Цанавой. Теперь он сообщил ему, что для проведения спецоперации на завтра вечером «боевая группа МГБ СССР» во главе с Огольцовым, соблюдая максимальную конфиденциальность и не заезжая в республиканское МГБ в Минске, прибудет на его, Цанавы, загородную дачу и что он будет помогать Огольцову руководить операцией на месте. Суть этой операции Абакумов и на сей раз не решился раскрыть по телефону. О том, что она предполагает ликвидацию Михоэлса, Цанава узнал от Огольцова только по приезде того вместе со своими людьми на дачу министра в Слепянке».

Уже в белорусской столице Огольцов, Шубняков и Цанава, перебрав несколько вариантов убийства Михоэлса (поездка его куда-либо на автомобиле и организация «автокатастрофы», наезд на него грузовой машины на малолюдной улице), остановились на том из них, который «гарантировал успех организации наверняка». Конкретно было решено с помощью обмана совершить похищение Михоэлса, пригласив его через агентуру в вечернее время в гости к каким-либо знакомым, а затем привезти на загородную дачу Цанавы, где и ликвидировать.

В Центральном архиве Комитета государственной безопасности Республики Беларусь автору этих строк удалось познакомиться с архивно-следственным делом в двух томах о пребывании С. М. Михоэлса в Минске в январе 1948 года. Из него видно, что с момента его прибытия в столицу БССР каждый шаг Соломона Михайловича проходил под неусыпным наблюдением не только «боевой группы МГБ СССР», но и сотрудников МГБ БССР.

Привожу текст записки Цанавы, посланной в Москву 13 января 1948 года: «Михоэлс прибыл в Минск 8 января 1948 г. вечером с Голубовым, замредактора ж. «Театр» и секретарем парторганизации Комитета по делам искусств СССР Барашко. Вечером 8 января в гостинице «Беларусь» был банкет, устроенный администрацией драмтеатра (скорее всего, Белорусского драматического театра имени Я. Купалы. — **Э. И.**) (замдиректора Гайдарин-Равинский Абрам Гершкович, главный администратор Залесский Яков Борисович, артист Сокол Моисей Борисович и др.).

9 января после просмотра в театре постановки «Тевье-молочник» Михоэлс, Голубов с участниками постановки до 4 часов утра пьянствовали в ресторане «Заря».

10 января — банкет у артиста драмтеатра Глебова.

11 января днем обед у Сокола М. Б. Вечером после оперы «Алеся» в первом часу ночи ужин у Арончик и Чайгорской.

12 января днем Михоэлс и Голубов с Гайдариным и Залесским были в ресторане «Заря» и в 5 часов дня ушли в гостиницу «Беларусь». Отдыхали до 9 часов вечера. Потом ушли якобы к другу Голубова — Сергееву, инженеру, работнику железнодорожного транспорта, с которым Голубов учился в институте...»

Г. В. Костырченко констатирует: «Первые три дня по прибытии на место Лебедев, Круглов и Шубняков, как потом припомнил последний, «вели наблюдение за Михоэлсом, выясняли обстановку и условия для организации автомобильной катастрофы». Эта «рекогносцировка» показала: «Михоэлса всегда окружала большая группа местной интеллигенции, он часто пользовался автомашиной Совмина Белоруссии, и его сопровождали работники аппарата Комитета по делам искусств. Реализовать в таких условиях вариант «автомобильной катастрофы», от которой могли пострадать и сами ее организаторы, Огольцов счел рискованным. Вместе с тем, и «ликвидация объекта» «путем наезда на него грузовой

машины на малолюдной улице <...> также не гарантировала успех операции наверняка». В конце концов, оптимальным было признано предложение Шубнякова, предусматривавшее «секретное изъятие» Михоэлса. Когда это соображение было доложено Абакумову, тот, требуя «во что бы то ни стало осуществить операцию», его одобрил, приказав задействовать сопровождавшего Михоэлса «агента 2-го Главного управления МГБ СССР».

Эта неизвестная ранее деталь с агентом доказывает, что поездка Голубова-Потапова в Минск не была спланирована госбезопасностью заранее. И пребывание его в те роковые дни вместе с Михоэлсом было, вопреки расхожей версии о причастности к этому Лубянки, скорее всего, случайным стечением обстоятельств, которым люди Абакумова не преминули воспользоваться.

С «агентом» поручили связаться Шубнякову, назначенному ответственным за «секретное изъятие» Михоэлса. Вызвав на явку Голубова-Потапова, Шубняков сообщил ему, что «имеется необходимость в частной обстановке встретиться с Михоэлсом», которого следует пригласить к некоему «личному другу, проживающему в Минске». Не подозревавший о страшной подоплеке этой просьбы Голубов-Потапов согласился ее исполнить. И ему без труда удалось уговорить любившего дружеские застолья Михоэлса почтить своим присутствием то ли свадьбу, то ли еще какое-то семейное торжество у некоего «инженера Сергеева», по поводу личности которого потом возникло множество догадок и предположений. Однако результаты новейших исследований не оставляют сомнений в том, что «инженер Сергеев» не имел никакого отношения к С. Трофименко (командующим войсками Белорусского военного округа, генерал-полковником. — **Э. И.**), к которому Михоэлс действительно приходил, но не 12-го, а 8 января — сразу по прибытии в Минск. Теперь ясно, что «инженер Сергеев» — выдумка не Михоэлса, а Шубнякова, которому мысль «изобрести» новоявленного «поручика Киже», видно, навеял спектакль столичного Малого театра «Инженер Сергеев», поставленный после войны по пьесе Всеволода Росса. Поскольку под этим звучным псевдонимом скрывался тогдашний нарком госбезопасности В. Н. Меркулов, эта постановка была особенно популярной в чекистской среде.

И вот 12 января, примерно в восемь часов вечера, двое постояльцев гостиницы «Беларусь» (Михоэлс и Голубов-Потапов проживали в этом отеле, деля двухкомнатный «люкс» с Барашко) вышли на улицу и направились к условленному месту встречи с «инженером», откуда тот должен был на автомобиле доставить их на торжество. Как показал потом Шубняков, около девяти часов к машине, где он находился вместе с сидевшим за рулем Кругловым, подошли Голубов-Потапов и Михоэлс, которому он представился как «Сергеев», после чего «все отправились ко мне (Шубнякову. — **Г. К.**) «на квартиру», т. е. на дачу т. Цанава».

Вопреки широко распространенной версии о насильственном характере «похищения» (с нападением и борьбой) двух столичных театральных деятелей, можно с большой долей уверенности предположить, что ни Михоэлс, ни Голубов-Потапов вплоть до самого последнего момента — пока «примерно в 10 часов вечера» (показание Цанавы. — **Г. К.**) они не въехали во двор загородного дома министра госбезопасности Белоруссии и поджидавшие там оперативники не стали грубо выволакивать их из машины, — не догадывались, что оказались в западне. Далее, если верить Шубнякову (из всех участников операции он дал самое точное, детальное описание происходившего), события развивались следующим образом. По прибытии он «доложил т. Огольцову, что Михоэлс и агент доставлены на дачу». Тут же Огольцов по ВЧ передал эту информацию Абакумову, который в свою очередь, не разъединяясь с Минском, доложил по «вертушке» (аппарат АТС Кремля) Сталину, находившемуся на «Ближней» и готовившемуся к ночному бдению Политбюро (о нем ниже). Поскольку и сценарий ликвидации, и орудие убийства — грузовик (ЗиС-5?) — были заранее обговорены, вождю оставалось только подтвердить свой приговор Михоэлсу. Одновременно он дал санкцию и на ликвидацию Голубова-Потапова, который «был в курсе всех аген-

турных мероприятий, проводившихся по Михоэлсу», «доверием у органов <...> не пользовался». А самое главное, оказался в положении «невольного и опасного свидетеля смерти Михоэлса».

Потом наступила кровавая развязка, так описанная Шубняковым: «С тем, чтобы создать впечатление, что Михоэлс попал под автомашину в пьяном виде, их заставили выпить по стакану водки. Затем они по одному (вначале агент, а потом Михоэлс) были умерщвлены — раздавлены грузовой автомашиной. <...> Убедившись, что Михоэлс и агент мертвы, наша группа вывезла их тела в город и выбросила их на дорогу одной из улиц, расположенных недалеко от гостиницы. Причем их трупы были расположены так, что создавалось впечатление, что Михоэлс и агент были сбиты автомашиной, которая переехала их передними и задними скатами.

Так трагически оборвалась жизнь талантливого еврейского артиста и известного общественного деятеля. Конечно, представленная выше реконструкция потаенных до недавнего времени событий этого, без натяжки, исторического политического преступления, только версия, но версия, базирующаяся на последних изысканиях и самой полной на сегодняшний день источниковой базе. Она в значительной мере позволяет также преодолеть смысловые нестыковки и фактологический разнобой в полученных в начале 1953 г. показаниях участников спецоперации, в памяти которых по прошествии пяти с лишним лет с момента события многое исказилось и стерлось».

В материалах Центрального архива КГБ Республики Беларусь говорится: «Трупы Михоэлса и Голубова обнаружили около вновь строящейся трамвайной линии с улицы Свердлова на улицу Гарбарная. Вскрытие проходило в 14 часов 13 января. Смерть наступила за 15—16 часов ранее. За два часа до смерти был прием пищи. В желудке Михоэлса алкоголь не обнаружен. У Голубова весьма слабый запах алкоголя (что ставит под удар версию Г. Костырченко. — **Э. И.**).

У погибших все вещи и деньги были целы.

У убитого Михоэлса среди документов обнаружили договор от 5 марта 1947 г. с директором Белгосета о художественной консультации Михоэлса в подготовке к проведению спектакля.

Трупы обнаружили в 7 часов утра рабочие, которые шли на работу. Погибшие были запорошены снегом. Одна галоша (кажется с ноги Голубова) валялась недалеко.

По делу Михоэлса опрашивались актеры еврейского театра Арончик Ю. С., Сонкин С. М., Чайгорская М. М., Моин М. Л., Ротштейн К. Л. Все они говорили примерно одно и то же. 9 января после встречи с актерами в ресторане (человек 40) направились в общежитие еврейского театра (в помещение еврейского театра по ул. Володарского, 5) на квартиру к Моину, где пили черный кофе. 10 января в 13 час. Михоэлс провел беседу с актерами еврейского театра. 11 января находились у Гольдшварца (директора Белгосета. — **Э. И.**). Во время спектакля в театре оперы «Алеся» сообщили, что приедет секретарь ЦК КП(б)Б Иовчук, который хотел встретился с Михоэлсом и поговорить с ним после спектакля. В связи с этим Михоэлс отказался от идеи ехать к другу Голубова на именины. После спектакля в кабинете у Гольдшварца состоялась беседа с Иовчуком, который предложил подвезти всех участников встречи в машине до дома. Михоэлс остался, Иовчук уехал, а Барашко с Голубовым вернулись в гостиницу.

Актеры вспоминали, что накануне в театре рядом с Голубовым сидел незнакомый человек в штатском, которого Голубов ни с кем не познакомил. А потом лишь сказал, что это его однокурсник по институту. Вспоминали также о том, что Голубов очень уговаривал Михоэлса съездить к его другу на именины, что даже предоставит машину, т. е. Михоэлса отвезут и привезут обратно, и что это много времени не отнимет, они побудут там буквально 30 минут. Актеры еврейского

театра не соглашались отпускать Михоэлса. Голубов очень настаивал. Машина как будто должна была ожидать их около гостиницы. 11 января тоже должны были сразу после спектакля «Алеся» съездить на именины. Но учитывая, что приехал Иовчук, времени на поездку в гости уже не осталось, было поздно. На следующий день Голубов говорил о том, что его товарищ специально из-за Михоэлса отложил свой праздник и ждет его 12 января. На вопросы актеров, где живет его товарищ, Голубов ничего конкретно не говорил, адреса не называл, а лишь сказал, что это недалеко и они могут даже пешком дойти. После 21 часа 12 января они ушли из гостиницы.

Барашко на следствии показал, что он был вместе с Михоэлсом и Голубовым лишь на просмотре спектаклей, а в свободное время он уходил к своим родственникам, которые жили в г. Минске. 12 января он пришел вечером в гостиницу и Михоэлса с Голубовым уже не застал. Командировочные удостоверения и (кажется) билеты были у Голубова. Планировали уехать в Москву 13 января, где-то около 12 часов [10—12], когда Барашко проснулся утром, М. и. Г. не было. Но Барашко не беспокоился, поскольку решил, что они заночевали у друзей. Однако ожидание затянулось, и Барашко решил ехать один. Оставил на столе записку, что больше ждать не может, и собирался уходить. Но тут (кто-то из актерской среды) пришел и сообщил, что Михоэлса и Голубова нашли на улице».

Есть многие основания предполагать, что убийство Михоэлса и Голубова-Потапова произошло не на «даче Цанавы», а совсем недалеко от стадиона «Динамо» — в здании теперешнего Посольства Республики Молдова в Республике Беларусь (улица Белорусская, 2), где находился спецобъект МГБ БССР.

Сразу же после того, как 13 января 1948 года в 7 часов 10 минут утра случайные прохожие наткнулись на трамвайных путях у минского стадиона «Динамо» на два обезображенных трупа, сообщили об этом в милицию. Началось официальное расследование. Уже 14 января министр внутренних дел СССР С. Н. Круглов под грифом «Совершенно секретно» доложил Сталину, Молотову, Ворошилову и Жданову: «По сообщению МВД Белорусской ССР, 13 января с. г. в 7 часов 10 минут утра в городе Минске, на дороге около строящейся трамвайной линии, ведущей с улицы Свердлова на улицу Гарбарная, были обнаружены два мужских трупа. Выехавшие на место руководящие работники МВД Белоруссии и управления милиции гор. Минска вместе с судебно-медицинским экспертом обнаружили два мужских трупа, лежащих лицом вниз. Около трупов имелось большое количество крови. Одежда, документы и ценности были не тронуты. Убитыми оказались Михоэлс С. М., художественный руководитель Государственного еврейского театра, Народный артист СССР, и Голубов-Потапов В. И., член московской организации Союза советских писателей. У обоих оказались поломанными ребра, а у Голубова-Потапова также и правая рука в локтевом сгибе. Возле трупов обнаружены следы грузовых автомашин, частично заметенные снегом.

По данным осмотра места происшествия и первичному заключению экспертов, смерть Михоэлса и Голубова-Потапова последовала в результате наезда автомашины, которая ехала с превышающей скоростью и настигла их, следуя под крутым уклоном по направлениию к улице Гарбарная.

Приняты меры к установлению автомашины. Ведется следствие».

Чтобы не пустить следствие на самотек, им занялись не местные сыщики, а командированная из Москвы группа следователей Главного управления милиции МВД СССР. 11 февраля 1948 года по результатам проведенного ею расследования заместитель начальника Главного Управления милиции комиссар милиции 3-го ранга Бодунов представил заместителю министра внутренних дел СССР генерал-полковнику И. А. Серову совершеннно секретный отчет, в котором констатировалось: «Оба трупа оказались вдавленными в снег, который шел с вечера 12 января при значительном ветре.

Вся одежда покойных, деньги, документы и ручные часы (у Михоэлса — золотые) оказались в сохранности. У часов Михоэлса отсутствовало лишь стекло, однако часы эти, как и часы Голубова-Потапова, в момент осмотра трупов были на ходу.

Судебно-медицинским исследованием трупов, производившимся 13 января главным судебно-медицинским экспертом Министерства здравоохранения БССР Прилуцким и экспертами — врачами Наумович и Карелиной, установлено, что смерть Михоэлса и Голубова-Потапова последовала в результате наезда на них тяжелой грузовой автомашины.

У покойных оказались поломанными все ребра с разрывом тканей легких, у Михоэлса — перелом позвонка, у Голубова-Потапова — тазовых костей. Все причиненные повреждения являлись прижизненными, судя по наступлению и развитию трупных явлений. Смерть их наступила за 15—16 часов до момента исследования трупов, т. е. примерно в 20 часов (несовпадение этого времени смерти Михоэлса и Голубова-Потапова с тем, о котором показал потом Цанава (22 часа) можно объяснить как результат случайной ошибки или намеренной подтасовки выводов экспертов, или аберрации памяти Цанавы, дававшего показания более чем через пять лет с момента события. — **Э. И.**) 12 января, вскоре после выхода из гостиницы. Состояние пищи в желудке подтвердило тот факт, что пища эта была принята за два часа до смерти, и состав пищи соответствовал той, которая подавалась им в ресторане.

Никаких данных о том, что Михоэлс и Голубов-Потапов погибли не от случайного на них наезда, а от каких-либо других причин, расследованием не добыто.

В результате проведенных агентурно-оперативных и следственных мероприятий... версия о том, что Михоэлс и Голубов-Потапов перед тем, как их настигла грузовая автомашина, направлялись к знакомому Голубова-Потапова инженеру Сергееву, не подтвердилась.

Все собранные материалы дали основание полагать, что Михоэлс и Голубов-Потапов по каким-либо причинам намеревались посетить какое-то другое лицо и эту встречу тщательно зашифровали от своих знакомых и окружающих, назвав при этом вымышленную фамилию инженера Сергеева.

В связи с этим был составлен план дополнительных мероприятий, утвержденный затем министром госбезопасности БССР генерал-лейтенантом тов. Цанавой и министром внутренних дел БССР тов. Бельченко.

Так как контингент знакомых Михоэлса и Голубова-Потапова состоял главным образом из среды артистического мира, разработку которых целесообразней вести органам МГБ, то добытые следственные материалы, касающиеся этих лиц, были переданы 2-му управлению МГБ СССР и вся дальнейшая проверка этих связей проводилась аппаратом 2-го управления...»

Других результатов от этого довольно поверхностного расследования (другого и быть не могло), проводившегося, к тому же, под контролем и при участии одного из организаторов преступления — Л. Ф. Цанавы, трудно было ожидать. Все было сработано так, что дальше формальной констатации несчастного случая милицией дело не пошло.

Однако в действительности данные о причастности к убийству Михоэлса и Голубова-Потапова сотрудников МГБ БССР были «добыты». Оперативникам МВД Белоруссии уже в самом начале следствия удалось обнаружить орудие преступления — тот самый грузовик, которым были раздавлены Михоэлс и Голубов-Потапов, и установить, что автомобиль принадлежал МГБ БССР.

Вот что вспоминал генерал-полковник КГБ С. С. Бельченко, который в 1943—1953 годах был министром внутренних дел БССР.

«Михоэлс был ликвидирован в январе 1948 года. Этой операцией на месте руководили первый заместитель В. С. Абакумова С. И. Огольцов и министр госбезопасности Белоруссии Л. Ф. Цанава. Михоэлса и сопровождавшего его зна-

комого Голубова заманили на дачу Цанавы под предлогом встречи с ведущими белорусскими актерами. Сделали смертельный укол (удар по версии Г. Костырченко. **— Э. И.**) и бросили под колеса грузовика, чтобы инсценировать бандитский наезд на окраинной улице Минска. За рулем грузовика сидел сотрудник транспортного отдела МГБ по Белорусской железной дороге.

А. П. Судоплатов пишет в своей книге, что Голубов был агентом МГБ в среде творческой интеллигенции, чего Михоэлс, конечно, не знал. Однако он оказался нежелательным свидетелем, поскольку именно с его помощью удалось привезти Михоэлса на дачу. Я этого утверждать не могу, поскольку такой информацией не обладаю.

Рано утром у разрушенного в годы войны стадиона «Динамо» оперативники моего ведомства обнаружили трупы Михоэлса и Голубова. Об этом мне доложил по телефону мой заместитель, комиссар милиции Красненко. Михоэлс находился в Минске по общественным делам. Это известие сильно встревожило меня. Убийство было не рядовое.

Я сам лично выехал на место происшествия. Там вовсю шли следственные действия. Был составлен протокол осмотра. На трупах и на дороге (был снег) отчетливо виднелись отпечатки протекторов шин автомобиля.

Приехав к себе, я вызвал всех своих заместителей и в жесткой форме потребовал в кратчайшие сроки найти машину, послужившую причиной смерти этих людей.

Уже во второй половине дня Красненко мне доложил, что оперативники МВД обнаружили разыскиваемый автомобиль. Когда же я стал расспрашивать, как проходил поиск и где обнаружили машину, мой заместитель ответил, что автомобиль стоит в гараже МГБ республики. Я поинтересовался, не могло ли это быть ошибкой. Красненко сказал, что его люди тоже сомневаются. Но им не дали провести более тщательную проверку сотрудники госбезопасности.

Заподозрив неладное, я позвонил министру внутренних дел СССР С. Н. Круглову. Он был страшно удивлен и приказал мне активизировать розыск преступников. Мне ежечасно докладывали, как проводится розыск.

Меня вызвали в ЦК, и один из секретарей попросил принять все меры по розыску убийц. Я поручил заниматься этим Красненко. Вскоре подъехал и Цанава. Я его хорошо знал. И поэтому его поведение меня удивило. Он был слишком любезен со мной. Цанава взял меня под руку, отвел в сторону и сказал: «Я знаю, что твои люди были у меня в министерстве и гараже. Это была не слишком хорошая идея. Я прошу тебя не производить больше каких-либо действий против моих людей. Население может нехорошо подумать о нас. Делом занимайся, убийц ищи, но не лезь куда тебя не просят». Подозрения мои еще более усилились.

Из министерства я снова позвонил Круглову и доложил о том, что в гараже МГБ Белоруссии была обнаружена машина, переехавшая Михоэлса и Голубова. Министр выслушал меня и сказал, чтобы поиск преступников продолжали, но не особенно популяризируя это дело. Вообще, голос у Круглова был какой-то вялый, и я удивился, что начальник не стал, как это бывает в таких случаях, «рвать и метать», чтобы ему быстрее представили результат. «Вы, в общем, не особо там копайте», — сказал министр и положил трубку телефона.

Сопоставив разговоры с Цанавой и Кругловым и не зная, естественно, подоплеки этого дела, я занял выжидательную позицию. Розыск велся, но подчиненных своих я не подстегивал».

В архивно-следственных делах Центрального архива КГБ Республики Беларусь имеются оперативные материалы по розыску грузовой машины, которая якобы осуществила наезд на Михоэлса и Голубова. Эти документы занимают несколько томов, поскольку подозревались разные лица, допрашивались подозреваемые и свидетели, потом этих людей отпускали и т. д. Впечатление деятельных, активных поисков, но безрезультатных. В одном из дел имеется письмо из мест заключения, кажется, в 1953 году, некоего Иванова, в котором он хочет помочь

следственным органам и сообщает о том, что в январе 1948 года был свидетелем того, как легковая машина белого цвета поздно вечером выбросила (недалеко от ресторана?) в глухом месте г. Минска двух человек. Одного из приехавших на машине лейтенанта милиции, кажется, Курочкина он узнал, поскольку тот был его участковым. Когда машины уехали, Иванов подошел к выброшенным людям (он подумал, что они пьяные, и хотел их обворовать). Только он нагнулся над ними, как услышал голос милиционера Курочкина. Курочкин сделал вид, что впервые видит этих двух мужчин, осмотрел, ощупал их и сказал, что они мертвы и что теперь Иванов будет отвечать за убийство. Вся суть дальнейшего содержания письма сводилась к тому, что органы милиции хотели завербовать его в качестве своего тайного сотрудника (стукача) в преступной среде. Иванов согласился лишь для того, чтобы его отпустили. А потом скрылся. Жил на чужих квартирах. Находясь в местах заключения, он решил рассказать о том далеком происшествии, так как через некоторое время, узнав о трагической смерти Михоэлса, он понял, что оказался невольным свидетелем преступления. В том пустынном месте он оказался потому, что хотел обворовать квартиру и, услышав шум автомобиля, спрятался за дом. Это письмо Иванова просто подшито в дело, но больше никакого хода ему не было дано.

Сталин распорядился наградить убийц орденами. И они действительно были награждены боевыми орденами. 30 апреля 1948 года министр госбезопасности СССР Абакумов направил Сталину список чекистов с просьбой о награждении с такой формулировкой: «Награжден командованием спецвойск МГБ СССР за выполнение боевого задания против националистических банд».

Сталин принял решение не сразу, но в конце концов подписал бумагу, и имена «героев» попали в два указа Президиума Верховного Совета СССР о награждениях.

28 октября 1948 года Указом Президиума Верховного Совета СССР (в печати не публиковался) за «успешное выполнение специального задания правительства» участники убийства Михоэлса были удостоены высоких правительственных наград. Генерал-лейтенант Л. Ф. Цанава получил орден Красного Знамени, полковники Ф. Г. Шубняков, В. И. Лебедев и старший лейтенант Б. А. Круглов — боевые ордена Отечественной войны 1-й степени, майоры А. Х. Косырев и Н. Ф. Повзун — ордена Красной Звезды.

За руководство спецоперацией по устранению С. М. Михоэлса министр государственной безопасности СССР В. С. Абакумов и заместитель министра госбезопасности СССР С. И. Огольцов были награждены орденами Красного Знамени по сводному указу Президиума Верховного Совета СССР от 29 октября 1948 года, куда была включена большая группа других руководящих работников МГБ СССР.

Чтобы окутать смерть Михоэлса непроницаемой завесой тайны, МГБ СССР и МГБ БССР в качестве так называемых активных мероприятий распространили противоречившие друг другу и сбивавшие с толку слухи о том, что Михоэлс пал жертвой банды польских националистов — «агентов Миколайчика», и что он был убит сионистами, чтобы «не выдал органам МГБ о всех проделках, связанных с сионистским движением, направленным в сторону Государства Израиль и на свержение большевиков».

После смерти Сталина в марте 1953 года Берия инициировал проверку материалов следствия по так называемому «делу о врачах-вредителях».

Абакумов на допросе рассказал:

«В 1948 году Глава Советского Правительства И. В. Сталин дал мне срочное задание быстро организовать работниками МГБ СССР ликвидацию Михоэлса, поручив это специальным лицам. Тогда было известно, что Михоэлс, а вместе с ним и его друг, фамилию, которого не помню, прибыли в Минск. Когда об этом доложили И. В. Сталину, он сразу же дал указание именно в Минске и провести ликвидацию Михоэлса... Когда Михоэлс был ликвидирован и об этом было

доложено И. В. Сталину, он высоко оценил это мероприятие и велел наградить участников орденами...»

В своем объяснении первый заместитель министра госбезопасности БССР С. И. Огольцов писал:

«Совершенно секретно

Экземпляр единственный, рукописный

Товарищу БЕРИЯ Л. П.

По Вашему требованию докладываю об обстоятельствах проведенной операции по ликвидации главаря еврейских националистов Михоэлса в 1948 году.

В ноябре-декабре (точно не помню) 1947 года Абакумов и я были вызваны к товарищу Сталину И. В., насколько я помню, по вопросу следственной работы МГБ. Во время беседы, в связи с чем, сейчас вспомнить затрудняюсь, товарищем Сталиным была названа фамилия Михоэлса и в конце беседы было им дано указание Абакумову о необходимости проведения специального мероприятия в отношении Михоэлса и что для этой цели устроить «автомобильную катастрофу».

К тому времени Михоэлс был известен как главный руководитель еврейского националистического подполья, проводивший по заданию американцев активную вражескую работу против Советского Союза.

Примерно в первых числах января 1948 года Михоэлс выехал по делам театра в г. Минск. Воспользовавшись этой поездкой, Абакумов принял решение во исполнение указания провести операцию по ликвидации Михоэлса в Минске.

Организация операции была поручена мне и бывшему министру государственной безопасности Белорусской ССР товарищу Цанава Л. Ф.

Числа 6—7 января 1948 года с группой товарищей: Шубняков Ф. Т., бывший в то время зам. начальника 2-го Главного управления, Лебедев В. Е. и Круглов Б. А., бывшие работники аппарата тов. Судоплатова (последний об этой операции не знал) выехал на машине в Минск.

*Слева направо. Первый ряд: писатель Илларион Барашко, Соломон Михоэлс, Глеб Павлович Глебов — народный артист СССР.
Второй ряд: Ефим Гольдшварц — директор БелГОСЕТа, Михаил Ривин — актер БелГОСЕТа, Аркадий Гайдарин — зам. директора Театра им. Я. Купалы, Владимир Голубов — театральный критик.*

После прибытия в Минск мы с товарищем Цанава в присутствии т. Шубнякова и Лебедева наметили план проведения операции и некоторых агентурных подготовительных мероприятий (документов никаких не составлялось, как положено в таких случаях).

Поскольку уверенности в благополучном исходе операции во время «автомобильной катастрофы» у нас не было, да и это могло привести к жертвам наших сотрудников, мы остановились на варианте — провести ликвидацию Михоэлса путем наезда на него грузовой машины на малолюдной улице.

Но этот вариант хотя и был лучше первого, но также не гарантировал успех операции наверняка. Поэтому было решено через агентуру пригласить в ночное время в гости к каким-нибудь знакомым. Подать ему машину к гостинице, где он проживал. Привезти его на территорию загородной дачи тов. Цанава Л. Ф., где и ликвидировать. А потом труп вывезти на малолюдную (глухую) улицу города, положить на дороге, ведущей к гостинице, и произвести наезд грузовой автомашиной. Этим самым создавалась правдоподобная картина несчастного случая наезда автомашины на возвращающихся с гулянки людей, тем паче подобные случаи в Минске в то время были очень часты. Так и было сделано. Операция была проведена успешно. Если не ошибаюсь, в ночь с 11 на 12 января 1948 года.

Для того чтобы сохранить операцию в строжайшей тайне, во время операции над Михоэлсом были вынуждены пойти с санкции Абакумова на ликвидацию и агента, приехавшего с ним из Москвы, потому что последний был в курсе всех агентурных мероприятий, проводившихся по Михоэлсу, бывал вместе с ним во всех местах. Он же поехал с ним в гости. Доверием у органов агент не пользовался.

Непосредственными исполнителями были: тов. Лебедев В. Е., Круглов Т. А. и тов. Шубняков.

О ходе подготовки и проведении операции мною дважды или трижды докладывалось Абакумову по ВЧ, а он, не кладя трубку, по АТС Кремля докладывал в Инстанцию.

Мне известно, что о проведенной операции МГБ СССР было доложено в Инстанцию, и участники операции за образцовое выполнение специального задания Правительства были награждены орденами Советского Союза».

А вот в чем признался в тот же день Ф. Т. Шубняков:

«Совершенно секретно

Министру внутренних дел Союза ССР

товарищу Л. П. БЕРИЯ

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

по делу МИХОЭЛСА от полковника Шубнякова Ф. Г.

В январе 1948 года б[ывший] министр АБАКУМОВ потребовал агентурную разработку на художественного руководителя еврейского театра ГОСЕТ МИХОЭЛСА, которую он оставил у себя. Спустя несколько дней Абакумов вызвал меня (в то время я был начальником отдела) и в присутствии находившегося у него в кабинете т. Огольцова заявил, что имеется специальное указание ликвидировать Михоэлса. Эта операция должна быть проведена в Минске путем организации автомобильной катастрофы.

Абакумов сказал, что руководить операцией на месте будут Огольцов и Цанава, который получил от него лично по ВЧ соответствующие указания. Абакумов предупредил, что в Минск следует выехать на автомашинах и по приезде остановиться на даче т. Цанава.

Кроме меня в группу исполнителей Абакумовым были включены: полковник ЛЕБЕДЕВ, работник транспортных органов МГБ, оперработник спецслужбы КРУГЛОВ, а также секретарь Огольцова — КОСАРЕВ.

На следующий день вся эта группа выехала на двух автомашинах в Минск и по прибытии остановилась на даче т. Цанава.

В соответствии с полученными от Абакумова и Огольцова указаниями я, Лебедев и Круглов три дня вели наблюдение за Михоэлсом, выясняли обстановку и условия для организации автомобильной катастрофы. Однако, как показало наблюдение, Михоэлса всегда окружала большая группа местной интеллигенции. Он часто пользовался автомашиной Совмина Белоруссии, и его сопровождали работники аппарата Комитета по делам искусств.

Таким образом, полностью исключалась возможность организации автомобильной катастрофы, если только не создать условий для секретного изъятия Михоэлса.

Мне известно, что т. Огольцов докладывал о создавшейся обстановке Абакумову, который, однако, потребовал во что бы то ни стало осуществить операцию. Абакумову было известно, что в Минске с Михоэлсом находится агент 2-го Главного управления МГБ СССР, и он сказал, что следует использовать это обстоятельство для секретного изъятия Михоэлса.

Мне было поручено связаться с агентом и с его помощью вывезти Михоэлса на дачу, где он должен быть ликвидирован. На явке я заявил агенту, что имеется необходимость в частной обстановке встретиться с Михоэлсом, и просил агента организовать эту встречу. Это задание агент выполнил, пригласив Михоэлса к «личному другу, проживающему в Минске». Примерно в 21 час я и работник спецслужбы Круглов в качестве шофера подъехали в установленное место, куда явились агент и Михоэлс, с которым я был познакомлен агентом, и все отправились ко мне на «квартиру». т. е. на дачу т. Цанава. На даче была осуществлена операция по ликвидации Михоэлса.

1. После того, как я доложил т. Огольцову, что Михоэлс и агент доставлены на дачу, он сообщил об этом по ВЧ Абакумову, который предложил приступить к ликвидации Михоэлса и агента — невольного и опасного свидетеля смерти Михоэлса.

2. С тем, чтобы создать впечатление, что Михоэлс и агент попали под автомашину в пьяном виде, их заставили выпить по стакану водки. Затем они по одному (вначале агент, а затем Михоэлс) были умерщвлены — раздавлены грузовой автомашиной.

3. Убедившись, что Михоэлс и агент мертвы, наша группа вывезла их тела в город и выбросила на дорогу одной из улиц, расположенных недалеко от гостиницы. Причем их трупы были расположены так, что создавалось впечатление — Михоэлс и агент сбиты автомашиной, которая переехала их передними и задними скатами.

4. Рано утром трупы Михоэлса и агента были обнаружены случайным прохожим и на место происшествия прибыли сотрудники милиции, составившие акт осмотра места происшествия.

В тот же день судебно-медицинская комиссия подвергла патологоанатомическому вскрытию трупы Михоэлса и агента и установила, что их смерть наступила от удара грузовой автомашиной, которой они были раздавлены.

Никакой документации по этой операции не проводилось. Все указания давались лично Абакумовым, который по ВЧ получал информацию о ходе операции».

2 апреля 1953 года первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, Министр внутренних дел СССР Берия, который вновь взял на себя руководство госбезопасностью, написал письмо Председателю Совета Министров СССР Маленкову под названием «О привлечении к уголовной ответственности лиц, виновных в убийстве С. М. Михоэлса и В. И. Голубова». В нем он раскрывает тайну убийства, обстоятельства смерти народного артиста СССР Михоэлса в Минске.

Берия установил, что известный советский актер, режиссер и общественный деятель Соломон Михоэлс погиб не под колесами грузовика в Минске в январе 1948 года, а был убит офицерами МГБ СССР по приказу тогдашнего министра госбезопасности В. С. Абакумова, действовавшего, несомненно, по поручению

Сталина. Он предложил Президиуму ЦК КПСС лишить участников убийства полученных за это преступление орденов и отдать под суд.

Приведем текст этого письма (в некоторых изданиях этот документ называют запиской. **— Э. И.**):

2 апреля 1953 г.

«Совершенно секретно

В ПРЕЗИДИУМ ЦК КПСС

т. МАЛЕНКОВУ Г. М.

В ходе проверки материалов следствия по так называемому «делу о врачах-вредителях», арестованных быв. Министерством государственной безопасности СССР, было установлено, что ряду видных деятелей советской медицины, по национальности евреям, в качестве одного из главных обвинений инкриминировалась связь с известным общественным деятелем — Народным артистом СССР МИХОЭЛСОМ. В этих материалах МИХОЭЛС изображался как глава антисоветского еврейского националистического центра, якобы проводившего подрывную работу против Советского Союза по указаниям из США.

Версия о террористической и шпионской работе арестованных врачей ВОВСИ М. С., КОГАНА Б. Б. и ГРИНШТЕЙНА А. М. «основывалась» на том, что они были знакомы, а ВОВСИ состоял в родственной связи с МИХОЭЛСОМ.

Следует отметить, что факт знакомства с МИХОЭЛСОМ был также использован фальсификаторами из быв. МГБ СССР для провокационного измышления обвинения в антисоветской националистической деятельности П. С. ЖЕМЧУЖИНОЙ, которая на основании ложных данных была арестована и осуждена Особым совещанием МГБ СССР к ссылке...

Следует подчеркнуть, что органы государственной безопасности не располагали какими-либо данными о практической антисоветской и тем более шпионской террористической подрывной работе МИХОЭЛСА против Советского Союза.

Необходимо также отметить, что в 1943 году МИХОЭЛС, будучи председателем еврейского антифашистского комитета СССР, выезжал, как известно, в США, Канаду, Мексику и Англию и его выступления там носили патриотический характер.

В процессе проверки материалов на МИХОЭЛСА выяснилось, что в феврале (так в тексте. Здесь допущена неточность или ошибка. Правильно — в январе. **— Э. И.**) 1948 года в гор. Минске быв. Министром госбезопасности Белорусской ССР ЦАНАВА, по поручению бывшего Министра государственной безопасности АБАКУМОВА, была проведена незаконная операция по физической ликвидации МИХОЭЛСА.

В связи с этим Министерством внутренних дел СССР был допрошен АБАКУМОВ и получены объяснения ОГОЛЬЦОВА И ЦАНАВА. Об обстоятельствах проведения этой преступной операции АБАКУМОВ показал: «Насколько я помню, в 1948 году Глава Советского правительства И. В. Сталин дал мне срочное задание — быстро организовать работниками МГБ СССР ликвидацию МИХОЭЛСА, поручив это специальным лицам. Тогда было известно, что МИХОЭЛС, а вместе с ним и его друг, фамилию которого не помню, прибыли в Минск. Когда об этом было доложено И. В. СТАЛИНУ, он сразу же дал указание именно в Минске и провести ликвидацию МИХОЭЛСА под видом несчастного случая, т. е. чтобы МИХОЭЛС и его спутник погибли, попав под автомашину. В этом же разговоре перебирались руководящие работники МГБ СССР, которым можно было бы поручить проведение указанной операции. Было сказано — возложить проведение операции на ОГОЛЬЦОВА, ЦАНАВА и ШУБНЯКОВА. После этого ОГОЛЬЦОВ И ШУБНЯКОВ, вместе с группой подготовленной ими для данной операции работников, выехали в Минск, где совместно с ЦАНАВА и провели ликвидацию МИХОЭЛСА. Когда МИХОЭЛС был ликвидирован и об этом было доложено И. В. СТАЛИНУ, он высоко оценил это мероприятие и велел наградить орденами, что и было сделано».

ОГОЛЬЦОВ, касаясь обстоятельств ликвидации МИХОЭЛСА и ГОЛУБОВА показал: «...Поскольку уверенности в благополучном исходе операции во время автомобильной катастрофы у нас не было, да и это могло привести к жертвам наших сотрудников, мы остановились на варианте — провести ликвидацию МИХОЭЛСА путем наезда на него грузовой машины на малолюдной улице. Но этот вариант хотя был и лучше первого, но также не гарантировал успех операции наверняка. Поэтому было решено через агентуру пригласить в ночное время в гости к каким-либо знакомым, подать ему машину к гостинице... где он проживал. Привезти его на территорию загородной дачи ЦАНАВА Л. Ф., где и ликвидировать, а потом труп вывезти на малолюдную (глухую) улицу города, положить на дороге, ведущей к гостинице. И произвести наезд грузовой машиной. Этим самым создавалась правдоподобная картина несчастного случая наезда автомашины на возвращавшихся с гулянки людей, тем паче подобные случаи в Минске в то время были очень часты. Так было и сделано».

ЦАНАВА, подтверждая объяснения ОГОЛЬЦОВА об обстоятельствах убийства МИХОЭЛСА и ГОЛУБОВА, заявил:

«...Зимой 1948 года, в бытность мою Министром госбезопасности Белорусской ССР, по «ВЧ» позвонил мне АБАКУМОВ и спросил, имеется ли у нас возможность для выполнения одного важного задания И. В. СТАЛИНА. Я ответил ему, что будет сделано.

Вечером ко мне позвонил и передал, что для выполнения одного важного решения правительства и личного указания И. В. Сталина в Минск выезжает ОГОЛЬЦОВ с группой работников МГБ СССР, а мне надлежит оказать ему содействие.

...При приезде ОГОЛЬЦОВ сказал нам, что по решению Правительства и личному указанию И. В. СТАЛИНА должен быть ликвидирован МИХОЭЛС, который через день или два приезжает в МИНСК по делам службы... Убийство МИХОЭЛСА было осуществлено в точном соответствии с этим планом... примерно в 10 часов вечера МИХОЭЛСА и ГОЛУБОВА завезли во двор дачи (речь идет о даче ЦАНАВЫ на окраине Минска. — **Э. И.**). Они немедленно с машины были сняты и раздавлены грузовой автомашиной. Примерно в 12 часов ночи, когда по городу Минску движение публики сокращается, трупы МИХОЭЛСА и ГОЛУБОВА были погружены на грузовую машину, отвезены и брошены на одной из глухих улиц города. Утром они были обнаружены рабочими, которые об этом сообщили в милицию».

Таким образом, произведенным Министерством внутренних дел СССР расследованием установлено, что в феврале (повторение ошибки, в действительности — в январе. — **Э. И.**) 1948 года ОГОЛЬЦОВЫМ и ЦАНАВА совместно с группой оперативных работников МГБ — технических исполнителей, под руководством АБАКУМОВА, была проведена преступная операция по зверскому убийству.

Учитывая, что убийство МИХОЭЛСА и ГОЛУБОВА является вопиющим нарушением прав советского гражданина, охраняемых Конституцией СССР, а также в целях повышения ответственности оперативного состава органов МВД за неуклонное соблюдение советских законов, Министерство внутренних дел СССР считает необходимым:

а) арестовать и привлечь к уголовной ответственности б. заместителя Министра государственной безопасности СССР ОГОЛЬЦОВА С. И. и б. Министра государственной безопасности Белорусской ССР ЦАНАВА Л. Ф.;

б) Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами и медалями участников убийства МИХОЭЛСА и ГОЛУБОВА отменить.

Л. БЕРИЯ»

3 апреля 1953 года было принято постановление Президиума ЦК КПСС о результатах проверки обстоятельств убийства С. М. Михоэлса и наказании виновных. В нем были такие строки:

«№ 3. п. II — Записка МВД СССР о результатах проверки материалов о Михоэлсе.

Учитывая, что убийство Михоэлса и Голубова является вопиющим нарушением прав советского гражданина, охраняемых Конституцией СССР, а также в целях повышения ответственности оперативного состава органов МВД за неуклонное соблюдение советских законов, принять предложение Министерства внутренних дел СССР:

а) Об аресте и привлечении к уголовной ответственности быв. заместителя министра государственной безопасности СССР Огольцова С. И. и быв. министра государственной безопасности Белорусской ССР Цанава Л. Ф.

б) Об отмене Указа Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами и медалями участников убийства Михоэлса и Голубова».

(АП РФ. Ф. 3. Оп. 32. д. 17. Л. 129. Копия. Машинопись Опубл. в кн. Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и др. материалы. Т. I. Март 1953 — февраль 1956. М., 2000. С.20.)

В тот же день по обвинению в убийстве Михоэлса был арестован С. И. Огольцов, а 4 апреля 1953 года глава МВД СССР арестовал бывшего своего ставленника Л. Ф. Цанаву, в качестве министра государственной безопасности Белоруссии непосредственно организовавшего покушение на Михоэлса.

В нашем распоряжении имеется очень ценный документ, составленный через 12 дней после ареста Лаврентия Фомича. Это протокол его допроса. Приведем его текст:

«16 апреля 1953 г.

Совершенно секретно

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

обвиняемого ЦАНАВА Лаврентия Фомича

ЦАНАВА Л. Ф., 1900 года рождения, уроженец села Нахуново Мартвильского р-на Грузинской ССР, грузин, гражданин СССР, член КПСС с 1920 года, образование среднее, до ареста не работал, с 17 марта 1952 года находился на пенсии.

ВОПРОС. На предыдущем допросе вы признали себя виновным в том, что выполняли поручения бывшего зам. министра государственной безопасности СССР Огольцова, связанные с подготовкой и организацией убийства народного артиста СССР МИХОЭЛСА и сопровождавшего его гр-на ГОЛУБОВА, которое было совершено в г. Минске в начале 1948 года. Покажите подробно, как было подготовлено и осуществлено убийство МИХОЭЛСА и ГОЛУБОВА.

ОТВЕТ. Все мероприятия по подготовке и осуществлению убийства МИХОЭЛСА и ГОЛУБОВА были проведены непосредственно командированной в Минск группой оперативных работников МГБ СССР во главе с первым заместителем министра ОГОЛЬЦОВЫМ С. И.

Дело обстояло следующим образом.

Насколько я припоминаю, в начале 1948 года мне позвонил по телефону в рабочее время бывший министр госбезопасности АБАКУМОВ и, предварительно осведомившись, один ли я в кабинете, спросил, имеются ли в МГБ Белорусской ССР возможности для выполнения, как дословно сказал Абакумов, «важного решения правительства и личного указания Сталина».

Я ответил, что все, что в силах МГБ Белорусской ССР, будет выполнено.

Ничего не сказав мне о характере задания, Абакумов обещал позже позвонить еще раз. Вечером того же дня Абакумов снова связался со мной по телефону и передал, что для выполнения задания, о котором он мне говорил, в Минск выезжает Огольцов с группой оперативных работников. Далее Абакумов сказал, что всю работу по выполнению задания будет проводить Огольцов, а мне надлежит оказывать ему необходимую помощь.

ВОПРОС. Содержанием этого задания вы у Абакумова интересовались?

ОТВЕТ. Нет. Сам Абакумов о характере задания мне опять ничего не сказал, а я не счел возможным по телефону выяснять существо поручения, которое Абакумов характеризовал как важное.

Спустя примерно час после разговора с Абакумовым мне позвонил Огольцов и, подтвердив, что через день он на автомашине выезжает в Минск, предложил о его приезде никому не говорить.

Через два дня Огольцов с группой работников МГБ СССР на двух автомашинах прибыл на мою квартиру в пригороде Минска — Слепянке.

Приехав домой со службы по вызову Огольцова, позвонившего мне по телефону с моей квартиры, я застал там кроме Огольцова полковника Шубнякова, секретаря Огольцова подполковника Косарева и двух незнакомых мне людей. Это, как оказалось, были полковник Лебедев и шофер Круглов, которых Огольцов, знакомя меня с ними, назвал работниками «боевой группы МГБ СССР».

К моменту моего приезда на квартиру автомашины, на которых прибыла эта группа работников МГБ СССР, были помещены в гараж МГБ Белорусской ССР, расположенный вблизи дачи, в которой я проживал. Там же, в гараже, находились и два шофера, управлявшие автомашинами при их следовании из Москвы в Минск.

Вскоре Огольцов пригласил меня, Шубнякова и Лебедева в одну из комнат дачи и сообщил, что он приехал в Минск для выполнения, как он сказал, «решения правительства» и «указания Сталина» о ликвидации Михоэлса».

ВОПРОС. Как вы реагировали на сообщение Огольцова?

ОТВЕТ. После телефонного разговора со мной Абакумова и сообщения Огольцова я не сомневался в том, что решение, о котором они оба говорили, существует. К тому же Огольцов в присутствии Шубнякова и Лебедева заявил, что такое «решение» состоялось несколько дней назад и что «боевая группа МГБ СССР» предпринимала меры к убийству Михоэлса еще в Москве, но сделать это не удалось, так как Михоэлс ходил по Москве в окружении многих женщин. Поэтому убийство Михоэлса было решено осуществить во время его пребывания в командировке в Минске.

На мой вопрос, в чем обвиняется Михоэлс и почему избран такой метод наказания его, Огольцов ответил, что на Михоэлса делают большую ставку американцы, но арестовывать его нецелесообразно, так как он широко известен за границей. Впрочем, продолжал Огольцов, в политику вдаваться нечего, у меня есть поручение, его надо выполнять».

Уже после падения Берии Президиум ЦК КПСС ограничился тем, что отнял у убийц ордена Красного Знамени и их арестовали.

Комментируя объяснительную записку Огольцова, протоколы допросов Абакумова, арестованного еще в июле 1951 года, и Цанавы, а также письмо Берии, направленное 2 апреля 1953 года в Президиум ЦК КПСС, писатель Александр Борщаговский отмечал: «Эмоциональный эффект «коллективного» письма Абакумова, Огольцова и Цанавы, с помощью которого Берия торопится подстраховаться, так сказать, отпрянуть от «преступников из органов госбезопасности», — этот эффект таков (мол, вот она, истина и разгадка!), что второпях можно пройти мимо лжи, которой пропитаны едва ли не все строки этого письма в Президиум ЦК КПСС. Обнажение лжи необходимо для понимания величайшего, многоступенчатого преступления Сталина и его клики, преступления, в котором убийство Михоэлса служило только началом, сигналом к развертыванию геноцида.

...Его (Сталина. — **Э. И.**) стихия — приговор, вынесенный изустно, бесстрастно, не повышая голоса. Иногда, как мы убедимся, приговор, продиктованный гневливо сведенными бровями, сердитым ударом ребром ладони по столу, — все что угодно, вплоть до сатанинского разрушения домашнего очага своих пре-

данных соратников, — только не то, что предлагают нам в своих хитрых, продиктованных Берией показаниях Абакумов, Огольцов и Цанава.

Приняв их показания, Берия как бы хочет помочь им, хочет дать шанс обреченным палачам, чьи услуги больше никому не понадобятся. Продолжается жестокая игра, до поры благоприятствующая Берии. Он быстро, не откладывая, устранит прямых виновников убийства Михоэлса, и главное, покончит с людьми, которым известно, что это убийство и начавшийся тотальный поход против евреев одобрены Сталиным и его приспешниками, начиная с Маленкова и самого Берии... А обреченная троица — Абакумов, Огольцов и Цанава — пальцем не шевельнут против него, того, кто позволил им решительно все свалить на Сталина, сделав их самих покорными (попробуй не подчинись Сталину!), по принуждению, исполнителями высочайшего приказа.

Лир — С. Михоэлс, Шут — В. Зускин. Зарисовка В. Тарасовой. 1942 г.

...В том, что Берия позволил (если не продиктовал!) всем троим спрятаться за Сталина, они видели какой-то шанс на спасение жизни, просвет, надежду обойтись сроком, а не пулей в затылок. Даже Абакумов, как известно, лучше других стоявший под пытками после ареста, пытался изо всех сил доказать, что убийство Михоэлса было организовано не им самим, а навязано ему высочайшим приказом, монаршей волей, — приказ был столь внезапным, что он и точных сроков не удержал в памяти...

Цанава, тоже стараясь прикрыться именем Сталина, доходит до абсурда. Сначала звонок к нему в Минск высокого министра с неправдоподобным вопросом: есть ли у Цанавы возможность для выполнения важного задания Сталина? Затем информация о выезде Огольцова в Минск, и снова с упором на «выполнение важного решения Правительства и личного указания И. В. Сталина». В 1948 году в телефонном разговоре сотрудников госбезопасности и могло быть употреблено слово «Инстанция», но не «ЦК», не «правительство» и уж никак не «Сталин». Через несколько строк Цанава снова напоминает, что Огольцов по прибытии в Минск привлек его не просто к очередной кровавой операции, а «к ликвидации по решению Правительства и личному указанию И. В. Сталина».

Усилия их напрасны, надежды несбыточны. Упор делается на то, что они не убийцы, а по принуждению организаторы чекистской акции по приказу высочайшей из всех существующих в мире «Инстанций»: убивали не они, а те, кого Берия в письме в ЦК КПСС (точнее, в Президиум ЦК КПСС. — **Э. И.**) называет «техническими исполнителями», кто по малости своей был, надо думать, среди награжденных не орденами, а медалями...

Задержимся немного в Минске, на «тихой», «глухой», «безлюдной», «отдаленной» — как только ее не называли — улочке, у распростертых на снегу двух тел: Голубова, умершего сразу, и Михоэлса, в чьем могучем организме жизнь, по определению врачей, продолжала теплиться еще 4—5 часов, пока его не сломил мороз. Врачей Минска, всполошившихся и потрясенных, отстранили сразу же, едва люди Цанавы просигналили, что трупы обнаружены и доставлены в морг.

Какая топорная, невежественная, примитивная, будто под пьяную лавочку работа убийц! А кого, собственно, могли они опасаться?! Врачей-патологоанатомов прогнали. Милиция столицы Белоруссии стояла по стойке «смирно». Никто и не пошевелился, чтобы начать поиск ночных убийц. Два цинковых гроба готовы, кажется, заранее готовы. Их погрузят в поезд, привезут к большой, молчаливой, скорбной толпе на Белорусском вокзале Москвы.

К апрелю 1953 года, когда Абакумов, Огольцов и Цанава давали свои письменные показания, бывший министр давно находился под следствием, был нещадно бит мстительным Рюминым, едва держался на ногах, и какие-то подробности и точная дата ушли из памяти. Но Цанаве предстояло еще только двинуться по пути Абакумова, он еще не схвачен и не бит, к тому же ему нечасто доводилось проводить ликвидацию мировых знаменитостей. И он все запомнил в подробностях. У него мы прочтем, что Огольцов с бригадой убийц прибыл в Минск раньше Михоэлса: едва из ВТО или Комитета по Сталинским премиям было сообщено о выписанных командировках и купленных билетах. О смене сопровождающего Михоэлса театрального критика было решено, как это сформулировал генерал Огольцов — «через агентуру пригласить (Михоэлса) в ночное время в гости к каким-либо знакомым, подать ему машину к гостинице».

А в Минске морозной ночью на 13 января 1948 года Михоэлса позвали на свадьбу.

Версия, для меня единственная, но не принятая многими, получила теперь документальное, казенное подтверждение: все было именно так, как рапортовал генерал Огольцов начальству и как спустя несколько лет он покаянно писал на имя Берии: через агентуру приглашение в ночное время в гости и машина, поданная к гостинице.

Но вот подозрительное несовпадение: на него должен был обратить внимание уголовный профессионал Берия. По Огольцову, жертвы были убиты на территории загородной дачи министра госбезопасности Белоруссии, вывезены на малолюдную улицу города, после чего на них «произвели наезд грузовой машиной». Цанава объясняет по-другому: на его даче Михоэлса и Голубова не убивали. Их привезли мертвыми («они немедленно с машины были сняты»), на даче их раздавили грузовой автомашиной, а к полуночи трупы были «отвезены и брошены на одной из глухих улиц города».

Можно предположить, что «технические исполнители», не посвященные в то, сколь высокая миссия выпала им, схалтурили: убили и без угрызений совести проехали по телам убитых на легковой машине; начальство, согреваясь коньячком за столом у Цанавы, едва ли наблюдало за подробностями казни. Поэтому и потрясенный Зускин (ведущий актер Государственного еврейского театра, а после смерти Михоэлса — его художественный руководитель. — **Э. И.**), ослепший от горя и накативших страхов, и два опытнейших медика — Збарский и Вовси, как пишет Наталия Михоэлс, «видели чистое, неповрежденное тело...». Збарский несколько часов готовил Михоэлса к последнему, трагическому выходу к народу в фойе ГОСЕТа, уж он-то заметил бы повреждения «раздавленного тела». Зимняя одежда — шуба — защитила тело при наезде легковой машины».

Советский живописец, скульптор, художник театра, график Александр Тышлер вспоминал: «А 15 января (1948 года. — **Э. И.**) в морозный день мы встречали Михоэлса, уже лежащего в гробу... Больше ничего вспоминать не хочется. Добавлю только: я сопровождал его тело к профессору Збарскому, который наложил последний грим на лицо Михоэлса, скрыв сильную ссадину на правом виске. Михоэлс лежал обнаженный, тело было чистым, не поврежденным...»

В Государственном архиве Российской Федерации хранится очень интересный документ. Это Указ Президиума Верховного Совета СССР о посмертной реабилитации С. М. Михоэлса.

Приведем его текст:

«30 апреля 1953 г.
Без опубликования в печати

О ВОССТАНОВЛЕНИИ МИХОЭЛСА С. М. В ПРАВАХ
НА ОРДЕН ЛЕНИНА И ЗВАНИЕ НАРОДНОГО АРТИСТА СССР

Отменить пункт 60 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 6 марта 1953 года о лишении Михоэлса Соломона Михайловича ордена Ленина и звания Народного артиста СССР как неправильный.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
К. ВОРОШИЛОВ
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
А. ГОРКИН
Москва, Кремль».

После ареста Берии Огольцов 6 августа 1953 года будет выпущен на свободу «полностью реабилитированным» по делу об убийстве Михоэлса. Его даже возьмут на работу, зачислив в распоряжение отдела кадров МВД СССР. В январе 1954 года Огольцов был переведен в запас. После того, как покровительствовавший ему Маленков будет выведен из руководства как член «антипартийной» группы, Огольцова в 1957-м «уволят по фактам дискредитации» с работы, потом, 14 февраля 1958 года исключат из партии Комиссией партийного контроля при ЦК КПСС «за грубое нарушение социалистической законности, в результате которого были осуждены к высшей мере наказания и длительным срокам заключения работники ленинградских высших учебных заведений». 8 июня 1959 года он был лишен воинского звания и правительственных наград «как дискредитировавший себя во время работы в органах». С. И. Огольцов умер 26 октября 1976 года — на 77-м году жизни.

Главный же организатор этого «дела» по линии МГБ бывший министр госбезопасности В. С. Абакумов с 1951 года пребывал в заключении по обвинению в сокрытии «сионистского заговора» в МГБ СССР. 19 декабря 1954 года его расстреляют, но не за незаконные репрессии против «еврейских националистов», не за организацию и общее руководство убийством Михоэлса, а за инспирирование «ленинградского дела».

Что же касается Л. Ф. Цанавы, именно его активное участие в убийстве С. М. Михоэлса стало причиной его ареста, а в конце концов — и его гибели.

АЛЕСЬ МАРТИНОВИЧ

Чрезвычайный и Полномочный Посол

Аркадий Соколов: портрет на фоне семьи и времени

Не без хвастовства признаюсь: домашняя библиотека у меня большая. Особая моя гордость — многотомное серийное издание энциклопедического характера историко-документальных хроник районов и городов Беларуси «Память». Который том ни возьмешь, получаешь богатейшую информацию о прошлом и настоящем определенного района, города. Поэтому иногда с удовольствием и перевораживаю страницы этих книг, обязательно находя в них для себя какую-нибудь интересную информацию, которую при первом знакомстве не заметил.

Так было и на этот раз, когда стал перечитывать «Память» Осиповичского района. Привлек внимание подраздел «После освобождения». Советские войска освободили Осиповичи 28 июня 1944 года, что имело большое значение, поскольку тем самым стало возможным задействовать этот железнодорожный узел для решения важных задач. Читаю: «Среди железнодорожников развернулось соревнование за досрочное выполнение планов восстановительных работ и перевозок. До конца 1944 г. на станции Осиповичи работало 8 комсомольских ударных бригад. В локомотивном депо были выделены составы «Комсомольский паровоз» и «Партизанка», бригады которых вели трудовое соревнование. Бригаду «Комсомольского паровоза» возглавлял Аркадий Соколов, которому в 1945 г. было присвоено звание лучшего машиниста Белорусской железной дороги».

Этот Аркадий Соколов, которому была оказана такая честь, меня сразу заинтересовал. На железной дороге и в то время работали десятки машинистов. Среди них, безусловно, были и те, кто имел в своем деле огромный опыт. Однако предпочтение отдали ему, молодому, находившемуся еще, по сути, только в начале своего жизненного пути. Хотелось узнать, откуда он родом, где до Осиповичей успел поработать. Видимо, в годы Великой Отечественной войны воевал. Интересно, а как сложилась его дальнейшая судьба? Пожалуй, достиг немалых профессиональных высот. Как выяснилось, это в самом деле так. Аркадий Васильевич прожил удивительно яркую, насыщенную, богатую событиями, встречами с интересными людьми жизнь.

Родился в... рубашке

К сожалению, детально углубиться в истоки рода Соколовых не получится. Люди трудовые — как от земли, так и от станка, — никогда своих родословных не писали, разве что-либо передавалось из поколения в поколение. Род Соколовых — не исключение. Известно только, что дед Аркадия Васильевича Евдоким, уроженец поселка Шексна, что на Вологодчине, подался в Петербург. Но в 1917 году его тяжело ранило. Повреждение позвоночника привело к тому, что был парализован. Любящая жена Пелагея, узнав о несчастье, сразу же прибыла в столицу и забрала мужа домой. Благодаря ее заботам он и стал поправляться. Правда, почти не ходил, зато мог сидеть. Начал подшивать валенки. Жена же хозяйством

занималась. Старался помогать и повзрослевший сын Василий, родившийся в Шексне 8 ноября 1901 года. Василий Евдокимович позже и стал отцом Аркадия Соколова.

Вместе с родителями жила и их младшая дочь. Старшая же, выйдя замуж, переехала с мужем в Бабаево — небольшой городок с железнодорожной станцией. Когда Василий подрос, они забрали его к себе. Работая в депо, муж сестры, пристроил своего шурина на паровоз кочегаром. Отслужив в Красной Армии, Василий вернулся в Бабаево. Выучился на машиниста и стал сам водить железнодорожные составы.

В Бабаево Василий Соколов познакомился и с Марией Смирновой, совсем еще юной — только шестнадцать лет исполнилось — продавщицей на вокзале. Увидел ее впервые, и сразу же словно что-то в душе перевернулось. Машенька на его глубокие чувства отвечала взаимностью, поэтому через год они поженились. И Маша Смирнова стала Марией Соколовой. Вскоре молодожены оставили Бабаево. Переехали в древний город Тихвин — районный центр под Ленинградом.

В 1923 году у Соколовых родился первенец, которому дали имя Аркадий, в 1925-м — дочь Людмила, в 1927-м — Валентина, в 1928-м — сын Юрий, в 1931-м — дочь Ирина.

Аркадий был из тех, о ком говорят: родился в рубашке. Роды проходили очень трудно. Родные даже боялись, что хрупкая роженица не выживет. Поэтому на всякий случай пригласили священника. Опасаться за Марию имелись все основания. Роды-то были у нее первые, а малыш, как оказалось, имел пять килограммов. Видимо, от переживаний позже никак не могли толком вспомнить, когда он появился на свет. Одни утверждали, что он родился в сентябре 1923 года. Существовали разногласия и о месте его рождения. По одним сведениям, это произошло в городке Пикалево Ленинградской области. По другим — в Бабаево. Но, возможно, и в Дорофеево Вологодской области. Поэтому, чтобы раз и навсегда избавиться от путаницы, в метрике официально записали: место рождения — город Ленинград, дата рождения — 27 декабря 1923 года.

Когда веришь, многое прощаешь

Известно, какие тогда времена были. Воедино слилось в них как то, что свидетельствовало о высоких помыслах духа, приводящих к значительным достижениям в разной сфере деятельности, так и все низменное, когда благие помыслы и начинания вели к уничтожению инакомыслия, а в результате не щадились те, кто позволял себе хотя бы в чем-то сомневаться. Вместе с тем успешно проводилась индустриализация. Хотя и с некоторыми издержками, но так же успешно проходила и коллективизация. В обществе формировались новые отношения, совсем не похожие на те, которые были раньше.

Будучи человеком долга, активной жизненной позиции, особо над трудностями не задумывался и Василий Евдокимович. Более того, старался постоянно находиться в курсе событий, происходивших не только в стране, но и за рубежом. Для этого внимательно слушал радио, регулярно читал газеты, предпочитая «Правду» и «Известия».

Особенно высоко оценивал Василий Соколов Сталина. Считая Иосифа Виссарионовича истинным вождем народа, как и большинство советских людей, искренне верил в светлое будущее своей страны. Все положительные изменения в жизни страны связывал с его именем. Эту веру, убежденность подкреплял своим честным, добросовестным трудом. Никогда не боялся трудностей, поэтому при необходимости шел на тот участок работы, на который направляла партия. «Осечка» получилась только однажды, когда отказался от должности начальника депо в Новосибирске.

Однако, заявив решительное «нет!», совсем не о себе думал, а беспокоился за своих близких. Как было ему с такой большой семьей ехать в Сибирь! Туда, где

Аркадий Соколов.

месяцами лежит снег, стоят сильные морозы. Да и не по себе становилось Василию Евдокимовичу от мысли, что его — честного, порядочного, преданного партии человека, хотят направить туда, куда обычно высылали «врагов народа». Не думалось, что из-за отказа ехать в Новосибирск его и самого могли запросто причислить к «врагам народа». К счастью, в список их не попал, черный «воронок» за ним не приехал.

Когда же начались массовые репрессии, сильно переживал. Часто задавал себе один и тот же вопрос: как и почему все это происходит? Неужели и в самом деле появилось столько «врагов народа»? В это не хотелось верить, но не верить не мог, поскольку по-прежнему был уверен в том, что Сталин, партия не могут ошибаться, допускать беззакония. Значит, есть необходимость в том, чтобы сурово наказывать тех, кто вредит советской власти.

Этой убежденности придерживался даже после того, когда мужа его сестры, работавшего в депо Бабаево, куда сам и устроил его, в тридцатые годы арестовали. Шесть месяцев просидел тот в печально известных Крестах, а потом был выслан в Сибирь. Узнав об этом, Василий Евдокимович прекратил с родственниками переписку. Считал их врагами, как в этом были убеждены и те, кто ломал их судьбу.

С высоты сегодняшнего дня ко всему этому можно относиться по-разному. Но в одном нельзя упрекнуть Василия Евдокимовича — в его честности, а честный человек, когда в чем-то и ошибается, никогда не может изменить своим принципам, своей убежденности.

Бывай, Тихвин!

Жить бы Соколовым в Тихвине да поживать, если бы в начале тридцатых годов прошлого столетия в Беларуси не началось восстановление разрушенного Гражданской войной хозяйства. Последствия разрухи особенно чувствовались в промышленности, хотя и на деревне ситуация была ненамного лучшая. Но промышленность — основа основ, без нее далеко не уедешь. В переносном, правда, смысле. А вот без отлаженной и четкой работы железнодорожного транспорта и в прямом смысле.

Последовав сталинскому призыву, все республики Советского Союза взялись оказывать помощь БССР в развитии народного хозяйства. Желающих помочь братскому белорусскому народу оказалось немало. Среди них был и Василий Соколов. И как результат, в августе 1931 года он вместе с семьей переехал в Осиповичи, стал машинистом-инструктором. Водил поезда по всем основным направлениям: Осиповичи — Минск, Осиповичи — Слуцк, Осиповичи — Гродно, Осиповичи — Гомель. Работа, конечно, по-прежнему забирала много времени, но старался уделять внимание и семье. В 1937 году у Соколовых родилась еще одна дочь, которую назвали Светланой. Через два года на свет появилась Галина.

Руководство железнодорожного узла решило улучшить жилищные условия семьи Соколовых. Вскоре после рождения Галины им выделили двухкомнатную квартиру в «трехэтажке». Так называли в Осиповичах дом, в котором проживали

железнодорожники. Переселение в отдельную квартиру для семьи стало огромной радостью. Трехэтажка и по сей день стоит, только немного поменяла свой внешний вид. Но самое главное, в ней живут приветливые и отзывчивые люди. А некоторые из них еще помнят семью Соколовых.

Подспорьем для семьи стало и то, что, как и раньше, имели небольшое подсобное хозяйство, да и свой сад был. Выращивали овощи, с нетерпением ожидали урожая яблок, груш, слив. Разводили кур, другую живность. Даже держали поросят, за которыми с удовольствием присматривали старшие дети. Очень любил это занятие и Аркадий. Появилась у Соколовых и своего рода дача. Правда, «дача» сказано громко. Это был обычный деревенский дом, да и тот не свой. Мария Андреевна как-то познакомилась в Осиповичах с одной женщиной, которая назвалась Натальей Ермаковой. Наталья Степановна со своими сестрами Марией и Марфой проживала в деревне Замошье невдалеке от Осиповичей, вблизи железной дороги. Ермакова оказалась добросердечной, чуткой, любящей детей женщиной. Узнав, что у Соколовых большая семья, предложила, чтобы дети на лето приезжали к ней отдыхать.

Равнение... на Рахметова

Семья же Соколовых была примером для других. С какой стороны ни посмотри, есть чему поучиться, есть у кого перенять опыт. Трудолюбие и честность родителей, усердие детей. Как ни трудно, они не только помогали по дому, но и хорошо учились, а чтобы пропустить занятия — и мысли ни у кого из них не было. Особенно старался мамин любимец Аркадий, который рос необыкновенно умным и любознательным ребенком.

В этом немалая заслуга обоих родителей. Мария Андреевна еще в раннем возрасте рассказывала ему сказки, которые схватывал буквально на лету. Отец постарался, чтобы старший сын рано овладел грамотой. Уже в пять лет Аркаша мог читать газеты. Да и в школе сразу обратили внимание на способного мальчика. Вскоре Аркадий Соколов стал лучшим учеником города Осиповичи. Не только учился на отлично, но и принимал активное участие в общественной жизни школы. Дважды, в 1937 и в 1938 годах, его награждали путевкой во всесоюзный пионерский лагерь Артек.

Никто из учителей не сомневался в глубоком знании Аркадием Соколовым «своих» предметов. Одноклассники же часто просили его помочь в решении той или иной математической задачи, объяснить какой-нибудь вопрос, для выяснения сути которого учебника было мало. Дошло до того, что Соколов, будучи старшеклассником, писал директору школы тексты докладов для выступлений на районных партсобраниях и конференциях.

Родители не могли нарадоваться тому, что у Аркаши такие большие успехи. Особенно после того, как однажды Василий Евдокимович вернулся с очередной районной партийной конференции сияющим. А на такие конференции, собрания его всегда приглашали. Директор школы после конференции сказал ему: «Ваш сын будет большим человеком».

Как и следовало ожидать, среднюю школу Аркадий Соколов окончил с золотой медалью. Как и многие юноши предвоенного времени, восхищенные героическими полетами Валерия Чкалова и других летчиков, он грезил небом. Зная, что профессия летчика требует хорошей физической подготовки, большой выносливости и силы, заранее готовил себя для этого. Разумеется, регулярно делал зарядку, много занимался спортом. Зимой с удовольствием ходил на лыжах. Однако этим не ограничивался. Прочитав роман Николая Чернышевского «Что делать?», решил взять на вооружение пример его главного героя. Как и Рахметов, вбивал в доску гвозди и ложился на них. Делал это тайком от родителей, чтобы не давать им повода для волнения.

Уверенный в себе, Аркадий не задумываясь подал заявление в летную школу. Увы, этой его мечте не суждено было сбыться. Строгая медицинская комиссия нашла у него врожденный порок сердца. Когда, расстроенный, вернулся домой, долго не мог прийти в себя. Но через несколько дней устроился в железнодорожное депо слесарем по ремонту железнодорожных вагонов.

Первое испытание

О том, что началась война, Мария Андреевна узнала, находясь с детьми в Замошье. Репродукторов в деревне, правда, не было, но она интуитивно почувствовала нечто неладное. Поэтому собрала детей и вместе с ними спешно оставила Замошье. Едва вышли за околицу, увидели бегущего навстречу им Василия Евдокимовича. Он сообщил, что немцы скоро будут в Осиповичах, поэтому возвращаться домой нельзя.

В это время как раз шел пригородный поезд в сторону Бобруйска. Василий Евдокимович замахал руками, давая понять машинисту, чтобы тот остановился. Состав сразу начал замедлять ход. Как оказалось, это был эшелон с жителями Осиповичей и направлялся он в Могилев. И машинист, и проводники сразу же узнали, кто им машет.

До самого Могилева казалось, что все будет спокойно. Но неожиданно в небе появились фашистские самолеты и стали массированно бомбить город. Состав остановился. Люди в панике начали выскакивать из вагонов и по полю бросились к лесу. Мария Андреевна, увлекая за собой детей, последовала за ними.

— Остановитесь! — закричал Василий Евдокимович.

— Вася, ты в своем уме?! — криком на его крик ответила Мария Андреевна.

— Конечно, погибнем, если бомба попадет в наш вагон. Все погибнем, а если не попадет, то все останемся живы. Те же, кто бежит к лесу...

Он не успел договорить. Из окна вагона было видно, как вблизи состава появились самолеты с черной свастикой на крыльях. Они снизились и на бреющем полете начали расстреливать тех, кто пытался найти спасение в лесу. При этом совершали заход за заходом, с садистским озверением посылая из пулеметов очереди в невинных и безоружных людей. Когда боекомплекты окончились, самолеты спокойно развернулись и направились обратно. Состав же нисколько не пострадал, и все, кто не поддался панике, прибыли в Могилев живыми и здоровыми.

Где только не бывали

В Могилеве уже проходила эвакуация мирных жителей. В один из составов, следовавших в Саратовскую область, Василий Евдокимович посадил жену с детьми. Сам же остался в городе.

В дороге Мария Андреевна сблизилась с двумя многодетными семьями. Поэтому очень обрадовалась, когда их вместе направили в один и тот же колхоз. Аркадий работал помощником комбайнера, а Мария Андреевна, дочери Люда, Валя, Ира и сын Юра убирали арбузы, морковь, свеклу, картофель. Жили в отдельном домике и, как все эвакуированные, получали паек. Да и арбузами, морковью можно было полакомиться. Не говоря о том, что созревали цитрусовые, которые детям приносили большую радость и удовольствие, ведь в Беларуси они в довоенное время являлись диковинкой. Жили бы и работали в этом колхозе и дольше, но в конце августа 1941 года приехал Василий Евдокимович. Его всетаки не мобилизовали. Не был он обременен и привязкой к какому-то конкретному месту проживания. Поэтому и поехал к своей семье. Однако не только для проведывания жены и детей, за судьбу которых постоянно переживал. Чтобы

близкие люди чувствовали себя в большей безопасности, решил перевезти семью еще дальше на восток, в Узбекистан, в город Коканд Ферганской области.

В Коканде Василий Евдокимович устроился в депо машинистом, Аркадий — кочегаром на паровозе, Мария Андреевна — техничкой в школе. Сестрам же Аркадия — Валентине и Людмиле пришлось осваивать совсем не женские профессии. Валентина стала электросварщиком, а Людмила, окончив школу фабрично-заводского обучения (их тогда, да и после войны, обычно называли ФЗО) — формовщицей. Да к трудностям им было не привыкать. Главное, что нашли работу. Хотя и не сказать, чтобы хорошо платили, но для военного времени — неплохо. Немаловажно было и то, что все были вместе, жили одной семьей. Однако Василий Евдокимович понимал, что так долго продолжаться не может. При этом, конечно, имел в виду себя и Аркадия. Оба они военнообязанные.

На фронт на своем... паровозе

Василия Евдокимовича и Аркадия откомандировали в Калугу. Задачу очертили четко: обеспечение нужд фронта, а если более конкретно, то это доставка воинских эшелонов с живой силой, военной техникой, а также других грузов, требующихся фронту. Решил взять с собой и младшего сына Юру. Пусть постепенно осваивает железнодорожные профессии, начиная с кочегара. Отправились в дорогу на своем паровозе. Правда, не на приобретенном за собственные деньги. Откуда столько денег могли они взять! Поехали на том паровозе, на котором до этого работал Василий Евдокимович.

По прибытии Аркадий стал машинистом бронепоезда в прифронтовой полосе. Кое-кто, прочитав это, может подумать, что ему несказанно повезло. Осмысливая пережитое, Аркадий Васильевич вспоминал: «Опасностей в прифронтовой зоне, когда едешь даже не на обычном поезде, а на бронепоезде, подстерегало не меньше, чем тогда, когда находишься на передовой, в окопах, по сути, в близком

Приезд Никиты Хрущева в Курск. Аркадий Соколов второй справа.

соприкосновении с противником. Где бы ты ни проезжал — в чистом поле, по лесной или железнодорожной просеке, — всегда для вражеских самолетов как на ладони. Они, как стервятники, только и ожидают, когда поступит сообщение, что к передовой направляется очередной состав. Мгновенно появляется целая «стая» их и на бреющем полете начинают «утюжить» эшелон. А деться-то некуда... Одна надежда только на то, что своевременно подоспеют наши истребители и вступят с фашистскими самолетами в воздушный бой».

Для Соколова такая надежда не однажды становилась явью. Поэтому эшелоны, которые он вел, всегда приходили к месту назначения вовремя и невредимыми. Один случай запомнился особенно хорошо. Потому и запомнился, что для того, чтобы эшелон взлетел в воздух, достаточно было попадания большого осколка или пулеметной очереди, ибо гружен он был не только военной техникой, но и боеприпасами.

Поначалу все было спокойно. «Пронесет», — подумалось Аркадию. И надо же так случиться, что именно в этот момент он увидел вынырнувший из-за леса «юнкерс». Сомнения не было: вражеский разведчик, вынюхивающий добычу. Потом он за собой приведет и другие самолеты.

— Ребята! — закричал Соколов, обращаясь к своему помощнику и кочегару. — Быстрее связывайтесь со штабом!

А ребятам и так все понятно. Сразу же сообщили по радиостанции:

— Над нами вражеский самолет!

«Юнкерс» тем временем улетел к своим. Не прошло и полчаса, как к эшелону начала приближаться эскадрилья вражеских самолетов. Увидев их, Соколов снова перешел на крик:

— Гони на полную! Давай на всю катушку!

Хотя состав не просто тяжелый, а сверхтяжелый, смогли разогнать до шестидесяти километров в час. Только рельсы стонали под его тяжестью.

Ничего не скажешь: молодцы ребята! Однако, если не подоспеет помощь, вряд ли удастся успешно завершить этот рейс. А «юнкерсы» уже снижаются, собираясь заходить на бомбежку состава, но краснозвездных самолетов все не видно и не видно. Выглянул из кабины... Захотелось закричать. Возможно, и закричал. А может быть, это свою радость выказали помощник с кочегаром. В небе появились долгожданные самолеты с красными звездами на крыльях. Их было, как и вражеских, целая эскадрилья. «Юнкерсы» не ожидали их появления. Поэтому, застигнутые, по сути, врасплох, только сделали один заход, приближаясь к эшелону, и начали набирать высоту, чтобы быстрее уйти.

— Ура! — невольно вырвалось у Аркадия Соколова.

— Ура! — следом за ним повторили помощник машиниста и кочегар.

Иного не дано

В действующую армию Аркадия Васильевича мобилизовали в 1942 году, попал под Сталинград. Сначала был помощником командира взвода, а потом стал командиром этого подразделения. А какой командир пользуется наибольшим уважением у подчиненных? Правильно: тот, который не прячется за их спины, а сам стремится туда, где труднее. Так и поступал всегда Соколов. Особенно тогда, когда понимал, что успех дела в большей степени зависит от того, насколько он возьмет, как говорится, ситуацию в свои руки. Четко сориентируется в непростых условиях сам, да и другим подскажет, как нужно действовать. Так действовал и тогда, когда его взводу приказали идти в разведку и во что бы то ни стало взять языка.

Пошли втроем: сам Соколов, его заместитель и еще один солдат, имя которого Аркадий Васильевич со временем запамятовал. Как и следовало в таких случаях, проявляли не просто осторожность, а сверхосторожность. Хотя ночь была и темная — на небе ни звездочки, а месяц спрятался за тучи, старательно выверяли

каждый свой шаг. И хотя крались по лесу едва не на цыпочках, вражеский пост все-таки их засек.

Как потом выяснилось, гитлеровцев было человек пятнадцать, что, конечно, придавало им решительности. Потому, едва заслышав подозрительный шорох, противник открыл сильный огонь, чтобы потом окружить их. Аркадий Васильевич принял единственно правильное в тот момент решение. Он приказал своему заместителю оставаться на месте. Сам же с одним солдатом решил попытаться дезориентировать противника, чтобы тот подумал, что разведчиков уже на том месте, где их засекли, нет. Для этого Соколов и солдат побежали в сторону от расположения немцев, но не назад, а вперед. Им способствовало то, что местность была пересеченная — сплошные овраги. Для того же, чтобы немцы еще больше убедились, что они отходят, начали между собой громко переговариваться. Указывали направление, куда перемещаются. Тем самым брали огонь на себя. Но так и было задумано, чтобы сбить немцев с толку. Иного, как говорится, не дано.

Немцы же бросились за ними, преследуют, а они не спешат стрелять, патроны экономят. Только все время кричат, голос подают. Да еще при беге громко стучат ногами, чтобы создавалось впечатление, что советских солдат много. Сделали полукруг мимо вражеских позиций. Стало быть, «развернулись», залегли. А заместитель командира взвода у немцев за спиной оказался. Только после этого открыли огонь. Конечно, была и опасность, что пуля того же заместителя командира в кого-либо из них самих попадет или они сами подстрелят его. Ведь ночь такая темная, трудно выяснить, где кто стреляет: свои или чужие. Но опять-таки, иного не дано, остается только надеяться на удачу да на то, что пуля врага обойдет тебя.

Продуманные действия Соколова возымели свой результат: в плен взяли трех человек, от которых удалось получить довольно важную информацию. Пленен был и немецкий офицер. Он признался в том, что им показалось, будто на них напал целый отряд русских. Из-за этого и действовали менее решительно, чем могли. Что ж, оправдание всегда можно найти. Но главное не это, а что результат получился хороший. Аркадий Васильевич с товарищами остались довольны тем, что взяли не одного языка, а даже трех.

Но фортуна, как известно, дама с характером. То относится к тебе с пониманием, то обходит стороной, тогда можно ожидать любую неприятность. Так случилось и с Соколовым. Правда, не в этом бою. Все произошло 5 июля 1942 года под Камышином в преддверии Сталинградской битвы.

И советские войска, и фашисты пытались любым способом держать инициативу в своих руках. Но это давалось с неимоверными трудностями. Зачастую ситуация менялась несколько раз за день. Так было и на этот раз. Причем успех явно способствовал Красной Армии, что не могло не обозлить гитлеровцев. Они подтянули свежие силы на то направление, где размещался 738-й стрелковый полк, в котором служил Соколов. Его пулеметному взводу значительно противостояли превосходящие силы противника.

Все происходило так, как и не единожды. Разве только с той разницей, что фашисты несколько раз шли в атаку, которая под сильнейшим огнем советских бойцов захлебывалась. Наконец гитлеровцы не выдержали и окончательно отступили. Было уничтожено свыше двадцати фашистских солдат и два офицера. Но и многие наши воины полегли за Родину. Сам командир пулеметного взвода был ранен и получил контузию.

Выжили, выдюжили

Скорее всего, он снова попал бы на фронт, поскольку Великая Отечественная война была в самом разгаре. Однако еще 18 мая 1942 года появилось постановление, согласно которому работники железнодорожного транспорта освобождались

от службы в армии. Удостоверение помощника машиниста паровоза у Аркадия Васильевича находилось при себе. Этого было достаточно для того, чтобы его после излечения в медсанбате в августе того же года уволили из рядов армии.

Решил пойти на курсы по подготовке машинистов железнодорожного транспорта. Отец, узнав об этом намерении старшего сына, поддержал его. Когда же Аркадий после успешного окончания курсов стал машинистом поезда, не скрывая своей радости, заметил:

— Поверь мне, умудренному жизненным опытом, это начало твоей большой дороги.

По-прежнему водил составы на фронт. Страшно уставал, иногда работал на пределе сил, ибо, хотя и выдали ему паек, все равно его не хватало. Слабость однажды едва не стоила ему жизни.

После очередной поездки, чтобы идти было легче, домой пошел по шпалам. Еле волочил ноги. Ко всему, еще задумался. Из-за этого все, что происходило вокруг, для него как бы потеряло свою реальность, перестало существовать. Поэтому и не услышал приближавшегося сзади маневрового паровоза. Машинист поздно заметил идущего впереди человека. Включив экстренное торможение, он начал громко сигналить. Но Соколов, погруженный в свои мысли, ничего не слышал. Лишь в последнее мгновенье, когда паровоз был совсем рядом и спину его накрыла тяжелая волна воздуха, обернулся. Махина готова была вот-вот его раздавить, но, к счастью, он все-таки успел отскочить в сторону. Это и спасло его от мгновенной гибели.

Правда, все равно он был задет паровозом. Его еще долго тащило по шпалам, хотя скорость паровоз все-таки поубавил. Это, а также то, что он был в телогрейке, и спасло Аркадия. Однако получил травму спины и сотрясение мозга. Предстояло долгое лечение. Но молодой организм справился с таким тяжелым недугом, и через некоторое время Соколов вновь повел железнодорожные составы.

Не обошлось без лечения и у Василия Евдокимовича с Юрой. Они, оставшись в Калуге, также перевозили составы, но в основном с советскими солдатами, направлявшимися на фронт. В одной из таких поездок их и ранило. Поэтому и попали в госпиталь, а подлечившись, продолжали работать для фронта.

Однако не менее тяжело, а иногда и тяжелее, приходилось тем, кто находился в тылу. Конечно, бояться за свою жизнь им, за редким исключением, не приходилось, зато жили впроголодь, и голод постоянно напоминал о себе. Выжить Соколовым помогал небольшой паек. Однако в основном приходилось рассчитывать только на самих себя. Находили любую подзаработку, а то и шли на то, на что в мирной жизни никогда бы не отважились.

Чтобы принести в семью хоть что-то съестное, старшие дочери собирали на помойке гнилые помидоры, картофельные очистки. Когда приносили их домой, Мария Андреевна все это старательно отмывала, чистила, после чего добавляла немного ржаной муки и варила затирку. Благодаря такому «пособию» кое-как и выживали. Но организм не обманешь: ему давай в достаточном количестве калории. Только где их взять? Вот и попали Мария Андреевна с дочерью Светланой в больницу. Диагноз для военного времени привычный — истощение.

Мария Андреевна в Коканде еще и надомницей работала. Стирала, убирала, другие работы выполняла. Дочку Галю, совсем еще маленькую, приходилось брать с собой. Хозяева-узбеки, в общем-то, оказались хорошими людьми. Тем не менее как-то взяли да и устроили им своего рода проверку: оставили под матрасом большую сумму денег. Когда же убедились, что все они до копейки в сохранности, за такую честность и порядочность дали Марии Андреевне продуктов и денег. Это на какое-то время стало хорошим подспорьем для Соколовых.

А однажды приехали Василий Евдокимович с Юрой и привезли мешок урюка. Это также оказалось очень кстати. Правда, с Галей вышел небольшой конфуз. Девочка не только не узнала ни своего отца, ни брата, но ко всему и испугалась, поэтому спряталась в туалете. С ней произошел и один интересный

случай. Галя приглянулась одной бездетной украинской семье. Отъезжая в Киев, эта семья попросила отдать девочку для удочерения. Чтобы задобрить Галю, пришли с подарками: одеждой, вкусными лепешками. Галя с сестричкой Светой гостинцы взяли, но потом забились под кровать. Уговоры, чтобы они оттуда вылезли, так ничего и не дали. Удочерение не состоялось. Кстати, и другие бездетные семьи просили Марию Андреевну отдать им младших детей на воспитание. Но тут решительность проявил Аркадий. Узнав о подобных предложениях, он твердо заявил, что этого ни в коем случае нельзя делать, сами всех поставят на ноги.

Легче стало в 1943 году, когда Василий Евдокимович забрал семью в Калугу, где они прожили вместе до конца 1944 года. Но поскольку Беларусь была освобождена от немецко-фашистских захватчиков, решили вернуться в Осиповичи.

Продолжение самоутверждения

Радость возвращения была омрачена тем, что у квартиры, в которой проживали до войны, был другой хозяин. Никак не могли найти свои вещи, да и документы пропали. Благо, начальство железнодорожного узла побеспокоилось, чтобы выделить им другую квартиру в том же доме, но значительно меньшей площади: на всех две комнаты с общей кухней. Да и большинство жителей города, не говоря о семьях железнодорожников, проживавших в этом доме, к Соколовым отнеслись с теплотой и большим уважением. Вскоре те, кто забрал себе их мебель и кое-что из имущества, частично вернули их.

Василий Евдокимович с Аркадием вновь стали работать в депо. Аркадий около четырех месяцев был мастером по ремонту паровозов. Однако поскольку не хватало машинистов, предложили водить составы. Но назначили его не просто машинистом, а машинистом-инструктором, который, как не трудно догадаться, учит этой профессии и других, готовя себе достойную смену.

Как он самоотверженно работал, видно уже и по тому, что получил звание лучшего машиниста Белорусской железной дороги. Имелись у него и другие трудовые свершения, о чем свидетельствовали грамоты, денежные премии, выданные в качестве поощрения, да и конечно, то, что в июне 1945 года его назначили заместителем начальника депо. Если учесть, что Аркадию Васильевичу (а именно так уважительно начали обращаться к нему) было только двадцать два года, карьерный рост хороший. Когда же появилась возможность, направили на учебу в Москву: в 1946 году стал слушателем Центральных технических курсов Министерства путей сообщения СССР.

В этом же году встретил и полюбил красивую девушку Надежду Раскову. И она его полюбила. С надеждой, что в будущем все будет хорошо, вскоре поженились. Свадьбу сыграли в доме у родителей Надежды, на станции Верейцы, что в десяти километрах от Осиповичей. Жить бы да жить им в любви и согласии, воспитывать своего первенца Славу, которого по метрике (это свидетельство о рождении) записали Станиславом. Очевидно, тогда это было модное имя. А может, сказалась близость Польши. Ведь Станислав — имя польское. Тем не менее, до совершеннолетия все, включая отца, звали его Славой.

Только не сложилась у Аркадия и Надежды семейная жизнь. Поди разберись, кто виноват в этом. Чужая душа всегда потемки. Тем более, когда это касается семейного союза двух молодых людей, одинаково любящих друг друга. Хотя, что гадать? Видимо, так было предназначено свыше, чтобы они разошлись. Разошлись, но все время питали друг к другу нежные чувства. Сын же, когда подрос, два года переписывался с отцом, учась в седьмом и восьмом классах средней школы № 2 в г. Осиповичи. Аркадий Васильевич постоянно звал его переехать в Курск, в свою семью, чтобы продолжить учебу в техникуме и получить специальность. Удивляло то, что, занимая в это время уже высокую партийную долж-

ность в Курском обкоме КПСС, находил время, чтобы собственноручно писать своему первенцу в Беларусь: «Слава, заканчивай 8 классов и переезжай ко мне. В своей деревне ты никогда не получишь специальность. А здесь поступишь в любой техникум, который тебе по душе».

Слава переехал в Курск, благополучно поступил в монтажный техникум, прожил в семье отца четыре года. После окончания техникума получил назначение в Ленинград. А более подробно об этом периоде совместной жизни в г. Курске он рассказал в своих воспоминаниях в книге «Судьба моя — Верейцы».

После окончания Центральных технических курсов Аркадия Соколова назначили заместителем начальника Калужского отделения Московско-Киевской железной дороги, туда, где в 1944 году успел поработать машинистом паровоза. Правда, только два месяца. Хотя так приятно вернуться туда, где тебя многие знают. И вернуться уже не обычным машинистом, а тем, кто отвечает за работу и судьбы многих.

Но никогда не кичился своими должностями. Это, однако, не значит, что человек, достигший определенных профессиональных и руководящих высот, не должен этим гордиться. Этим, конечно, гордился и Аркадий Васильевич. И до того, как был заместителем начальника Калужского отделения железной дороги, и будучи на этой должности, а также и позже, когда был востребован на многих других руководящих должностях.

Заместителем начальника Калужского отделения Московско-Киевской железной дороги работал с января 1947 года по сентябрь 1949-го. Потом получил направление на учебу в Московский электромеханический институт инженеров железнодорожного транспорта.

Когда стал слушателем Центральных технических курсов, сразу обратил внимание на калужанку Зою Глаголеву. Это была, как говорят, любовь с первого взгляда. Поэтому свадьбу на долгое время не оттягивали. Сначала жили в общежитии, но когда поняли, что жилья в Москве для них нет, переехали к родителям Зои в Калугу. Те с радостью приняли Аркадия в свою семью. Он всем импонировал им: высокий, статный, красивый, общительный, да еще и работящий. Хотя самое главное для них было то, что любит их дочь. Да и был завсегдатаем застолий, пикников, когда собирались многочисленные родственники матери его жены. В Калуге родились две дочери Соколовых: в 1947 году — Наталья, а в 1948-м — Инесса, которую все потом будут звать Инной.

На дневном отделении института Аркадий Васильевич проучился только три года, после чего перевелся на заочное. Нашлась подходящая должность — начальник опытно-экспериментального депо Центрального научно-исследовательского института Министерства путей сообщения СССР. Там осваивали новую железнодорожную технику. Жена стала работать в Управлении железной дороги на Курском вокзале в Москве, продолжая учиться в институте.

У Аркадия Васильевича на первом плане была, безусловно, работа. Не забывал он, правда, уделять должное внимание семье. Однако это не мешало и находить время для занятий активной общественной деятельностью, а частью ее в то время, как известно, являлась и партийная работа. Даже стояла на первом месте. В первую очередь, конечно, у самих коммунистов. Членом же ВКП(б) Соколов стал в октябре 1948 года, когда работал заместителем начальника Калужского отделения Московско-Киевской железной дороги. Поясню для представителей младших поколений, что ВКП(б) — это Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков). Так называлась до октября 1952 года Коммунистическая партия Советского Союза.

Умение работать с людьми — качество, очень необходимое истинному коммунисту. Поэтому со временем Аркадия Васильевича и выдвинули на партийную работу. Пока же его в ноябре 1953 года назначили заместителем начальника локомотивного депо «Курск» Московско-Киевской железной дороги. Переезжая в Курск, и представить себе не мог, что работе в этом древнем русском городе, основанном в X столетии как крепость Киевской Руси, отдаст двенадцать лет.

Курск — верный курс

Свою трудовую биографию в Курске Аркадий Соколов начал заместителем начальника локомотивного депо «Курск», но уже с июля 1954 года работал начальником депо. А в ноябре 1958 года его избрали первым секретарем Кировского райкома КПСС г. Курска. Потом был заместителем заведующего промышленно-транспортным отделом Курского обкома КПСС, заведовал этим отделом. Позже избирался секретарем Курского обкома КПСС, вторым секретарем обкома, первым секретарем Курского горкома КПСС. Особенно ярко его талант как организатора раскрылся тогда, когда был вторым секретарем Курского обкома КПСС и непосредственно отвечал за развитие промышленности.

Когда в Курскую область приезжал первый секретарь ЦК КПСС Никита Хрущев, общался с ним. Да еще и сопровождал его во время поездки по области. В то время стало традицией: когда глава партии или правительства выезжал в регионы, в поезде по республике или области с ним обязательно ехали секретари обкомов, чтобы на месте обрисовать ситуацию в промышленности и сельском хозяйстве. В Курске таким своего рода гидом и стал Соколов.

Работать бы Соколову в Курске и дальше, отсчитывая в своей биографии тринадцатый, четырнадцатый и т. д. год проживания в этом областном центре Российской Федерации. Да только Аркадий Васильевич принадлежал к таким руководителям, чьи потенциальные возможности тем лучше раскрываются, чем больший объем работ они выполняют. А еще для них очень важно постоянно браться за нечто новое, неизведанное, что, конечно, возможно, если сменить место работы, а в большей степени, если выбрать иную сферу деятельности. Это прекрасно понимали в вышестоящих инстанциях, от которых, говоря сегодняшним языком, зависели подбор и продвижение кадров. Поэтому Аркадию Васильевичу было предложено перейти на дипломатическую работу.

Путь новый, неизведанный

Для этого, безусловно, сначала нужно было получить соответствующее образование. Поэтому в 1965 году Соколов поступил в Академию Министерства иностранных дел СССР (с 1974 года — Дипломатическая академия).

По правде говоря, учеба Аркадию Васильевичу давалась не так и легко. Все-таки за плечами более сорока лет. Однако у него перед другими студентами были два существенных преимущества: врожденные задатки таланта и упорство, настойчивость в достижении поставленной цели. Ночами просиживал над учебниками, часами прослушивал лингафонные курсы. Не просто заучивал на память, а зубрил иностранные слова. То же самое делал, посещая библиотеку. Его целеустремленности, одержимости многие завидовали. Часто ставили в пример другим. А он и не мог иначе, ибо он был СОКОЛОВ. Если за что брался, никогда не отступал. Обязательно старался достигнуть того, к чему стремился. И на этот раз результат не заставил себя ждать. Прошло время, и он свободно владел английским, французским, турецким и болгарским языками.

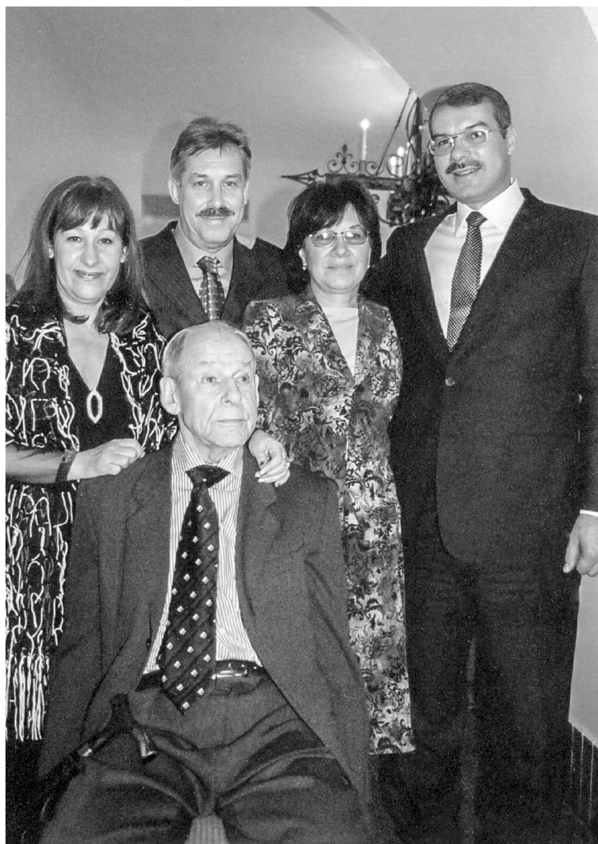
Конечно, во время учебы в Академии МИД Аркадия Васильевича поджидали не только эти трудности. Острее встали и вопросы материального обеспечения семьи. Но к счастью, эти его проблемы не были чужды и руководству Академии. Как многодетного отца и хорошего студента, Соколова летом отправляли за границу, чтобы мог подзаработать. Правда, если другие студенты ехали туда отдыхать, то он, находясь в Англии, Германии, Ираке, именно работал. На заработанные деньги покупал одежду, обувь, технику, предметы интерьера. Не зная точно всех размеров, всегда угадывал и с размером, и с фасоном. Искренне радовался, видя, что все это близким подходит и все довольны.

Где лучше, чем дома?

В академии проучился два года, после чего его послали на пять лет на стажировку в Англию. Потом кратковременно — всего два месяца — был советником 5-го Европейского отдела Министерства иностранных дел СССР. Первая же дипломатическая должность Аркадия Васильевича — советник посольства в Болгарии, на которой находился с февраля 1968 года по февраль 1971-го. Официально это называлось командировки. Во время второй командировки возглавил один из отделов посольства.

Среди работников посольства пользовался большим авторитетом. Об этом остались свидетельства тех, кому приходилось постоянно сталкиваться с ним. Особенно хорошее впечатление о нем осталось у жены специального корреспондента газеты «Правда» по Болгарии, журналиста и писателя Александра Симурова. Ирина Николаевна не раз говорила, что Соколов являлся для всех образцом для подражания. Все еще спят, а он уже на ногах, занимается спортом. Высокий, стройный, подтянутый, всегда одетый с иголочки, обходительный, остроумный, к тому же необычайно эрудирован, он прекрасно разбирался в тенденциях и хитросплетениях внутренней и внешней политики. Поэтому в Болгарии у него осталось множество друзей — как болгар, так и русских, работавших в посольстве.

После возвращения из Болгарии Аркадию Васильевичу сделали крайне заманчивое предложение — отправиться на постоянную работу в Австралию. Но в этой стране при Советском посольстве не было русской школы. Значит, младший сын Алексей должен был оставаться в Москве без родительского присмотра. Да и расстояние до Москвы такое огромное, что невозможно было бы видеться и с другими детьми. Поэтому пришлось отказаться. Когда предложили альтернативный вариант — поехать в Турцию — принял, особо не задумываясь. Турция ведь относительно недалеко от Москвы. При желании можно с детьми видеться чаще. Да и была русская школа при посольстве.



Семья Соколова.

Соколов работал Генеральным консулом в Стамбуле. Должность, конечно, авторитетная и ответственная. Но, как говорится, по Сеньке и шапка. Жена Зоя Александровна много занималась общественной работой. Вместе принимали в Стамбуле многих высокопоставленных лиц — от председателя Президиума Верховного Совета СССР Николая Подгорного до Патриарха Московского и всея Руси Пимена.

Однако сложность работы и проживания заключалась в том, что Турция в то время не была столь дружественной к Советскому Союзу страной, как Болгария. Поэтому про-

сторный, комнат на двадцать, особняк, расположенный на большой территории консульства, размещенный на берегу Босфора, в котором консул проживал с супругой, усиленно охранялся. Это касалось и здания самого посольства. Спать Соколовы обычно ложились только после тщательного осмотра всего дома. Да и постоянно беспокоились о сыне Алексее, который жил вместе с ними и учился в школе при посольстве.

Вообще, в каких бы странах ни жили Аркадий Васильевич и Зоя Александровна, куда бы ни заносила их судьба, для них стало правилом помнить о родных. Обычно раз в год, выбирая для этого лето, гостили у родителей. При возможности навещали их и дважды в год, Мария Андреевна ждала приезда Аркадия как праздника. Да и для всего Бабаева, где тогда жили его родители, это было настоящим событием. Еще бы! Приезжал не кто-нибудь, а сам «министр» — именно так в городке величали Аркадия Васильевича.

Радовались родственники и привезенным подаркам. А еще Зоя Александровна с удовольствием и увлеченно рассказывала о стране, в которой они тогда жили, показывала множество снимков, которые являлись хорошим дополнением к ее рассказу. Кстати, большая старинная коробка с фотографиями сохранилась по сей день. Как и номера турецких газет со снимками Генерального консула с супругой.

Чад... Республики Чад

Репутация Соколова в МИДе постоянно росла и укреплялась, и как свидетельство этому — получение им пожизненного ранга посла. А следующим стало назначение Послом Советского Союза в Республике Чад. Теперь по протоколу к нему следовало обращаться «Ваше Превосходительство». На место новой службы Аркадий Васильевич и Зоя Александровна поехали вдвоем: дети были уже взрослыми, поэтому их вместе с родителями в эту страну не пустили.

В Чаде пришлось очень нелегко. Прежде всего, давал о себе знать невыносимый для тех, кто не привык к этому, климат. Постоянно стояла страшная жара, поэтому работать приходилось лишь рано утром или поздно вечером. В остальное время каждый приехавший спасался как мог. Красноречивое свидетельство этому — признание Аркадия Васильевича в одном из писем, присланных детям в Москву: «Сижу в бассейне, в тени 50 градусов».

Да и политическая обстановка в стране была крайне нестабильной. Причина в том, что так называемая «холодная война» еще продолжалась. Не обошла она стороной и Республику Чад. С одной стороны, Советский Союз вместе с другими государствами социалистического лагеря делал все возможное для того, чтобы перетянуть эту страну на свою сторону, с другой — для этого прилагали свои усилия Соединенные Штаты Америки. Каждая из сторон старалась взять инициативу в свои руки. Для этого делались ставки на вождей разных племен, которых в Чаде было предостаточно. Вовлекались в политические игры разные кланы, которые чаще всего толком и не понимали, что к чему, но деньги делали свое дело. Плелись интриги, убирались неугодные люди.

Противники дружбы с СССР на торжестве, посвященном прибытию в Чад советской техники, организовали террористический акт. Все было так продумано, что, казалось, заранее невозможно заподозрить что-нибудь неладное. Но Соколов, имевший военный опыт, был не из тех, чью бдительность легко усыпить. Он всегда держал ухо востро. Особенно в тех случаях, где всегда возможен подвох. Поэтому, когда находился вместе с представителями разных стран на украшенной цветами, флагами, транспарантами трибуне, увидел, как к ним приближается толпа празднично одетых людей, у него сразу сработала интуиция опытного человека.

Аркадий Васильевич заподозрил, что здесь что-то не так. Он дал своим сотрудникам и советским гостям распоряжение уходить. И сделал это своевре-

менно. Чуть позже из толпы было брошено несколько гранат. Многие погибли, трибуны были залиты кровью. Но никто из работников Советского посольства не пострадал. Как и те, кто приехал на торжества из Советского Союза.

Но самое страшное было впереди: в Чаде случился государственный переворот. Пришедшие к власти военные жестоко расправились с теми, кого считали своими врагами, поскольку они ориентировались на Советский Союз. Ко всему, действовали на устрашение. Иначе невозможно объяснить то, как они поступили с друзьями Соколова из прежней власти. Их обезглавили, а головы бросили перед Советским посольством. Причем запретили убирать, поэтому головы целый месяц лежали у всех на виду. Зоя Александровна даже боялась смотреть в окно. Советские дипломаты, по сути, превратились в затворников. С территории посольства их некоторое время никуда не выпускали.

В Республике Чад Соколовы находились четыре года. По статусу жена посла не могла работать, но Зоя Александровна постоянно проводила разные культурные мероприятия. Нашла и оригинальное развлечение: с удовольствием каталась по территории посольства на огромной африканской черепахе.

Только ли года — беда...

Возвратившись в Москву, Аркадий Соколов продолжил работу в Министерстве иностранных дел. Будучи начальником отдела, постоянно ездил в командировки в Италию, Англию, США, Францию. По-прежнему пользовался большим авторитетом. Да и гордился тем, что был хорошо знаком с Андреем Громыко и будущим министром Евгением Примаковым. Всегда тепло о них отзывался.

Вообще, круг его общения был разнообразен — это и друзья по студенческим годам, и коллеги из Курска, и семьи дипломатов, и журналисты-международники. Быстряковы, Черниковы, Антоновы, Пузановы — с этими семьями они были дружны на протяжении десятилетий. Доводилось общаться ему и с разными знаменитыми людьми: он был знаком с Майей Плисецкой, Львом Яшиным, Анатолием Кузнецовым. И все они очень ценили Аркадия Васильевича. Он привлекал своей простотой, тактом, искренней заинтересованностью. Да и мог общаться практически с любым человеком. Даже с теми мидовцами, которых недолюбливал. При разговоре этого никогда не показывал. Сказывались природная тактичность, а также манера поведения, сложившаяся во время дипломатической работы, когда в нужных случаях ради общей пользы иногда лучше промолчать, чем резать в лоб правду-матку. Легко находил общий язык с молодежью. Друзья Василия и Алексея по школе и институту с радостью приходили к Соколовым в гости. Им нравился его любимый тост: «Мир держится верностью друзей», ставший обязательным тостом на праздниках молодого поколения.

Однако когда еще при Михаиле Горбачеве министром стал Эдуард Шеварднадзе, в МИДе начались резкие перемены. Старую советскую гвардию стали отправлять на пенсию. Запускались непонятные международные проекты, было много ненужной суеты. Все это Аркадию Васильевичу — честному, порядочному человеку, противнику каких бы там ни было интриг, было чуждо. Поэтому от того, что происходило, ему было больно.

Здоровому и полному сил, ему в шестьдесят пять лет пришлось уйти на пенсию. Но без работы он своей жизни не представлял, и когда ему предложили стать заместителем начальника отдела внешних связей Госаэронавигации СССР, охотно согласился. Его знания, опыт да и связи очень пригодились. Как и тогда, когда руководил группой внешних связей Межгосаэронавигации, был начальником Управления внешних связей Росаэронавигации. Работал практически до семидесяти лет.

Когда ушел на пенсию, свободного времени стало много. Любил проводить его с внуками. Им разрешал куда больше, чем когда-то родным детям. Соби-

раясь в квартире деда, они, играя, делали что угодно. Могли даже разворотить мебель, разбросать книги, сувениры. Но их любимый дедушка Аркадий к этому относился спокойно. Правда, в целом жизнь для него на пенсии была и не такой сладкой. Безусловно, сказалось то, что ушел из Министерства иностранных дел еще тогда, когда мог работать и работать. Обиды вслух не высказывал — не в его характере было жаловаться, но в душе навсегда остался неприятный осадок. С годами эта не выплеснувшаяся наружу горечь все больше накапливалась, что со временем не могло не сказаться на здоровье. Пришли болезни. Перенес инсульт, стали болеть почки, ноги, позвоночник. Прогрессировали болезнь Паркинсона и гипертония. В 1997 году из-за ухудшения здоровья пришлось три с половиной месяца лечиться в ЦКБ.

Конечно, нельзя не принимать во внимание возраст. Однако не стоит и «сбрасывать со счета» и того, что нервные срывы любому человеку обходятся дорого. Несомненно, сказались они и на здоровье Аркадия Васильевича. А ведь раньше, когда случалось какое-нибудь недомогание, ему и в голову не приходило брать больничный. Имея за плечами за шестьдесят, устраивал в бассейне спорткомплекса «Олимпийский» такие заплывы, что не многие молодые могли с ним потягаться. И до самого преклонного возраста не расставался с гантелями и велотренажером.

Был также и большим любителем плавания, водного поло, футбола. Зимой же его лучшими «друзьями» всегда являлись лыжи, коньки, хоккей с мячом. К спорту, начиная с детства, приучал и детей, о чем с удовольствием вспоминает его сын Станислав Аркадьевич: «Навсегда запомнил, как отец брал в бассейн Алексея, Васю и меня, где мы обычно проводили не менее двух часов. Учились плавать, играли в водное поло. Однажды так доигрались, что разбили мячом окно, на котором не было сетки». Пример детям показывал и в том, что ежедневно делал утреннюю зарядку. Все упражнения выполнял с пятикилограммовыми гантелями, изготовленными по спецзаказу из нержавеющей стали. Такие же гири, только весом в килограмм, заказал и детям. Зарядка продолжалась 30 минут, после чего Аркадий Васильевич принимал контрастный душ.

Станислав Аркадьевич продолжает: «Зимой, по воскресеньям, мы всей семьей выезжали на природу, чтобы покататься на лыжах. А по будням, после работы, живя в Курске, на стадионах «Спартак» и «Трудовые резервы» становились на коньки. Отец на беговых коньках преодолевал от пяти до десяти километров. Мы в это время гоняли шайбу или оранжевый мячик. А какой страстный болельщик он был! Практически не пропускал ни одной игры с участием курских команд «Авангард» по футболу и «Труд» по хоккею с мячом. Не без его помощи удалось провести на «Трудовых резервах» в Курске один матч чемпионата мира по хоккею с мячом с участием сборной Швеции. Это был 1964-й или 1965 год — подзабыл. Победу одержали шведы, над кем — не помню. Отец организовал прием сборной, на котором ему подарили две клюшки для игры в хоккей с мячом, с автографами всех игроков сборной. В дальнейшем и нам, мальчишкам, удалось подержать эти «легендарные» клюшки в руках и даже поиграть в любительский хоккей с мячом».

Невозможно было представить Аркадия Васильевича лежащим на диване. Использовал каждую минуту, чтобы позаниматься с гантелями, покататься на лыжах или коньках, — и к такому спортивному образу жизни он приучал своих детей. Большой страстью его являлось плавание. Летом всей семьей ходили плавать на речку, зимой — в бассейн. Иногда приходили в бассейн в шесть утра, чтобы успеть наплаваться до работы и школы. Лишь Зоя Александровна немного побаивалась воды. Сам он мог уплыть в море на два-три часа, причем плавал до поздней осени — холодная вода его нисколько не пугала.

В Курске у Соколовых была дача, и в гости часто приезжали родственники. С удовольствием все вместе ходили на рыбалку, устраивали пикники на природе,

плавали на лодках. Обожал Аркадий Васильевич и море. Каждый год вывозил семью на черноморские курорты, видя в этом залог укрепления здоровья.

Самое время поговорить и о других пристрастиях Аркадия Васильевича, которые еще лучше характеризуют его не просто как человека, а как целостную, совершенную, гармонически развитую личность.

Ничто прекрасное не чуждо

Всю жизнь Соколов был страстным книгочеем, но в юности для этого ему не хватало времени. Обстоятельства складывались так, что приходилось больше думать о хлебе насущном, чем о пище духовной. Да и когда находился на партийной работе, не всегда мог выкроить время для чтения. Не говоря уже о том, что сложности с этим возникли, когда стал дипломатом. Зато тогда, когда вышел на пенсию, все эти препятствия исчезли, поэтому и стал много читать. Способствовало этому и то, что многие книги были под рукой, имелись в его личной библиотеке. В том числе и многотомные Собрания сочинений Александра Пушкина, Михаила Лермонтова, Федора Достоевского и других титанов русской изящной словесности. Особо любимыми у него были роман Алексея Николаевича Толстого «Петр Первый» и трилогия «Хождение по мукам».

Любил он, конечно, и творчество Льва Толстого, восхищался «Войной и миром», «Анной Карениной», «Воскресением»... Эти произведения с удовольствием перечитывал. Не обязательно полностью, от первой до последней страницы. Иногда делал это и выборочно, сосредотачивая внимание на особо понравившихся местах, на тех эпизодах, благодаря которым особо чувствовалось развитие характеров главных героев. А еще как бы чувствовал сам вкус художественного слова. Русским языком он владел чудесно, принадлежа к тем, кого можно назвать истинными знатоками его.

Любовь к чтению привил и своим детям. Начал с книжек, понятных и доступных им. Это были русские народные сказки и сказки иных народов, а также произведения Корнея Чуковского, Агнии Барто, Самуила Маршака, Сергея Михалкова и других писателей. Казалось бы, простые, но вместе с тем очень понятные и несущие в себе значимый смысл.

Своего рода духовной отдушиной для Соколова была не только книга, а и песня. Притом он в одинаковой степени восхищался как народными, так и эстрадными песнями. Это у него от отца. Василий Евдокимович очень любил музыку. Иногда чарующая мелодия настолько брала его за душу, что, слушая ее, мог даже всплакнуть. Особенно нравились ему народные романсы, которые с удовольствием слушал по вечерам. Как и его отец, Аркадий Васильевич также не отказывал себе в удовольствии послушать музыку, записи песен. Часто с семьей ходил на концерты. Даже в годы учебы, когда свободного времени у него почти не было, не отказывал себе в этом. Особенно симпатизировал молодому тогда певцу Муслиму Магомаеву. А когда в Москву приехал с гастролями знаменитый американский исполнитель Дин Рид, билеты достать было совершенно невозможно. После занятий в академии ходил в ЦК КПСС, выбивал по лимиту билеты, чтобы дочери могли попасть на желанный концерт.

За праздничным столом с таким же удовольствием, как и его отец, некоторые песни исполнял сам. Чаще всего «Березовый сок», вошедшую в обиход, как «...И Родина щедро поила меня березовым соком...». Голос у него был приятный. Точнее, такой, о котором говорят «нежный». Правда, нежность эта имела такую особенность, при которой сама мелодичность неизменно сохранялась, но в отдельных случаях, когда требовалось усиление эмоциональности, приобретала несколько иные нюансы, после чего появлялись тревожно-дидактические нотки, появлялась внутренняя публицистичность.

Аркадий Соколов являлся и страстным театралом. Начиная с того времени, когда жил и работал в Курске. Посещал практически все премьеры Курского областного театра имени А. С. Пушкина. А к оперетте приобщился благодаря гастролям Московского театра оперетты. А если быть более конкретным, то вследствие того, что с этим театром в Курск приехала несравненная и неповторимая Татьяна Шмыга.

Не мог не полюбить Аркадий Соколов и балет, в котором, благодаря его специфичности как жанра, проявление прекрасного принимает свое наивысшее воплощение, когда движением человеческого тела, жестами, мимикой высказывается то, для передачи чего обычно требуется разговорная или песенная речь. Балет в какой-то степени искусство для избранных. Для тех, кто видит наивысшее эстетическое наслаждение в постижении того, понять истинный смысл чего дано далеко не каждому, ибо для этого мало одного желания. Кроме всего прочего, необходимо еще и осознание того, что именно красота спасет мир.

Правда, сказать точно, когда Аркадий Васильевич, если можно так выразиться, пришел к балету, невозможно. Насчет этого сын Станислав Аркадьевич свидетельствует так: «Не знаю, кто привил отцу любовь к балету, однако он также был и страстным любителем его, особенно с участием Майи Плисецкой». Но почитателем ее таланта он, вероятнее всего, стал уже тогда, когда работал в Москве. Перед этим же мог познакомиться с мастерством других танцоров, приезжавших на гастроли со своими коллективами в столицу. Или же бывая, когда из Курска выезжал в командировки в Москву.

Еще слово Станиславу Соколову: «Я никогда не относился к любителям балета, но все-таки один раз отец вытащил меня на «Лебединое озеро». Это было в Ленинграде. Я по распределению попал в 1966 году в Ленинградскую область. Отец по своим делам приехал к первому секретарю Ленинградского обкома партии. Вот тогда и пригласил меня и всех близких родственников, проживавших в городе и области, на балет в Большой театр». Шел балет «Лебединое озеро» — яркое, неповторимое зрелище, которое, сколько ни приобщаешься к нему, впечатляет тебя, словно все созерцаешь впервые, входя в свет образов, созданных Петром Чайковским.

Не пропускал Аркадий Васильевич, по сути, и ни одной кинопремьеры. Особенно в те годы, когда телевидение еще не получило такого широкого распространения, как сегодня, и когда любимый фильм можно посмотреть в домашних условиях. Да и тогда взял за правило смотреть все фильмы, прежде всего те, на которые «шел народ», когда работал на железнодорожном транспорте, а потом в партийных органах. А поскольку эти фильмы с удовольствием смотрел и для себя, то посещение кинотеатра превращалось, по сути, в настоящий праздник. Во всяком случае, когда бывал на просмотрах не один, а вместе с семьей. Обычно в выходные дни.

Самому же Соколову особенно нравился художественный фильм «Коммунист», снятый на киностудии «Мосфильм» в 1957 году. Впервые с ним и познакомился в том же году, сразу после выхода его в прокат. За первым просмотром был второй, третий... В этом фильме Аркадию Васильевичу нравилось все: сам сюжет, на первый взгляд, вроде бы не несущий в себе ничего особенного, но вместе с тем наполненный внутренним динамизмом; герои, взятые, как говорится, из жизни. Но прежде всего главный герой. Молодой коммунист Василий Губанов в исполнении Евгения Урбанского привлекал его и как правдивый художественный образ, и как персонаж, взятый с самого переднего края жизни.

Но были у него и фильмы не только для раздумья, осмысления значимых событий и неординарных героев. С удовольствием смотрел и кинокомедии, нравились ему и лирические художественные ленты. Как свидетельствует Станислав Аркадьевич, «из всех лирических фильмов самый любимый у него был «Кубанские казаки»». Что ж, еще одно подтверждение тому, насколько Соколов был не «всепоглощающим» зрителем, а отдавал предпочтение тому, что было востребовано зрителями, знающими цену настоящему искусству.

Наедине с вечностью

Аркадий Васильевич ушел в вечность 30 июня 2005 года. Его 80-летие близкие и родственники отмечали широко. Говорили немало хороших и заслуженных слов. Отмечали его большие заслуги перед Родиной, о чем свидетельствует и награждение орденами Красной Звезды, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», «Отечественной войны 1-й степени», многочисленными медалями, почетными грамотами. Да и не только кандидатом технических наук являлся Аркадий Соколов. Высоко был оценен и его научный труд: «Основные международные и региональные межафриканские политические, экономические, военные и социально-политические отношения между африканскими государствами в канун XXI века».

От празднования юбилея Аркадий Васильевич взбодрился, но одновременно и устал. Бывали минуты, когда как бы уходил в себя. Такое состояние для него было очень важно, поскольку появлялась возможность не просто сосредоточиться на том, что волновало, тревожило душу, но и как бы со стороны посмотреть на самого себя, когда есть возможность почувствовать то существенное, что характеризует тебя как личность. Что он был личностью, сомневаться не приходится. Ибо что отличает личность от человека даже известного, достигнувшего многого? Личность — эта та категория людей, которая способна аккумулировать вокруг себя добро, поглощая все, что присутствует рядом с тобой, и вместе с тем выдавать нечто новое, название чему порядочность, человечность.

Как-то в момент откровения кто-то из друзей спросил у него:

— Аркадий, вот ты столько достиг! Иной и половиной того, что совершил ты, довольствовался бы. А если бы снова появилась возможность начать свой путь, как говорится, с чистого листа?

Он, не задумываясь, ответил:

— Я бы его повторил с начала до конца.

— Но ведь и ошибки случались, и конечно, иногда одолевали сомнения?

— На ошибках мы учимся. А не сомневается только тот, кто ничего не делает, а если и делает нечто, то особо не усердствует, работает вполсилы, а то и вовсе спустя рукава.

Похоронен Аркадий Васильевич Соколов на Ваганьковском кладбище рядом со своей женой Зоей Александровной. Ушел в вечность, оставив о себе добрую память в сердцах всех, кто знал его. Прежде всего своих детей и родственников.

Достоин своего отца

У каждого из детей Аркадия Васильевича, безусловно, своя судьба. Однако у всех есть и объединяющая составляющая. Она в том, что судьба каждого из них именно соколовская судьба. Все они — Соколовы. Даже дочки, вышедшие замуж и поменявшие отцовскую фамилию, в душе остались Соколовы. А что такое Соколовы? Да это такие люди, которые всего в жизни достигли собственным трудом и целеустремленностью, ибо сильна у них соколовская жилка, а в жилах течет соколовская кровь.

Интересная судьба у старшего сына Соколова. Станислав Аркадьевич работает первым заместителем генерального директора Закрытого акционерного общества «Корпорация АРКТУР». Постоянно живя с памятью о своем великом отце, старается жить и работать так, чтобы ни в чем, даже самом маленьком, не запятнать свою фамилию. Пользуется большим уважением в коллективе и как опытный специалист своего дела, и как искренний, душевный человек. О таких людях обычно говорят: душа компании. Но его так тянет к людям, а их

к нему, еще и потому, что Станислав Соколов — писатель, член Союза писателей Беларуси и Союза писателей Союзного государства. Внутренне чувствует необходимость в общении, контактах, ибо эти непринужденные разговоры, в чем неоднократно убеждался, немало дадут ему и в будущем при написании новых художественных произведений.

Пытливое око литератора все быстро подмечает: кем-то оброненное слово, которое редко где встретишь, поэтому оно воспринимается жемчужиной среди часто употребляемых слов; точное сравнение, которое ни в каком словаре не найдешь. А какая радость для Станислава Соколова, если он услышит какую-нибудь историю, которая так и просится, чтобы войти в сюжет очередного художественного произведения. Особенно если и рассказчик еще такой, которого грешно не сделать прототипом одного из литературных героев. А в том, что рассказы, повести, книги Станислава Аркадьевича очень жизненны, смогли убедиться все, кто с ними познакомился. Не говоря уже об очерках, где все взято из самой жизни. Но это не такие очерки, которые раньше можно было встретить в газетах (к сожалению, со страниц газет ныне этот жанр вовсе исчез), в которых журналист только прослеживает биографию главного героя или рассказывает о каком-либо важном событии.

У Станислава Соколова именно художественные очерки. Как с глубоким проникновением в характеры, так и с таким же глубоким постижением самой жизни. Книги же «Судьба моя — Верейцы», «Время и память», «Московский перелом», «Ксюша» — разноплановые по содержанию. Начиная от воспоминаний о том времени, когда он жил в Беларуси, неподалеку от города Осиповичи («Судьба моя — Верейцы»), и завершая углубленным проникновением в образ главной героини, словно написанное кистью живописца («Ксюша»). А на письменном столе у Станислава Аркадьевича лежит начатое новое произведение. Что это будет — рассказ, повесть? О ком и о чем оно расскажет? Он не спешит делиться еще не осуществленным творческим замыслом. Что ж, понять его можно. Многие признанные мастера художественного слова руководствовались подобным принципом. Что ж, такая скрытность до поры до времени уместна. Зато и результат налицо.

Уместна она была и тогда, когда Станислав Соколов вместе с Ганадом Чарказяном приобретали для Государственного литературно-мемориального музея Якуба Коласа в Минске давно ставшую библиографической редкостью книгу народного песняра Беларуси «Суд у лесе». Уникальность издания в том, что поэма, ставшая книгой, была издана в Москве в 1943 году на белорусском языке тиражом 10 тысяч экземпляров и отправлена на оккупированную немецко-фашистскими захватчиками территорию Беларуси.

Станислав Соколов с отцом и дедом.

Станислав Аркадьевич с волнением говорит:

— Получается, что десять тысяч пуль были выпущены по врагу. Кстати, это произведение Якуба Коласа не случайно получило именно такое название. В поэме рассказывается о суде над карателем-немцем. Слово же «лес» обозначает не только место действия, а и является собирательным образом. Лес — это и вся Беларусь, весь белорусский народ. Суд в лесу — суд белорусского народа, его приговор захватчикам:

Мне лес цяпер міл удвая,
Бо родны лес мой краю служыць,
Бо лес мой туліць смелых, дужых,
Сярод якіх душой і я.

Экземпляр этой книги-поэмы Якуб Колас в годы Великой Отечественной войны подарил с автографом одному московскому критику и литературоведу. Станислав Аркадьевич вместе с Ганадом Чарказяном приобрели у его наследников и письма народного песняра. Передача книги музею Якуба Коласа стала настоящим праздником в культурно-общественной жизни белорусской столицы.

Это не единственное благотворительное дело Станислава Соколова. Он пожертвовал средства и на изготовление проектно-сметной документации на строительство воскресной школы при Свято-Никольском храме в деревне Свислочь Осиповичского района.

Тепло и трогательно говорит о Станиславе Аркадьевиче его друг, известный белорусский писатель Ганад Чарказян:

— У него удивительная память. До малейших подробностей удерживать в голове то, что происходило с тобой несколько десятков лет назад, может не каждый. И он это использует с максимальной отдачей. Зная, с каким упоением этот человек рассказывает о родине, родных и близких, о людях, встречавшихся у него на пути, предложил ему сесть за стол, чтобы все изложить на бумаге. Через некоторое время он положил передо мной рукопись первой книги, которую я прочитал на одном дыхании. Вскоре состоялась ее презентация. Ему захотелось подарить свое первое детище землякам — и сегодня осиповичские библиотеки имеют в своем фонде 70 экземпляров книги в 160 страниц с фотографиями из семейного архива.

Очень трогательно Ганад Бадриевич отозвался и о книге Соколова «Судьба моя — Верейцы»: «Верейцы стали точкой отсчета жизни для Станислава Соколова. Там родились все его мечты. И возвращение туда — для того, чтобы еще раз попытаться прикоснуться к истокам давно минувших дней с надеждой насладиться природой родного края, знакомых до боли улочек и переулков, дорог и тропинок. В надежде вновь встретить и узнать земляков из Верейцев, одноклассников, которых он помнит еще мальчишками. Это встреча с мечтой, с детством, с землей, которая, может быть, до сих пор хранит тепло души босоногого мальчугана, который, скитаясь по земле, не забывает место, где он сделал свои первые шаги. Не забывает Соколов о родных Верейцах никогда. Где бы он ни был».

У Станислава Соколова есть дочь Ирина и внук Антон. Оба они получили достойное образование, работают так же честно и самоотверженно, как их дед и прадед.

Живет род Соколовых. Живет память об Аркадии Васильевиче Соколове. Чрезвычайном и Полномочном После. И просто о замечательном человеке.

Помнящие родство

Скромная концертная программка, красочный буклет, ксерокопия журнальной страницы, обветшавшая газетная вырезка, фото музыкантов, сделанное за кулисами на любительскую «мыльницу»... В чем загадочная прелесть артефактов из домашнего архива? Символично сберегая в себе частичку давно развеявшихся сиюминутных впечатлений, они возвращают нас в атмосферу неповторимых эстетических переживаний, помогают вновь ощутить прекрасные мгновения творчества.

Молчаливые хранители наших субъективных эмоциональных воспоминаний и фактов объективной художественной жизни. В них словно затаилась отзвучавшая, но не смолкнувшая музыка. Та, например, что раскрывает свое очарование в кругу поклонников «Mandolinissimo» — международных мандолинно-гитарных вечеров, ставших неотъемлемой частью ежегодного фестиваля «Минская весна». Или та, что сопровождала мастер-классы приезжавших к нам прославленных зарубежных исполнителей на домре, мандолине, гитаре. Или та, что способствовала успешной презентации современных нотных сборников для струнных щипковых инструментов...

А ведь этих и многих других замечательных событий, о которых напоминает «печатная продукция» минувших музыкальных сезонов, могло и не быть, если бы не активность Ассоциации белорусских домристов и мандолинистов.

Об исторических обстоятельствах, обусловивших необходимость создания такого сообщества при Белорусском союзе музыкальных деятелей; о благородных традициях; об осуществленных и новых замыслах, направленных на то, чтобы сделать творческую жизнь более содержательной, разноообразной, яркой для самих музыкантов и привлекательной для публики. Об этом, и не только, рассказывают и рассуждают наши сегодняшние собеседники — лидеры Ассоциации белорусских домристов и мандолинистов Галина Осмоловская — заслуженная артистка Беларуси, профессор, инициатор создания АБДМ, и ее первый руководитель, а ныне почетный председатель Николай Марецкий — лауреат международных конкурсов, доцент Академии музыки, председатель ассоциации.

Возвращение мандолины

Четверть века назад в среде белорусской музыкальной элиты, как, впрочем, и во всем обществе, начинался великий и сложный процесс перемен. Происходила «перезагрузка сознания», сопряженная с обновлением взглядов на собственное прошлое, возрастанием интереса к недоступным ранее глубинам национальной истории, стремлением восстановить весьма древний и отнюдь не монотонный ландшафт уникальной отечественной культуры, познав сокровенные тайны ее многовековой европейской родословной. Энтузиастами белорусского культурного возрождения зачастую становились не музыкологи-теоретики, а испол-

нители, неравнодушные к историческому наследию. По архивным документам, по мемуарной и художественной литературе, даже по чьим-то устным воспоминаниям, передававшимся из поколения в поколение, изучалась «белорусская жизнь» того или иного инструмента. Один из таких увлеченных музыкантов, именитый гитарист Валерий Живалевский долгое время кропотливо собирал, систематизировал, публиковал сведения о появлении у нас гитарного искусства, особенностях его распространения и развития. Многолетний труд профессора увенчался изданием энциклопедически емкого учебного пособия «Лютня і гітара на беларускіх землях».

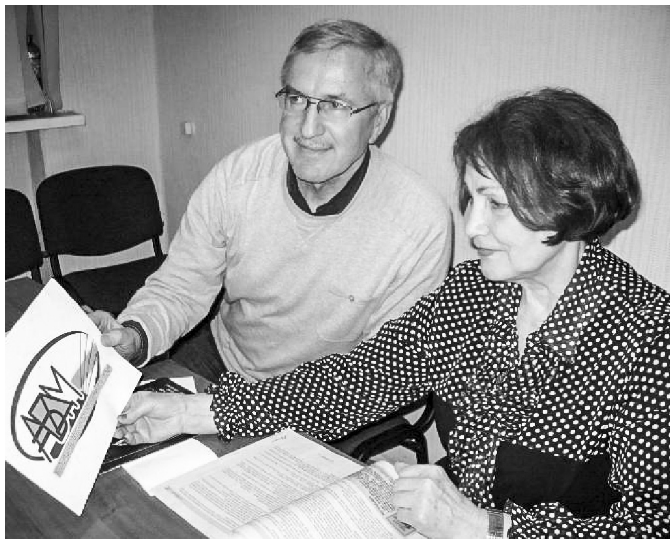
Пробелы в отечественной истории музыкальной исполнительской практики обедняли, искажали картину бытования у нас и таких известных представителей народно-инструментального семейства, как домра, балалайка, мандолина. Мысль о необходимости восстановить историческую справедливость в этой сфере и расставить актуальные акценты мотивировала инициативу истинной подвижницы Галины Осмоловской.

Галина Осмоловская. Мы говорим о трех родственных инструментах с непохожими «биографиями». Богатая родословная мандолины, распространившейся по просторам Европы из Италии, уходит своими корнями на Восток, в глубь древнейших веков. Балалайка родилась в недрах крестьянской культуры, а ее профессиональное усовершенствование, концертную историю связывают с деятельностью русского музыканта Василия Андреева. Домра же в нынешнем виде совсем не похожа на восточноевропейскую, с которой в старину ходили скоморохи. В том инструменте ученые прослеживают близкое родство с лютней. В середине XVII столетия домра по приказу русского царя Алексея Михайловича была уничтожена, попытки ее изготовления, игры на ней запрещались под страхом смертельной кары. (Для сравнения, на белорусских землях музыкальное искусство тогда было в чести: на службу к магнатам приглашали профессиональных композиторов, артистов; центрами культуры, просвещения, меценатства становились придворные капеллы, религиозные и учебные учреждения, в частности, коллегиумы, бурсы, музыкальные школы для одаренных учеников из бедных семей. — **С. Б.**). Через 200 лет русская домра была заново сконструирована искусственно, для пополнения состава народного оркестра, организованного Андреевым, — известен мастер Налимов, изготовивший ее в сотрудничестве с Андреевым, точное время создания — 1896 год. Модернизированная в начале XX века современная концертная домра вошла и в нашу музыкальную жизнь, полюбилась белорусам, получила определенную популярность.

Николай Марецкий. Разумеется, у каждого музыкального инструмента своя история, и соответствующие знания всегда можно было почерпнуть из специальных книг. Но в 1990-х годах именно Галина Викторовна взялась за уникальную работу и провела глубокое, всеобъемлющее, исчерпывающее исследование линии щипковых танбуровидных инструментов — от их появления в Беларуси до наших дней. Публикация ее работы «Мандалiннае выканальнiцтва на Беларусi. Традыцыi i iх адраджэнне» стало новым убедительным словом в науке. Тогда мало кто знал, что у мандолины богатейшая и разнообразная история бытования в Беларуси. Выяснилось, что в 1876 году в Гродно успешно прошел концерт мандолинной музыки. Оказалось, что к началу XX века мандолина широко распространилась на всей нашей территории. Очень популярными были любительские, в том числе школьные, оркестры, составленные из мандолин и гитар, — так называемые неаполитанские.

Галина Осмоловская. Интересно, что мандолины, звучавшие и в белорусской городской среде, и на деревенских праздниках, были самые разные: неаполитанские, португальские, германские. Они нередко включались в различные по количеству инструментов и необычные по звуковой окраске струнные ансамбле-

вые составы — во всевозможных сочетаниях со скрипкой, балалайкой, цимбалами, гитарой. К сожалению, многое упущено, ушло в прошлое. Но еще остались живые корни традиций, а значит, их можно возрождать. И заниматься не простой реконструкцией, а развитием, обогащением традиций белорусского народно-инструментального музицирования, выводя их на высший профессиональный уровень. И, конечно, поддерживая любительский интерес к этому творчеству как занятию «для себя», «для души».



Г. Осмоловская и Н. Марецкий в БСМД. 2015 г.

Николай Марецкий. А сегодняшняя история мандолины ведет отсчет с начала 1990-х, времени создания нашей Ассоциации.

Галина Осмоловская. Известно, что в ту пору музыкальную жизнь Беларуси как бы подхватила волна национально-культурного возрождения, пробудился интерес к прошлому, к родословной белорусских музыкальных инструментов. Но, пожалуй, новейшая история мандолины в Беларуси началась все-таки несколько раньше, с мысли о том, как доказать мандолине свое право на место под солнцем в нашей культуре. Еще в 1970-е годы некоторые музыканты (в числе первых Леонид Черняк) стали обращаться к «отвергнутому» инструменту, были выступления, делались записи в фонд Белорусского радио. Но это был эксклюзив, единичные факты. И воспринимались они как просто желание домристов поиграть на другом инструменте — благо, из-за схожести техники игры, приемов звукоизвлечения нет проблем для такого переключения. А со временем заговорило сознание: надо что-то делать, чтобы мандолина получила широкое признание как родной нам инструмент. Или, можно сказать и так, вернула себе это признание. Ведь странно, что мы, белорусы, оказались вдруг чужими в этой традиции, в этой культуре, которая когда-то была глубоко воспринята и усвоена народом, широко распространена в нашем обществе. При советской власти запрещали мандолину и аккордеон как «идейно вредные», «буржуазные» явления. И вот настало время, когда мы смогли заняться последовательной работой и увязать струнные щипковые народные инструменты с тем, что было в Беларуси исторически.

Студенты нашей консерватории получили задание: расспрашивать родственников, соседей, земляков — искать сведения о бытовании «опального» инструмента в белорусской среде, на своей малой родине. Мой ученик Александр Закревский загорелся мыслью написать о мандолине, поехал на Гомельщину, ходил по родственникам, знакомым и нашел около 20 пожилых человек, игравших на мандолине. С помощью обычного бытового магнитофона сделал запись, показал ее музыкологу Инне Назиной, дал копию своей работы. И в своей книге о белорусских народных инструментах Инна Дмитриевна ссылается именно на работу Закревского, делая вывод, что мандолину можно считать белорусским народным инструментом. На протяжении 1980-х появилось несколько таких студенческих исследований.

Что и говорить! Когда-то во многих домах на вбитом в стенку гвоздике висела гитара с бантиком на грифе, а сколько было любителей, игравших на балалайке, мандолине! После войны «чуждые элементы» еще хранились в семьях. Да я и сама, когда пришла учиться в музыкальную школу по классу домры, начинала заниматься не на четырехструнной домре, а на мандолине, с которой были сняты парные струны. И теперь, анализируя свои какие-то бытовые слуховые впечатления, вспоминаю, что довольно часто они были связаны с мандолиной. Однажды ее звучание донеслось с берега Нарочи: незабываемый момент! Когда-то случайно разговорилась с врачом в поликлинике и узнала, что в часы досуга он играет на мандолине. Знаю людей разных профессий, в том числе инженеров, освоивших этот инструмент ради своего удовольствия. Кстати, один из талантливых любителей участвовал в мероприятиях нашей ассоциации, даже выступал на концертной сцене: репертуар был незамысловатый, но как виртуозно и вдохновенно играл этот человек!

Николай Марецкий. Я получил профессию домриста, мандолину, можно сказать, в руках не держал. Услышать ее у нас как сольный инструмент удавалось изредка, пожалуй, только в ансамбле под управлением Леонида Смелковского — когда-то очень известного коллектива Белорусского радио.

Галина Осмоловская. А мы, игравшие в этом ансамбле, и неаполитанский репертуар исполняли на домрах, когда аккомпанировали выдающемуся белорусскому тенору Зиновию Бабию. Записали с ним популярные во всем мире итальянские песни...

Николай Марецкий. Мое приобщение к мандолине произошло благодаря Галине Викторовне, в дуэте с ней. Тридцать лет назад на курсах повышения квалификации мы захотели сыграть Концерт Вивальди для двух мандолин и струнного оркестра. Подготовили и сыграли! Правда, не с оркестром, а со струнным ансамблем «Тутти». Но я продолжал совершенствоваться в домровом исполнительстве и в 1992 году на Международном конкурсе «Кубок Севера» (проводится в Череповце, в России) взял I премию именно как домрист.

Кто мог тогда предположить, что спустя несколько лет наши ведущие домристы будут обсуждать с художниками логотип своей профессиональной ассоциации, в деятельности которой видное место займет развитие мандолинного искусства! Что в Беларуси будут созданы классы по обучению на этом инструменте, появятся новые коллективы, яркие солисты, которые станут успешными участниками музыкальных конкурсов и международных фестивальных проектов...

От слов к практике

Год создания Ассоциации белорусских домристов и мандолинистов — 1992-й. Ее презентация состоялась в столичной филармонии. Это был праздник-триумф инструментов, раскрывших свои впечатляющие художественные возможности. Но праздники рождаются из будней.

Галина Осмоловская. В те же бурные и сложные 90-е мы перешли от теории к практике. Впервые идея создания АБДМ обсуждалась на заседании инициативной группы (27 человек), собравшейся 3 апреля 1992 года в Белорусской государственной консерватории. Присутствовали домристы Минска: преподаватели высших и средних специальных учебных заведений, учителя музыкальных школ, представители Белорусского телевидения и радио, филармонии. Были также наши «старейшины», известные музыканты: заслуженные работники культуры БССР Михаил Лисицын, Николай Фалейчик, Алексей Захорошко, заслуженный артист БССР Леонид Смелковский. Учредительную конференцию провели в просторном 410-м классе консерватории. Сохранились учетные тетради, куда

записывались приехавшие на эту конференцию — свидетельство невероятного энтузиазма наших людей. Их активность не имеет границ! Готовы участвовать во всех мероприятиях. Всегда откликаются и приезжают.

Николай Марецкий. Кстати, после презентации ассоциации появилось много желающих записаться в нее.

Галина Осмоловская. Помню, в «Народнай газеце» вышла статья нашей коллеги Ларисы Таировой, где сообщалось, что в Беларуси появилась ассоциация, которая будет защищать интересы исполнителей на домре и мандолине. Но если бы не Союз музыкальных деятелей, как бы мы сами могли одолеть поставленные задачи, справиться с проблемами! Ведь нужно было развернуть информационную работу, постоянно поддерживать организаторский и творческий тонус, позаботиться о выпуске афиш, наладить связи с единомышленниками по всей Беларуси... Вопросов было очень много, а определенных знаний и опыта не хватало. Когда мы обратились в союз, у Натальи Витченко, заместителя председателя правления, сразу же сложился план, как осуществить задуманное нами.

Николай Марецкий. Это так, и мы всегда подчеркиваем особую роль Натальи Васильевны, которая с первого дня существования нашей ассоциации приходит на помощь в любой момент, вникает во все наши вопросы, помогает решать самые трудные проблемы.

Сила и опора АБДМ — в увлеченности, бескорыстии, упорстве и ответственности компетентных музыкантов-единомышленников. Галина Осмоловская, Николай Марецкий, Леонид Черняк, Бенигна Мацкевич, Лев Маевский, Светлана Шубина, Лариса Таирова, Ярослав Волосюк, Любовь Новикова, Ольга Калядка, Наталья Меркулова-Наливайко, Тамара Сычева, Ирина Романова, Анатолий Трофимович, Валентина Мартыненко... С их именами связан период становления ассоциации, развитие и расцвет ее деятельности. В последние годы к общественным делам с интересом приобщились Татьяна Морозова (организационная работа в качестве завсекцией домры и балалайки отдела культуры Минского городского совета), Надежда Лазутская (активная безвозмездная концертная деятельность, изучение и пропаганда белорусской музыки для домры в нашей стране и за рубежом). Активно участвуют в организации значительных и масштабных мероприятий Наталья Корсак, Елена Стасюкевич, Эльвира Тахирова, Ксения Вечер-Ковалевская... Называя имена своих сподвижников, руководители АБДМ добавляют: «И многие другие». Добавляют не для проформы. Ведь им так хочется назвать всех самых активных и достойных! А достойных, оказывается, — не менее сотни...

Галина Осмоловская. Поначалу мы проводили серьезные профессиональные занятия с приглашением специалистов самого высокого класса. В 2001 году руководителем республиканского семинара «Актуальные проблемы домрового исполнительства» был Сергей Лукин — доцент Московского государственного института музыки имени Шнитке, лауреат международных конкурсов, известный артист, с успехом гастролировавший в Англии, Бельгии, Германии, США, Японии. На протяжении двух дней семинара удалось достичь поставленной цели: познакомить его участников с мастерством одного из ведущих представителей российской домровой школы, расширить представления о современном домровом репертуаре, дать информацию о панораме международной концертной и конкурсной жизни. Состоялись лекция, мастер-класс и сольные концерты нашего коллеги, а в Камерном зале филармонии, размещавшемся тогда в костеле Святого Роха, выступила студентка моего класса Елена Сильванович, исполнявшая программу на домре и мандолине, а также ансамбль народных инструментов Минского музыкального училища, руководимый Ярославом Волосюком.

Через год принимали в стенах академии музыки гостей из Германии: Анну Торге, исполнительницу на мандолине и гитаре, лауреата национальных и международных конкурсов, доцента курсов Союза немецких музыкантов-исполнителей на щипковых инструментах в Баварии, Гессене, Северной Рейн-Вестфалии,

Г. Осмоловская со студентами.

а также Оливера Кэльберера — композитора, педагога, дирижера, концертного исполнителя на гитаре, мандолине и ситаре. Они провели неоценимый двухдневный мастер-курс для белорусских слушателей, касавшийся специфики работы над произведениями в стиле барокко, основ техники игры на мандолине, современной музыки в репертуаре для гитары и мандолины и других тем. Важно, что вход на занятия и концерты был свободный.

А осенью 2007-го мы впервые собрали трехдневные Республиканские мандолинные сессии. Руководителем занятий, проходивших на факультете повышения квалификации БГАМ, был народный артист России, профессор Вячеслав Круглов. Личность выдающаяся! Президент Академии народной музыки, один из ведущих исследователей и педагогов в области народно-инструментального исполнительства, популяризатор домры и мандолины. Открывая этот проект, я обратилась к нашим слушателям, рассказав о его исторической обоснованности и важности. Напомнила о том, что струнные щипковые танбуровидные инструменты — это значит имеющие корпус и гриф из дерева, с натянутыми вдоль струнами — бытовали на белорусских землях с глубокой древности, а мандолина (ближайшим предком которой была лютня, распространенная здесь в давние века) достигла пика популярности в любительском исполнительстве, пока на рубеже 1950-х годов, наряду с гитарой, саксофоном, аккордеоном не была причислена к инструментам, чуждым советскому искусству. Не получая государственной поддержки, традиция народного музицирования начала угасать. Но теперь, когда мы устремились к ее возрождению, ощутимой проблемой стала нехватка преподавателей для классов мандолины в детских музыкальных школах. Организация профессиональных занятий дает надежду на то, что подготовленные домристы смогут планомерно знакомиться с известными в мире школами мандолины и постигать искусство игры на ней. Это поспособствует появлению новых педагогов и со временем приведет к тому, что прекрасный инструмент займет достойное высокое место в нашей культуре.

Что ж, какое-то время уже прошло, а музыканты с восторгом вспоминают мандолинные сессии, хотят продолжения. А результат организованных ассоциацией образовательных занятий чувствуется на практике.

Николай Марецкий. Кстати, в прошлом году мне довелось выезжать в Лиду и возглавлять работу жюри в номинации «домра-мандолина» на проходившем там Республиканском открытом фестивале-конкурсе детского искусства. Среди организаторов — Министерство культуры Беларуси, БСМД. У него оригинальное двойное название со своей историей: «ЛьВёнок» — «Лидский венок». Но дело не в названии. Трудно себе представить, и все же: этот проект собрал в Лиде более 2,5 тысяч участников! Впечатляло разнообразие и количество конкурсных номинаций. А главное, столько юных домристов и мандолинистов — более шестидесяти! — я не видел нигде: убедительный показатель роста интереса к нашим инструментам! Кроме того, порадовали примеры

высокого исполнительского уровня в игре школьников из Бобруйска, Березы, Зельвы, Минска, Могилева... Это очень перспективный конкурс, и он заслуживает достойной государственной поддержки.

В продолжение разговора об ассоциации замечу, что она заявила о себе многими запоминающимися проектами. Например, фестивалем «Славянский венок», проведенным в 1998 году. Получилась предельно насыщенная событиями декада народно-инструментального искусства. Мы работали в сумасшедшем ритме, дали 10 концертов в разных городах: Полоцк, Витебск, Могилев, Брест, Минск. Участников — не перечесть! Академический народный оркестр имени Жиновича, Камерный оркестр Брестской областной филармонии под управлением Александра Мартыненко, ансамбль балалаек «Витебские виртуозы» во главе с Тамарой Шафрановой, ансамбль народной музыки Новополоцка «Талака» под руководством Виктора Малых, оркестр народных инструментов Могилевской областной филармонии с маэстро Леонидом Ивановым, чье имя теперь носит этот коллектив. А еще ряд коллективов Гомельского колледжа искусств имени Нестора Соколовского. В концертах участвовал наш замечательный друг, выдающийся российский домрист и композитор Александр Цыганков. Прошел его авторский вечер в Белорусской филармонии с участием нашего Государственного симфонического оркестра, которым дирижировал Петр Вандиловский. В рамках декады Цыганков, ко всему, провел мастер-классы для наших молодых музыкантов. Я участвовал в фестивале как домрист.

Теперь Николая Николаевича чаще увидишь на сцене в руках с мандолиной или ее «старшей сестрой» мандолой. Так и подобает инициатору, устроителю и участнику ежегодного проекта «Mandolinissimo» — международных дней мандолинно-гитарной музыки. «Mandolinissimo» не зря рифмуется с «браниссимо!». Эти филармонические концерты всегда восхитительны, праздничны по духу, наполнены радостью совместного музицирования — сотворчества, энергией обновления. Программы разных лет включали выступления молодежного мандолинно-гитарного оркестра Тюрингии (Германия), Минского мандолинного оркестра под руководством Ярослава Волосюка, Государственного камерного оркестра Беларуси с маэстро Петром Вандиловским и молодыми солистами из Беларуси, Венесуэлы, Германии, Франции, октета балалаек «Витебские виртуозы».

Изюминкой же минувшей «Минской весны» (в афишу именно этого международного фестиваля так гармонично вписаны дни «Mandolinissimo») стал романтический концерт «Весенние мелодии любви». Его открыла сюита из балета Сергея Прокофьева «Ромео и Джульетта» в красочной аранжировке Николая Марецкого для мандолин, мандол и рояля. Затем — апофеоз: монографическая программа, подготовленная к 150-летию со дня рождения Рафаэля Калаче, знаменитого композитора и лютниста, представителя талантливой итальянской династии, которая прославилась исполнителями, освоившими игру на нескольких инструментах, мастерами по изготовлению мандолины, гитары, лютни. Ах, до чего затейливы и прекрасны «Мечты для двух мандолин и фортепиано» в эмоциональном изложении звездного дуэта белоруски Натальи Корсак и француженки Сабине Марзе, при поддержке «человека-оркестра» — пианистки Марины Ромейко! Как выразителен, импульсивен и непредсказуем образ, который блистательная Наталья Корсак обнаружила в звуках Гран-прелюдии Рафаэля Калаче для мандолины соло! А эти захватывающе чувственные танцы: сальтарелло, испанский, «Свадебная токката» — в представлении зажигательного ансамбля мандолинистов «Экспрессия»!

Николай Марецкий. Под названием «Экспрессия» выступает и наш молодой неаполитанский оркестр (художественный руководитель Николай Марецкий. — **С. Б**.). Не так давно в филармонии состоялся его концерт «Мандолина, гитара, рояль», при участии квартета «Тонарт». В программе были премьеры сочинений, никогда ранее не исполнявшихся в Беларуси. В том числе Концерт

Амброзиуса для рояля, трех аккордеонов и мандолинно-гитарного оркестра, «Джаз-поп-рок-сюита» Клаудио Мандонико. Звучала и мировая классика.

Приятно отметить, что в наших коллективах, уже известных и совсем новых, играет одаренная и очень хорошо подготовленная молодежь, в том числе ученики Галины Викторовны.

Жихарев: имя Учителя

Ансамбль народных инструментов «Эстафета», выпестованный и на протяжении уже многих лет руководимый Галиной Осмоловской, продолжает успешно развивать традиции домрового исполнительства. Он постоянно востребован в концертной жизни. А год назад был приглашен в Российскую академию музыки имени Гнесиных на IV международный фестиваль «Струны молодой России». В рамках проекта проходили концерты народно-инструментальной музыки, состоялась конференция на тему «Педагогика глазами молодых». Выступление нашей «Эстафеты» венчало заключительную фестивальную программу. Художественное руководство этим праздником осуществлял профессор Вячеслав Круглов, приезжавший к нам на Республиканские мандолинные сессии, — неутомимый популяризатор домры и мандолины, знаток их многочисленной «родни»...

Галина Осмоловская. У истоков высшего образования белорусских домристов и балалаечников стоял Георгий Жихарев. Еще до войны он работал на Белорусском радио в домрово-балалаечном оркестре, сам играл на обоих инструментах (освоил их с детства в родном Гомеле). В 1940-м поступил в консерваторию, но через год учебу пришлось прервать... Во время войны в составе концертной бригады выступал перед фронтовиками, играл в различных ансамблях, писал инструментовки. После освобождения Беларуси восстановился в числе студентов. Жихарев, Жинович (легендарный маэстро, цимбалист), Азаревич (известная наша баянистка-педагог) — эти трое вскоре стали сердцевиной новой кафедры — народных инструментов. Сами же высшее музыкальное образование получили в недрах других подразделений вуза: Жихарев, например, был студентом хорового факультета, Иосиф Жинович учился «под опекой» кафедры струнных смычковых инструментов. Закончив консерваторию немного раньше Жихарева, Иосиф Иосифович стал его педагогом На молодой кафедре народных инструментов тогда, разумеется, не велось обучение на «буржуазных» мандолине, аккордеоне. Вот какие нелегкие и удивительные времена были! К слову, мы, студенты следующего поколения, посещали занятия у дирижера Самуила Ратнера, ученика выдающегося маэстро Ильи Мусина...

Жихарева не стало в 1973 году, и среди нынешних музыкантов есть много знавших его лично. Георгий Иванович искренне почитаем как основоположник нашей кафедры, корифей педагогики для домристов и балалаечников. Работал он в консерватории, охватывая все. Даже маэстро Михаил Козинец, получивший специальность баяниста и затем дирижера, считает Жихарева своим учителем. В ту пору был один оркестр народных инструментов (им руководил Георгий Иванович) — общий для консерватории и Минского музучилища. Благо, оба учреждения находились рядом — училище размещалось в историческом здании, на месте которого теперь гостиница «Европа»). Жихарев свел в едином коллективе всех «народников», обучавшихся в то время, вот почему он постоянно общался и с баянистами, становясь наставником и для них. Его помнят как личность волевую, целеустремленную, требовательную, как строгого преподавателя, не терпевшего расхлябанности, опозданий, посторонних разговоров во время занятий. Знали: он часто взрывался от возмущения, но всегда прекрасно понимал и чувствовал музыкальную душу своих воспитанников. Самоотверженно служил искусству и ждал этого от других.

Участники ансамбля «Эстафета».

После кончины Жихарева мы стали регулярно проводить не только вечера памяти, но и довольно крупные мероприятия, приуроченные к юбилейным датам его биографии. Частота и масштаб организации таких событий, к сожалению, зависимы от финансовых возможностей.

Николай Марецкий. Но несмотря на объективные трудности, проводимые ассоциацией, республиканские фестивали памяти Жихарева стали традицией. Они всегда собирали огромное количество его учеников. Великое множество коллективов и солистов (есть таковые в музыкальных училищах, колледжах, да и детских школах искусств по всей стране) готово за свой счет ехать в Минск, чтобы поучаствовать в концертах, расширить круг общения в родственной творческой среде.

Галина Осмоловская. Состоялось несколько десятков самых разных событий, связанных с незабываемым именем нашего наставника. Мероприятие 1993 года, например, позволило через 20 лет после смерти Георгия Ивановича ощутить плодотворность его школы, продолжение и обогащение заложенных традиций: в деятельности многочисленных учеников, в творчестве нового поколения музыкантов. В 1995-м солидно отметили 80-летие со дня его рождения. А к 90-летию приурочили необычный фестиваль, «внутри» которого был организован конкурс молодых исполнителей на домре и на балалайке. Соревновались представители музыкальных училищ, студенты 1-го и 2-го курсов БГАМ. Пять лет назад посвятили фестиваль очередной знаменательной дате со дня рождения Жихарева. Сколько тогда поступило заявок от желающих поучаствовать! Не то что одного вечера — двух дней не хватило бы для выступления всех замечательных учеников и педагогов.

Николай Марецкий. А нынешней осенью предстоит отметить 100-летие Жихарева. Не сомневаемся в поддержке нашей акции со стороны правления БСМД и Министерства культуры. Финансово как никогда сложная задача: провести разнообразные юбилейные мероприятия, принять, разместить гостей (в их числе может быть около тысячи музыкантов из регионов Беларуси, а также коллеги из-за рубежа). Подспорьем в реализации научных и творческих программ готовящегося праздника народно-инструментального искусства будет, конечно же, академия музыки. Планируем конференцию с участием приглашенных ученых и музыкантов-практиков. Предполагаем, что торжественный гала-концерт состоится в Большом зале филармонии. Отрадно, что уже есть опыт проведения для талантливой молодежи республиканского конкурса имени Жихарева. Опыт стоило бы закрепить — в честь 100-летия музыканта, но...

Галина Осмоловская. А вот самые юные исполнители все-таки получат возможность показать себя на конкурсной сцене! К этому большому юбилею будет приурочен Минский городской открытый конкурс «Поющие струны», который проводится в память о Жихареве уже на протяжении нескольких лет. Очень важно, что конкурс — открытый: такой статус позволяет участвовать в нем не только минчанам.

Николай Марецкий. Дети 8—10 лет играют свои конкурсные программы и получают огромную радость от этого события. Причем жюри никого не обижает: мы награждаем всех и в заключение устраиваем праздничный гала-концерт. Да, такой детский конкурс позволяет представить все регионы, увидеть достижения музыкальных школ из глубинки. Он по-особому, символично прозвучит в юбилейном контексте, украсит нынешний фестиваль.

Лидеры. Немного личного

Музыка выбрала их, повела за собой... И здесь, кажется, можно ставить точку, не докучать своим собеседникам расспросами о личном, о лишнем. Но все же: почему именно музыка? И почему — домра?

Галина Осмоловская. Я, «дитя войны», начала заниматься музыкой, по теперешним понятиям, поздно. Не было для этого возможности, пока более-менее не наладилась мирная жизнь.

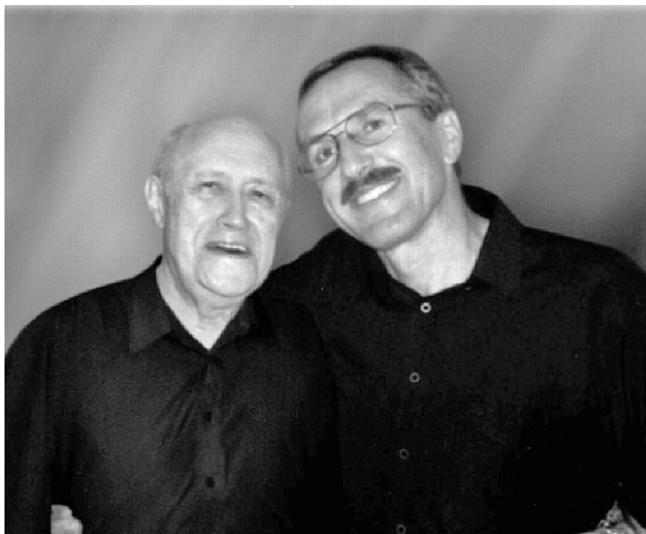
Родители мои родом из Климовичей, где отец, как мне рассказывали, слыл первым гармонистом. Они вместе учились в Горецкой академии, а перед войной переехали в Барановичи. Отец после фронта еще служил, но когда демобилизовался, наша семья смогла возвратиться на родину из Зауралья, где находилась в эвакуации.

Вернулись в Барановичи. Жизнь тогда у всех была нелегкой, думали о хлебе, не о музыке. А потом произошло вот что. Моя старшая сестра была уже девушкой на выданье. Один из ее поклонников по фамилии Селочник, приходивший в наш дом, оказался музыкантом. Однажды он решил проверить мои способности: слух и чувство ритма («спой», «постучи»). Рассказал родителям про мои музыкальные данные.

Мне было почти 16 лет, когда я надумала учиться музыке. Но выбрала не фортепиано, не скрипку. Зайдя в музыкальную школу, я услышала звуки домры. Мне так понравилось ее нежное, трепетное звучание! И я захотела научиться играть на этом инструменте. А еще увлеклась химией. Наверное, это от мамы: она преподавала химию в школе. Я даже готовилась поступать на химфак...

Но поступила она в Минское музыкальное училище, затем в Белорусскую государственную консерваторию, в класс Жихарева. Георгий Иванович, как известно, не ограничивался индивидуальными занятиями с учениками, много внимания уделял развитию у студентов необходимых навыков игры в ансамбле, в составе оркестра (чего порой так не хватает молодым талантам, сориентированным на «звездность»). Еще студенткой Осмоловскую пригласили работать в октет домр Белорусского радио. Став артисткой уважаемого и популярного коллектива, она продолжала учиться, а затем совершенствовать свое образование и мастерство в ассистентуре-стажировке. Когда же и сама начала преподавать (в консерватории, в музыкальном училище), сумела совместить педагогическую работу с динамичным образом жизни концертирующего музыканта.

Галина Викторовна стала признанным лидером домрового искусства. Выступала в составе ансамбля и в качестве солистки, активно гастролировала, постоянно расширяла свой репертуар, придавая особое значение мировой академической классике. Она создала свою академическую школу игры на домре и воплотила собственную педагогическую методику в творческой деятельности созданного ею ансамбля «Эстафета», в котором играют студенты БГАМ. Воспитала много талантливых учеников, среди которых есть прекрасные педагоги, артисты, «крепкие» профессионалы, знаменитости. В их числе и Николай Марецкий.



Николай Марецкий с легендарным Мстиславом Ростроповичем.

Николай Марецкий. Я родился в семье «музыканта по душе». Отец, человек мастеровитый и творческий, сам дом строил, одежду шил, в кузнице работал. Сам и аккордеон сделал. У него был друг, руководитель народного оркестра в Могилевском Доме пионеров, — Тимофей Миронович Гуревич. К нему-то и решил отец определить своих сыновей. Старший мой брат пошел осваивать кларнет. Другого брата «пристроили» на ударные инструменты. А насчет меня подумали-подумали и решили: пусть, мол, идет на домру, домристов в оркестре не хватает. А я не хотел играть на домре. Я хотел играть в футбол. Но поскольку я «гастролер по жизни», то вскоре нашел свой интерес в музыкальных занятиях.

Оркестр начал готовиться к гастрольной поездке в Минск. Разве я мог пропустить такое! Проехать сотни километров на автобусе, попасть в другой город, выступить в большом зале! Потом я даже в Артек на гастроли ездил — играл с духовым оркестром на барабане и домру с собой брал.

Потом было музыкальное училище, где Анатолий Степанович Дробышевский подготовил меня к поступлению в БГК. В 1972 году стал ее студентом, попал в класс Жихарева, но, к сожалению, общение с мастером было уже недолгим. В дальнейшем я учился под руководством Галины Викторовны Осмоловской, прошел ассистентуру-стажировку, всегда чувствовал ее поддержку, интерес к моей творческой судьбе.

Начиная работать в консерватории, я хотел выступать на сцене, хотел играть всегда. Поэтому до сих пор сочетаю филармоническую деятельность с педагогической. Перестать преподавать невозможно, когда понимаешь: то, чему тебя научили, ты должен передать, отдать, иначе все уйдет в пустоту.

У Николая Николаевича много успешных учеников, завоевывающих международное признание, гастролирующих на разных континентах. В их числе Наталья Корсак, Екатерина Прокопчик...

Ведущий мастер сцены Белорусской государственной филармонии, исполнитель на домре и мандолине, лауреат нескольких международных конкурсов, он много гастролирует по стране и за рубежом. Ему аплодировали в Германии, Греции, Египте, Италии, Польше, России, Сирии, Украине. Судьба подарила Николаю Марецкому общение с великим Ростроповичем. С квартетом мандолинистов Николай Николаевич участвовал в постановке музыкального шедевра Сергея Прокофьева «Ромео и Джульетта» в Литовском национальном театре оперы и балета. Спектакль был воплощен под управлением маэстро Мстислава Ростроповича.

Николай Марецкий — участник III Всемирного мандолинного симпозиума в Тросингене, Еврофестиваля в Фридрихсхафене в 2002-м и в Бамберге в 2006—2007 годах.

Вхождению АБДМ в Европейскую гитарно-мандолинную ассоциацию, несомненно, поспособствовала и его личная активность.

«Музыка — вещь заразная...»

В январе 1994 года на ученом совете Белорусской академии музыки рассматривался вопрос о статусе народных инструментов. Галина Осмоловская выступила в защиту представителей этого многочисленного семейства, «презираемого» в классическом искусстве. Перекопав глубинные пласты истории, она, в частности, напомнила, что и Ее Величество Скрипка некогда тоже была презренной «простолюдинкой», с трудом пробивавшейся в круг инструментальной элиты и в конце концов коронованной как признанная королева концертной сцены.

Николай Марецкий. В последнее время идет большая работа профессионалов, а в общем-то борьба за то, чтобы наши инструменты вывести в разряд академических. И добиться признания, что домра, мандолина, балалайка — это не фольклор (хотя и фольклор тоже), а классические инструменты «со своим лицом».

Галина Осмоловская. Мы уже на пути развития академического направления в исполнительстве на этих инструментах (в 1995 году на фестивале, посвященном памяти Георгия Жихарева, я сделала об этом доклад). И наши устремления закономерны. Ведь студенты-«народники» учатся по программам, аналогичным для всех классических инструментов, экзаменационные требования и в музыкальных школах, и в колледжах также сориентированы на академическое исполнительство. Общаясь с зарубежными коллегами, убеждаемся в правильности такой позиции. Кстати, бесценный опыт профессионального общения в интернациональной среде получают и наши студенты. Например, ансамбль «Эстафета» был приглашен президентом итальянской Федерации мандолины Артемисио Гавиоли на фестиваль щипковой музыки, проходивший под Венецией.

Николай Марецкий. Благодаря тому, что АБДМ теперь член Европейской ассоциации, мы можем расширять зарубежные контакты. Через всемирно известный журнал «Concertino» получаем исчерпывающую информацию о том, что происходит в нашей профессиональной сфере за рубежом. (Сам я написал для читателей этого издания о жизни мандолины в Беларуси.) Многое узнаем о работе своих коллег из разных стран и все больше поражаемся, сколько там необычного. Например, Токийский мандолинный оркестр играет музыку Мессиана, Равеля, Дебюсси, а дирижер Такаши Кубото — известный японский хирург, доктор медицинских наук! Он же еще и композитор, пишет для мандолины.

Галина Осмоловская. Для исполнителей очень важно позаботиться о репертуаре, его художественной содержательности, о его национальном своеобразии. Нам своего оригинального репертуара не хватает, преобладают переложения. Играем произведения белорусских классиков: Владимира Оловникова, Евгения Глебова... Сегодня белорусские композиторы мало пишут для домры, мандолины. Конечно, чтобы написать интересную музыку, надо хорошо знать специфику, технические и выразительные возможности инструмента. К счастью, один такой уникальный автор, знающий все тонкости домрового искусства, у нас появился. Это композитор Алина Безенсон. Она получила хорошее образование как домристка, закончив Гродненское училище. А в Академию музыки поступила на отделение композиции. Теперь Алина Безенсон работает в музыкальной школе, но много времени отдает творчеству. Благодаря изданию трех ее нотных сборников белорусские домристы получили новый репертуар, как педагогический, так и концертный. Это произведения самой разной сложности: от миниатюрных пьес для начинающих (очень образные, привлекательные для детей музыкальные зарисовки с яркими названиями, все малыши с удовольствием их разучивают) — до виртуозного Концерта для домры с оркестром.

Николай Марецкий. Да, современников, которые с нами сотрудничают, очень мало. Могу назвать еще, пожалуй, только Владимира Корольчука, Сергея Янковича, Владимира Курьяна... Но какой подарок сделал нам российский друг

Доктор Тонио Гас (Германия), Александр Цыганков (Россия), Галина Осмоловская и Николай Марецкий.

Александр Цыганков! Он написал «Славянский концерт» для домры с оркестром, очень самобытный, а по форме абсолютно классический. Это поддерживает нашу мысль об изменении стереотипного восприятия статуса народных инструментов в современном академическом искусстве. Каждая из трех частей Концерта представляет музыкальный образ определенного народа. Первая часть — «Дума об Украине», вторая — «Белорусский романс», третья — «Мелодии России». Наша часть самая дивная! И у нее есть своя предыстория. Когда-то во время очередного визита Цыганкова в Минск мы беседовали с ним и нашим коллегой-домристом Львом Маевским, и вдруг Лев Львович обращается к нашему гостю: Саша, ты должен воплотить в своем творчестве романс «Зорка Венера»! И вот эта мелодия, в советское время считавшаяся белорусской народной песней (имя Сымона Рак-Михайловского, автора романса на стихи Максима Богдановича, было под запретом), получила новую жизнь во второй части «Славянского концерта». 5 ноября 2013 года его премьера состоялась в Минске, партию домры исполнила наша солистка Марина Слободская, с фортепиано «в роли» оркестра. Думаю, «Славянский концерт» прозвучит у нас еще и с оркестром, и в мандолинном варианте.

Галина Осмоловская. Между прочим, когда мы учредили АБДМ и поставили задачу возродить мандолину, сразу же занялись поиском инструментов, которых в нашем арсенале, можно сказать, не было. Вдвоем с Натальей Витченко выступили в эфире 1-го канала Белорусского радио, рассказали об этом начинании, обратились к слушателям с просьбой: мол, если у кого-то на чердаке или в шкафу «затерялась» мандолина, пусть даже дряхлая, требующая основательного ремонта, сообщите нам. Сколько потом было звонков нашим активистам! Я и сама ездила смотреть предложенные инструменты. Мы принимали любую находку. А предлагались даже дорогие мастеровые мандолины, но обветшавшие, и мы одновременно искали умельцев, которые согласились бы реставрировать старинные инструменты. А ведь это чудо, ведь у мастеровых, не с конвейера сошедших инструментов — особый тон, особый тембр!

Николай Марецкий. Теперь и в магазине мандолины появились, правда, очень дорогие. Ищем более доступные по цене. Один мастер «удешевил» свое творение: сделал пластмассовый инструмент, даже демонстрировал его прочность, роняя на пол. Галина Викторовна почему-то не верит, что Катя Прокопчик именно с этим инструментом взяла первое место на престижном международном конкурсе. Вообще, профессионалы вправе обмениваться сомнениями, спорить о свойствах конкретных инструментов, о степени различия исполнительских технологий и т. п. Но в ситуации творческой все решает талант.

Галина Осмоловская. Да, и недаром существует поговорка: «Играй хоть носом, лишь бы звучало».

Николай Марецкий. А у наших талантливых ребят, среди которых лауреатов немало, — и школа солидная, которая за годы работы ассоциации сложилась.

Кстати, и Катя Прокопчик, живущая теперь в Германии (она обосновалась там вместе с мужем, блестящим белорусским гитаристом Яном Скрыганом, внуком известного писателя; этот прекрасный дуэт, периодически приезжая в Минск, выступает в филармонии. — **С. Б.)**, и Наталья Корсак, уже преподающая в нашей академии, в свое время посетили специальные мандолинные курсы за рубежом. Достижения белорусской исполнительской школы, как и результаты деятельности АБДМ, очевидны. Замечу, что москвичи, в отличие от нас, такой мандолинной школы не имеют.

Один уважаемый музыкант недавно посетовал, что его выпускник, человек довольно способный, собирается уйти из профессии. Получив диплом, стал работать в музыкальной школе. Хотел бы устроить семейную жизнь, но задумался: а что из этого выйдет? Ведь на такую зарплату и одному трудновато живется, как же брать на себя ответственность за будущих детей? Да что говорить о будущем, когда и сегодня есть проблема: красиво поухаживать за девушкой, пригласить ее в хорошее кафе...

Так почему же музыканты жалуются на жизнь и не умолкает обывательская молва об их низких заработках, о непрестижности работы в серьезном искусстве? Почему когда кто-то самозабвенно трудится и пожинает конкурсные лавры, другие, возможно, не менее одаренные, думают сменить профессию и в конце концов покидают музыку?

Николай Марецкий. Музыка — вещь заразная. Если хоть чего-то достиг, ты уже в ее власти. Эта река, в которую ты вошел и которая тебя подхватила, разрастается. Ты продолжаешь учиться, собираешь деньги для дальнейших своих профессиональных нужд, продвигаешься к новым задачам, новым достижениям. И это бесконечно. А тот, кто шатался, кто не успевал, ищет лишний рубль и бросает профессию.

И стоит ли думать, что где-то жизнь музыканта складывается легко, как бы сама собой? В европейской жизни — поразительные энтузиасты: утром они работают или учатся, а вечером, заплатив совсем не символический взнос в оркестр, посещают репетицию. На их концерт непременно приходит бургомистр, они счастливы, улыбаются... Вот — то, что у нас отсутствует. Есть в Европе и оркестры пенсионеров. А любой оркестр — это тяжелая работа. Побывал у нас немецкий коллектив: ни одного профессионала, даже дирижер — любитель. Но как приятно было слушать и видеть этих людей: они просто с наслаждением музицировали, чисто звучали, показали хороший ансамбль, а свое выступление закончили белорусской полькой.

Если сумеем развить творческие интересы у детей (а они все искренне к этому расположены: кто-то виртуоз по натуре, кто-то лирик), то не повлияют ни мода, ни всякие там разговоры, и они останутся в музыке.

Галина Осмоловская. В музыке до конца остается тот, кто без нее не может. В свое время было даже модно ходить в музыкальные школы, поступать затем в училища, консерваторию. О будущих заработках не волновались. Сейчас у родителей сомнения: как ребенок, получив музыкальное образование, будет жить, зарабатывать?

Николай Марецкий. А вот в школе, где я преподаю, семья купила девочке домру за три миллиона рублей, хотя ученица не очень и талантливая. Но целеустремленная и старательная. Я задавал разобрать три пьески, а она подготовила к следующему уроку шесть! Одной ученице я отдал свою шестиструнку... Первоклассника еще можно увлечь: идет процесс музыкального воспитания, малыши постигают азы, посещают уроки сольфеджио (а это очень важно) и со временем придут в оркестр. Пока дети учатся, они с нами. Но с возрастом начинают ощущать реальный социум. Мы тоже в нем живем и помогаем жить нашим детям. Случается, даешь студенту деньги на кофе, чтобы хватило сил заниматься. Но большинство поддерживают родители. И тогда в повзрослевших детях огонь не угасает. Моя дочь Катя, пианистка, в начале этого года удивила всех: молодая кор-

мящая мама, она с одобрения мужа, тоже музыканта, взяла свою четырехмесячную малютку Лизу и помчалась в Брест, чтобы выступить на фестивале «Январские музыкальные вечера». Конечно, ей помогли с машиной, но какой порыв!

Мне кажется, что если бы всем детям почаще давали слушать хорошую музыку, играли для них ту же сюиту из балета Прокофьева «Ромео и Джульетта», рассказывая про Верону, про известный миллионам людей в мире Клуб Джульетты, то они бы, повзрослев, может быть, и не поехали в Ждановичи носками торговать.

Галина Осмоловская. Тем временем наша лучшая молодежь готовится вместе с педагогами к новым значительным событиям. В Минске состоится долгожданный и очень ответственный Международный конкурс имени Жиновича для исполнителей в разных возрастных группах. Народные инструменты будут представлены в их разнообразии: струнные щипковые, баяны, цимбалы. Сложная конкурсная программа включает два обязательных сочинения, а также обязательное произведение белорусского композитора. Идет и подготовка к очередному весеннему празднику мандолины в филармонии...

Николай Марецкий. Уже можно и дату этого праздника назвать: 23 апреля. Выступит наш квартет «Тонарт». Приедет ведущий мастер из Германии Клаус Кнорр. Конечно же, участником концерта будет и оркестр, в котором играют ученики и Галины Викторовны Осмоловской, и Натальи Корсак, и мои.

* * *

Будет еще много событий, за которыми — дальнейшее изучение и развитие традиций народно-инструментального искусства, убедительный прогресс национальной исполнительской школы, международные успехи ее воспитанников. Ассоциация белорусских домристов и мандолинистов восстановила и поддерживает «родственные связи» в загадочной популяции танбуровидных. Помнит о многовековом наследии, чтит исторические имена предшественников и учителей. Стремится к яркой творческой жизни, где ни один инструмент не оказался бы ущемленным в правах на самовыражение. Музыканты, которых объединила АБДМ, украшают концертную повседневность, внося в нее самобытный и неповторимый нюанс, ведут свое искусство к высотам вечно живой классики — эталону звучащего мира.

Светлана БЕРЕСТЕНЬ

Фото автора, а также из личных архивов Галины Осмоловской и Николая Марецкого.

С точки зрения рецензента

Птица пролетела мимо...

Любовная страсть и все подвиги, достижения и преступления, на которые она подвигает человека, связаны прежде всего с мужчинами. Ничего не поделаешь, такова наша природа. Но только благодаря женщинам жанр любовного романа утвердился и распространился в мире. Однако есть и иная «женская» художественная литература.

Книга, о которой пойдет речь, вышла в свет в «Издательском доме «Звязда» в серии «Женская проза». Что же это такое — женская проза? Может быть, это «бабья книга», как когда-то писала Надежда Лохвицкая (Тэффи)? «Бабья книга была толстенький роман, с любовью, кровью, очами и ночами».

Отнюдь. Читатели, ожидающие пылких страстей, будут разочарованы — напротив, немало серьезных размышлений, наблюдений, откровений, а порой и горьких страниц найдут другие в книге «Неизъяснимая любовь».

Девять жизненных историй, пережитых автором, Еленой Афанасьевой, плюс небольшое послесловие составили повесть «Неизъяснимая любовь». Главная героиня этих историй — автор, и в каждой — свое содержание, свое настроение. Своя любовь. «Я улетаю вперед и вверх в эти сумерки, в эту тайну, в эту сгущающуюся любовь, говорю легко и нежно, и моя рука описывает плавный полукруг, разворачиваясь ладонью на закат, на багровое солнце над лесом, тяжелое и прекрасное, как надвигающаяся страсть». Каково? Вот мы и заразились настроением автора, и теперь уж будем читать до последнего признания, последней строки. «Суть влечения — любовь или желание?» — так называется эта история, этот вопрос, на который, разумеется, невозможно дать ответ.

«Крупицы любви собираю по следам своим, нанизываю в ожерелье, самое любимое, ношу его не на шее — на сердце, не снимая. Ах, как оно греет!»

Когда зарождается первое представление об этом чудесном чувстве? Автор вспоминает свой нежный возраст.

«И вдруг подымала голову вверх и замирала от счастья, и сердце мне наполняла эта неизъяснимая любовь, о которой я никому не говорила, кото-

рая была моей сокровенной тайной, и надеждой, и бесспорной верой в то, что она мне предсказана, ибо ощутима так четко и ясно!»

Нам, мужчинам, кажется, что женщины все же больше знают о любви. Может быть, знают о ней все. И тут уж все женщины равны в этом знании — и читатели, и писатели. Может быть, подспудно, открывая книгу, читатель-женщина хочет сравнить свой опыт с опытом автора и ее героев, с их пониманием чувств, и может быть, понять причину своих проблем, а иногда, к сожалению, и несчастий. *(«Птица пролетела мимо... Синее крыло скользнуло по большой мечте о любви».)* И вполне можно утверждать, что если такое совпадение произошло, — книга хорошая. То есть писатель и читатель достойны друг друга.

«Я узнаю сладкий вкус любви на губах... Что же ты, залетная странница, вновь опустилась на мою душу? Каким попутным ветром тебя занесло?»

Известно, большая часть мировой поэзии посвящена Женщине — ее красоте, высокой нравственности, уму, щедрости, ее неисчислимым талантам... Авторы сих славословий, как правило, мужчины. Женщины о мужчинах не говорят. Правильнее — в быту говорят, много и подробно, но почти не пишут. Мужчина в искусстве не автономен, он только участник жизни Женщины. Нет в мировой музыке романсов, посвященных мужчинам, нет стихотворений, тем более — романов. Мужчина в прозе чаще всего — автор подвига во имя высоких идеалов, или враг отечества, или Тот, Который Рядом с Ней...

Что ж, видно, не заслужили... Но есть, есть прекрасные женщины, которые понимают и наши скромные, но неоспоримые достоинства. Наконец, признают и нашу необходимость в подлунном мире. Вот волнующие строки, которыми Елена Афанасьева заканчивает свои истории:

«Мужчины моей жизни, я помню вас всех.

Встречи с вами — это те частицы, самые ценные, из которых и слагалось женское счастье, женская жизнь. Рядом с вами, вместе с вами я чувствовала себя женщиной — желанной, красивой, любимой. Той, которую обожают, которой поклоняются...

Минуты моих встреч с вами звездным золотом осели в сундуках моей памяти. Их я вынимаю, пересчитываю, перечитываю, пересматриваю, вспоминаю... Вы, мои мужчины, и есть звезды — звездные следы моей жизни, крупицы счастья».

Думаю и мужчин, и женщин тронут такие высокие слова.

Наиболее женской по героям (героиням), характерам да и проблематике мне представляется повесть Елены Поповой «Три дамы в поисках любви и смерти». Мужчины здесь только в воспоминаниях, только в фантасмагорических ситуациях, в которых оказываются женщины. Но как же много места они занимают в их жизни! И необходима полная откровенность, чтобы признаться себе, если уж не кому-то, даже самым близким людям, что причина твоего несчастья — в тебе самой. Но, конечно, признание такое возможно лишь в необычных обстоятельствах. Такую возможность и предоставляет своим героиням автор.

«Их было трое — Бубновая, Червонная и Крестовая», — так начинается и так, под этими именами, они и пройдут до конца повести.

Субботним днем оказались три женщины, три давние подруги в незнакомом месте, в незнакомом кафе, выпили по рюмке вина... Тут-то и началось нечто с каждой из них.

Если существует выражение «момент истины», то имеет право на жизнь и «место». Таким местом для дам явился туалет — простите, дамская комната. Все они поочередно посещали сие заведение и все попадали в прошлое. Там были умершие или ушедшие мужья, дети, и сами они оказывались в юном возрасте... Там, если внимательно вглядеться, можно было увидеть и понять, почему так, а не иначе, сложилась жизнь. Нет, не об ошибках речь. Может быть, о судьбе. Первой в туалет отправилась дама Крестовая, встретилась там и с первым мужем, и со вторым, и с третьим. На роковую

женщину она, казалось бы, никак не похожа, но погиб первый муж, уйдя из дому после скандала, умер второй, а третий сбежал, испугавшись, что близится и его очередь на тот свет. И вот уже даме почти шестьдесят лет... Но была, была причина, таившаяся где-то в душе, из-за которой так, а не иначе, сложилась судьба. Тяжелая болезнь второго мужа ясно показала это. *«Конечно, она приходила к нему в больницу и приносила все, что он просил. И все твердила одно — чепуха, пройдет, все образуется. Она сама свято верила в это, потому что если бы не это, ужасающая реальность убила бы ее. А она не хотела умирать.*

...И стала ходить к нему реже».

Ну а что третий муж, моложе на десять лет? Уж его-то она, кажется, любила? *«“Никчемный! Никчемный!”» — вертелось в голове у Крестовой дамы.*

...Утром его уже не было».

Второй направилась в туалет дама Червонная. И тоже попала в прошлое. Как, оказывается, хрупки отношения между мужчиной и женщиной. Хватило одного большого скандала, чтобы он ушел из дома. Но и теперь, четыре года спустя, она пыталась понять: почему так произошло?

«Когда он рассказывал ей про себя, впускал в свой мир, открывал душу, она слушала, конечно, и была, казалось, внимательна, но ей было это не интересно. Он был какой-то другой. Совсем другой. Как вообще-то и все».

“Ты меня никогда не любила... — сказал он тихо и даже жалобно. — Да, работа, дом, дети, хозяйка... Ты лучше всех! Но меня ты никогда не любила...”

Он прошел в прихожую, оделся и вышел».

Зеркальце, как известно в литературе с незапамятных времен, не просто стекло с амальгамой, оно видит прошлое и прозревает будущее, и въяве показывает тех, кто был в жизни женщины, был да сплыл. Такова у него роль и здесь, в повести Елены Поповой.

...Попала в прошлое дама Бубновая и, конечно, встретила там — увидела в зеркальце — бывшего мужа Пашу, с которым они прожили только один год. Вышла она замуж за него, как говорится, из принципа, во зло кому-то и ради чего-то. Года и хватило для полного взаимного разочарования и расставания без сожалений.

Но и еще одного человека увидела она в зеркальце — первую любовь, Митю. Любовь с первого взгляда.

«— Митенька... Митенька... — шептала Бубновая дама.

И все смотрела и смотрела в зеркальце. Но в зеркальце его уже не было. И самое ужасное, он вдруг исчез и из ее памяти. Она силилась вспомнить его, его лицо, его улыбку... и не могла, падая в глухую пустоту.

— Митенька! — закричала Бубновая дама и разрыдалась».

Наверно, женщины с благополучной судьбой не часто обращаются к своему прошлому...

Ну а тем, кто усомнится в этой истории о трех дамах, в том, что происходило в кафе «Путник», автор, Елена Попова, предлагает в заключение простую, но важную мысль:

«Откуда нам знать, что есть этот мир. Если нам известна только одна из его форм».

Так и подмывает задать от имени некоторых женщин прямой вопрос: а зачем вам, мужчины, наша любовь? Мы ведь живем без любви?!

Сюжетная кульминация романа «Не умереть от истины» Веры Зеленко в том, что главный герой, преуспевающий актер одного из ленинградских театров, решает начать новую жизнь — под другим именем, в иной стране. Решение это он принял, пройдя через нелегкие испытания, и физические, и нравственные. И если поступки мы совершаем как бы вдруг, неожиданно для своего окружения, то ведут к ним долгие размышления и сомнения, неоднозначные чувства. Мысль — что, она — даже важная и значительная — может мелькнуть и исчезнуть, но чувства — нет, их придется пережить. Они и заставят сделать выбор. *«Судьба изготовилась для прыжка в неведомое»* — вот состояние героя накануне сложного решения. Однако не ради того, чтобы рассказать жизненную историю известного артиста, написан

роман. Что-то более важное вело автора долгие месяцы, а может быть, и годы работы. Нечто более существенное, чем история с бандитским нападением на героя романа и угона автомобиля, чем открывшаяся измена любимой жены с лучшим другом. Речь в романе идет о нравственности общества, в котором живет герой, о том, что он почувствовал и увидел только теперь, когда все считают его погибшим. Вероятно, каждую из обвалившихся на него бед герой романа смог бы пережить (в конце концов, на машину можно накопить денег, с неверной женой развестись и найти другую женщину — моложе и красивее...), с другом выяснить отношения на кулаках, но произошедшее одновременно оказалось невыносимым. И Сергей принимает сложное решение отказаться от прежней, такой привлекательной профессии и славы, уехать в другую страну. Однако, если можно расстаться с чужими людьми, то никак нельзя с родными и любимыми, а именно — с дочкой. Расставание с ней — катастрофа...

«— Па-а-а-па!

Этот крик проник в самое сердце, взорвал его изнутри.

...Он снова почувствовал в руках ее нежную ладонь. И в тот же миг увидел перед собой бесконечный крутящийся тоннель и в нем себя с Аленкой бредущими к свету, к солнцу, в сверкающее бриллиантами утро. И он уже точно знал, что пришел, наконец, день, в котором все будут по-настоящему счастливы».

Однако не только о любви пишут авторы этой книги. Есть иные чувства и переживания.

Эссе Зинаиды Красневской «Люди и вещи» по характеру вспоминательного материала, по чувствам, которые вызывает, адресовано старшему поколению. Но и молодой читатель, склонный к чтению внимательному, не останется равнодушным. Как бы мы ни относились к вещам, как бы снобы и высоколобые интеллектуалы ни третировали их, они нас окружают, они формируют наши эстетические привязанности — особенно в нежном возрасте, связывают и разъединяют нас с другими людьми. Каждый помнит о тех или иных вещах, вызывавших особенное, одухотворенное к себе отношение, почти как к живому существу, каждому знакомы уколы ностальгии при воспоминании о каком-нибудь складном ножике или маленькой, с оторванной ножкой кукле. «Что же все художество, как не нахождение потерянных вещей, не увековечение — утрат?» — такие строки Марины Цветаевой предпослала Зинаида Красневская своему эссе.

Конечно, характер таких воспоминаний остро социален. Чья-то кукла, хотя и без ножки, всегда жила в обеспеченном теплом доме, а чья-то страдала так же, как маленькая хозяйка. И конечно, говорится не только о вещах, но и о людях того и нынешнего времени.

К примеру, в «Чайной посуде» идет рассказ о фарфоровой чайной чашке, которую в богатом доме поставили перед бедной девочкой: *«...сердце мое задрожало от восторга, когда я увидела роскошную алую розу, украшавшую дно чашки. Вот хозяйка плеснула в чашку немного заварки, потом, пододвинув ее к самовару, открыла краник, и тонкая струйка воды побежала вниз, а я, как зачарованная, смотрела и смотрела, не отводя глаз, как роза вдруг слегка дрогнула и, оторвавшись от дна, медленно поплыла вверх...»* Простая история, но как много одновременно рассказано о людях, среди которых росла девочка, — это и бабушка со своей жизнью, и семья соседа-генерала, и страсть к чтению, и любовь к красивой посуде, унаследованная от бабушки, и много других людей со своими повадками, характерами, со своей непростой жизнью. А кроме того — время, в котором все это происходило, события, имевшие прямое отношение к истории и жизни страны.

Или главка воспоминаний «Акварель»: дядя З. Красневской Григорий Якимович вернулся из Германии с пустым солдатским вещмешком, единственным трофеем в котором оказался альбом с акварелями, которые он раздал своим сельчанам... Чем-то эти акварели напоминали родные места, а может, и написаны были когда-то именно здесь. По крайне мере, показа-

лись автору созвучными музыкальному альбому П. И. Чайковского «Времена года», словно неизвестный художник знал, любил и проиллюстрировал знаменитое произведение. А еще сопровождают рассказ имена Оскара Уайльда, Михаила Нестерова, Владимира Солоухина и даже Серафима Саровского, изобличая, как всегда, необыкновенную образованность автора воспоминаний... Все эти имена имеют определенное отношение к тем акварелям, о чем из-за недостатка места мы не имеем возможности рассказать подробно. Меня же тронуло это воспоминание еще и потому, что похожая история была и в нашей семье: мой дядя Петр вернулся после капитуляции Японии тоже с пустым вещмешком, но с толстой амбарной книгой, на каждой странице которой на великолепной лощеной бумаге было что-то написано иероглифами...

Рассказ Мары Русовой «Сонюшка» — о трагической судьбе еврейской девочки из провинциального городка Зареченска. Хорошенькую, бесконечно добрую, ее с младенчества любили все, кто с ней сталкивался, а она жила, не особенно задумываясь о смысле жизни или, например, об отношениях между мужчиной и женщиной, о любви. Она и замуж пошла слишком рано, без желания, уступив уговорам матери. Но как же страшно сложилась судьба!.. Гибель почти всей семьи от рук черносотенцев, сумасшествие сестры, не перенесшей ужас погрома, смерть матери, годы революции и гражданской войны, ссылка в северный район страны, смерть мужа и, наконец, собственная смерть... Жизнь ее — постоянное отступление от надежд, смирение с тем, что выпало на ее долю. Ребенок — единственное, что могло принести ей счастье. Но она, Сонюшка, вынуждена была смириться и с ничтожным мужем, и с тем, что он оказался еще и бесплодным. Готова была смириться с жизнью в ссылке. Смириться со всеми трагедиями, случившимися с близкими ей людьми. Но, как оказывалось, молох ее судьбы не мог насытиться очередными жертвами и продолжал преследовать ее...

«Смысл жизни в самой жизни». Эти слова Жан Жака Руссо Мара Русова предпослала своему печальному рассказу. Что ж, вывод, по крайней мере, на примере судьбы Сонюшки, прост: не было смысла в ее борьбе — сперва за счастье, потом — за существование. Трагедий на земле много. Но здесь речь не о трагическом конце жизни, а о трагедии-судьбе. Конечно, встречались и в ее жизни добрые люди — к примеру, соседка, которая во время погрома выхватила девочку из обреченного дома, накрыв ей платком лицо, староверы, которые приютили их с мужем в ссылке, мужчина, заметивший ее в морозной ночи с дровяными санями, на которых она везла, как оказалось, уже мертвого мужа... Были и иные случаи, но мистическое зло ее судьбы оказывалось сильнее человеческого сочувствия.

«Исчезли еще два человека из миллиарда-миллиардов, исчезли, как горсть праха под колесами поступательного движения мира. Движения куда?» — так, без любви и надежды, заканчивается этот бесконечно печальный рассказ.

В последние годы главные претензии мы адресуем авторам, то есть, писателям, за сюжетную неоригинальность, недостаточно высокую художественность, за отсутствие в произведениях философии и глубины. Однако порой хочется строже взглянуть и на читателя. Не благодаря ли вашему выбору, уважаемые читатели, такие произведения получают кредит в сознании общества и зеленый свет в издательских планах? За какими книгами образуются в библиотеках очереди?

Будем же, как говорится, взаимно вежливы.

Книга «Неизъяснимая любовь» — тот счастливый случай, когда совпадают многие составляющие настоящей литературы: сюжетная оригинальность, интеллектуальность, образный строй, современность стилистики и построения сюжета...

Олег БЕЗВОДИЧСКИЙ

С точки зрения рецензента

Дела житейские

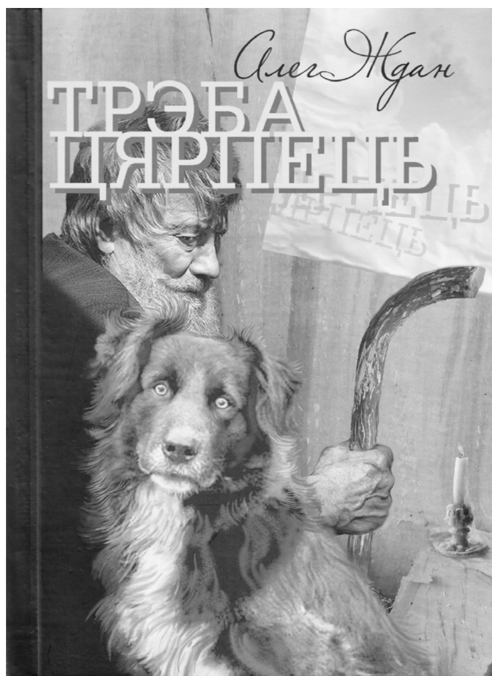
«Калі падумаць, што ў мяне за жыццё?
...Панове І паненкі, што ў мяне за жыццё?»

Алег Ждан. «Сабачы бог»

Наверное, нет в мире человека, который не попадал бы в банальную, как сама жизнь, ситуацию. Когда кажется, что мир вокруг рушится и ты готов испросить совета у первого встречного-поперечного, — слышишь утешающие и, в принципе, ничего не значащие слова: «Не беда, дело-то житейское!» Дескать, не бери до головы, не переживай, все как-то само собой образуется, а главное — пройдет. Ведь как сказал один великий мудрец, *и это тоже пройдет.*

Как будто невдомек им, что именно из житейских дел, из всего того, что называют повседневным существованием или, если еще проще, бытом, и соткана человеческая жизнь. Ибо дни наши истекают отнюдь не в поисках каких-то судьбоносных ответов на глобальные вызовы мироздания, не в ратных подвигах и доблестях (хотя такое и возможно в силу того, что, как говаривали раньше, в жизни всегда есть место подвигу), а в мучительных раздумьях, преимущественно о том, как, скажем, достойно снарядить ребенка в школу и при этом не залезть в долг, как сделать ремонт в квартире с минимальными затратами на услуги и что важнее на данный момент — поменять рамы на балконе или купить новую резину для видавшей виды легковушки.

И что ж, нам после этого посыпать себе голову пеплом за то, что мы такие мелкие, незначительные, такие неинтересные никому и ничему? Или просто



продолжать жить, жить и решать свои повседневные проблемы, не обращая внимания на их незначительность и суетность. Ибо не нами сказано, что все в этом мире есть суета сует, а потому, як казала мая бабка-нябожчыца, *трэба жыць, як набяжыць.*

«А при чем здесь литература?» — воскликнет иной читатель. А при чем история, как один мелкий чиновник копил себе деньги на новую шинель? Вроде бы тоже сюжетец совсем даже мизерный, не достойный пера стоящего литератора. А вот поди ж ты! Изваял из такого куцего события Николай Васильевич Гоголь свой шедевр, и ныне только ленивый не поминает всуе о том, что вся русская литература, как

большая, так и малая, вышла из его «Шинели». Так что не стоит брезговать бытовухой, господа литераторы! Кто знает, быть может, именно под толстым слоем пыли в давно не прибираемой квартире и скрываются самые крупные литературные алмазы. Огранка только нужна соответствующая.

Вот и Олег Ждан не стал метаться в поисках неких эпохальных сюжетов про эпохальные события, а просто оглянулся вокруг себя. Посмотрел на окружающую жизнь внимательным оком бытописателя и выдал на-гора удивительно симпатичный сборник рассказов под названием «Трэба цярпець» (Минск. «Мастацкая літаратура». 2014). И ведь действительно, надо!

А иначе как еще смириться с собственным одиночеством, от которого не спасает даже наличие собаки? Прекрасный получился рассказ «Собачий бог», ей же богу, воскликну я, не убоявшись тавтологии. Наверное, именно поэтому ему и предоставлена честь быть первым и открыть весь сборник. Прекрасный именно тем, что писатель легкими изящными мазками заправского мастера акварели так же изящно и легко рисует сразу несколько запоминающихся женских образов. Запоминающихся, прежде всего, в силу своей узнаваемости и похожести на тех, с кем мы общаемся, соседствуем по лестничной площадке, с кем работаем и даже дружим.

Взять хотя бы подругу главной героини Эльку, блондинку с ангельской внешностью: широко распахнутые голубые глаза, кукольное личико, море слез по любому поводу и без оного. У кого из нас, скажите вы мне, дорогие читательницы, не значится в списке близких и дальних подруг такая вот Элька? Добродушная ирония, с которой автор повествует, очень коротко и абрисно, о неустроенной жизни женщины, не в силах скрыть главного. Элька отчаянно одинока и глубоко несчастлива. И все ее слезы и муки от того лишь происходят, что она никак не может обрести обычное «бабье счастье», такое простое и заземленное, без всякого там романтического флера и прочей чепухи.

Поневоле вспомнишь слова из одной старой-престарой песни.

Эй, таксист, ты у меня спроси,
Сколько баб счастливых на Руси,
И скажу я в этот час ночной —
Ни одной, родной мой, ни одной.

Получается, что и на белорусских землях число их тоже стремительно приближается к нулю.

А вот еще одна история, зацепившая меня за душу своей достоверностью: «Польша — не заграница».

Все в этом сюжете узнаваемо, особенно для тех, кто пережил «лихие девяностые» и на собственной шкуре прочувствовал, что это такое — одновременно остаться и без работы, и без денег. И ситуация, описанная в рассказе, не только тривиальна, но и типична для тех криминальных лет.

Но! Надо терпеть! И вот уже героиня следующего рассказа под названием «Контингент» летит торговать белорусским трикотажем в Нижневартовск. Потому что, как справедливо заметит ее работодательница, там, где нефть, там и деньги. Знаем! Проходили! Сама помогала своей ближайшей соседке тарабанить тяжеленные баулы с товаром до Привокзальной площади, где «контингент» загружался в рейсовые автобусы дальнего следования, увозившие горемычных челночниц и за Москву, и за Волгу, и даже за Урал. Только, помнится, вернулась домой моя соседка из Кинешмы, не заработав ни копейки. И стала со слезами на глазах демонстрировать мне перемазанные грязью ночнушки и прочую женскую мелочевку, которую тамошние рэкетиры специально истоптали ногами, потому как плата за место положена. А иначе — пошла вон с рынка! Беда лишь в том, что денег она еще не успела наторговать ни рубля, а вся ее скудная наличность была вложена в тот нехитрый товар, который был приготовлен для реализации, плюс на него были истрачены и те деньги, которые одолжила у друзей-знакомых в надежде разбогатеть за один раз. Не разбогатела. И всех денег лишилась разом, как и героиня рассказа. Так что знаем, слышали, видели....

Впрочем, хватит сопоставлений и параллелей. Ведь не для того же, в конце концов, пишутся рецензии, чтобы рецензент с места в карьер начинал демонстрировать свой «обширный» житейский опыт. Хотя, с другой стороны, обилие совпадений указывает, и прямо, и косвенно, на достоверность описанных историй, а их исповедальная интонация лучше всяких аргументов убеждает в том, что все рассказанное правда, еще раз правда и ничего, кроме правды. Кстати, об интонации. Исповедальность — это все же, как ни крути, больше по женской части, а потому, если судить о сборнике в целом, то в нем превалирует несколько иная интонация: незлобивая ирония с оттенком легкой грусти (дескать, вышло так, как вышло) и щемящей жалости к своим по большой части не очень везучим героям.

Вот и герой коротенькой новеллы «Ха-ха!» упорно держит хвост пистолетом, и это вопреки всем неприятностям, которые сыплются на его голову, как из рога изобилия. У него ведь на любую житейскую невзгоду призапасен свой ответ Чемберлену.

«Часу няма, а то б я ім... Ха-ха!»

«Рэкеціры? Што ж ты мне адразу не сказаў? Я б яго... Я б ім... Ха-ха!»

Или взять другого героя с говорящей фамилией Янка Батрак. С говорящей, потому что привык Янка «батрачить» с утра и до позднего вечера и на своих, и на чужих. Что-то сказочно доброе есть в этом человеке, и одновременно смутно узнаваемое, полузабытое, будто детством вдруг на тебя пахнуло. Потому как исчезают из нашей жизни такие вот колоритные личности, исчезают вместе с теми деревнями и хуторами, где они когда-то коротали свой век вместе со своей «гаспадаркай».

«Гаспадарка ў яго не малая: конь, карова, падцёлак, два парсюкі, ну і, вядома, куры, індыкі, качкі, гусі...»

Если где еще и остались мужики, похожие на Янку, так это в небольших белорусских городках с последними крохами того патриархального быта, который уже начисто «вымыт» из больших городов, где люди предпочитают никого не знать и даже не знаться с соседями по подъезду. И приоритеты у «городских» совсем иные.

«Усё цяпер вымяраецца грашыма, шлюбная вернасць таксама».

Это уже цитата из следующего рассказа под названием «Супружеская верность».

«А вось калі і вернасць, і грошай колькі хочаш... Што, так не бывае? Ну, не ведаю. Вы багатыя, вам відней».

Забавная коллизия, случившаяся по пьянке (а у нас, между прочим, почти все коллизии случаются из-за этой «хваробы»), когда две супружеские пары вначале рассорились в пух и прах, а потом, как водится, помирились, заканчивается совсем даже не на смешливой ноте. Глубокий философский подтекст имеется у коротенького резюме, венчающего рассказ.

«Галоўнае — перацярпець».

Вообще, цикл рассказов, давших название всему сборнику — «Трэба цярпець», многие из которых похожи на мимолетные бытовые зарисовки, сделанные с натуры, так вот, этот цикл — самая настоящая россыпь литературных жемчужин, которые хочется цитировать и цитировать без конца. В них есть все: и меткий народный юмор, и грубоватое словцо, без которого порой речь не свяжется, и обилие метких наблюдений, и такое же обилие симпатичных персонажей, у каждого из которых есть своя правда. Подкупает, что писатель не скрывает своего личностного отношения к героям непридуманных историй. Чувствуется, что всех их он прекрасно знает, понимает, снисходительно относится к их мелким грешкам и промахам. Но главное — он их любит. Любит по-настоящему, безо всяких экивоков и сомнений. И это, по правде говоря, и определяет главный успех всей книги в целом.

Ибо если автор любит своих героев, то воистину он уже, вольно и невольно, начинает следовать Божьему промыслу. А быть может, даже и творить его. Недаром христиане повторяют снова и снова: Бог есть любовь. И недаром известный английский писатель Грэм Грин обронил когда-то пророческую фразу, которую можно смело переадре-

совать всем литераторам как руководство к действию: «*Бог полюбил человека, зная о нем худшее».*

Из этой же любви к своим героям проистекает и второе качество, отличающее хорошего писателя от всех прочих беллетристов. Хороший писатель не торопится рядиться в тогу судьи, не пытается поставить себя выше и умнее своих персонажей или потенциальных читателей, не объявляет «на каждой третьей странице», что он гений. *«...Геній і ўсё тут, хоць засіліціся».*

Как тут не привести к месту еще одну цитату, на сей раз слова одного очень мудрого старца по имени Феофан Затворник: *«Сам дрянь дрянью, а все твердит, нет, я не такой, как прочие».*

К счастью для нас, читателей, Ждан не боится быть таким, как прочие. И это, право дело, замечательно!

Что ж, пора подводить черту. Как известно, если следовать законам высокой классики, то любой сюжет, даже рецензионный, надо соответствующим образом закольцевать. Свой обзор я начала с первого рассказа, тогда, по логике вещей, закончу последним. Это цикл коротеньких зарисовок под общим названием «Он пришел» с ироничным подзаголовком *«Заметки редактора с плохим характером».*

Впрочем, при желании (не сомневаюсь в этом) Олег Ждан мог бы с легкостью трансформировать любую зарисовку в полноценный рассказ. Но даже в таком укороченном варианте читать эти профессиональные наблюдения человека, занимающегося редактированием чужих текстов не одно уже десятилетие, очень занимательно. И познавательно тоже. Ведь непосвященной публике трудно себе представить даже отдаленно, с каким непростым «контингентом» приходится ежедневно сталкиваться редактору в силу особой специфики своей работы. Целая галерея образов на любой вкус и цвет: тут вам и гении, и амбициозные дамы в годах, и красавицы, и ворчуны, и льстецы, и бог знает кто еще. Каждая отдельная зарисовка — шедевр! Правду говорю. Каждую можно цитировать от первой строчки и до последней буквы. Но лично мне особенно легла на душу «Красавица».

Почему? Сама не знаю! Возможно, потому, что сама я — далеко не красавица и лет весьма преклонных. А вот если бы все было наоборот, то не сойти мне с этого места! Я бы с радостью, слово в слово, прокричала монолог автора, да еще и выдала бы его за свой собственный.

«Эх, каб я нарадзіўся прыгажуняй! Ці ж я пісаў бы артыкулы ды апавяданні? Госпадзі! Сядзі ў падраным крэсле, слухай гэтых як быццам разумных дзядзькоў... Не, не ў рэдакцыі пад сярдзітым вокам рэдактара было б маё месца, а там, дзе разумеюць, што такое жаночая прыгажосць. Апавяданне, калі напружыцца ды засяродзіцца, кожны можа напісаць, а вось паспрабуйце прайсці па калідоры, як я! Ніцма, спадары рэдактары, ніцма!»

Просто песня, а не монолог, не правда ли? Попутно замечу, что не одни только редакторы мечтают о том, чтобы им в руки попала рукопись, после прочтения которой хочется вскочить со стула и воскликнуть во весь голос: «Ну, наконец-то! Он пришел!» Читатели тоже совсем не против таких открытий. Заявляю со всей ответственностью: лично у меня открытие состоялось. И называется оно просто: сборник рассказов Олега Ждана «Трэба цярпець».

А посему хочется от души пожелать писателю дальнейших вдохновенных наблюдений за нашей заурядной жизнью, которые бы что ни день пополняли его творческую копилку новыми сюжетами и историями. А если таковые уже имеются, то самое время вынести их на суд читателя. Короче, ждем продолжения!

Зинаида КРАСНЕВСКАЯ

Литературное содружество

Дух над тюрьмою свободно парит...

Беларусь и Вьетнам... Две далекие страны. Казалось бы, и далекие культуры. Но были годы, когда выстраивались и укреплялись не только экономические, но и литературные связи. Читаем в «Энциклопедии литературы и искусства Беларуси» (том 5, страница 179, год издания — 1987): «...На белорусский язык переводились произведения вьетнамской классической лирики (сборники «Обожженный лотос», 1968, поэма Даан Тхи Дьем «Печаль солдатки», 18-е столетие, Хо Суан Хыонг, на поэзию которого повлияла культура большого города, Нгуен Зу из книги «Все живое») и современнной (баллады Ку Гуи Кана, стихотворения Суан Зиев, То Хыу, Тэ Хань, Тэ Ла Виен, Хаан Фыонг, Тхань Хай, Нгуен Ха, Зиянг Нам, Ким Чинь и др.), народной поэзии (песни народностей ка-зонг «Мы отстоим свою судьбу» и хо-ре «Тень дерева каниа»), в сборнике «Обожженный лотос» помещены биографические справки об авторах. Отдельной книгой на белорусском языке изданы сборник стихотворений Хо Ши Мина «Тюремный дневник» (переводчик Соловей, 1981), о человеке нового общества, сборник рассказов Нгуен Конг Хоана «Заколдованная монета» (переводчики Г. Шарангович и В. Бурносов, 1973), для детей «Вьетнамские рассказы» (переводчик Е. Василенок и др., 1968, о вьетнамских детях, их любви к своей родине), народные сказки «Заяц и тигр» (1978) и другие. Произведения вьетнамской литературы на белорусском языке печатаются в периодических изданиях: стихотворения (Тхо Ань, Ле Винь, Хыонг Суан), рассказы (Хьен Буй, Кхай Нгуен, Ву Тху Хьен, Лонг Нгуен Тхань, Тран Конг Танг), народные песни («Через мост») переводились на русский язык (журнал «Нёман», 1980, № 2), помещались в сборнике «Горизонты» (1978, 1979) и др. Переводчики произведений вьетнамской литературы: Я. Семежон, А. Гречаников, К. Камейша, С. Дорский, В. Семуха, С. Чернявский. Беларусь посетили вьетнамские писатели Суан Зиев, Дас Ву, Даан Зиой и др.».

Такая вот панорама, позволяющая увидеть вьетнамскую литературу в Беларуси, на белорусском языке. Но мне сейчас хотелось бы обратить внимание на один факт, на один яркий штрих, которым, на мой взгляд, является издание книги Хо Ши Мина «Тюремный дневник» на белорусском языке. Жаль, что уже нет в живых переводчика — Янки (Ивана Даниловича) Сипакова, и нет возможности о многом расспросить его самого — известного литератора, поэта, прозаика, публициста, переводчика, лауреата Государственной премии Республики Беларусь. И все же...

О книге я могу судить по экземпляру, который мне подарил переводчик с дарственной надписью. Позволю себе привести текст этого дорогого для меня автографа: «Очень уважаемому Алесю Николаевичу Карлюкевичу — с постоянным уважением и почтением, от всей искренности! Янка Сипаков. 5 февраля 2007 года». Наверное, не совсем скромно «привязывать» к рассказу на другую тему этот личный автограф. Но, ничего не преувеличивая, я просто хочу подчеркнуть: и писатель Янка Сипаков мне дорог, и книга вьетнамского

поэта и политика мне близка, и видом, и содержанием согревающая в трудную, нелегкую минуту.

В 1979 году в журнале «Маладосць» Янка Сипаков публикует первые переводы «Из тюремного дневника» Хо Ши Мина — в девятом, сентябрьском, номере. Вторая публикация (уже под названием «Тюремный дневник») — в пятом, майском, номере журнала «Полымя» за 1983 год.

Перечитываю строки из «дневника настроения» Янки Сипакова: «...Переводить «Тюремный дневник» Хо Ши Мина мне помогал военный летчик из Вьетнама Тхинь Лыонг Винь. Он участвовал в американо-вьетнамской войне и в своем небе сбивал американские самолеты. Позже учился в аспирантуре нашего БГУ (Белорусского государственного университета. — **А. К.**) и писал кандидатскую диссертацию. Мне Тхинь привез книгу Хо Ши Мина на вьетнамском языке, переводил стихотворения, пояснял смысл каждого иероглифа...»

Что у нас вообще знали, знают о Хо Ши Мине?.. Специально заглядываю в Белорусскую Энциклопедию, есть ли там в одном из 18-и томов статья-персоналия о вьетнамском государственном деятеле, политике, литераторе?.. Да, статья есть. Хо Ши Мин представлен как государственный и политический деятель Вьетнама. Дается подробная его биография. И библиография есть. Та, которая представляет историографию по теме. А вот о Хо Ши Мине как о поэте — ни слова. И о белорусских его переводах — тоже. А жаль. Ведь до Янки Сипакова страницы из «Тюремного дневника» переводил на белорусский язык еще и Язеп Семежон. Стихотворения вьетнамского политика были опубликованы и в книге избранных переводов Я. Семежона «Семь чудес света».

«Тюремному дневнику» в переводах на белорусский предшествует небольшое предисловие переводчика. Вот как назвал его Янка Сипаков — «Свобода в неволе»: «Две тысячи лет героический народ Намвьета — так назывался в древности Вьетнам — вел настойчивую борьбу против китайских феодальных династий, которые стремились подчинить его и, запретив вьетнамский язык, ассимилировать. Но гордые «внуки небожителей, дети дракона», которые помнили за своей спиной славную донашеэровскую Дангшонскую культуру «бронзовых болванов», мужественно сопротивлялись любой агрессии. Они даже зубы себе натирали черной смолой, чтобы не раствориться в чужом народе, чтобы было видно, что это вьетнамцы.

Такой народ, понятно, имел в столетиях достойных защитников. И среди них — верный сын своего народа Хо Ши Мин, мудрец с внешностью крестьянина, вождь с доверчивой душой, которого вьетнамцы звали просто и ласково — «дядюшка Хо», а также революционеры, как Родней Арисменди, считали «символом коммунистической мудрости в Азии».

В музее вьетнамской революции в Ханое находится небольшая записная книжечка в выцветшей от времени обложке, на титуле которой две скрещенные руки — рисунок Хо Ши Мина. Это его «Тюремный дневник».

Темной августовской ночью 1942 года известный уже революционер, партизан и политический деятель Вьетнама Нгуен Ай Куок под видом старого, плохо видящего нунга с палкой в руках, под именем «Хо Ши Мин» (что значит — «Мудрый»), под именем, которое вскоре станет известно всему миру, отправляется в Китай, чтобы наладить связь вьетнамского революционного движения с внешним миром, поскольку оккупация страны Японией создала перед патриотами новые трудности.

Но в провинции Гуанси его, обвинив в шпионаже, арестовывают агенты чанкайшистской цзиньча — полиции. Хо Ши Мина держат в неволе, переводя из уезда в уезд, из тюрьмы в тюрьму...

Янка Сипаков, знакомя читателя с поэтом-революционером, особенно отметил ту часть биографии, часть жизни, которая и привела к созданию «Тюремного дневника». И далее читаем в предисловии белорусского переводчика: «В неволе и рождается тюремная лирика политического деятеля. Стихотворения «Дневника» осмысливались

в холодных камерах и подземельях, в деревенских сараях и военных казематах, с деревянной колодкой на шее и на горных тропинках — в кандалах, под стражей. А записывались четверостишия, чтобы не вызвать подозрения у охранников, иероглифами ханваня. Ханвань — вьетнамизованный вариант вэньня, литературного языка китайского средневековья, так называемой «дальневосточной латыни», которая служила народам Китая, Вьетнама, Японии и Кореи. Хо Ши Мин, сын книжника-конфуцианца, известное дело, знал ее вьетнамизованный вариант, поскольку был прекрасным знатоком классической культуры и литературы.

«Тюремный дневник» — неповторимая поэтическая книга. Сила воли и мужество помогли Хо Ши Мину остаться свободным и в неволе, потому что поэзия выводила за решетку, соединяла революционера со своим народом и с желанной, свободной жизнью, которая бурлила за стенами ненавистной тюрьмы».

Сто два стихотворения объединены под обложкой «белорусского» «Тюремного дневника». 102 разговора, 102 монолога, возвращающих в другие времена, напоминающих о былой трагедии. Читаешь Хо Ши Мина в переводе Янки Сипакова и думаешь не только о мужестве одного революционера и политика. Думаешь о народе Вьетнама, пережившего многие испытания, трудности в борьбе с внутренними и внешними врагами.

Книга, вышедшая в Минске в 1985 году, богато иллюстрирована. Художник В. Тарасов сделал 19 иллюстраций-разворотов. На фронтисписе — портрет Хо Ши Мина в неволе. На обложке — цапля на берегу озера. Созданный книжным графиком портрет времени служит хорошим дополнением к поэтическим откровениям Хо Ши Мина.

Известный русский поэт Николай Заболоцкий писал: «Переводчик служит делу дружбы народов, их взаимному обогащению в области культуры. Весь его труд и все его профессиональные навыки определяются этой основной его целью». Такие цели ставил перед собой и белорусский поэт и переводчик, обогатив белорусского читателя знанием творчества Хо Ши Мина.

Алесь КАРЛЮКЕВИЧ

Авторы номера

САЛАМАХА Владимир Петрович. Родился в 1949 г. в д. Бересневка Кировского района Могилевской области. Окончил факультет журналистики Белорусского государственного университета. Прозаик, публицист. Автор книг прозы «На ўзмежку радасці», «Прывід у скураным крэсле», «Напрадвесні» и др. Лауреат Государственной премии Республики Беларусь. Живет в Минске.

МОЗГО Владимир Минович. Родился в 1959 г. в г. п. Зельва Гродненской области. Окончил Белорусский государственный университет. Поэт, переводчик, публицист. Автор ряда книг поэзии, многие стихотворения из которых положены на музыку. Лауреат премии Федерации профсоюзов Беларуси и Литературной премии «Золотой Купидон». Живет в Минске.

ДЕРКАЧ Станислав Александрович. Родился в 1990 г. в Минске. Окончил Колледж декоративно-прикладных искусств, учится в Минском государственном педагогическом университете им. Максима Танка. Прозаик. Печатался в журнале «Нёман». Живет в Минске.

МУШИНСКАЯ Татьяна Михайловна. Родилась в 1958 г. в Минске. Окончила школу юных философов при Институте философии Академии наук БССР, факультет журналистики Белорусского государственного университета. Поэтесса, прозаик, театральный критик, журналист, либреттист, драматург, сценарист. Автор сборников рассказов и сказок для детей, повестей, сборников стихотворений и др. Живет в Минске.

СИНЮК Виктория Александровна. Родилась в 1988 г. в Минске. Окончила филологический факультет Белорусского государственного университета и магистратуру при нем. Печаталась в научных и литературно-художественных изданиях. Живет в Минске.

ПАРХОЦ Мила (Шаповал Людмила Константиновна). Родилась в 1968 г. в г. Слоним Гродненской области. Окончила филологический факультет Гродненского государственного университета. Поэтесса, прозаик. Автор книги сказок «Аутилиус». В «Нёмане» публикуется впервые. Живет в Минске.

КИСЕЛЬ Елена Владимировна. Родилась в 1986 г. в Могилеве. Окончила Могилевский государственный университет, аспирантуру Белорусского государственного университета. Лауреат конкурса СПБ «Новая белорусская фантастика». Стихи и проза активно публикуются в Интернете. В «Нёмане» печатается впервые. Живет в Могилеве.

ЦВИРКО Наталья Леоновна. Родилась в 1980 г. на ст. Скрибовцы Щучинского района Гродненской области. Окончила Гродненский государственный университет им. Я. Купалы. Печаталась в региональных и республиканских периодических изданиях. Победительница областного конкурса, посвященного 100-летию со дня рождения Э. Огнецвет, а также обладательница специального приза конкурса «Гродно — культурная столица Беларуси-2014». Живет в Щучинском районе Гродненской области.

НЕМИРОВСКИ Ирен. Родилась в 1903 г. в Киеве. Училась в Сорбоннском университете. Французская писательница. Автор около 20 романов, самый известный из которых – «Французская сюита». Лауреат литературной Премии Ренодо. Умерла в 1942 году в Аушвице.

КУЛИККЬЯ Джузеппе. Родился в 1965 г. в Турине (Италия). Учился на философском факультете Туринского университета. Итальянский писатель, киносценарист, журналист. Автор более двадцати книг. Популярность и признание принес роман «Все равно тебе водить», отмеченный литературными премиями Монблан и Гринцане-Кавур и экранизированный режиссером Давиде Феррарио. Живет в Италии.

В журнале «Нёман» № 1 за 2015 год под стихами Татьяны Абрамовны Лебедевой ошибочно даны фотография и биография Татьяны Ивановны Лебедевой (Кривошеевой). Редакция приносит извинения Татьяне Абрамовне, Татьяне Ивановне, а также всем читателям журнала.